

**Формирование и взаимодействие уральских народов
в изменяющейся этнокультурной среде Евразии:
проблемы изучения и историография**

Чтения памяти К.В.Сальникова (1900-1966)

«КИТАП»

Уфа-2007

Федеральное агентство по образованию
Башкирский государственный педагогический университет им. М.Акмуллы

**ФОРМИРОВАНИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УРАЛЬСКИХ НАРОДОВ В
ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ ЕВРАЗИИ: ПРОБЛЕМЫ
ИЗУЧЕНИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ**

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ К.В. САЛЬНИКОВА (1900-1966)

Организация Международной конференции и издание материалов осуществлено при
финансовой поддержке РГНФ, проект 07-01-84180 Г/У

Материалы международной конференции
(20 – 22 апреля 2007 г., город Уфа)

Ответственные редакторы:
д.и.н., профессор В.С.Горбунов,
д.и.н., профессор В.А.Иванов,
д.и.н., профессор Г.Т.Обыденнова,
к.и.н. И.А.Шутелева,
к.и.н. Н.Б.Щербаков

Уфа
Башкирское издательство «КИТАП»
2007

УДК 39(063)

ББК 63.05

Ф 79

ЗИ-001 / 07

ISBN 978-5-295-04192-1

@ БГПУ им. М.Акмуллы, 2007

@ Башкирское издательство «Китап», 2007

Ф 79 Материалы международной конференции «Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Чтения памяти К.В.Сальникова (1900-1966)» отражают широкий спектр исследований по актуальным проблемам Урало-Поволжской археологии, а также презентуют вклад исследователей в изучении древностей уральских народов.

Для археологов, этнографов и специалистов смежных дисциплин.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНОСТЕЙ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ	С.
<i>Гиндуллина М.С.</i> Обзор личного фонда археолога К.В.Сальникова в научном архиве УНЦ РАН	С.
<i>Евгеньев А.А.</i> Вклад К.В.Сальникова в изучение археологических памятников оренбургской области (работы 1930-х годов)	С.
<i>Мельникова О.М.</i> К.В.Сальников как педагог высшей школы	С.
<i>Обыденнова Г.Т.</i> Бронзовый век Урало-Поволжья в исследованиях второй половины XX в. (1970 – 1990-е гг.)	
<i>Оконникова Т.И.</i> А.В.Шмидт о методологии реконструкции духовных структур ископаемых обществ	С.
<i>Савельева Э.А.</i> Основные итоги археологического изучения европейского Северо-востока	С.
<i>Сапожникова Т.В.</i> Осинский краевед-исследователь – С.А.Шестаков (1884-1974)	С.
<i>Шутелева И.А.</i> Обзор подходов к анализу истории формирования и развития «новой археологии» в исследованиях отечественных ученых	С.
<i>Щербаков Н.Б.</i> К изучению проблем эпохи камня в ранней истории финно-угорского населения	С.
СЕКЦИЯ КАМЕННОГО И БРОНЗОВОГО ВЕКОВ	С.
<i>Акбулатов И.М., Гарустович Г.Н.</i> Нугушское поселение эпохи бронзы на западе Башкортостана	С.
<i>Аганов А.В.</i> Вопрос о производящем хозяйстве в неолитическую эпоху в лесостепной зоне	С.
<i>Аджимолаев А.В.</i> К вопросу о методике изучения погребального обряда ямной культуры Волго-Уралья	С.
<i>Петренко А.Г., Асылгараева Г.Ш.</i> Osteологические материалы животных из раскопок Мурадымовского поселения эпохи поздней бронзы	С.
<i>Власов М.В.</i> Украшения эпохи поздней бронзы Волго-Уралья как объект археологического исследования	С.
<i>Выборнов А.А.</i> Два аспекта в изучении волго-уральской культуры	С.
<i>Галимова М.Ш., Бугров Д.Г.</i> Новые материалы по энеолиту икско-бельского междуречья	С.
<i>Горбунов В.С.</i> Древности уральской абашевской культуры и предшествующие культуры	С.
<i>Горбунов Ю.В.</i> О вкладе К.В.Сальникова в изучение абашевской металлургии и металлообработки на южном Урале	С.
<i>Грушин С.П.</i> Андроновские золотые украшения из могильника Кытманово (Верхнее Приобье)	С.
<i>Губин А.С.</i> К вопросу о ранних чертах в керамике срубной культуры с памятников Волго-Камья (Республика Татарстан)	С.
<i>Исмагил Р.</i> Абашево и фёдоровка: как два этапа развития культуры одного этноса	С.
<i>Казаков Е.П.</i> Памятники Закамья эпохи бронзы: проблемы изучения	С.
<i>Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю.</i> Проблема генезиса и датировки боборыкинской культуры	С.
<i>Косинцев П.А., Варов А.И., Сатаев Р.М.</i> Животноводство и охота населения поселения Таналык II. (Башкирское Зауралье)	С.

СЕКЦИЯ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНОСТЕЙ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

М.С.Гиндуллина
Научный архив УНЦ РАН, Уфа

ОБЗОР ЛИЧНОГО ФОНДА АРХЕОЛОГА К.В.САЛЬНИКОВА В НАУЧНОМ АРХИВЕ УНЦ РАН

Известный советский археолог Константин Владимирович Сальников (1900–1966) более 30 лет вел на Южном Урале систематические исследования археологических памятников, преимущественно эпохи бронзы. Он является автором около 50 научных трудов, в которых разработаны различные вопросы истории Южного Урала в эпоху бронзы. В своих трудах он доказал связь с Южным Уралом племен абашевской культуры, особенно большой вклад в науку представляют его работы по изучению андроновской культуры. По материалам курганов и поселений уточнена датировка этих культур, дана их периодизация.

В продолжение многих лет К.В.Сальников преподавал в Челябинском и Оренбургском педагогических институтах, а также в Уральском государственном университете основы археологии и этнографии, параллельно активно занимался и исследовательской работой.

Личный фонд К.В.Сальникова поступил в Научный архив Уфимского научного центра РАН (НА УНЦ РАН) в 1966 г. и хранится под номером 6. Это наиболее представительное научное наследие ученого, в котором насчитывается около 200 ед. хранения: экспедиционные отчеты, полевые дневники, зарисовки, фотографии археологических памятников, описи коллекции находок и т. д.

К.В.Сальников родился, по данным его личного дела, в г. Самаре 19 сентября 1900 г. Однако по метрической книге Казанского собора г. Самары, любезно представленной нам зам. директора Государственного архива Самарской области. А.Г.Удинцевым датой его рождения показано 15 сентября 1900 г.

Трудовая деятельность К.В.Сальникова началась на должности конторщика в Учительской семинарии г. Ачинска Красноярского края, откуда он и был мобилизован в 30-й Сибирский стрелковый полк. Но из-за тяжелого ранения служить пришлось недолго. После двухлетнего лечения начинается его работа в системе кооперативного союза инвалидов г. Владивостока, а с 1923 г. г. Самары. Интерес к прошлому своего края приводит К. В. Сальникова на занятия в Высшие этнолого-археологические курсы, которые он посещает с 1923 по 1927 год, совмещая учебу с работой.

В 1928–1930 гг. он учится на историко-этнологическом факультете Московского университета по специальности археология.

С 1930 по 1933 гг. К.В.Сальников работает старшим научным сотрудником Средневолжского областного архива, а в 1933–1935 гг. обучается в аспирантуре Государственной академии истории материальной культуры. С 1934 г. начинается его многолетняя и плодотворная деятельность как археолога-исследователя.

Первые археологические раскопки К.В.Сальников начал проводить на территории Башкирии. Совместно с П.А.Дмитриевым им обследовалась трасса строящейся железной дороги Уфа – Ишимбай. Им было выявлено и частично раскопано более десяти памятников разных эпох. Отчеты, дневники, зарисовки, фотографии, инвентарные описи этих раскопок хранятся в личном фонде ученого¹.

В 1935–1937 гг. К.В.Сальников работает старшим научным сотрудником Оренбургского государственного областного архива. В эти годы им исследуются сарматские курганы близ г. Орска² и курганный могильник у с. Федоровка Челябинской области³. В личном фонде ученого хранятся план раскопок, отчет, фотографии этого кургана. По материалам этих раскопок К.В.Сальников написал свою первую научную статью «Андровский курганный могильник у с. Федоровки Челябинской области».

В 1937 г. К.В.Сальников переходит на работу в Челябинской областной музей и в этом же году приступает к обследованию городища Чудаки⁴ близ с. Горохова Юргалышского района Челябинской области. Исследования этого памятника велась до 1939 г., а спустя десять лет в 1949 г. ученый еще раз вернулся к этому памятнику. По раскопкам 1949 г. в Научном архиве УНЦ РАН хранятся отчеты, дневники, планы и нивелировки этих раскопок⁵.

В 1938 г. параллельно с раскопками городище Чудаки начинается обследование курганов в окрестностях с. Пивкино Щуганского района на берегу озера Алакуль⁶ и селище Кинель Юргалышского района Курганской области⁷.

По раскопкам курганов на озере Алакуль в фонде К.В.Сальникова сохранились дневники экспедиций, планы курганов, отчеты, систематическая опись археологической коллекции. Отдельно оформлена опись «Коллекция антропологических материалов из раскопок курганов на озере Алакуль».

В ходе исследования данного эпонимного памятника К.В.Сальников сделал вывод о его принадлежности к андроновской культуре.

В 1940 - 1945 гг. К.В. Сальников жил в г. Оренбурге, преподавал, а с 1943 по 1946 год работал зам. ответственного секретаря газеты «Чкаловская коммуна». За эти годы полевых материалов в архиве К.В.Сальникова нет.

В 1946 году он приезжает в город Екатеринбург и до октября 1960 г. работает на должности доцента Уральского госуниверситета. Наряду с преподавательской работой в Университете ведет большую научно-исследовательскую и полевую работу, ежегодно организует археологические экспедиции на территории Южного Урала совместно с Свердловским, Челябинским, и Магнитогорским краеведческими музеями, в которых широкое участие принимали и студенты университета.

В 1946-1951 гг. под руководством К.В.Сальникова велись раскопки в Свердловской, Челябинской, Курганской областях.

В архиве хранятся дневники, фотографии, планы, раскопок, отчеты и коллекционные описи по исследованиям курганов Покровского района Свердловской области⁸, Замараевского селища Шадринского района Курганской области⁹, о раскопках в Буринском районе Челябинской области¹⁰ и близ города Магнитогорска. Представляет интерес «Отчет о полевых исследованиях Южно–Уральской археологической экспедиции за 1950г.»¹¹, который включает в себя рисунки, фотографии, отдельным делом оформлены дневник экспедиции, рисунки, снимки с чертежей и фотографии.

Начиная с 1951 г. К.В.Сальников вновь проявляет интерес к археологическим памятникам на территории Башкирии. Впервые на территории Башкирии работает комплексная Южно – Уральская экспедиция. Под руководством К.В.Сальникова экспедиция вела раскопки селища Баланбаш¹², которое было открыто К.В.Сальниковым еще в 1934 г.

По результатам раскопок 1951 г. К.В.Сальников делает вывод, о сходстве бронзовых изделий селища Баланбаш с памятниками абашевской культуры, это же родство было прослежено им и по керамическому комплексу. Второй отряд этой экспедицией под руководством В.П.Викторова провел разведку по берегам р. Белой ее притоков в районе Стерлитамака и Ишимбая и Макаровского района. Экспедицией было открыто 6 новых селищ (Пробережное, Куганакское, Черкаасы, Ашкадар Яр-Биш-Кадак, Селеук), городище на горе «Тура-Тау» и др.

Третий отряд под руководством В.И.Фоминой провел разведочные обследования берегов рек Большой и Малой Кизилы. Им обнаружен Туишевской могильник в Абзелиловском районе и группа курганов.

В 1952 г. Южно-Уральская археологическая экспедиция обследовала на территории Башкирии Ишкуловское селище Абзелиловского района, «Урняк» в Стерлитамаком районе, Михайловке в Ишимбайском районе, курганы у с. Куссево Баймакского района.

В 1954-1955 гг. Южно–Уральская археологическая экспедиция под руководством К.В.Сальникова и В.П.Викторова вела раскопки в Воскресном районе (селища Береговское – I-II)¹³, Мелеузовском, Куюргазинском, Зианчурским, Зилаирском, Кугарчинском и Юмагузинском районах¹⁴.

В 1956 г. К.В. Сальниковым обследовано селище Черкаскуль I и II Челябинской области¹⁵. В 1959-1960 гг. под руководством К.В. Сальникова и В.И. Фоминой данная экспедиция вела раскопки Царева Кургана близ г. Курган. Материалы этой экспедиции в архиве представлены отчетами, планами раскопок, фотографиями, описью археологических коллекции»¹⁶.

В архиве К.В.Сальникова хранятся отчеты известных археологов Н.П. Кипарисовой, В.И.Фоминой, В.П.Викторова, В.П.Бирюкова, В.П. Красноперовой, В.Г. Юсупова, К.В.Смирнова.

В 1960 г. К.В.Сальников был приглашен в Институт истории, языка и литературы БФАН СССР на должность зав.сектором археологии и этнографии. На территории Башкирии он руководил исследованиями ряда памятников

эпохи бронзы (Юкалекулево, Чукракли, Кумлекуль, Тюбьяк, Туманга и др.). В последние годы жизни он обобщил и систематизировал накопленный полевой материал, включая памятники: Чебаркульская стоянка Челябинской области, Замараевское селище близ города Шадринска, Исетские древние поселения, селище Бабарыкино и др. Опубликовал более 10 статей, подготовил и защитил докторскую диссертацию в 1966 г., написал монографию «Очерки древней истории Южного Урала», опубликованную в Москве посмертно в 1967 г.

Комплексного историко-археологического исследования архива К.В.Сальникова в Научном архиве УНЦ РАН до настоящего времени не проводилось, хотя к отдельным документам исследователи обращаются достаточно часто.

Список источников

1. Научный архив УНЦ РАН фонд 6, оп.1, д.1-6.
2. Там же, д.7.
3. Там же, дд.8-12.
4. Там же, дд. 17, 19, 33, 34.
5. Там же, дд. 59, 62, 65.
6. Там же, дд. 21-25.
7. Там же, дд. 29-31.
8. Там же, дд. 45-46.
9. Там же, дд. 42-43.
10. Там же, дд. 60, 61, 75-76.
11. Там же, дд. 68.
12. Там же, дд.93.
13. Там же, дд. 149, 151.
14. Там же, дд.138-152.
15. Там же, дд. 153-155.
16. Там же, дд. 181-184.

А.А.Евгеньев

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург

ВКЛАД К.В.САЛЬНИКОВА В ИЗУЧЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ (РАБОТЫ 1930-Х ГОДОВ)*

В современной историографии археологической науки одной из актуальных проблем является научное наследие Константина Владимировича Сальникова (1900-1966). В настоящей статье исследуется сравнительно мало известный период жизни и деятельности К.В. Сальникова в Оренбурге, вводятся в научный оборот некоторые неизвестные широкому кругу исследователей материалы к биографии ученого.

*Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект 07-06-00148а

Научная деятельность Константина Владимировича Сальникова неразрывно связана с изучением проблем археологии Южного Урала. В 1920-е годы он участвовал в работе экспедиций под руководством В.В. Гольмстен в Поволжье и Приуралья (Моргунова, 2000. С. 4). В 1929-1931 гг. ученый работал на Южном Урале и в Казахстане под началом Б.Н. Гракова – сначала в составе Оренбургской экспедиции ГИМ, затем в Западно-Казахстанской экспедиции Казкомстариса (Архив ИИМК. Ф. 2, оп. 3, № 582. Л. 30об). В 1934 году К.В. Сальников работал в Башкирии в составе Уфимской экспедиции под руководством П.А. Дмитриева, во второй половине 1930-х гг., будучи сотрудником Челябинского краеведческого музея, он провел ряд археологических исследований в Челябинской области. Послевоенная научная деятельность К.В. Сальникова также связана с Уралом: ученый работал в Свердловске (1946-1960 гг.), Уфе (1960-1966 гг.) (Зобов, 2000. С. 8)

В 1935-1937 гг., и в первой половине 1940-х гг. К.В. Сальников жил и работал в Оренбурге (Чкалове). С 1935 г. он работал архивистом-консультантом в Областном архивном управлении и сотрудником Оренбургского краеведческого музея (Зобов, 2000. С. 8). К.В. Сальников внес весомый вклад в формирование экспозиции музея по древнейшей истории края, и именно его авторству принадлежит обзор археологической экспозиции Оренбургского краеведческого музея, опубликованный в 1948 году (Сальников, 1948. С. 71).

Значительный объем работ по изучению археологии Южного Урала К.В.Сальников проделал в рамках участия в работе в 1936 году Орской экспедиции ГАИМК и Оренбургского краеведческого музея (Подгаецкий, 1937. С. 332). Экспедиция была организована ГАИМК для исследования археологических памятников, находившихся в зоне строительства железной дороги Орск - Ново-Аккермановка, а также для рекогносцировочных работ на территории новостроек г. Орска. Работы финансировались Желдорстроем и краеведческим музеем, прикомандировавшим к экспедиции своего сотрудника – К.В. Сальникова (Архив ИИМК. Ф. 2, 1936, № 293. Л. 83).

Общее руководство работой экспедиции осуществлял ленинградский археолог Г.В. Подгаецкий; он же возглавлял первый отряд экспедиции, работавший в окрестностях пос. Ново-Аккермановка. Вторым отрядом, работавшим на курганном могильнике у аула Джанатан к востоку от Орска, руководил К.В. Сальников (Подгаецкий, 1940. С. 69). Отчеты о работах Орской экспедиции, включавшие чертежи погребений, рисунки и фотографии находок, были опубликованы в первом выпуске «Материалов и исследований по археологии», издаваемых Институтом истории материальной культуры (Подгаецкий, 1940. Сальников, 1940а).

Могильник у аула Джанатан включал 39 насыпей и 2 каменных площадки. К.В. Сальниковым ввиду кратковременности и малочисленности экспедиции в этой группе были исследованы 4 кургана (№ 8, 9, 10, 14, причем в кургане 10 погребения не было найдено). Методика раскопок соответствовала методическим требованиям современной К.В. Сальникову науки: насыпь

кургана разбивалась на 4 сектора по линиям, ориентированным по сторонам света; сектора раскапывались в шахматном порядке, в результате чего «после удаления двух первых получались два разреза насыпи, позволяющие изучить ее строение» (Сальников, 1940а. С. 122). Все это говорит о методической подкованности К.В. Сальникова.

В кургане 8, в основной могиле-катакомбе были совершены два последовательных захоронения. Вначале в катакомбе были погребены два взрослых человека (погребение №2) – один на дне самой катакомбы, другой – на дне входной ямы. Вскоре после захоронения могила была ограблена, в результате чего произошел обвал свода могилы. Впоследствии на грунте обвалившегося свода было совершено захоронение подростка – девочки (погребение №1). К инвентарю разграбленного погребения №2 относились: бронзовый трехгранный наконечник стрелы, стеклянные бусины, железный нож со следами дерева на черенке, обломок железного стерженька, железное колечко, обломки обоймицы из меди и серебра, кости барана. В тайнике на дне подбоя был найден длинный железный меч «с серповидным навершием и прямым коротким перекрестьем с закругленными концами». В состав инвентаря детского погребения №1 входили слабо изогнутый железный нож со следами дерева на черенке, мелкие стеклянные бусины и кости барана (Сальников, 1940а. С. 125-126). Погребения кургана 8 К.В. Сальников, сопоставив их инвентарь с находками в Прохоровских курганах и памятниках, исследованных Б.Н.Граковым в 1927-1929 гг. в окрестностях г. Оренбурга, отнес к прохоровскому времени (IV-II вв. до н. э.). Основным критерием для датировки послужила форма меча из основного погребения, аналогичного мечам из Прохоровки и Красногорского кургана.

Отдельно следует упомянуть, что при раскопках катакомбы кургана 8 на ее стенках К.В. Сальниковым были зафиксированы следы орудия, которым была вырыта катакомба – «узкие желобчатые углубления шириной до 2,5 см, идущие вертикально с одинаковыми интервалами друг от друга» (Архив ИИМК. Ф. 2, 1936, № 293. Л. 52). На основании этого ученый реконструировал два типа орудий для земляных работ: «1) круглые или овальные в разрезе, шириной 2 – 2,5 см в виде лома и 2) небольшие узкие лопаточки шириной 4,5 см» (Сальников, 1940а. С. 137). Подобным орудием, по наблюдению К.В. Сальникова, была выкопана могильная яма в кургане 9.

В кургане 9 под деревянным перекрытием, состоящим из сложного переплетения досок, плах, жердей и драни, был захоронен головой на северо-запад женский костяк с деформированным черепом, положенный на берестяную подстилку или носилки на дне могильной ямы. Разнообразен керамический материал этого погребения, представленный четырьмя сосудами (маленький сосудик в форме опрокинутой усеченной четырехгранной пирамиды, кувшинообразный сосуд с невысоким горлом, горшок с сильным перехватом в горле, маленький круглодонный сосуд с бомбовидным туловом и узким цилиндрическим горлом). Также около костяка были обнаружены части уздечного набора и железных кольчатых удил, деревянная чашечка, железный нож, большой каменный точильный брусок (Сальников, 1940а. С. 128). К.В.

Сальников, сопоставляя материалы кургана 9 с находками в Сусловском могильнике, датировал это погребение позднесарматским временем (III-IV вв. н. э.).

Необычен, по наблюдению К.В. Сальникова, погребальный обряд кургана 14 могильника Джанатан. Под насыпью была обнаружена каменная выкладка в форме полукольца, под которой в небольшой могильной яме, ориентированной на северо-запад, был захоронен ребенок. В состав погребального инвентаря входили небольшой архаичный каменный ланцетовидный наконечник копья, глиняный кувшин, близкий по форме к керамике Суловского могильника (позднесарматская стадия), каменные пряслице савроматского типа (Сальников, 1940а. С. 131, 137-138). Такое сочетание разновременных категорий инвентаря, по мнению К.В. Сальникова, в значительной мере затрудняет датировку этого кургана.

Значение работ у аула Джанатан К.В. Сальников охарактеризовал так: «наличие погребений прохоровской стадии ... в одной курганной группе с таким редким для этого района памятником, как курган № 9, и странное сосуществование древних форм с поздними в одном погребении (курган № 14) делают курганную группу у аула Джанатан исключительно интересной и ценной для дела изучения скифо-сарматской эпохи в Оренбургской области». (Сальников, 1940а. С. 138).

Летом 1937 года по поручению музея К.В. Сальников доследовал выявленные в 1922 году членом Самарского общества краеведения Г.П. Плющенко курганные группы у села Погромного Тоцкого района. К.В. Сальников раскопал два кургана (№ 4 и 5 в группе из 8 курганов), погребения в которых им были отнесены к срубной культуре с андроновским влиянием. В единственном погребении кургана 5 под деревянным накатником погребен ориентированный на север костяк, сопровождаемый костями КРС и кусочками мела (Сальников, 1950. С. 316-317). В кургане 4 было исследовано 7 погребений, из них одно детское. Среди характерных категорий погребального инвентаря – керамика горшечно-баночных форм, кости животных (КРС). В погребении 6 при женском костяке найдено два бронзовых височных кольца, одно из которых было обложено тонкой золотой пластинкой. В погребении 3 было зафиксировано трупосожжение. По предположению ученого, исследованные курганы являлись родовым кладбищем XIII-XII вв. до н. э. (Сальников, 1950. С. 312-316).

К.В. Сальников отметил, что в исследованных им погребениях сочетаются «черты, характерные, с одной стороны, для срубно-хвалынской группы Поволжья, с другой – андроновской культуры». К чертам срубно-хвалынской культуры он отнес северную ориентировку костяков, положение их на левом боку в скорченном положении; для андроновской культуры характерны глиняные сосуды из погребений № 1, 6, 7 кургана 4 (с орнаментом в виде меандра и ломаных полос), а также присутствие ритуала трупосожжения в погребении № 3 кургана 4. К.В. Сальников утверждал, что подобное сочетание признаков различных культур бронзового века указывает на то, что Погромненская группа курганов находилась на границе между ареалами

данных культур (Сальников, 1950. С. 317). Идея о западном Оренбуржье как районе взаимопроникновения срубной и андроновской культур, впервые выдвинутая К.В. Сальниковым, в дальнейшем была подтверждена работами Южно-Уральской экспедиции К.Ф. Смирнова и Оренбургской экспедиции педагогического института.

Помимо публикаций материалов Джанатана и Погромного, в Оренбурге (Чкалове) К.В. Сальниковым была написана научно-популярная статья «Курганы Чкаловской области», напечатанная в 1940 году в альманахе «Степные огни». В этой работе К.В. Сальниковым были обобщены сведения о памятниках археологии Южного Урала, добытые начиная с середины XIX века. В статье была дана краткая характеристика отдельных археологических периодов на примере памятников Чкаловской области, с анализом их погребального обряда, инвентаря и выводами о занятиях и общественном строе древнего населения Южного Урала. Анализ списка упоминаемых памятников позволяет выяснить, что К.В. Сальников обращался не только к современным ему источникам, но и к дореволюционным исследованиям (раскопки Ф.Д. Нефедова, Прохоровские и Покровские курганы, работы И.А. Кастанье о средневековых каменных изваяниях). Исследование К.В. Сальникова является научно-популярной сводкой, каталогом археологических памятников Оренбуржья, с учетом современных автору археологических знаний, в котором был подведен итог изучения археологических памятников Оренбуржья, начиная с XIX века и заканчивая 1930-ми годами (Сальников, 1940б).

После войны, в 1946 г., К.В. Сальников оставил Оренбург, переехав в Свердловск, где продолжил изыскания по археологии Южного Урала. Благодаря работам К.В. Сальникова в Оренбургской (Чкаловской) области и его деятельности как сотрудника краеведческого музея произошло пополнение источниковой базы южноуральской археологии, что выразилось в расширении фондов Оренбургского (Чкаловского) краеведческого музея по древней истории Южного Урала.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные материалы:

Архив ИИМК. Ф. 2, 1936, № 293. Материалы Орской экспедиции 1936 года.

Архив ИИМК. Ф. 2, оп. 3, № 582. Личное дело К.В. Сальникова.

Литература:

Зобов Ю.С., 2000. Константин Владимирович Сальников: вехи жизненного пути (1900-1966) // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 4. Оренбург. С. 6-9.

Моргунова Н.Л., 2000. Константин Владимирович Сальников (1900-1966) // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 4. Оренбург. С. 3-5.

Подгаецкий Г.В., 1937. Краткий отчет о работах Орской экспедиции // Советская археология. IV. С. 332-335.

Подгаецкий Г.В., 1940. Могильник эпохи бронзы близ г. Орска // МИА. №1. С. 69-82.

Сальников К.В., 1940а. Сарматские курганы близ г. Орска // МИА. №1. С. 121-138.

Сальников К.В., 1940б. Курганы Чкаловской области // Альманах «Степные огни». №3. Чкалов. С. 200-218.

Сальников К.В., 1948. Чкаловский областной музей // I УАС. Молотов. С. 71.

Сальников К.В., 1950. Хвалынско-андроновские курганы у с. Погромного // Советская археология. XIII. С. 311-319.

О.М.Мельникова

Удмуртский государственный университет, Ижевск

К.В.САЛЬНИКОВ КАК ПЕДАГОГ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Развитие науки невозможно без постоянного воспроизводства кадров. От того, в какой мере профессиональное образование готово отвечать потребностям науки, зависит компетентность нового поколения ученых и его способность к решению научных проблем. Истоки высшего археологического образования на Урале восходят к двум университетам – Пермскому и Уральскому, где в первые послевоенные годы независимо друг от друга стали складываться археологические специализации, учебные программы, формы студенческой исследовательской деятельности, которые в последующие десятилетия получили свое развитие в разных вузах региона. Несомненно, к числу личностей, чей вклад в формирование педагогических традиций в университетах Урала очевиден, принадлежит К.В.Сальников.

Его научное наследие проанализировано в литературе, особенно, связанной с археологией Башкирии (Горбунов, Яминова, 1999). Изучалась персональная биография ученого (Викторов, 1999.С.31-34; Викторова, 1998. С. 460; Мельникова, 2003; Пономарева, 1999). Значимым ее элементом выступает педагогическая составляющая деятельности К.В.Сальникова, которая позволяет раскрыть как его исследовательскую «кухню», так и выявить аспекты обучения студентов, поскольку для них знания и умения не существуют в абстрактной форме, они всегда связаны с определенными личностями преподавателей.

Идя самостоятельным путем в организации археологической подготовки студентов, К.В.Сальников опирался на личный опыт обучения на Высших археолого-этнографических курсах в Самаре, историко-филологическом факультете МГУ, в аспирантуре ГАИМК. В феврале 1946 г. он стал старшим преподавателем кафедры истории СССР УрГУ. С этого времени в Свердловске стала оформляться специализация «археология». И хотя ее выпускники не получали квалификации «научный работник», как это было в эти годы в МГУ, ЛГУ и ПГУ, тем не менее, К.В. Сальников сумел так организовать учебный процесс, что его студенты становились профессионалами в области археологии.

Структура специализации «археология» по К.В.Сальникову должна включать разные виды учебной деятельности: «Лекционная работа составляется из курсов: 1) археология Урала (30 часов); 2) археология общая; 3) этнография Урала (36 часов). Чтение курса археология Урала сложно тем, что ни программы, ни пособий не существует, т.к. этот курс никогда не читался. В летний период предполагается провести полевую практику для студентов в окрестностях Свердловска, а так же наметить осуществить археологическую экспедицию для углубленного изучения памятников Урала» (Мельникова, 2003. С.39). Важно подчеркнуть понимание взаимосвязи двух учебных дисциплин – археологии и этнографии – для изучения прошлого. Кроме того, в этой программе прослеживается идея подготовки археологов через исследовательскую работу студентов и решение ими реальных проблем науки.

В реализации программы специализации по археологии К.В.Сальников отводил важнейшую роль профильному кабинету. Решение о его создании в УрГУ было принято в 1945 г. (не без влияния опыта работавших в УрГУ в годы войны Н.Н.Бортвина и А.Е.Иессена), организация и начало работы кабинета археологии связаны с именем К.В.Сальникова. Он сформулировал задачи этой формы обучения студентов: «Кабинет археологии мыслится как центр, вокруг которого должна концентрироваться вся работа, как в университете, так и в будущем на Урале вообще, поскольку ни в одном областном центре Урала нет специалистов-археологов и нигде не ведется исследовательская работа по археологии. На первое время в план развития кабинета археологии Урала поставлено и частично осуществлено: учет всей археологической литературы города и по возможности ее концентрация в кабинете археологии, составление библиографии по археологии Урала и учет археологических памятников Урала» (Мельникова, 2003. С.39-40). К 1953 г. сформировалась структура кабинета: он состояла из фондохранилища и лаборатории. В перспективе предполагалось создание учебно-методического музея при кафедре истории СССР. Лаборатория предназначалась для учебных и научных целей. Студенты самостоятельно или под руководством преподавателей занимались первоначальной обработкой, инвентаризацией материалов, написанием курсовых, дипломных работ, подготовкой докладов для конференций и археологического кружка, работой со справочной литературой, реставрацией предметов.

Источником формирования фондохранилища были материалы экспедиционных работ УрГУ, в основном Среднеуральской экспедиции, т.к. большинство коллекций Южноуральской экспедиции после обработки передавались в Магнитогорский и Челябинский музеи, финансировавшие раскопки. С начала 50-х гг., стали поступать материалы из разведок студентов, работавших по собственным Открытым листам. Часть источников поступала от краеведов. Имелись учебные коллекции к курсу археологии из ГИМа, Казани, с 1954 г. - из фонда Эрмитажа по эпохе неолита (Пономарева, 1999. С. 20-21).

Учебный план по общей археологии основывался на базе программы А.В.Арциховского. В преподавании археологии К.В.Сальников возвратился к идее, предложенной в свое время А.А.Иессеном: он включил разделы по

археологии Урала в общую канву курса. Особо рассматривались проблемы палеолита, неолита, бронзы, железного века Урала и Сибири на материалах коллекций областного музея. Экзаменационные билеты по археологии включали в себя не только характеристику археологических эпох, но и требовали анализа проблем и достижений, актуальных в науке того времени (Мельникова, 2003. С.42-45).

В 1946 г. К.В.Сальников создал первую в уральской археологии программу курса «Археология Урала». Она отражала степень изученности Урала в археологическом отношении и круг актуальных проблем. В отличие от программ по основам археологии в ней очень детально и подробно раскрыто основное содержание и дидактические единицы курса.

«Лекция 1. История археологических исследований на Урале. XVIII в. Частные коллекционеры XIX в. Деятельность научных организаций. Первые крупные исследования в Перми, Казани, Екатеринбурге. Исследование памятников каменного, бронзового и железного века.

Лекция 2. Палеолит Урала.

Малоизученность уральского палеолита. Природные условия ледникового периода. Ближайшие памятники - до открытий в 1938 г. Усть - Катавская пещера. Пещерные стоянки на р.Юрюзани. Условия залегания, культурный слой, его состав. Стоянка им. М.В.Талицкого. Геологические условия. Состав инвентаря и фауны.

Неолит Прикамья. Вопрос о докерамическом неолите. Левшинская стоянка. Экономика поселения. Состав инвентаря. Предметы из меди. Социальный строй.

Лекция 3. Энеолит Прикамья.

Стоянка у с. Астраханцева. Жилища и их устройство. Особенности каменных изделий и керамики.

Сейменская культура. Турбинский могильник. Вопрос о его характере. Аналогии с Сейменским могильником и Галичским кладом. Территория распространения вещей сейменско - турбинского типа. Экономика.

Лекция 4. Ананьинско-пьяноборское время.

Ананьинский могильник. История его открытия и изучения. Погребальный обряд, инвентарь. Другие одновременные могильники. Галкинское городище. Экономика. Характер охоты. Обмен. Социальный строй. Пьяноборский могильник. Нырғындынский могильник. Гляденовское костыще.

Ломоватовская эпоха. Характер памятников, степень их изученности. Сасанидские и Византийские блюда. «Чудские» образки. Находки на городищах. Экономика. Неволинский могильник.

Лекция 5. Шигирская культура.

Территория распространения. Характер памятников. Вопрос о датировке. Находки на Горбуновском и Шигирском торфяниках. Стоянка «Калмацкий Брод» на озере Кысы-Куль. Экономика. Характер орудий. О земледелии. Идолы и предметы культов. Назначение искусства. Социальный строй.

Лекция 6. Андроновская культура.

Территория распространения. Типы погребальных памятников. Федоровский могильник. Алакульский могильник. Поселения. Климатические условия. Жилища. Экономика. Металлургия. Характерные орудия труда. Социальный строй.

Лекция 7. Скифо-сарматские памятники Зауралья.

Различия памятников лесостепи и степи. Городище «Чудаки». План. Оборонительные сооружения. Жилища. Состав находок. Экономика. Погребальный обряд. Состав инвентаря в скифо-сарматских курганах. Иртышское городище.

Лекция 8. Археологические памятники Башкирии.

Разнообразие памятников эпохи бронзы. Селище Баланбаиш. Курганы. Сарматские погребения на юге. Городище «Кара-Абыз». Его отношение к ананьинским памятникам. Бахмутинский могильник.

Лекция 9. Поздние кочевники Приуральских степей.

Курганы в районе Челябинска. Могильники тюрков и половцев в Оренбуржье. Каменные бабы. Памятники Золотой Орды. Мавзолей у пос. Варна» (Мельникова, 2003. С.45-46). Позднее для студентов-археологов

К.В.Сальников разработал спецкурс «Новые достижения советской археологии», содержание и программу которого пока не удалось обнаружить.

С лета 1946 г. К.В.Сальников организовал для студентов археологическую практику, проходившую в Южноуральской и Среднеуральской экспедициях УрГУ.

Важной формой подготовки археологов стал археологический кружок, организованный К.В.Сальниковым в 1946 г. Его деятельность отчасти компенсировала ограниченность учебного плана в изучении археологии и давала возможность студентам осуждать значимые проблемы. Как научный руководитель кружка К.В.Сальников предлагал студентам для обсуждения самые разные темы. Так, в 1946-1947 учебном году это были следующие вопросы: «1. Конструкция палеолитических жилищ. 2. Пещерная живопись в СССР. 3. Палеолит в Восточной Сибири. 4. Уральский энеолит. 5. Наскальные изображения эпохи энеолита на Северо - Западе СССР. 6. Горное дело в эпоху бронзы. 7. Вооружение скифо - сарматских племен на Урале. 8. Андроновские погребения Южного Зауралья и Приуралья. 9. Городища Прикамья. 10. Археологическая экспедиция в УрГУ в 1946 г. 11. Ископаемый человек на территории СССР. 12. Эпоха бронзы в Среднем Поволжье» (Мельникова, 2003. С.47). После знакомства с деятельностью О.Н.Бадера в ПГУ на заседаниях кружка К.В.Сальников стал обучать студентов методике полевых исследований. Здесь же обсуждались сообщения ученого об итогах ежегодных археологических совещаний в Москве, результатах его собственных исследований, доклады студентов по прочитанной литературе. В отчетах СНО кружок «Археология Урала» из года в год фигурировал в качестве лучшего кружка истфака, а К.В.Сальников в качестве лучшего руководителя (Дмитриевская, 1999. С.78).

Сохранилась тематика курсовых и дипломных работ, которую К.В.Сальников предлагал своим студентам. В 1946 - 1947 учебном году это были темы: «1. К вопросу о возникновении скотоводства на Урале. 2. Уральские торфяники как исторический источник. 3. Археологические данные о древнейшем земледелии на Урале». 4.«Становление патриархата у древних племен степного Зауралья», 5.«Древнейшее скотоводство на Восточном Урале». 6.«Памятники срубной культуры на территории Южной Башкирии», 7.«Сарматские племена на территории Башкирской АССР», 8. «Культурные связи андроновских племен с западными соседями» (Мельникова, 2003. С.48).

Важным событием в развитии археологии в УрГУ стало первое Уральское археологическое совещание, проходившее в Перми в апреле 1947г. Кроме К.В.Сальникова и Е.М.Берс, в Пермь были командированы и студенты И.Ф.Житкова, Р.Д.Кормина и В.И.Кикиморина. «Наши студенты, - писал в отчете об этом совещании К.В. Сальников,- кроме участия в заседаниях, установили личную связь со студентами-археологами Молотовского университета, участвовали в заседании археологического кружка, на котором взаимно познакомились с работой научных студенческих кружков Уральского и Молотовского ГУ» (Мельникова, 2003. С.49).

Безусловно, объем часов, выделенных на профессиональную подготовку археологов, был недостаточным. Два спецкурса и занятия в кружке «Археология Урала» не могли в полной мере охватить необходимый объем теоретических и практических знаний. Широкие междисциплинарные связи, приглашение специалистов для чтения спецкурсов было невозможно в силу ограниченности учебного плана. Но стремление К.В.Сальникова-преподавателя и активно работающего ученого - максимально использовать все имевшиеся в те годы ресурсы для подготовки археологов – спецдисциплины, самостоятельную работу студентов, неформальное общение в рамках студенческого научного кружка, выход на сотрудничество в с ПГУ, использование возможностей музеев и библиотек Свердловска, археологические экспедиции – создало прочные основания для развития профессионального археологического образования на Урале.

Развитие активных методов и форм обучения с включением в деятельность студентов элементов проблемности, научного поиска, разнообразных форм самостоятельной исследовательской работы утвердило в подготовке археологов деятельностный подход взаимодействия педагога и студента. В его реализации акцент переносится с обучающей деятельности преподавателя на познающую деятельность студентов, что вполне актуально и с точки зрения модернизации высшего образования в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Викторов В.П. К.В.Сальников в Уральском университете // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга. Свердловск, 1999.

Викторова В.Д. Сальников Константин Владимирович //УИЭ. Екатеринбург, 1998.

Горбунов В.С., Яминова С.А. Концепция бронзового века Южного Урала в трудах К.В.Сальникова и ее влияние на развитие археологической мысли (60 - начало 70-х годов XX в.). Уфа, 1998.

Дмитриевская Т.В. Посвящается 60-летию исторического факультета Уральского государственного университета // Орел шестого легиона. Тез. докл. студенческой науч.-практич. конф., посвященной 60-летию исторического факультета УрГУ. 6-7 мая 1999 г. Екатеринбург, 1999.

Мельникова О.М. Свердловская научная археологическая школа В.Ф.Генинга. Ижевск, 2003.

Пономарева Т.М. Уральское направление археологических исследований в УрГУ. Курсовая работа. // Архив ПНИАЛ УрГУ им.А.М.Горького. Ф.Ш. Диссертации, дипломные и курсовые работы. Д. 384. Екатеринбург, 1999.

Г.Т.Обыденнова

*Башкирский государственный педагогический университет
им. М.Акмуллы, Уфа*

БРОНЗОВЫЙ ВЕК УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В. (1970 – 1990-Е ГГ.)

К середине 60-х годов в историографии бронзового века Урало-Поволжья основной выступает концепция этнокультурных процессов, согласно которой местные культуры, сложившиеся на основе волго-камской неолитической и энеолитической культур — волосовская в Среднем Поволжье, абашевская в Приуралье и гаринско-борская в Прикамье — испытали воздействие со стороны срубной культуры, результатом чего явилось формирование на указанной территории различных культур позднего бронзового века, определивших культурную мозаику региона в последующую историческую эпоху.

В 70-е годы отмечается интенсивное накопление источниковой базы по памятникам раннего и развитого бронзового века, в том числе ямной, абашевской и срубной культур. Именно она объективно сыграла большую роль в пересмотре многих положений этнокультурной истории Волго-Уральского в эпоху бронзы. Прежде всего это коснулось проблемы хронологии и периодизации культур бронзового века региона. Было установлено, что ареал абашевских древностей охватывал не только лесные районы Среднего Поволжья и Приуралья, но и включал в себя лесостепные районы региона. Выяснилось, что кроме полтавкинских в формировании поволжской срубной культуры существенную роль внесли и абашевские племена, на ранних этапах своей истории предшествовавшие срубным, практически на всей территории последних, включая и Приуралье (Горбунов, 1977. С.19-21). Одновременно новый подход к периодизации культур бронзового века был предложен

Е.Н.Черныхом. За основу им были взяты особенности металлических изделий и их связь с определенными горнометаллургическими центрами Евразии. Срубный металл, по мнению исследователя, изготавливался из сырья, поступавшего с востока (с территории андроновской общности). Хронологически он укладывался во временные границы сейминского горизонта (XV-XIII вв. до н.э.) (Черных, 1970). Четырехэтапная периодизация срубной культуры Волго-Уральского междуречья, предложенная в конце 70-х годов Н.К.Качаловой, базировавшаяся «на основе взаимовстречаемости отдельных находок вещей в комплексах, имеющих прочное обоснование в системе относительной хронологии» (Качалова, 1978; 1979; 1985. С.42). Основными хронологическими реперами исследовательница считает: сосуды петровского облика или элементы их орнаментации, пережиточные полтавкинские традиции в керамике, грушевидную каменную булаву и пастовые бусы, подобные синташтинским, костяную пряжку, сопоставимую с инвентарем многоваликовой керамики — для первого этапа срубной культуры (XVI-XV вв. до н.э.); бронзовые ножи «сейменского горизонта» и костяные желобчатые псалии — для второго этапа (XV-XIV вв. до н.э.); двулезвийные бронзовые ножи, костяные и бронзовые наконечники стрел — для третьего этапа (XIII-XII вв. до н.э.), и отсутствие перечисленных признаков в комплексах четвертого этапа (XI-начало X вв. до н.э.), границы которого Н.К.Качалова устанавливает ориентировочно (Качалова, 1985.С. 42-47).

Параллельно в Южном Приуралье Г.Б.Здановичем, В.Ф.Генингом, К.Ф.Смирновым, Е.Е.Кузьминой велись работы по хронологической дифференциации памятников бронзового века. В результате, выделенные в свое время К.В.Сальниковым археологические комплексы андроновской культуры, были разделены на ряд культурных типов — петровский, синташтинский, новокумакский, покровско-абашевский — датированные в пределах XVI-XV вв. до н.э. Опираясь на работы названных исследователей, В.С.Горбунов на территории Южного Приуралья выделяет 14 памятников эпохи бронзы, с материалом аналогичным перечисленным культурно-хронологическим типам, соответственно, датируя их указанным временем (Горбунов, 1986.С.65). Используя хронотипологическую дифференциацию вышеперечисленных типов, В.С.Горбунов считает, что участие в их формировании носителей абашевской культуры было определяющим. Конечный вывод исследователя сводится к тому, что «абашевские древности в Южном Приуралье просуществовали только до начала формирования срубной и алакульской общности, т.е. до конца досейминского хронологического горизонта. Следовательно, есть основания хронологические рамки баланбашской (абашевской — Г.О.) культуры отнести к периоду XVII-XVI вв. до н.э.» (Горбунов, 1986. С.67). Соответственно и вопрос о происхождении абашевской культуры в Приуралье В.С.Горбунов ставит весьма осторожно, констатируя, вопреки точке зрения К.В.Сальникова, факт отсутствия убедительных доводов в пользу формирования этой культуры на территории Приуралья (Горбунов, 1986. С.70). Отталкиваясь от предложенной датировки абашевских древностей, В.С.Горбунов развивает мысль К.В.Сальникова о проникновении «абашевцев» на восток от Уральского

хребта («эффект абашевской этнокультурной энтропии»), когда носители этой культуры «дойдя и добившись максимального использования алтайских месторождений, совершили обратный дрейф» («эффект абашевской этнокультурной реверсии»), следствием которого явилось появление в лесном Прикамье памятников сейминско-турбинского типа (по В.С.Горбунову - потомки «абашевцев»), а в лесостепном и степном Приуралье — памятников срубной (полтавкинской) и андроновской культур (Горбунов, 1990. С.17-21).

Взяв за основу датировки эпохи бронзы региона абашевские древности в качестве хронологического репера (стратиграфия поселения Тюбяк) (Обыденнов, Горбунов, Муравкина, Обыденнова, Гарустович, 2001), В.С.Горбунов развивает хроностратиграфическую модель бронзового века лесостепного Волго-Уралья, выделяя в ней четыре этапа: абашевский (предсрубный) — XVIII-XVII вв. до н.э. относится к завершающей фазе среднего бронзового века и знаменует собой переход к позднему бронзовому веку; раннесрубный — XVII-XVI вв. до н.э. соответствует времени формирования раннесрубных, раннеалакульских древностей и некоторых синхронных им культурных типов; этап развитой срубной культуры — XV-XIV вв. до н.э. составляет период существования срубных и андроновских древностей, совпадающий с образованием гигантской суперобшности; заключительный этап позднего бронзового века.

Конечная модель влияния «абашевцев» на этнокультурные процессы Волго-Уралья в эпоху среднего бронзового века в представлении В.С.Горбунова выглядит следующим образом: миграция носителей этой культуры на восток привела к сложению на южном Урале двух вариантов абашевской культуры — баланбашской в Приуралье и синташтинской в Зауралье. Вследствие чего в Волго-Уральской лесостепи утверждается абашевский хозяйственно-культурный тип (ХКТ), основу которого составляло пастушеское скотоводство и земледелие как вспомогательная отрасль хозяйства. Именно этот ХКТ, по мнению исследователя, и определил хозяйственный облик раннесрубных племен региона, генетически восходящих к «абашевцам» (Горбунов, 1992. С.197-198).

Параллельно с В.С.Горбуновым свой взгляд на проблему абашевских древностей Среднего Поволжья высказывает О.В.Кузьмина. Исследовательница придерживается аналогичных выводов относительно роли абашевских племен в формировании раннесрубной культуры указанного региона, стержнем которых является, во-первых, хронологический разрыв между абашевской и раннесрубной (полтавкинской) культурами, а во-вторых, — факт участия абашевской культуры в сложении синташтинских древностей Приуралья, которые, по ее мнению, выступают как культурнохронологический буфер между абашевской и раннесрубной культурами (Кузьмина, 1992. С.75). Позднее, О.В.Кузьмина в обобщающей работе по бронзовому веку Среднего Поволжья, вносит в свои прежние построения и в выводы В.С.Горбунова определенные коррективы. Суть их заключается в том, что, по мнению исследовательницы, в своей истории абашевские племена переживают три основных момента. Первый момент — сложившись в зоне широколиственных

лесов Среднего Поволжья, носители абашевской культуры восприняли традиционный для данной ландшафтной зоны хозяйственный уклад и культурные традиции, заложенные предшествующими балановской и фатьяновской культурами.

Второй момент — после ухода части абашевских племен на левый берег Волги дальнейшее развитие абашевской культуры идет двумя путями: «На исконной территории, в правобережье Волги, абашевская культура развивается эволюционно. Главные ее передвижения были в широтном направлении в зоне широколиственных лесов с дубовыми рощами, дающими корм стаду, в котором большую роль играла свинья». Второй путь определялся той частью абашевских племен, которые перешли на левый берег Волги и попавших под влияние культур Поволжья и Приуралья (культур, с сильным влиянием катакомбного мира). Третий момент — знакомство «абашевцев» с турбинской культурой и распространение их в зоне смешанных лесов Прикамья. Это, по мнению О.В.Кузьминой, было крайним восточным пределом абашевской миграции, поскольку на восток через Урал носители этой культуры не переходили (Кузьмина, 2000. С.98-99).

В конце 70-х и середине 80-х годов разрабатываются еще две схемы периодизации срубной культуры для восточных районов Волго-Уральской лесостепи — Ю.А.Морозовым для Приуралья (1977) и автором этих строк для Волго-Бельского междуречья (1985). Первым, на основании «изменений погребального обряда, эволюции форм и орнаментики керамики, стратиграфических данных была предложена трехчленная периодизация: ранний — XVI-XV, развитый — XIV-XIII и поздний — XII-X вв. до н.э. (Морозов, 1977. С.16-17).

Многу на основе типологического метода вещевого и погребального комплексов и стратиграфии для указанной территории также была предложена трехчленная периодизация срубных древностей: первый этап — XVI-начало XV вв. до н.э.; второй — XV-начало XIV вв. до н.э. и третий — XIV-XII вв. до н.э. (Обыденнова, 1985. С.14).

Активные исследования Средневожской археологической экспедиции, создание значительной источниковой базы срубных памятников позволило куйбышевскими археологами предложить периодизацию срубных памятников для всего лесостепного Поволжья, основанную преимущественно на типологическом методе, т.к. случаи стратиграфии в лесостепных курганах практически не известны (в отличие от методики, применяемой Н.К.Качаловой для степей Нижнего Поволжья).

Согласно данной хронологической схемы: первый этап — XVII-XVI вв. до н.э.; второй — XV- начало XIV вв. до н.э.; третий — второй половиной XIV-XIII вв. до н.э. (что синхронизируется с балымско-карташихинским этапом приказанской культуры по А.Х.Халикову) (Васильев, Кузьмина, Семенова, 1985. С.75-81; История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000. С.152-181).

Как видно из предложенных хронологических схем срубных древностей Урало-Поволжья, наблюдается определенный разнобой и расхождения.

Главным образом, они касаются первого и заключительного этапов в развитии срубной культуры региона. Это расхождение нетрудно объяснить логически: если исходить из посылки о лесостепном (Самарском) Заволжье, как о центре формирования срубной культуры, то датировка первого этапа этой культуры в Приуралье, хронологически совпадающая со вторым этапом в периодизации срубных древностей Заволжья, представляется вполне резонным. Точно так же и заключительный этап в развитии срубных древностей Приуралья, «запаздывающий» по сравнению с аналогичным этапом срубной культуры Заволжья, может быть принят в силу закономерностей исторического процесса, происходившего в недрах срубной общности в целом: исчезновение срубных культурных традиций в центре и инерция их сохранения в периферийных районах срубной культурно-исторической области.

То есть в целом можно определенно сказать, что практически все существующие в настоящее время периодизации срубных памятников — это по сути различные модификации поволжской периодизации, специфика которых обусловлена историческим контекстом распространения срубной культуры с ее первоначальной территории (Волго-Уральской степь). Но поскольку горизонтальная (да и вертикальная) стратиграфия оказывается возможной на довольно ограниченной части срубных памятников (что и отмечалось неоднократно исследователями), в периодизации срубной культуры широкое распространение получил метод типологической синхронизации. Применительно к Волго-Уральскому региону, этот метод попытался модифицировать В.С.Горбунов. В своих хронологических построениях исследователь прежде всего опирается на датировку абашевских древностей (как это было указано выше) и на стратиграфию ряда приуральских поселений (Береговское I, Тюбяк), которые автор определяет как эталонные. В результате в истории срубной культуры исследователь выделяет две стадии — раннесрубную и стадию развитой срубной культуры — датировка которых принципиально не отличается от предложенных ранее (XVII-XVI и XV-XIV вв. до н.э. соответственно), но которые, по мнению автора, подтверждаются также абсолютными датами по C-14. Здесь, правда, необходимо иметь в виду, во-первых, что приводимые автором абсолютные даты относятся к памятникам, расположенным на периферии срубной общности или вообще за ее пределами. Во-вторых, без учета погрешностей они дают время в пределах конца XVI-XV вв. до н.э. — для раннесрубной стадии и конца XV — начала XIII вв. до н.э. — для стадии развитой срубной культуры. С учетом погрешностей даты соответственно меняются: плюсовая погрешность дату ранней стадии срубной культуры устанавливает в пределах конца XVII-XVI вв. до н.э.; минусовая — в пределах конца XV — первой трети XIV вв. до н.э.; для развитой срубной культуры — первая половина XV — начало XIII вв. до н.э. и первая половина XIV — первая половина XII вв. до н.э. соответственно.

То есть даты, установленные по результатам радиоуглеродного анализа, дают «разброс» верхних и нижних хронологических границ в пределах двух столетий. Исключение составляет период XV-XIV вв. до н.э., обнаруживающий устойчивую корреляцию по всем трем возможным показателям.

Таким образом, анализ методов периодизации и хронологизации срубных древностей показывает, что во всех них для рассматриваемой общности наиболее устойчивым оказывается период XV-XIV вв. до н.э., в то время, как остальные периоды имеют довольно подвижные хронологические рамки (Обыденнова, 2001. С. 34 -39).

В последней обобщающей работе самарских археологов, посвященной проблемам срубной культуры лесостепной зоны Среднего Поволжья — происхождение, хронология и периодизация (о чем речь уже шла выше) и дальнейшая судьба населения срубной культуры, исследователи, принимая в целом концепцию активной роли абашевцев в этногенезе срубного населения, конкретизируют, что это участие было не прямым, «...а трансформацией их через потаповские» и, что «срубные памятники сформировались на основе потаповских», последние синхронны памятникам синташтинско-новокумакского круга и входят в него, памятники же покровского типа составляют круг иных культурных образований (История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000. С.156-157).

Касаясь вопроса дальнейшей судьбы срубного населения лесостепного Поволжья, авторы концепции считают выделение заключительного этапа для данной территории весьма проблематичным (История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000. С.159).

По мнению самарских исследователей, история срубного населения Среднего Поволжья связана с появлением памятников атабаевско-кайбельского и балымско-карташихинского типов, образующих единый культурно-исторический пласт, «завершающих эпоху, начало которой дали сейминская металлургия и андроновский культурный импульс», определивших функционирование впоследствии волго-камского очага культурогенеза и металлообработки (История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000. С.250-251).

Основным предметом дискуссии исследователей, занимающихся проблемами позднего бронзового века Урало-Поволжья, были проблемы этнокультурного соотношения приказанской (на ее поздних луговском и маклашеевском этапах) и черкаскульской (на ее межовском тапе — по К.В.Сальникову) культур. По А.Х.Халикову, позднеприказанские (маклашеевские) племена в первой четверти I тысячелетия до нашей эры распространяются на территории от Ветлуги — на западе до среднего течения реки Белой — на востоке, включая и приосинские и припермские районы Среднего Прикамья (Халиков, 1991. С.290 (рис.64). Однако данный тезис вызвал вначале весьма сдержанное, а затем и критическое отношение со стороны исследователей позднего бронзового века региона. Так, в информации о конференции этногенеза башкир 1959 г., Ю.А.Краснов и А.П.Смирнов, отмечая доклад А.Х.Халикова, высказали сомнение о возможности столь расширенного толкования приказанской культуры (Краснов, Смирнов, 1970. С.295). Тем более, что исследованиями В.П.Денисова к этому времени уже были очерчены морфологические признаки ерзовской культуры позднего

бронзового века в Среднем Прикамье, первый этап которой исследователь автор датировал XII-X вв. до н.э., а в ее формировании усматривал значительное влияние зауральских племен эпохи позднего бронзового века (Денисов, 1967. С.29-39). Аналогичным образом А.В.Збруева и Б.Г.Тихонов, рассматривая материалы стоянки Ахметово - I, в ее материалах обнаруживают черты, свидетельствующие о связях населения этой стоянки с Зауральем (Збруева, Тихонов, 1970. С.96). Наконец Л.П.Хлобыстин, анализируя материалы черкаскульского поселения Липовая Курья в Зауралье, поддерживает точку зрения К.В.Сальникова о присутствии носителей этой культуры в северных и центральных районах Башкирии (Хлобыстин, 1976. С.59).

Дальнейшее развитие эта точка зрения получила в работах М.Ф.Обыденнова, который на материалах Юкаликулевского поселения на р.Уфе, исследованного им совместно с В.С.Горбуновым, проследил стратиграфию собственно черкаскульской и межовской керамики. Это дало исследователю возможность разделить черкаскульскую и межовскую культуры во времени и предложить свое решение вопроса о происхождении последней (естественно, на основе черкаскульской, хотя и с участием карасукского и срубного этнокультурных компонентов) (Обыденнов, 1981. С.15; 1986. С.58-60).

Последний тезис получает дальнейшее развитие в совместной с А.Ф.Шориным монографии, посвященной черкаскульской и межовской культурам Урала. Здесь авторы в числе компонентов, оказавших влияние на сложение межовской культуры, кроме собственно черкаскульского, называют еще алексеевско-саргаринский и приказанский (для приуральского варианта межовской культуры) (Обыденнов, Шорин, 1995. С. 97-100). Особого внимания заслуживает мысль авторов о культурном единстве межовской и ерзовской культур в Среднем Прикамье. Установленное на основе ерзовских и межовских керамических комплексов сходство представляется исследователям настолько близким, что они предлагают рассматривать их как локальный среднекамский вариант межовской культуры (Обыденнов, Шорин, 1995. С. 102).

По мнению авторов, межовская культура, которую они датируют XII – началом VII вв. до н.э., выделяя в ее истории два этапа — межовский (XII-IX вв. до н.э.) и березовский (VIII – нач.VII вв. до н.э.) — «сыграла значительную роль в исторических судьбах уральского населения эпохи раннего железного века» и явилась генетической основой для формирования таких культур, как иткульская и гороховская в Зауралье и вошла в качестве одного из субстратов в сложение курмантауской культуры в Приуралье (Обыденнов, Шорин, 1995. С. 103-107).

Эту культурно-историческую схему М.Ф.Обыденнов в несколько сокращенном варианте приводит затем в своей книге, посвященной морфологической характеристике межовской культуры (Обыденнов, 1998).

Кроме межовской, в Прикамье и Приуралье М.Ф.Обыденнов выделяет еще две культуры конца бронзового века — луговскую и маклашеевскую. Основной пафос рассуждений исследователя заключается, на сей раз в возражениях против концепции А.Х.Халикова о распространении

приказанского (займищенский этап) этнокультурного компонента на всю территорию лесного Прикамья и Приуралья. М.Ф.Обыденнов, во-первых, предлагает памятники ранних этапов приказанской культуры объединить в балымско-приказанскую культуру и считать ее одним из составляющих луговско-приказанской общности. По мнению автора, это обусловлено другим, нежели это представлялось А.Х.Халикову, культурно-генетическим содержанием эпохи конца бронзового века в Приуралье. Последнее, с точки зрения М.Ф.Обыденнова, определялось тем обстоятельством, что «формирование луговской культуры проходило на обширной территории Волго-Приуральской лесостепи на базе остатков срубного населения и при проникновении мощной волны андроновско-федоровского населения по лесостепи и черкаскульского по южной кромке лесной зоны». В Бельско-Камско-Волжском междуречье эти потоки сталкиваются, в результате чего и формируется луговская культура, в морфологии которой автор прослеживает и срубные, и черкаскульские, и федоровские, и местные черты, «сохраняющиеся от энеолитического и раннебронзового времени» (Обыденнов, 1998. С.17-18).

Правда, из дальнейших рассуждений автора следует, что влияние федоровского компонента на формирование луговской культуры осуществлялось опосредованно, через срубно-федоровские этнокультурные контакты (Обыденнов, 1998. С.36).

Автор не дает четких границ распространения луговской культуры в Прикамье, хотя из перечня памятников, материал которых рассматривается, удается заключить, что это районы, прилегающие, главным образом, к устью р.Белой, выше устья Вятки, где луговское население обитало в XIV-XI вв. до н.э., частично сосуществуя с межовским (Обыденнов, 1998. С.42). В следующий, переходный к раннему железному веку период территория региона от Среднего (Марийского) Поволжья до Средней Камы и Средней Белой была занята носителями маклашеевской культуры в ее маклашеевском, кокшайском, быргындинском, ерзовском и курмантауским вариантах. Характерно, что возражая А.Х.Халикову в его концепции приказанской этнокультурной диффузии в Среднем Поволжье и Прикамье, М.Ф.Обыденнов допускает таковую для маклашеевской культуры, поскольку, в его представлении, все ее локальные варианты складывались при непосредственном участии носителей собственно маклашеевского варианта при некотором преобладании черкаскульско-межовского компонента в ерзовском и курмантауском вариантах (Обыденнов, 1998. С.52, 53, 62).

Некую аналогичную схему этнокультурных процессов в Прикамье в эпоху позднего бронзового века предлагает в своей последней обобщающей монографии Р.Д.Голдина. Анализируя материалы эпохи раннего металла — бронзового века Прикамья, прослеживая этнокультурную преемственность предшествующего периода с эпохой металла, Р.Д.Голдина вполне правомерно ставит вопрос о необходимости объединения культур бронзового века Прикамья в одну культурно-историческую общность (КИО) (Голдина, 1999. С.161). Таковой, по мнению автора и многих других исследователей, для эпохи энеолита является гаринская КИО, на основе которой уже в эпоху бронзы

складывается новая ерзовско-луговская КИО, характеризующаяся «этническим и лингвистическим единством» и отражавшая очередной этап в этно- и культурогенезе древних финно-пермяков (Голдина, 1999. С.164).

Становление и развитие прикамских финно-пермяков в этот период происходило под постоянным воздействием ираноязычного (срубно-андроновского) населения и зауральских угров, чье проникновение в Приуралье фиксируется в середине II тыс. до н.э. (Обыденнов, Обыденнова, 1992. С.149).

Противоречивость в подходах и оценках исследователей культурно-типологической ситуации в Волго-Камье и Приуралье в переходную эпоху от бронзового к раннему железному веку затруднило Р.Д.Голдиной возможность четко обозначить свою позицию в этом вопросе. В немалой степени это обусловлено и общей недостаточной разработанностью данной проблемы в региональном масштабе. Поэтому, в контексте генеральной концепции автора этнической истории Прикамья, решить эту проблему она пытается, обратившись к данным исторической лингвистики (в частности, к работам В.В.Напольских). В итоге Р.Д.Голдина присоединяется к выводам названного исследователя о победе на рубеже II и I тыс. до н.э. финских языков на всем севере европейской части России (Голдина, 1999. С.206).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П. Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья. Куйбышев, 1985. С.75-81.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история..., Ижевск, 1999.

Горбунов В.С. История абашевской культуры в бассейне р.Белой. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1977. С.19-21.

Горбунов В.С. Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа, 1986.С.65.Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. 1970. №172.

Горбунов В.С. Некоторые проблемы культурогенетических процессов эпохи бронзы Волго-Уралья // Препринт. Свердловск, 1990. С.17-21.

Горбунов В.С. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Автореф. дисс. докт. ист. наук. М., 1992.С. 28.

Горбунов В.С. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа, 1992. С.197-198.

Денисов В.П. Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры // Уч. зап. ПГУ. № 148. Пермь, 1967. С.29-39.

Збруева А.В., Тихонов Б.Г. Памятники эпохи бронзы в Башкирии // Древности в Башкирии. М., 1970.С.96.

История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней.Бронзовый век. Самара, 2000. С.152-181.

Качалова Н.К. О локальных различиях в лесостепной срубной культуре //АСГЭ. Вып.18 Л., 1978.

Качалова Н.К. Стратиграфические горизонты Бережновских курганных могильников // АСГЭ. Вып.20. Л., 1979.

- Качалова Н.К. Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985. С.42.
- Краснов Ю.А., Смирнов А.П. Уфимская конференция по этногенезу башкир. // СА.1970, № 2. С.295.
- Кузьмина О.В. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. Самара, 1992. С.75.
- Кузьмина О.В. Абашевская культура в Самарском Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000. С.98-99.
- Морозов Ю.А. История племен срубной культуры Бельско-Уральского междуречья. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1977. С.16-17.
- Обыденнов М.Ф. Культура населения Южного Урала в конце бронзового века. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1981. С.15; Он же. Поздний бронзовый век Южного Урала. Уфа, 1986. С.58-60.
- Обыденнов М.Ф. Межовская культура. Уфа, 1998 а.
- Обыденнов М.Ф. Археологические культуры конца бронзового века Прикамья. Уфа, 1998. С.17-18 б.
- Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург, 1995. С. 97-100.
- Обыденнов М.Ф., Горбунов В.С., Муравкина Л.И., Обыденнова Г.Т., Гарустович Г.Н. Тюбяк: поселение бронзового века на Южном Урале. Уфа, 2001. 159 С., 76 рис.
- Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара, 1992. С.149 и сл.
- Обыденнова Г.Т. Памятники срубной культуры Волго-Бельского междуречья. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1985. С.14.
- Обыденнова Г.Т. Историография периодизации срубной культурно-исторической общности. // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация «К столетию периодизации В.А.Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы»: МНК. Самара, 2001. С. 34 -39.
- Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья... С.290 (рис.64).
- Хлобыстин Л.П. Поселения Липовая Курья в южном Зауралье. Л., 1976. С.59.

Т.И.Оконникова

Удмуртский государственный университет, Ижевск

А.В.ШМИДТ О МЕТОДОЛОГИИ РЕКОНСТРУКЦИИ ДУХОВНЫХ СТРУКТУР ИСКОПАЕМЫХ ОБЩЕСТВ

Реконструкция духовных структур ископаемых обществ - одна из сложнейших проблем археологического исследования. В настоящее время

стало очевидным, что успехи в этом направлении могут быть достигнуты только в рамках междисциплинарного подхода. Одним из его родоначальников является А.В.Шмидт.

Алексей Викторович Шмидт (1894-1935) – ведущий специалист в области уральской археологии 1920-х – первой половины 1930-х гг. Этот период в истории отечественной археологии известен как переломный, что стало следствием прямого вмешательства государства в сферы научной компетенции. Основным содержанием первых послереволюционных десятилетий стало внедрение (с конца 1920-х гг. ставшее насильственным) марксистской теории в археологические исследования. Сложный и противоречивый характер эпохи в полной мере сказался на научном творчестве А.В.Шмидта. Если его «ранние» (1920-х гг.) труды по различным проблемам уральской археологии реализовывали, прежде всего, культурно-исторические методологические установки (Шмидт, 1925; 1926; 1927), то «поздние» (первой половины 1930-х гг.) работы подчинены задачам реконструкции социально-экономических и идеологических структур древних обществ (Шмидт, 1932 а; 1932 б; 1933; 1934). Не акцентируя в настоящей статье внимания на трудностях психологического плана, которые пришлось испытать Алексею Викторовичу на пути вынужденной «перестройки сознания на марксистские рельсы», отметим, что его «поздние» труды отличаются стремлением выстроить строго научную методологию реконструкции различных сторон жизнедеятельности древних обществ, основанную на марксистской социологической теории.

Наибольший интерес в плане разработки методологических принципов реконструкции структур идеологического («надстроечного») порядка на основе археологических материалов представляет работа А.В. Шмидта «Жертвенные места Камско-Уральского края» (Шмидт, 1932 а), основной целью которой стало решение проблемы воссоздания жертвенного обряда верхнекамского общества гляденовского периода (А.В.Шмидт датировал его II в. до н.э. – III в. н.э.), уже с последней четверти XIX в. известного оригинальными памятниками - «костищами».

В качестве ключевой методологической посылки при решении подобного типа задач на основе марксистских установок автор рассматривал необходимость привлечения всего комплекса имеющихся источников: археологических, письменных, этнографических, лингвистических. В указанной работе автор опирался, главным образом, на археологические и этнографические данные.

Следующим шагом А.В.Шмидта стали разработка и обоснование принципов корректного использования этнографических параллелей при истолковании археологических источников. Он считал, что привлекаемые этнографические сведения должны принадлежать народу, который стадильно близок ископаемому человеческому обществу. Важная роль отводилась и фактору сходства природных условий, в которых проживали сравниваемые общества (Шмидт, 1932 а. С.6).

Главным критерием стадильной близости является, по А.В.Шмидту, сходство способа производства. «Если окажется, что речь идет об обществах

различного способа производства, то сравнение надстроечных явлений должно быть отброшено, хотя бы к этому манили отдельные случайные совпадения. Следовательно, сравнение явлений первобытного общества с явлениями из обществ, основанных на античном или феодальном или каком-либо ином способе производства, является методически неправильным» (Шмидт, 1932 а. С.11).

Но автор развивает эту посылку и дальше: «...сравнение обществ по одному только способу производства для нас недостаточно... Нам необходимо сравнить базисную сторону общества, их производительные силы, в частности ведущие производства, роль и характер торгового обмена, общественно-экономическую структуру и обусловленные производственными отношениями общественное расслоение. Только проделав такую работу и убедившись в возможности сближать основания общественного процесса сравниваемых обществ, мы можем подойти к явлениям надстроечного порядка» (Шмидт, 1932 а. С.11-12.).

Реконструируя базис гляденовского общества в соответствии с вышеприведенной схемой, А.В.Шмидт пришел к следующим заключениям: «Руководящими производствами гляденовского общества следует считать скотоводство и... земледелие. Наряду с ними играли роль, и не малозначительную, рыболовство и охота. Основными орудиями труда являлись железные орудия ...Пережиточно продолжают существовать и костяные» (Шмидт, 1932 а. С.16). Основными методами хозяйственных реконструкций стали прямые реконструкции по орудиям труда, анализ остеологического материала, анализ данных о климатических условиях. Нахождение предметов импорта (прежде всего, большого количества бус восточно-средиземноморского происхождения, индийских монет и т.д.), логические заключения о развитой пушной охоте определили выводы автора о существовании товарного обмена с другими обществами, предметом экспорта в котором выступали меха.

В части выводов о производственных отношениях автор выдвигал следующие соображения: «Производительные силы гляденовского общества были достаточно развиты, чтобы давать производителям известное прибавочное время. Тем самым создавалась возможность получения прибавочного продукта. Наличие последнего доказывается существованием товарного обмена с другими обществами» (Шмидт, 1932 а. С.16). В целом, А.В.Шмидт определил гляденовское общество как «общество первобытное», конкретнее - как «один из высших типов первобытной общины» (Шмидт, 1932 а. С.16), в котором существовали не только разделение труда (Шмидт, 1932 а. С.14-15), но и «известное экономическое расслоение общества» (Шмидт, 1932 а. С.15).

Придерживаясь выдвинутых методологических принципов А.В.Шмидт пришел к выводу об относительной близости базиса гляденовского общества с базисом современных угорского (прежде всего, вогулов и остяков) и самодийского («самоедского») обществ, которые, по словам автора, уже в большей степени затронуты влиянием «капиталистического окружения», но в

целом сохраняют архаичный облик. Сходство подтверждалось фактором близости природных условий, в которых проживали древние гляденовцы и современные угры и самодийцы. Таким образом, по заключению автора, имелись все основания предполагать сходство и в надстроечных структурах рассматриваемых обществ (Шмидт, 1932 а. С.18).

Сравнение древних костниц Пермского края со святилищами угров и «самоедов», известных автору по этнографическим описаниям XVIII – начала XX вв., стало основанием для интерпретации первых как жертвенных мест.

Рассуждая о генезисе характерного жертвенного обряда, исследователь указывал, что в предшествующее гляденовскому время, хотя и были места жертвоприношений, они не были столь «богатыми», не предполагали кровавых жертв. Он выделил круг «социально-экономических условий», определивших возникновение этого явления: «В области производительных сил: руководящая хозяйственная роль сопровождающегося регулярным получением достаточно высокого прибавочного продукта земледелия или скотоводства (оленоводства), или, в некоторых случаях, рыболовства; массовое употребление в общественном производстве железных орудий.

В области общественно-экономической структуры: разлагающаяся общинная (родовая) организация общественного производства, известная степень товарности хозяйства (воздействие чужого торгового капитала), не доведшая еще до полного разложения архаической формации и до возникновения новой, «в общих чертах более прогрессивной» формации, развитие экономического неравенства, не сломившего еще «первобытно-коммунистических форм общины» (Шмидт, 1932 а. С.30).

Эти условия, по мнению исследователя, вызвали возникновение таких явлений «надстроечного» порядка как: «рост культового значения священных мест; эти священные места становятся местами жертвоприношений кровавых и вещных; в жертву приносятся различные домашние животные; среди вещных приношений обращают на себя внимание монеты, бусы, одежда, некоторые виды украшений (бляхи), шкуры часто ценного пушного зверя, словом – предметы товарного значения или (как стрелы) средства их добывания; объектами поклонения и «получателями» даров и жертв являются вырезанные из дерева идолы или священные деревья, иногда камни и скалы; храмовых сооружений еще нет, культовые объекты, а очень часто приношения остаются под открытым небом» (Шмидт, 1932 а. С.30).

Такова, в общих чертах, реконструированная А.В.Шмидтом картина генезиса жертвенного обряда гляденовского общества и его основных характеристик. Ее методологическим фундаментом стала марксистская социологическая концепция, основными источниками – археологические и этнографические материалы. В работе также имеется и небольшой раздел, в котором осуществлена попытка доказательства взаимосвязи описанных базисных и надстроечных явлений путем лингвистического анализа на основе теории Марра (Шмидт, 1932 а. С.33-36), но его, в силу лишь иллюстративного характера, можно расценивать не более чем как дань времени.

С содержательной точки зрения разобранный сюжет сегодня интересен во многом как историографический факт, поскольку ряд выдвинутых А.В.Шмидтом положений не выдержал испытания временем (см., напр.: Голдина, 1985, 1996; Лепихин, 2000). Очевидна и явная схематичность выстроенной автором концепции, что стало отражением, с одной стороны, сложившейся в советской археологии рубежа 1920-1930-х гг. атмосферы, с другой стороны - следствием недостаточной изученности культовых мест Урала и сопредельных территорий.

Важнее другое. Проведенный анализ дает представление о том, что А.В.Шмидт стал одним из немногих исследователей, поставивших перед собой задачу создания строго научной методологии реконструкции социально-экономических и идеологических структур ископаемых обществ на основе социологической схемы К.Маркса. Несмотря на вынужденность этого шага, А.В.Шмидт отнесся к реализации этой задачи со свойственной ему научной добросовестностью. Осознание недостаточности археологических источников для воссоздания различных сторон жизнедеятельности древних обществ заставило его обратиться к разработке принципов междисциплинарного анализа. «Марксизм не может иметь две истории общества: одну – строящуюся на этнографических материалах, другую – на археологических», – писал он в специальной работе, посвященной вопросам методологии и методики использования этнографических материалов в работах по истории материальной культуры (Шмидт, 1932 б. С.13). Там же он заметил: «Столь же и неприемлема третья теория, строившаяся индо-европеистами на основании только лингвистических данных» (Шмидт, 1932 б. С.13). Отодвинув в сторону пафос приведенных высказываний, обусловленный запросами эпохи, следует подчеркнуть, что А.В.Шмидту удалось внести существенный вклад в развитие методологии этноархеологических исследований и наметить верные ориентиры в области реконструкции духовных структур ископаемых обществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.
- Голдина Р.Д. К вопросу о специализации жертвенных мест Приуралья // Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии: Материалы полевого симпозиума. Пермь, 1996.
- Лепихин А.Н. Религиозная обрядность костищ гляденовской культуры и этнографические параллели // Российская археология: Достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы международной научной конференции. Ижевск, 2000.
- Шмидт А.В. Туйский всадник // Записки коллегии востоковедов АН СССР. 1925. Т.1.
- Шмидт А.В. Древний Восток и русский Север // Новый Восток. М. 1926. № 13-14.
- Шмидт А.В. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля // Сборник МАЭ. 1927. Т.IV.

Шмидт А.В. Жертвенные места Камско-Уральского края // ИГАИМК. Л. Т.ХІІ. 1932а. Вып. 1-2.

Шмидт А.В. Об использовании этнографических материалов в работах по истории материальной культуры // СГАИМК. 1932 б. № 1-2.

Шмидт А.В. О хронологии доклассового общества // ПИДО. 1933. №№ 1-2, 7-8.

Шмидт А.В. Очерки истории северо-востока Европы эпоху родового общества // ИГАИМК. 1934. Вып.106.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры

ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ

Э.А.Савельева

*Институт языка, литературы и истории
Коми Научного Центра УрО РАН, Сыктывкар*

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА

Начало планомерных археологических исследований на европейском Северо-Востоке начинается в конце 1950-х гг. Небольшим коллективом археологов (Г.М.Буров, В.И.Канивец, Э.А.Савельева, В.Е.Лузгин) было проведено первичное сплошное археологическое обследование обширного региона. С 1957 до 1972 г. в бассейнах Вычегды и Печоры было открыто и исследовано более 500 археологических памятников, относящихся ко всем археологическим эпохам – от палеолита до средневековья.

Этот период ознаменован разработкой первых культурно-хронологических концепций развития древностей региона. Одной из характерных особенностей рассматриваемого периода является создание монографических работ, охватывающих широкий хронологический диапазон (Канивец, 1964; Буров, 1965, 1967). По мере дальнейшего накопления материалов появились обобщающие исследования по отдельным микрорайонам и эпохам (Савельева, 1971; Лузгин, 1972; Канивец, 1974, 1976). В работах этого периода прослеживается тенденция реконструкции этнокультурных процессов в регионе на основе археологических источников с привлечением данных смежных и естественных наук. Эти работы заложили фундамент дальнейших археологических исследований.

В 1970-е гг. с созданием Института языка, литературы и истории Коми Филиала АН СССР в археологических исследованиях наступает качественно новый этап. Происходит пополнение и обновление археологических кадров. Наряду с ИЯЛИ появляются новые центры археологических исследований - в

Сыктывкарском университете и Коми Республиканском историко-краеведческом музее. Благодаря этому и на основе созданной на предшествующем этапе исследований источниковедческой базы стал возможен переход к углубленному изучению отдельных эпох и микрорайонов, широкомасштабным стационарным раскопкам, расширению географии полевых исследований.

В 1970-е годы начинаются долговременные систематические археологические работы на Вашке и Мезени, Малоземельской и Большеземельской тундрах В.С.Стоколосом и А.М.Мурыгиным. Итоги исследования памятников эпохи неолита-бронзового века были обобщены В.С.Стоколосом в двух монографиях и докторской диссертации (Стоколос, 1986, 1988, 1992), ванвиздинских памятников А.М.Мурыгиным – в обобщающей монографии (Мурыгин, 2001).

В 1980-е гг. проводились активные исследования памятников эпохи камня-бронзового века в бассейне Вычегды. Работы Э.С.Логиновой, Л.Л.Косинской, И.В.Верещагиной и др. привели к открытию десятков новых памятников, материалы которых были введены в научный оборот и обобщены в кандидатских диссертациях (Верещагина, 1989; Косинская, 1988). Эпоха раннего железного века стала предметом углубленного исследования Л.И.Ашихминой и И.О.Васкула. Были открыты многочисленные поселения, могильники, одиночные захоронения в бассейнах Мезени, Вычегы и Печоры. На основе нового обширного круга источников этими исследователями была разработана хронология и периодизация древностей эпохи раннего железа, их генетические истоки и специфические особенности в развитии местных культур. Итоги этих исследований были апробированы в ряде публикаций (Ашихмина, 1985), а также в кандидатской диссертации И.О.Васкула (Васкул, 1994) и ряде публикаций. В 1980-е годы было возобновлено изучение памятников эпохи палеолита П.Ю.Павловым и Б.И.Гуслицером. Были продолжены раскопки как уже известных, так и поиск и изучение новых памятников на северо-востоке Европы. Итоги этих исследований были обобщены в монографии П.Ю.Павлова (Павлов, 1996) и ряде статей. В 1980-е гг. А.М.Мурыгиным продолжены полевые исследования в Печорском Приполярье, материалы которых были обобщены в кандидатской диссертации и монографии (Мурыгин, 1992, 1994). Широкомасштабные стационарные раскопки памятников эпохи средневековья, проводившиеся под руководством Э.А.Савельевой, позволили в значительной мере обеспечить источниками начальный этап формирования народности коми и период вхождения Коми края в состав Русского государства. Материалы этих исследований были введены в научный оборот в монографии (Савельева, 1987) и обобщены в докторской диссертации (Савельева, 1995), а также в ряде других работ. К.С.Королевым были начаты работы на средней Вычегде, где открыты разновременные памятники, материалы которых позволили не только выявить еще один район обитания древних коми-зырян, но и проследить генетическую преемственность местных культур на протяжении всей эпохи железа.

Результаты многолетних исследований нашли отражение в кандидатской диссертации (Королев, 1994) и монографиях (Королев, 1997, 2002).

1990-е гг. ознаменованы расширением географии исследований памятников летописной Перми. Т.В.Истоминой и Н.Н.Чесноковой исследованы новые памятники на нижней Вычегде и Сыsole. В настоящее время вымская культура перми вычегодской представлена вымским, нижневыхгодским, средневыхгодским, удорским и верхнесыольским вариантами, соответствующими территориально-племенным объединениям предков современных коми-зырян (Савельева, 1995, 2005). Вотчинский могильник X-XI вв. на Сыsole Т.В.Истомина относит к особому культурному типу, близкому камско-вятским древностям (Истомина, 1999), Лоемский могильник сопоставляется с пришлым смешанным (финно-русским) населением (Савельева, 1995). Возможно, к своеобразному культурному типу относится Ленский могильник на нижней Вычегде, в погребальном обряде которого прослеживается отдаленное сходство с прибалтийско-финским. Особое внимание уделялось изучению роли дренерусской колонизации в средневековой истории Европейского Северо-востока. В долине р.Выми проводились раскопки Жигановского поселения перми вычегодской и древнерусского Пожегского городища, М.В.Кленовым - раскопки Карыбйивского городища на Вычегде, на Сыsole - поселения Гуль-Чунь А.Р.Игушевым и М.В.Кленовым, К.С.Королевым открыты новые поселения на средней Вычегде.

Древнерусские поселения представлены тремя типами (Савельева, 2005а). К первому относится Пожегское городище с мощными дерево-земляными укреплениями, богатым культурным слоем, позволяющим реконструировать быт, хозяйство, высокий уровень ремесленного производства населения городища во второй половине XII - XIV вв. Второй тип представлен небольшими слабо укрепленными поселениями с бедным культурным слоем, служившими, вероятно, временными убежищами на случай военной опасности (городища Новик и, возможно, Карыбйивское). К третьему типу относится поселение Гуль-Чунь на Сыsole, на котором укрепления не выявлены. На всех древнерусских поселениях представлен смешанный материал, хотя и с преобладанием древнерусского, что может свидетельствовать не только об активных коми-русских контактах, но и о биэтничном составе их населения.

Современный этап археологического изучения Европейского Северо-Востока характеризуется активизацией комплексных междисциплинарных исследований, внедрением новых методик как в полевых исследованиях, так и источниковедческом анализе полевых материалов и его теоретическом осмыслении. Результатом активно проводившихся в последние десятилетия комплексных исследований палеолитических памятников стала разработка П.Ю.Павловым принципиально новой концепции первоначального освоения северо-востока Европы, что нашло отражение в подготовленной докторской диссертации и монографии. Выделены четыре волны колонизации северо-востока Европы, определены исходные области расселения палеолитического населения. Одним из наиболее существенных достижений в изучении эпохи

мезолита являются комплексные исследования по реконструкции древнего рельефа, геоморфологической ситуации районов расположения мезолитических памятников, изучению источников сырья для древних каменных индустрий, технологии расщепления кремня. Итоги новейших исследований обобщены в ряде публикаций (Волокитин, 2003), а также в монографии (Волокитин, 2006). Комплексное изучение неолитических памятников с привлечением специалистов по спорово-пыльцевому, радиоуглеродному анализу, петрографии и геоморфологии позволило реконструировать среду обитания неолитического населения и формы его адаптации к изменяющимся условиям среднего голоцена. Разработана новая концепция освоения северо-востока Европы в неолите, что нашло отражение в кандидатской диссертации В.Н.Карманова (Карманов, 2004), а также в первом в отечественной историографии монографическом исследовании по неолиту региона. Принципиально новые важные материалы по генезису культур раннего железного века дали новейшие материалы раскопок И.О.Васкулом погребальных памятников – Шиховского и Пожемты на р Усе (Васкул, 2002), а также Мыелдинского поселения-мастерской на Вычегде. Они позволили выявить в формировании северного варианта ананьинской культурно-исторической общности как местный лебязский, так и зауральский, а также прикамский компоненты. В культуре печорского населения прослеживаются и кулайские традиции.

Среди новых перспективных направлений следует отметить изучение технологии древних производств – керамического и кузнечного на основе комплексных исследований с использованием методов естественных наук (Паршуков Ю.В., Бирюков А.В.), что нашло отражение в серии публикаций (Паршуков, 2005; Бирюков, Завьялов, Савельева, 2006), а также в подготовленных обобщающих работах.

Итоги археологического изучения Европейского Северо-Востока подведены в первой коллективной обобщающей монографии "Археология Республики Коми", в которой систематизирован и обобщен весь накопленный источниковый фонд за период с сер. XIX в. до 1990-х гг., реконструирована социально-экономическая и этнокультурная история населения региона с древности до эпохи средневековья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археология Республики Коми - М, 1997.

Ашихмина Л.И. Культуры эпохи раннего железа в этногенезе народа коми // Проблемы этногенеза народа коми. (ТИЯЛИ; Вып.36) - Сыктывкар, 1985.

Бирюков А.В., Завьялов В.И., Савельева Э.А. Технология кузнечного производства эпохи средневековья на Европейском Северо-Востоке (бассейн рек Вычегда и Луза) // Науч. докл. / Коми науч. центр УрО РАН; Вып.484. - Сыктывкар, 2006.

Буров Г.М. Вычегодский край. Очерки древней истории. – М.:Наука, 1965.

Буров Г.М. Древний Синдор (из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тысячелетии до н.э. – I тысячелетии н.э.). – М.: Наука, 1967.

Васкул И.О. Европейский Северо-Восток в эпоху раннего железа (конец I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.): Автореф. дис.. к.и.н. -СПб, 1994.

Васкул И.О. Шиховской могильник раннего железного века (первые результаты исследований) // Науч. докл. / Коми науч. центр УрО РАН; Вып.451. – Сыктывкар, 2002.

Верещагина И.В. Мезолит и неолит крайнего Европейского Северо-востока: Автореф. дисс.... к.и.н. – Л., 1989.

Волокитин А.В., Майорова Т.П., Ткачев Ю.А. Мезолитические стоянки Парч 1 и Парч 2 на Вычегде: опыт реконструкции природного окружения и жизнедеятельности // Науч. докл. / Коми науч. центр УрО РАН; Вып.457. – Сыктывкар, 2003.

Волокитин А.В. Мезолитические стоянки Парч 1 и Парч 2 на Вычегде. - Сыктывкар, 2006.

История Коми, т. I. Сыктывкар, 2004.

Истомина Т.В. Вотчинский могильник // Этнокультурные процессы в древности на Европейском Северо-Востоке (источники и исследования). (МАЕСВ; Вып. 16). - Сыктывкар, 1999

Канивец В.И. Канинская пещера. – М.: Наука, 1964.

Канивец В.И. Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла. – М.: Наука, 1974.

Канивец В.И. Палеолит крайнего Северо-востока Европы. – М.: Наука, 1976.

Т.В.Сапожникова

Осинский филиал ГОУ ВПО «Пермский государственный педагогический университет», Оса

ОСИНСКИЙ КРАЕВЕД-ИССЛЕДОВАТЕЛЬ – С.А.ШЕСТАКОВ (1884-1974)

Родился Сергей Андреевич 7(20) октября 1884 года в семье крестьянина – середняка, села Верхняя Чермода Осинского уезда и прожил в ней всю жизнь, исключая годы службы в армии.

В автобиографии краевед о своем образовании пишет: «...учился 4 года у домашнего учителя. Работал в хозяйстве отца, а в свободное время продолжал свое самообразование, учился по учебникам «Гимназия на дому». Из 30 томов этих учебников проработал 22, материал за 6 классов гимназии» (9). Документы указывают, что в 1931г. Сергей Андреевич окончил 3-х месячные курсы при Осинском педтехникуме и частный курс агрономии-полеводства и животноводства (5).

Можно с уверенностью сказать, что большое влияние на культурно-образовательный уровень будущего краеведа оказала служба в армии, т.к. служил он писарем, в том числе старшего разряда, в царской армии с октября

1907г. по январь 1911г. в Китае, в городе Харбине, а во время Первой мировой войны с августа 1914г. по январь 1918г. в «штабе запасного полка, где писарем пробыл до конца войны, этот полк был расположен под городом Новгородом, - пишет в автобиографии Сергей Андреевич,- поэтому в Петрограде часто приходилось бывать. Там я находился и во время Февральской и Октябрьской революций, также встретился и с Плехановым (в редакции газеты «Единство»))» (9). Работа писаря предполагает общение с большим количеством образованных людей, высокопоставленных чиновников, знание делопроизводства, умение извлекать информацию из документа и ценить его.

Большая часть трудовой жизни Сергея Андреевича связана с образованием. Началась эта деятельность с работы ликвидатором (безграмотности) в 1926г. по направлению РОНО (4). В дальнейшем он работал учителем и заведующим в начальных школах деревень Б.Кузя и Подгорная, селе В.Чермода (3). Его ученик И.П.Сесюнин вспоминает: «Это был наш любимый учитель. Мы его уважали и побаивались. Был он пожилой человек, но любознательный. Бывало, зайдет к деду и спрашивает у него о прошлой жизни. Все услышанное записывает в тетрабочку» (2,с.391).

Независимо от того, где и кем работал Сергей Андреевич, все свободное время он уделял сбору сведений о родном крае. Однако краеведческий материал начал публиковать в печати только после выхода на пенсию (9). В это же время, Сергей Андреевич стал и частым гостем школьных аудиторий. Например в январе 1964г. преподаватели истории школ Бардымской зоны собрались в Елпачихинской школе для обмена опытом и пригласили на встречу «тов. Шестакова, который живо и увлекательно рассказал о истории заселения притулвинских земель, о взаимовлиянии русской, татарской и башкирской национальных культур» (6). Краеведу в то время уже было 80 лет.

Сергей Андреевич опубликовал более 40 заметок и статей в районной газете Осинского и Бардымского районов, в «Календаре – справочнике Пермской области» и краеведческом сборнике «На Западном Урале». В архивном отделе Администрации Осинского района и Осинском музее находится более 30 рукописей.

В кажущемся многообразии историко-краеведческих тем можно выделить два тематических блока: «История сел и деревень Крыловской волости» и «Вопросы происхождения населения Тулвинского бассейна».

Формулировка для названия второго блока была вычленена из ответного письма главы пермской школы археологии О.Н.Бадера С.А.Шестакову. Ученый пишет: «Вашу рукопись с интересом просмотрю. Думая, что не откажется это сделать и доцент кафедры истории СССР мой ученик В.А. Оборин. Пожалуйста, присылайте. **Вопросы происхождения населения Тулвинского бассейна** очень интересуют нас» (1). Это письмо было датировано августом 1959г. и связано с раскопками, которые вела КАЭ на территории с. Гремячи. Из письма также можно предположить, что другой осинский краевед - Ф.И.Петровых, был связующим звеном между знаменитыми археологами (в дальнейшем переписка ведется уже с В.А.Обориным) и С.А.Шестаковым (7,8).

В 1963 году Сергей Андреевич посылает свой труд о башкирах доценту ПГУ В.А. Оборину (7). В 1964г. присутствует на проходившем в Перми совещании историков – археологов, где ученые из Москвы, Ленинграда, Свердловска, Перми и др. городов Урала представили 46 докладов. Наибольший интерес у краеведа вызвала тема этногенеза народов Прикамья, о чем он пишет в статье «Совещание историков-археологов» (20). В 1965г. он вновь посылает рукопись В.А.Оборину, но это уже «Материалы к топонимике Среднего Прикамья», которые он собирает вместе с Ф.И.Петровых (11). После замечаний ученого, он самостоятельно их перерабатывает (ввиду бездорожья, встретиться с соавтором не может) и посылает их в сокращенном и исправленном виде (8). Всего в фонде В.А.Оборина в ПОКМ хранится 3 рукописи и два письма С.А.Шестакова, остальные рукописи этого тематического блока находятся в Осинском филиале Пермского областного краеведческого музея (ОФ ПОКМ) и в архивном отделе Администрации Осинского района (10-19).

Все эти рукописи можно назвать результатом одного исследования. Краевед ставит перед собой поистине научную задачу: обозначить и проследить этнические процессы Среднего Прикамья. В вариантах рукописей данного блока рассматриваются различные точки зрения на проблемы:

- влияние Великого переселения народов на миграционные процессы в Среднем Прикамье;
- этническая принадлежность и судьба остяков, «пермичей» и других народов Прикамья;
- угро-мадьярская (венгерская) проблема;
- этногенез и история башкирского народа;
- русская колонизации Западного Урала и первые славянские поселения на берегах Средней Камы.

Первоначально он изучает классические исторические труды. В Осинском музее хранится более 20 тетрадей, предположительно 1953-1954гг., содержащие конспекты большого количества источников и исторической литературы, посвященной передвижениям народов Восточной Европы, а именно: «Повести временных лет», работ историков Геродота, Тацита, Прокопия Кесарийского, Болтина, Карамзина, Ключевского, Соловьева, Шторха, Шлецера, археологические данные и др. По сути это историографический обзор темы (10). Много ссылок и на совсем «свежий» для того времени материал, например, работу П.Н. Третьякова «У истоков Руси» (1953г.). Далее краевед изучает материалы регионального значения: переписи, труды Шишонко, Дмитриева и др. Особенно основательно изучил данные исследований Камской археологической экспедиции. Основным же средством для исследования он выбрал анализ топонимического материала: ойконимов и гидронимов Среднего Прикамья. Эту работу он ведет совместно с Ф.И.Петровых. Значение топонимов в венгерском языке искал Ф.И.Петровых, а в коми-пермяцком, коми-зырянском и башкирском - С.А.Шестаков (11). Очевидно, что краеведы изучили большое количество справочной и специальной литературы, т.к. при изложении используются термины данной

вспомогательной дисциплины (гидроним, формант и т.д.). Значение топонима раскрывается комплексно: ищется возможность раскрытия его на разных языках, поэтому приводятся различные варианты его объяснения. Приведем несколько описаний топонимов из рукописи:

1. д. Усть-Тунтор или Товаул, на берегу реки Тулвы. Венгерское слово Тов – дальний стр. 430. Татаро – башкирское слово тау – гора, слово аул – деревня.

2. р. д. Сюзда на речке Барда басс. реки Тулва. Речек и деревень с таким названием в Среднем Прикамье несколько, д. Сюзанова Бардымского района, р. Сюзьва правый приток Камы. На венгерском языке «сюз» девственный, целинная земля стр. 421. На коми-пермяцком языке «сюзь» – филин, филинова река. Календарь справочник 1964 года. Речка Сюзьва, басс. реки Сыны, правый приток Камы. Может быть коми-пермяцкова названия, так как окончание ее на - «ва» коми-пермяцкое, а дд. Сюзда и Сюзанова предполагаем, что протомадьярского названия.

Пытаясь обосновать гипотезу, выдвинутую А.К. Матвеевым, о проживании протомадьяр (предков венгров) на территории Среднего Прикамья, исследователи вычленили более 20 топонимов, которые, как они считали, объясняются только на венгерском языке, например, р.д. Тюндюк (блестящий, сияющий), р.д. Танып (местожительство, оседлость), р.д. Турка (терпение) и др. (11).

Черновая рукопись под названием «Фамилии населения нашего края» говорит о том, что краевед приступил к изучению и антропонимов, но видимо не успел закончить это исследование (19).

Многое в содержании рукописей повторяется, но прослеживается и определенная динамика: совершенствуется язык и структура изложения, приводятся новые факты, признается ошибочность предыдущих выводов и предположений. Так, в одном из последних вариантов рукописи «Народы, жившие до русских в бассейне реки Тулвы», Сергей Андреевич пишет: «Автор пришел к предположению, что здесь не были мадьяры – предки венгерского народа, хотя же прежде все топонимы, которые объясняются на венгерском языке, мы с Ф.И.Петровых считали мадьярскими, но эта точка зрения у нас была ошибочной. Мадьяры – это угро-тюрки, последние в лице башкир, а в Среднем Прикамье до монгольского нашествия XIII века башкир не было, а без тюркских племен – это еще не мадьяры, а только южные Угры» (13).

Вероятно, вышеуказанная динамика является результатом переписки С.А.Шестакова с В.А.Обориным, т.к. в письмах ученому краевед благодарит за разъяснение ошибок и просит редактировать явные ошибки и сокращать, а посылая переработанную рукопись пишет ученому: «Согласно вашего письма посылаю Вам тетради, которые заметно сократил. Все итоги приводим, как предположения, а не выводы, если же окажутся ошибки, пусть история исправляет их» (8).

Хотя в письмах указано, что материалы переданы в редакцию (предположительно в Отчеты КАЭ), данный материал напечатан не был. Возможно это связано, как резюмирует В.А.Оборин, с реферативным характером рукописей (12). К сожалению, материалы рукописей не стали достоянием большого круга читателей в свое время, не обнаружено ссылок на них и у других краеведов. Сегодня они во многом устарели, т.к. открыто и

исследовано много новых археологических памятников и написаны другие научные работы по проблемам, поставленным в них. Но, как пишет краевед, он вложил определенный «кирпичик в здание (краеведческой) исторической науки» (12).

Наибольшую ценность в исследовательском плане представляет воспроизведение преданий и воспоминаний старожилов и конечно анализ местных топонимов, многих из которых сегодня на карте региона уже нет.

Изучив деятельность краеведа, поражаешься сколько много он успел сделать, а ведь годы и условия, в которых он жил легкими не назовешь. В своем письме к пермскому исследователю Е.Н.Шумилову знаменитый осинский краевед В.П.Шилов назвал С.А.Шестакова «самородком», с чем нельзя не согласиться (21). К сожалению имя краеведа, сделавшего много для изучения нашего края, мало кому известно. Он не является Почетным гражданином района, его именем не названы улицы, о нем мало пишут в краеведческой литературе, хотя его жизнь - это яркий пример подвижничества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер О.Н. - Шестакову С.А., 27 февраля 1959г. // ОФ ПОКМ. Ф. С.А. Шестакова.

Кобелев Н. Деревенька моя (историко – краеведческие очерки о населенных пунктах Осинского района).- Пермь, Пермское книжное издательство, т. 1, 2005.

Личный листок по учету кадров Шестакова С.А. 24.12.1936.// ОФ ПОКМ.Ф. С.А. Шестакова.

Справка № 115 выдана Осинским районным исполнительным комитетом Сарапульского округа Уральской области 18 апреля 1930г. (был ликвидатором с 25 декабря 1929 по 11 апреля 1930гг.)// ОФ ПОКМ. Ф. С.А. Шестакова.

Удостоверение № 1280 о прохождении 3-х месячных пед. курсов при Осинском педтехникуме от 25 сентября 1931г. // ОФ ПОКМ. Ф. С.А. Шестакова.

Шарыгин И., Аптуков М., и др. Изучим свой край! // Советское Прикамье. – 1964.- 16 янв.

Шестаков С.А. - Оборину В.А., 4 декабря 1963г. // ПОКМ. Ф. В.А. Оборина. К/о 4777.

Шестаков С.А. - Оборину В.А., 3 ноября 1965г. // ПОКМ. Ф. В.А. Оборина. К/о 6421.

Шестаков С.А. Автобиография // ГАПО ф. р-790. Архивная коллекция «Уральский биографический словарь». Оп.1. Д. 3859. Шестаков Сергей Андреевич (1884- 1974). Л.2-12.

Шестаков С.А. Древнейшие народы Восточной Европы // ОФ ПОКМ. Ф. С.А. Шестакова.

Шестаков С.А. Материалы по топонимике Среднего Прикамья (в соавторстве с Петровых Ф.И.) // ПОКМ. Ф. В.А. Оборина. К\о 6420.

Шестаков С.А. Материалы по топонимике Среднего Прикамья // ПОКМ. Ф. В.А. Обороина. К\о 6421.

Шестаков С.А. Народы, жившие до русских в бассейне реки Тулвы – башкиры / /Архивный отдел Администрации Осинского района. Ф. 132. Оп. 3. Д.7.

Шестаков С.А. Народы, жившие до русских в бассейне реки Тулвы. Остяки и башкиры. 27.11.1966 // ОФ ПОКМ. Ф. С.А. Шестакова.

Шестаков С.А. Народы, жившие до русских в бассейне реки Тулвы. Остяки//ОФ ПОКМ. Ф. С.А.Шестакова.

Шестаков С.А. Первое славянское селение на берегах Средней Камы. 14.03.1966 // ОФ ПОКМ. Ф. С.А.Шестакова.

Шестаков С.А. Переводы инородческих слов на русский язык. 1964 // ОФ ПОКМ. Ф. С.А. Шестакова.

Шестаков С.А. Русская колонизация северо-западного Приуралья и Прикамья. 22.05.1966 // Архивный отдел Администрации Осинского района. Ф. 132. Оп. 3. Д.9.

Шестаков С.А. Фамилии населения нашего края // ОФ ПОКМ. Ф. С.А. Шестакова.

Шестаков С.А. Соповещение историков-археологов (г.Пермь) // Советское Прикамье.-1964.- 26 дек.

Шилов В.П. - Шумилову Е.Н.// ГАПО. Ф. р - 1751. Д. 48. Л. 4-5.

И.А.Шутелева

Башкирский государственный педагогический университет им.М.Акмуллы, Уфа

ОБЗОР ПОДХОДОВ К АНАЛИЗУ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ «НОВОЙ АРХЕОЛОГИИ» В ИССЛЕДОВАНИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕНЫХ

В отечественной археологии анализ деятельности новых археологов или процессуализма носил косвенный характер. Однако выделяется ряд аналитических обзоров, которые позволяют выделить подходы отечественных археологов к процессуализму.

Так, отечественные археологи выделяют несколько источников в формировании «новой археологии», однако, все они единодушны в том, что развитие археологии в Европе и Северной Америке было стимулировано возникновением социологии и антропологии.

Одним из источников формирования «новой археологии» - функционализм Б.Малиновского, на основе которого Д.Кларк создал свои модели. В 1950-1960-е гг. в англо-американской археологической науке формируются три направления, в разной степени также повлиявшие на формирование теоретико-методологической основы «новой археологии».

Во-первых, это таксономическая школа И.Рауза, который разработал понятие «доистория», снабдив ее предметом исследования и понятийным аппаратом, разработав научную процедуру и системную формализацию, все это делает «доисторию» дисциплиной научной, что затем использовала «новая археология» (Массон, Бочкарев, 1978, с. 38-39).

Во-вторых, «новые археологи» продолжали развивать идеи Г.Чайлда (1952) о задачах археологии: «археология должна стать исследованием не столько культур, сколько культуры». Кроме того, именно этот ученый одним из первых англо-американских археологов использовал идеи К.Маркса о примате производительных сил в социальной структуре общества, что затем применялось Л.Уайтом, Р.Адамсом, Р.Брейвудом, «новыми археологами» и определилось как «культурный материализм». Отечественные ученые характеризовали «новых археологов», как неозволюционистов.

В-третьих, направление скептиков (гипроскептиков), чьи идеи об ограниченности познавательных возможностей археологических источников, нашли продолжение в исследованиях М.Шиффера (1988), поведенческой археологии (Щетенко, 1981, с. 17-32).

В-четвертых, кембриджская школа новой географии предоставила аналитические методы английской археологии, определив ее путь развития по образцу североамериканской, то есть период эмпирического накопления материала сменился теоретическим объяснением и исследованием социокультурных процессов (Кенинг, 1997, с. 64-69).

В отдельную группу следует выделить анализ вклада отечественной социоархеологии 1930-х гг. в развитие идей «новой археологии».

Отечественных археологов новое направление в англо-американской науке не привлекло во многом потому, что оно «базировалось на теоретических принципах, которые были выработаны в бурных дискуссиях конца 20-х – первой половины 30-х годов, в период становления советской археологии. Во-вторых, ряд основных положений «новой археологии» во многом совпадал с этими теоретическими принципами и поэтому не явился чем-то новым для советских археологов» (Гуляев, 1990, с. 104-105). Необходимо проанализировать сходство «новой» и социоархеологии. Сторонники «нового археологического направления» пытались применить в исследованиях метод исторического материализма. Основное внимание уделяли тому, что археология может быть самостоятельной наукой, не зависимой от истории, палеоэтнологии, этнологических концепций. А.Я.Брюсов доказывал, что археология может восстановить социальную структуру. Это же постулирует «новая археология». Применялись и новые методы в археологии. Общесоциологическая посылка заключалась в следующем: экономика, производительные силы образуют фундамент общественной жизни, однако, все это сводилось к орудиям труда, то есть переоценивалась возможность орудий труда, что происходило и в работах новых археологов. Первостепенное значение отводилось анализу характера поселений (в процессуальной археологии это – «поселенческая археология») – постоянные или временные жилища, конструктивно-планировочные решения, орудийный аппарат,

функциональные значения, выделение «инородных вещей», определение влияний географических факторов на развитие экономики, характер гибели поселений (в новой археологии это переросло в экологический и географический детерминизм). Все это позволяло выйти на реконструкцию социальной организации общества. Все это производилось с помощью «метода восхождения» от производительных сил (орудий труда) к производственным отношениям.

Сущность социологического направления состояла в том, что археологические памятники стали рассматриваться как источники для изучения истории развития социальной жизни древних обществ, (новые археологи постулировали, что археологические источники, по информативному содержанию не уступают письменным, состоят из фактов прошлого, часть фактов в них отражается (Клейн, 1995. С. 17-18)).

Проблемы производственной, хозяйственной деятельности изучаемого населения стали главными, основополагающими в процессе реконструкции древних обществ. Перед советскими археологами была поставлена задача не только самого пристального и скрупулезного сбора многочисленных фактов, связанных с хозяйственной деятельностью древнего населения, но и самого внимательного и глубокого анализа этих остатков для реконструкции экономической системы их жизни. Лишь на основе реконструированного экономического строя могли получить свое решение вопросы общественной организации и духовной жизни исследуемых обществ во всем многообразии их конкретного проявления (в «новой археологии» не только экономика, но и все «субсистемы» общества признавались равными). Социологическое направление утвердило археологию как подлинно историческую науку (гуманитарная наука в Англии, наука антропологического круга в Северной Америке).

Эта установка заставила обратить внимание при изучении археологических объектов на все, даже самые незначительные остатки жизнедеятельности древних обществ. Особое значение придавалось массовому, рядовому материалу, часто внешне весьма невзрачному, который раньше почти не привлекал внимания археологов.

Стратегия социологических исследований древних обществ по археологическим источникам, пути осуществления конкретно-исторических реконструкций этих обществ были заложены в комплексном методе, который синтезировал основные достижения русской и советской археологии первой трети XX в.

Социологическое направление и комплексный метод подняли археологические исследования на новую ступень по эффективности процесса познания, объективности результатов научного исследования, возможности проверки этих результатов (в дальнейшем в «новой археологии» было преобразовано в гипотезно-дедуктивный метод). Любой археологический комплекс, прежде чем быть включенным в систему познания, прежде чем подвергнуться детальному исследованию, должен пройти предварительное диагностирование - определение во времени и пространстве. Обычно оно производится в первом ориентировочном приближении, но именно это

позволяет ограничить круг используемых в дальнейшем сравнительных аналогий. В старой археологии «ориентирование комплекса» ограничивалось, во-первых, определением его хронологии по вещевым остаткам, и, во-вторых, определением культурной принадлежности. Новое направление ввело метод соотнесения комплексов со структурой общественно-экономической формации, что позволило получить еще один «определитель» — социально-экономический. Теперь комплекс в таком же предварительном плане попадал в определенный круг социально-экономических сопоставлений, что, безусловно, давало весьма продуктивные результаты при дальнейшем исследовании (в трудах новых археологов это нашло отражение в процессуализме, а также преобразовалось в эволюционный, а не революционный путь развития общества).

Формирование единого социологического направления в советской археологии было закономерным этапом развития научного знания в области изучения древних культур по археологическим источникам. Это направление интегрировало важнейшие достижения не только русской (аргумент П.Н.Третьякова заимствован Г.Чайлдом, вошел в историю как аргумент Дица-Лонгакра (Колесников, 1989. С. 5-9)) и первых лет советской археологии, но и западноевропейской археологии конца XIX — начала XX в.

Социологическое направление было качественно новым этапом в развитии археологического знания. Все ранее существовавшие направления возводили в ранг универсального, всеобщего какие-либо частные явления или концепции. Так, классическое направление выдвигало в качестве главного искусствоведческий анализ источников, эволюционное - идею прогрессивного развития культуры, палеоэтнологическое - исследование этнической истории, культурно-историческая школа - идеи диффузии культуры и т.д. Социологическое направление не отвергало все, эти концепции, оно включало их в качестве частных теорий в систему своей концепции материалистического понимания истории и тем самым отводило подобающее им место. Социологическое направление поставило задачу рассмотрения археологических объектов как остатков, следов жизнедеятельности людей, их исторического развития и тем самым определяло исследования в русле изучения истории общества.

Социологическое направление синтезировало и основные методологические установки ранних направлений. Идея комплексного изучения источников для всестороннего исследования объекта была выдвинута уже в классическом (синтез письменных и археологических данных) и эволюционном направлении (привлечение данных естественных наук). Особое внимание к изучению орудий труда, как ведущей категории в человеческой деятельности, было характерно уже для школы В.А.Городцова. Здесь же наметилась тенденция поиска закономерностей развития археологических явлений. Выделение конкретных обществ древнего прошлого (этносов) лежало в основе идеи палеоэтнологического направления. (Генинг, 1982. С. 79; Пряхин, 1986. С. 53).

Впервые в отечественной социоархеологии выделяется уровень интерпретации. Разработка уровня социологической интерпретации в археологии связана с историческим материализмом. Главные принципы в этом направлении были разработаны в конце 20-х-начале 30-х гг. ленинградскими и московскими археологами. Особенно большое значение имело применение к археологии общих положений: признание причинной и закономерной связи культуры с базисом общественного строя – производительными силами. Исследование массового археологического материала, функций вещей, истории техники, орудий труда, могильников как комплексов, отражающих социальное состояние древних обществ, логическое продолжение признание общих вещей. Социологические реконструкции на базе археологического материала с применением системного подхода (Массон, 1978). Преобладание материалистического, системного подхода в анализе археологических источников – основа «новой археологии».

Таким образом, можно выделить направление социоархеологии, которое включает в себя отечественную социоархеологию 1930-х гг. и «новую археологию», объединяет их единая теоретическая база (исключая отношение к формационному подходу) и отношение к археологическому источнику. Теоретические и методологические основы социоархеологии были заложены в СССР в 1930-е гг., затем получило развитие в англо-американской археологии.

Отечественными учеными практически не дается анализа этапов развития «новой археологии», исключения составляют исследования В.И.Гуляева (1990), В.М.Массона, В.С.Бочкарева (1978), М.А.Колесникова (1989). Как уже отмечалось ранее, не смотря на то, что отечественные ученые фиксируют появление «новой археологии» в 1962 г. со статьи Л.Р.Бинфорда (1962) «Археология как антропология», но настоящее развитие направление получает лишь с 1968 г., с выхода сборника «Новые перспективы в археологии». Таким образом, начало первого этапа развития «новой археологии» связывается с 1968 г., окончанием этого периода для отечественных археологов стала статья Г.Р.Уилли и Дж.А.Саблова (1975). Первый этап характеризуется в отечественной науке как бунтарский, так как появление нового течения вызвало довольно бурную реакцию в англо-американской археологии. Кроме того, новое направление резко критикует (также как и скептики) классические установки традиционной археологии (небольшое внимание к теоретическим построениям, фактологическая ориентация, стремление к формальному описанию культурных комплексов и разработке хронологических колонок). Причины появления «новой археологии» характеризовались как поворот, прежде всего в этнографии к эволюционизму.

В отечественной литературе получили оценку ряд ярких представителей первого этапа «новой археологии». Л.Р.Бинфорд характеризуется как ученик Л.Уайта и пропагандист его идей, продолжатель неэволюционных построений Г.Чайлда. Этот ученый развивал концепции общей функциональной взаимозависимости и устройство элементов культуры как системы, и это привело его к выводу о познаваемости всей системы при помощи анализа частей сохранившейся материальной сферы. Дж.Н.Вудолл один из

представителей «новой археологии», обратившийся к марксизму, разрабатывал концепцию культурного материализма, в русле антропологии. Кроме того, этот ученый, в отличие от других представителей данного течения, не отрицал случайности и диффузии, наряду с существованием единых законов (Щетенко, 1981).

Второй период в развитии «новой археологии» отечественные ученые соотносят с 1975-1985 гг., причем отмечается, что к началу второго периода методы и концепции новых археологов были восприняты большинством археологов США, прежде всего это – более широкий и разнообразный набор аналитических методов и процедур для обработки фактического материала. Также этот период характеризуется важным для интерпретации археологического материала, хронологические вопросы рассматривались, как менее важные по сравнению с «процессами и законами развития культур», которым даются названия «тривиальные и тавтологические». Отечественными учеными для этого этапа отмечается еще один немаловажный факт, который затем привел к кризису «новую археологию»: не существует единого течения с четко выраженными методами и концепциями. В.И.Гуляев (1990) констатирует, что в 1975-1985 гг. «новая археология» несвязанная разношерстная масса, которую многое разделяет, а объединяет только неудовлетворенность арсеналом традиционной археологии и критическое отношение к ней. Это Л.Р.Бинфорд с его разработкой теорий среднего уровня, археологи-практики – К.В.Фланнери с использованием широких исследовательских программ на основе культурно-исторической интерпретации, М.Шиффер с разработками в области поведенческой археологии (археологический материал – отражение человеческого поведения), причем ряд исследователей не считают ее близкой «новой археологии» (Клейн, 1995).

Таким образом, к середине 1980-х гг. «новая археология» представляет собой научное направление, лишенное четко выраженных теоретических концепций, объединяющее людей общими перспективами и неудовлетворенностью багажом традиционной археологии. Итак, с точки зрения отечественных ученых в своем развитии «новая археология» содержит ряд позитивных черт: строгие аналитические процедуры в работе с археологическим материалом, формализация и математизация, широкое применение методов естественных наук, более строгое использование этнографических аналогий для объяснения археологических находок, значительные познавательные способности археологии, реконструктивные возможности археологии. Однако отечественными археологами в эволюции «новой археологии» не принималась позитивистская философская база течения, слишком строгий системный подход, экологический и географический детерминизм (Гуляев, 1990).

Как отмечают отечественные ученые с середины 1980-х гг. «новая археология» вступает в состояние кризиса и на смену процессуализму этого течения приходит постпроцессуальная археология (структуралистская или контекстуалистская). В отличие от процессуальной археологии постпроцессуальные археологи сближают археологию с гуманитарными

науками, приравнивает археологический источник к тексту, что позволяет расшифровать материальные символы. Археологические факты для них выражения человеческих мыслей и идей (Клейн, 1995).

Все это позволяет обратиться к оценке понятия «школа» в отечественной историографии применительно к «новой археологии». Довольно часто в характеристике «новой археологии» используется термин «направление» (Гуляев, 1990, Массон, Бочкарев, 1978, Клейн, 1991, 1995, Щетенко, 1981). Это связано с использованием философской категории «познавательная традиция», которая в традиционном понимании отечественной археологии отсутствует на западе. Однако использование понятие «исследовательская программа» (Лайтко, 1977, Ганжа, 1987) позволяет с позиций отечественной науки характеризовать «новую археологию» как школу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ганжа А.И. «Археологическая культура» как исследовательская категория в археологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Киев: 1986.- 18 с.

Гарден Ж.-К. Теоретическая археология. – М.: Прогресс, 1983. – 296 с.

Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии. – Киев: Наукова думка, 1982. – 225 с.

Генинг В.Ф. Структура археологического познания: проблемы социально-исторического исследования. – Киев: Наукова думка, 1989. – 315 с.

Городцов В.А. Типологический метод в археологии // Антология советской археологии. – М.: Институт археологии РАН, Государственный Исторический музей, 1995. – Том I. – С. 27-30.

Гуляев В.И. «Новая археология» на современном этапе // Краткие сообщения Института археологии. – М.: 1990. – Вып.201. – С.62-67.

Гуляев В.И. Перспективы марксизма в западной археологии // Советская археология. – 1989. - №1. – С.243.

Гуляев В.И. Проблемы интерпретации погребального обряда в археологии // Краткие сообщения Института археологии. – М.: 1990. – Вып.201. – С.104-105.

Кениг А.В. Из истории становления англо-американской этноархеологии // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск-Уфа: 1997. - С.64-69.

Кениг А.В. К проблеме содержания термина «этноархеология» // Интеграция археологических и этнографических исследований. - Новосибирск-Омск: 1996. - С.10-12.

Кенинг Л.В. Этноархеология как метод археологических реконструкций (по материалам тазовских селькупов): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Сургут: 1997. –18 с.

Классификация в археологии: терминологический словарь-справочник / Под ред. В.С. Бочкарева. – М.: Наука, 1990. – 156 с.

Клейн Л.С. New perspective in archaeology // Советская археология. – 1973. - №2. – С.303.

Клейн Л.С. Археологическая типология. – Л.: АН СССР, 1991. – 449 с.

- Клейн Л.С. Археологические источники. – С.-Пб.: ФАРН, 1995. – 352 с.
- Клейн Л.С. Археология и этнография: проблема сопоставлений // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск-Санкт-Петербург: 1998. – С.97-120.
- Клейн Л.С. Проблема определения археологической культуры // Советская археология. – 1970. - №2. – С. 37-51.
- Клейн Л.С. Теория и терминология: взгляд из Ньюкасла // Stratum. – 1999. - №2. – С. 334-338.
- Колесников М.А. Методы реконструкции хозяйственной деятельности в английской и американской «новой археологии»: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Киев: АН УССР Институт археологии, 1989. – 16 с.
- Лайтко Г.Н. Научная школа – теоретические и практические аспекты // Школы в науке. – М.: Наука, 1977. – С. 217-235.
- Лебедев Г.С. История советской археологии. 1700 – 1971 гг.– С.-Пб.: Издательство Ленинград. гос. ун-та, 1992. – 464 с.
- Массон В.М. [Рецензия] // Вопросы истории. – 1974. - №7. – С.200-201. – Рец. на кн.: Ренфрю К. Возникновение крито-микенской цивилизации / К. Ренфрю. - С.: 1973. – 273 р.
- Массон В.М. Достижения и перспективы советской археологической науки // Советская археология. – 1987. - №4. – С.5.
- Массон В.М. Исторические реконструкции в археологии. – Самара: Издательство Сам. гос. пед. ун-та, 1996. – 102 с.
- Массон В.М. Культурогенез, этногенез, глоттогенез // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. – Ижевск: Издательство Удмурт. гос. ун-та, 2000. – С. 37
- Массон В.М. Палеолитическое общество Восточной Европы (вопросы палеоэкономики, культурогенеза и социогенеза). – С.-Пб.: ИИМК РАН, 1994. – 71 с.
- Массон В.М. Первые цивилизации. – Л.: Издательство Ленинград. гос. ун-та, 1989. – 272 с.
- Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. – Л.: Наука, 1976. – 191 с.
- Массон В.М., Бочкарев В.С. К характеристике теоретических разработок зарубежной археологии // Краткие сообщения Института археологии. – М.: 1978. – Вып.152. – С.38-39.
- Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». – Казань, Изд-во Казанского гос. ун-та, 2000. – 298 с.
- Огурцов А.П. Научная школа как форма кооперации ученых // Школы в науке. – М.: Наука, 1977. – С.248-253.
- Пряхин А.Д. История советской археологии (1917-середины 30-х гг.). – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1986. – 288 с.
- Щетенко А.Я. К оценке современных тенденций в англо-американской археологии // Вопросы теории археологии и древней истории. – Ашхабад: Ылым, 1981. – 124 с.

Binford L.R. Archaeology as anthropology // American Antiquity. – 1962. - Vol. 28. № 1. – P. 217-225.

Schiffer M.B. The structure of archaeological theory // American antiquity. - 1988. - Vol. 53. - P. 461-485.

Willey G.R., Sabloff J.A. A History of American Archaeology. – New-York: 1980. – 376 p.

Н.Б.Щербаков

*Башкирский государственный педагогический
университет им. М.Акмиллы, Уфа*

К ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ ЭПОХИ КАМНЯ В РАННЕЙ ИСТОРИИ ФИННО-УГОРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Эпоха позднего палеолита – раннего мезолита на территории Северо-востока Европы характеризуется развитием свидерской культуры, которая затем сменяется культурой ямочно-гребенчатой керамики, ареал которой практически полностью совпадает с территорией современного расселения финно-угров (Мейнандер, 1982. С.10-11; Крайнов, Хотинский, Урбан, Молодцова, 1973. С.56). Однако, часть территории распространения ямочно-гребенчатой керамики в последствии была занята и восточно-славянскими племенами (Польша, западные и северные области Русской равнины). Керамический материал сперрингс несет на себе отличительные особенности двух групп населения (Гурина, 1961), что может свидетельствовать о проникновении или о генетической связи сперрингс с населением Урала и Сибири (Буров, 1965; Бадер, 1972). Однако финские исследователи и в частности К.Ф.Мейнандер, выделяли в сперрингс несколько этапов и рассматривали внутри одного из них культуру Киукайнен (Мейнандер, 1982. С.30). В то же время, для населения Финляндии этой эпохи, характерно более близкая преемственность с населением Кольского полуострова и Карелии, на территорию которых люди вероятнее всего проникали с более южных территорий (Девятова, 1988, с.9-10).

Остается до сих пор невыясненным возраст памятников типа Веретье (Брюсов, 1940. С.15; 1961. С.157; Фосс, 1952. С.43-54; Ошибкина, 1983), на основе которых исследователи пытаются очертить ареал единой прафинно-угорской культурной общности. Эта же проблема относится и к культуре Кунда, материалы которой должны стать основой для определения генетических контактов с населением Валдайского Приозерья (Жилин, 1993), что особенно важно, этот культурный тип имеет одновременные поселения и могильники.

Период позднего палеолита – раннего мезолита на территории Поволжья и Урала, по мнению исследователей, характеризуется следующими признаками: бутовская культура, которую связывают с предками финно-угорского населения, распространилась на данной территории и могла сложиться на

основе свидерской и аренбургской культур (Гурина, 1970; Римантене, 1973), однако подобный контакт населения мог происходить видимо лишь на территории Прибалтики, тогда мнения археологов о заселении Северо-востока Европы предками финно-угров с территории Урало-Поволжья может быть поставлено под сомнение.

Не выясненным остается вопрос о генетической связи бутовской культуры с усть-камской и камской археологическими культурами, которые, согласно точке зрения ряда авторов, сложились на местной палеолитической основе, хотя не отрицается и возможность инфильтрации населения (Косменко, 1988; Галимова, 1998). В то же время, есть возможность предположить родственность приуральского мезолита с памятниками Нижней Камы и Среднего Поволжья (Бадер, 1961; Буров, 1965; Косменко, 1977; Матюшин, 1976; Галимова, 1998). Следом за А.Х.Халиковым, М.Г.Косменко и Р.С.Габяшевым можно полагать, что существовала преемственность традиций камнеобработки позднемезолитических памятников типа Кабы-Копрынской и II Русско-Луговской стоянок с населением с накольчатой керамикой (Габяшев, 1978. С.5-6). Однако, необходимо отметить, что в отечественной археологии не сложилось единства взглядов на проблему культурно-хронологического соотношения памятников с накольчатой и гребенчатой керамикой, также существуют определенные трудности в доказательстве родственности камской гребенчатой посуды и накольчатой керамики (Габяшев, 1978. С.4, 7).

До сих пор, материалы со всей территории Европы не дают оснований предположить местные истоки доместикации животных, т.к. найденные остеологические материалы одомашненных особей не находят аналогов среди диких предков. Исходя из этого, можно предположить, что доместикация происходила вне территории Европы, откуда одомашненные животные вместе с мигрирующими племенами и путем обмена могли проникнуть к населению европейских степей (История крестьянства СССР..., 1987. С.111). В то же время ни животноводство, ни земледелие не могли возникнуть самостоятельно, т.к. свидетельства наличия земледелия и скотоводства отмечаются уже у племен ямочно-гребенчатой керамики (стоянки Пекари и Доминское в Посеймье; в верховьях р.Воронеж – стоянки Подзорново и Глинище, на последней из которых ямочно-гребенчатая керамика имеет прямые аналогии с ямочно-гребенчатой керамикой Волго-Окского региона) (История крестьянства СССР..., 1987. С.149-150). Основываясь на концепции каменного века Зауралья и Западной Сибири отечественных археологов, можно сделать вывод о том, что имеет место преемственность памятников от верхнего палеолита к мезолиту на данной территории (Косменко, 1977, 1988; Мельничук, Павлов, 1987; Гусенцова, 1993; Сидоров, 1998; Голдина, 1999; Сериков, 2000).

В эпоху неолита на рассматриваемой территории происходят следующие процессы. На всей территории лесной части Северо-востока отмечается наличие двух групп памятников – с накольчатой керамикой и гребенчатой орнаментацией, хотя встречаются и смешенные комплексы, что ряд исследователей объясняют автохтонностью данного населения (Фосс, 1952; Гусенцова, 1993; Мельничук, Пономарева, 1984; Никитин, 1988). Можно

предположить, что не представляется возможным проследить генетическую преемственность между племенами ямочно-гребенчатой керамики и племенами волосовской культуры (Фосс, 1952; Третьяков, 1990), тогда как остается неясным происхождение самого волосово, о чем говорят исследования археологов: 1) волго-камское происхождение (Бадер, 1959, 1961; Халиков, 1958; Третьяков, 1972) или волго-окское происхождение (Крайнов, 1981).

Территория Поволжья и Приуралья стала зоной, на которой происходило смешение двух традиций – гребенчатой (камской) и гребенчато-ямочной (волго-окской), что может объясняться объединением финно-угорского населения (Голдина, 1999; Никитин, 1996; Наговицын, 1990). Гребенчатый комплекс связывается с Прикамьем, а так как волосово также могло сложиться в Волго-Камье, на основе волго-камской культуры (Крайнов, 1981), то можно предположить следующее, что именно территория Волго-Камья и Приуралья стала ареалом перехода от ямочно-гребенчатой керамики к волосово, которое затем стало продвигаться на запад, именно этот процесс может объяснить причину отсутствия генетической связи между ямочно-гребенчатой керамики и волосово на территории Северо-востока.

На территории Прикамья наблюдается преемственность в развитии культур с эпохи раннего неолита к позднему энеолиту, причем, в Верхнем Поволжье энеолит представлен волосово, сложившемся на основе смешения верхневолжской и ямочно-гребенчатой керамики (Крайнов, 1981). Волго-Камье на данном этапе представлено дальнейшим распространением ямочно-гребенчатой керамики и сложением новоильинской культуры, генезис которой происходил на основе хуторской культуры. На втором этапе энеолита новоильинский комплекс начинает деление на локальные варианты, ставшие позже самостоятельными культурами – новоильинский (Бадер, 1961; Наговицын, 1987), гаринский, юртиковский (Гусенцова, 1993) и волосовский средневолжского варианта. Практически все культуры энеолита лесной зоны произошли на основе местных, испытавших значительное влияние ямочно-гребенчатой керамики культур, на ряде территорий (Верхнее Поволжье и Карелия) в результате подобного влияния могли полностью смениться неолитические культуры. В то же время гребенчатые узоры ранних фаз верхневолжской культуры значительно ближе днепро-донецким и нарвским, чем средневолжским, прикамским и сурско-мокшанским. Вряд ли можно спорить с тем, что днепродонецкая и нарвская культуры сложились не на одной основе с культурами Средней Волги. Разность происхождения вряд ли ведет к этническому единству. Поэтому речь может идти об историко-культурной области. Об активных контактах могут говорить и данные погребального обряда, по которому население Урала сближается с обрядами среднеазиатского междуречья, лесного Поволжья и лесного Зауралья (Шорин, Нохрина, 2000).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер О.Н. Новые раскопки Турбинского I могильника. – Ок (В) АЭ, Вып.1, 1959

- Бадер О.Н. Некоторые итоги и перспективы изучения каменного и бронзового веков Урала // Вопросы археологии Урала. - Свердловск, 1961
- Бадер О.Н. О древнейших финно-уграх на Урале и древних финнах между Уралом и Балтикой // Проблемы археологии и древней истории угров. - М., 1972
- Буров Г.М. Вычегодский край. Очерк древней истории. - М., 1965.
- Брюсов А.Я. История древней Карелии. - М., 1940
- Брюсов А.Я. Об экспансии культур с боевыми топорами в конце III тыс. до н.э. // Советская археология. - 1961. - №3.
- Габяшев Р.С. Неолит Нижнего Прикамья // Автореф. дисс. канд. ист. наук. - Казань, 1978
- Галимова М.Ш. Памятники позднего палеолита и мезолита в устье Камы // Дисс. канд. ист. наук. - М., 1998.
- Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. - Ижевск, 1999
- Гурина Н.Н. Древняя история северо-запада Европейской части СССР. - М., 1961.
- Гурина Н.Н. Верхневолжские микролиты в свете новых исследований // Археологические исследования, посвященные памяти Харри Моора. - Таллин, 1970
- Гусенцова Т.М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. - Ижевск, 1993.
- Девятова Э.И. Палеография и освоение человеком Карелии // Поселения древней Карелии (от мезолита до эпохи средневековья). - Петрозаводск, 1988
- Крайнов Д.А., Хотинский Н.А., Урбан Ю.Н., Молодцова Е.М. Древнейшая ранне-неолитическая культура Верхнего Поволжья // Вестник АН СССР, № 5. - М., 1973.
- Жилин М.Г. Костяное вооружение древнейшего населения Верхнего Поволжья. - М., 1993
- История крестьянства СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Предпосылки становление крестьянства. Т.1., М., 1987
- Косменко М.Г. Мезолит Среднего Поволжья // Краткие сообщения Института археологии АН СССР, Вып.149. - М., 1977
- Косменко М.Г. Поселения периода бронзы и железного века в Карелии Поселения древней Карелии (от мезолита до эпохи средневековья). - Петрозаводск, 1988.
- Крайнов Д.А. К вопросу о происхождении волосовской культуры // Советская археология. - 1981. - № 2.
- Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. - М., 1976
- Мейнандер К.Ф. Финны - часть населения северо-востока Европы // Финно-угорский сборник. - М., 1982.
- Фосс М.Е. Древнейшая история севера европейской части СССР // Материалы и исследования по археологии СССР, №29. - М., 1952.

- Мельничук А.Ф., Пономарева Л.В. Неолитическая стоянка Чашкинское озеро VI // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. - Пермь, 1984
- Мельничук А.Ф., Павлов П.Ю. Стоянка Горная Талица на р.Чусовой и проблема раннего мезолита в Прикамье // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. – Ижевск, 1987, с.16-17.
- Наговицын Л.А. Культурно-хронологическое соотношение гаринских и борских памятников Прикамья // Энеолит лесного Урала и Поволжья. – Ижевск, 1990, с.82-96.
- Наговицын Л.А. О хозяйстве населения Вятского края в эпоху энеолита // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. – Ижевск, 1987, с.31
- Никитин В.В. Каменный век Марийского края // Труды Марийской археологической экспедиции. Т.IV. – Йошкар-Ола, 1996, с.72
- Никитин В.В. Культура населения с гребенчато-ямочной керамикой правобережья Средней Волги // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. – Казань, 1988
- Ошибкина С.В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. – М., 1983.
- Римантене Р.К. Неолит Литвы и Калининградской области // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита: Материалы и исследования по археологии СССР. - Л., 1973, № 172.
- Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. – Нижний Тагил, 2000.
- Сидоров В.В. Трансформации и миграции культур каменного века лесной зоны Восточной Европы // Тверской археологический сборник. – Тверь, 1998
- Третьяков В.П. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе европейской части СССР. - Л., 1972
- Третьяков В.П. Волосовские племена в европейской части СССР в III – II тыс. до н.э. - Л., 1990
- Халиков А.Х. Неолитические памятники в Казанском Поволжье // Материалы и исследования по археологии СССР; № 61- М., 1958.
- Шорин А.Ф., Нохрина Т.И. Погребальный обряд энеолитического населения Урала // Археология, этнография и антропология Евразии, 2000, №1

СЕКЦИЯ КАМЕННОГО И БРОНЗОВОГО ВЕКОВ

И.М. Акбулатов¹, Г.Н. Гарустович²

¹Бирская государственная социально-педагогическая академия, Бирск

²Национальный музей Республики Башкортостан, Уфа

НУГУШСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ЗАПАДЕ БАШКОРТОСТАНА

На протяжении уже нескольких прошедших десятилетий раскопки поселений в западных районах Республики Башкортостан не проводились, а последние стационарные исследования памятников срубной культуры в этих районах осуществлялись еще А.В.Збруевой, в 50-х годах XX в. (Збруева, Тихонов, 1970). Но в 2006 г., в пределах Туймазинского района РБ авторами проведены полевые работы на территории Нугушского поселения эпохи поздней бронзы, с материалами которого мы и хотим ознакомить заинтересованного читателя.

Ареалообразующим признаком региона являются Бугульминско–Белебеевская возвышенность, с ее многочисленными (но не очень высокими) холмами, покрытыми богатым разнотравьем. Гористые всхолмления ограничивают долинские участки, занятые богатой степной растительностью. Широкие поймы и пологие склоны гор предоставляют хорошие возможности для весенне-летнего выпаса скота. Низкие территории дренируются многочисленными родниками и маленькими речками с постоянным течением, питаемые ручьями. Традиционно считается, что на территории Приуралья памятники срубной культуры большей частью приурочены к руслам относительно крупных рек (Белая, Чермасан, Дема, Ик) (Морозов, Рутто, 2004. С. 79). Но данное поселение занимает низкий берег мелкой, мало подверженной сезонным колебаниям и не пересыхающей речки. Важными особенностями рассматриваемого памятника мы считаем то, что он однослойный, а также наличие в культурном слое значительного числа индивидуальных находок (что, в общем-то, не характерно для срубных стоянок). Памятник открыт осенью 2004 г. Ф.М.Тагировым и С.В.Рязановым.

Поселение расположено на западной (ЮЗ) окраине дер. Нур (Заготскот) Кандринского с/с (отделения совхоза «1 мая»), на частично распаханной террасе правого берега речки Малый Нугуш (Рис. 1, 1). Терраса имеет плавный уклон в сторону русла реки. К северу (СВ) от территории стоянки возвышается гора, закрывающая площадку от господствующих ветров. В наши дни, часть усадеб деревни заброшена и поросла бурьяном, но ранее здесь были огороды. Культурный слой регулярно разрушается при посадке картофеля. На засаженных участках мы собрали большое количество подъемного материала (ПМ). Находки на огородах позволили определить границы памятника: длиной 130 м вдоль террасы (по линии ССЗ - ЮЮВ), шириной около 30 м.

Нами было размечено два раскопа (Р.І- 208 кв.м, Р.ІІ- 460 кв.м), площадью 668 кв.м (Рис. 1, 1). Они располагались на двух заброшенных

участках, разделенных линией возделанного огорода. **Раскоп I** размещен в южной (ЮВ) части поселения, имел прямоугольную (с уступом) форму, он вытянут по линии СВ–ЮЗ (т.е. развернут поперек террасы), разделен на 13 секторов 4х4 м (Рис. 1, 2). Максимальная длина раскопа 32 м, максимальная ширина 8 м.

Стратиграфия раскопа I: Продольная бровка I (центральная, длина 32 м) (Рис. 1, 5): сверху залегал пахотный слой (супесь серо-черного цвета), мощностью до 0,3 м; он подстилался слабо гумусированным суглинком коричневого цвета (слой погребенной почвы), мощностью от 0,3 до 0,6–0,64 м; ниже располагался материк – суглинок светло-коричневого цвета.

Поперечная бровка V в центре раскопа I (длина 8 м): до 0,3 м - пахотный слой; от 0,3 до 0,59–0,62 м – слабо гумусированный суглинок; материк - светло-коричневый суглинок (Рис. 1, 6).

В секторе 13 (Р. I, кв. В9) на глубине -52 см от нулевой отметки найдено значительное число (19 экз.) разрозненных костей животных, в том числе челюстей и зубов КРС и лошади. Часть костей расколота. Мы условно назвали данную бессистемную «кучу» – «скоплением №1».

Строительные объекты. В раскопе I фиксировалась система столбовых ямок расположенных рядами, ориентированными по линии ЗЮЗ–ВСВ (уходящих за стенку раскопа). Всего мы расчистили 62 ямки. Все они имели округлую или овальную в плане форму, диаметром 10-25 см, углублены в материк на 10-20 см (Рис. 1, 2). В некоторых случаях ямки вплотную примыкали друг к другу. Небольшой диаметр столбовых опор свидетельствует в пользу того, что они являются остатками оград, возможно – загонов для домашних животных или заборов огородов. Ограды ориентированы так, что длинными сторонами они развернуты перпендикулярно к руслу реки, и в этом отношении они близко напоминают направление современных приусадебных огородов (на Рис. 1, 2 – ряды отмечены пунктиром). Можно предположить также, что заборы были разновременными, поэтому как бы «накладывались» друг на друга. Расстояние между опорами от 1,5–2 до 3,5 м. О еще одном возможном предположении назначения рядов столбовых ямок мы скажем ниже.

В секторах 2 и 3 (Р. I, кв. А4-5) была выявленная уходящая за пределы раскопа округлая (?) **яма №1** неизвестного назначения (м.б. оконечность жилищного котлована?) (Рис. 1, 2). Яма имеет наклонные стенки, линзовидный профиль, глубина ее в стенке раскопа составляет 0,2-0,22 м, диаметр расчищенной части 2 м. Заполнение – гумусированный суглинок, находок нет. Один ряд столбовых ямок (№1-15) вплотную примыкает к южной стороне ямы №1 (Рис. 1, 2).

Раскоп II располагался в 35 м севернее (СЗ) раскопа I, возле небольшой ложбинки образованной внешними водами. Раскоп разбит на 10 секторов 3х3 м, разделенных четырьмя меридиональными и одной широтной (центральной) бровки, через каждые 6 м (Рис. 1, 3). Стратиграфия близко напоминает залегание слоев в раскопе I: та же гумусированная супесь пахотного слоя и погребенной почвы, но в раскопе II фиксировалась еще одна предматериковая прослойка – суглинок мощностью 15-20 см (слой сильно пронизан норами

грызунов). Материковая глина в раскопе II имела интенсивно желтый цвет. Структура почвы 2 и 3 горизонтов не сильно отличается от первого (верхнего) слоя, но плотность их была заметно выше.

После зачистки на уровне материка, в ЮЗ секторе, в северной части раскопа II, обнаружены 4 столбовые ямки (диаметром 12-20 см, глубиной 15-20 см), в заполнении которых ничего не найдено. Ямки образуют ряд вытянутый по линии СЗ – ЮВ (Рис. 1, 3).

Колодец. В юго-восточном секторе, в северной части раскопа, выявлено пятно черного гумуса (Рис. 1, 3), диаметром 2,5 м. Яма колодца, по мере углубления, сужалась до 80 см на отметке -328 см. На глубине -130 см четко обозначилась пологая ступенька по всему периметру ямы, шириной 0,3-0,75 см (Рис. 1, 4). Начиная с отметки -230 см, в заполнении встречались: куски сгнивших деревянных плах, обрывки бересты, фрагменты керамики от толстостенных лепных сосудов баночной формы (венчики- 18, орнаментированные стенки- 4, неорнам. стенки- 80) и кости животных (369 обломков). Всего находок в колодце – 471 экз. По всей видимости, в древности устье колодца было оформлено венцом из бревнышек и камней. Колодец закрывался крышкой покрытой берестой. При разрушении колодца остатки его наружной облицовки завалились внутрь ямы.

Расположение строительных конструкций позволяет предполагать, что жилищный котлован располагался как раз между нашими раскопами. Но на этой засаженной территории (на поверхности здесь собрано больше всего находок) копать мы естественно не могли. В то же время, можно высказать предположение о том, что срубное жилище на поселении было наземным, с системой каркасно-столбовыми опор. Возможно, это была постройка с легкими турлучными стенами. При этом, ориентация рядов столбовых ямок позволяет говорить о развороте поперечной стены жилища перпендикулярно руслу реки (Рис. 1, 2,3). В таком случае, колодец оказывается внутри каркасной постройки, как это обычно бывает в жилищных котлованах эпохи бронзы.

Находки встречались по всей площади раскопов. На *1 горизонте* встречались мелкие фрагменты керамики и камни, а в раскопе II еще угольки и шлак. Несомненно, находки этого пахотного слоя переотложены. Основная масса артефактов (это фрагменты керамики и кости животных) залегала на *2 и 3 горизонтах*, в слое коричневого гумусированного суглинка. Второй горизонт более насыщен находками, чем третий.

Всего на поселении найдено **3172 предмета**: индивидуальные находки- 32 экземпляра (ПМ- 6 экз., Р.І- 22 экз., Р.ІІ- 4 экз.); камни- 201 экз.(Р.І- 86, Р.ІІ- 115); обломки костей животных- 1609 экз.(Р.І- 381, Р.ІІ- 859, колодец- 369); керамика- 1330 фрагментов (ПМ- 342, Р.І- 335, Р.ІІ- 551 и кол.- 102). В свою очередь, 1330 фрагментов керамики делится на: венчики- 165 экз.(ПМ- 28, Р.І- 51, Р.ІІ- 68, кол.- 18), орнаментированные стенки- 124 экз.(ПМ- 42, Р.І- 30, Р.ІІ- 48, кол.- 4), неорнаментированные стенки- 1001 экз.(ПМ- 263, Р.І- 242, Р.ІІ- 416, кол.- 80); плоские днища- 40 экз.(ПМ- 9, Р.І- 12, Р.ІІ- 19).

Изделия из камня. Отбойники (3 экз.). 1) Орудие ударного действия, из продолговатого обломка диабаз серо-зеленого цвета, с округлыми или

вытянутыми раковинами сколов на гранях. Часть выбоин покрыта тонкой патиной (т.е. они достаточно древние), а другие относительно недавние – возникшие в процессе рабочего использования орудия срубным населением эпохи поздней бронзы (Рис. 2, 7). Размеры: 12,5x4,4-6,5 см, толщиной 4,5-6,0 см. Один из торцовых концов отбойника был рабочим (ударным) краем, и как раз здесь заметны самые глубокие «свежие» сколы и выбоины различных направлений и глубины. Орудие происходит из подъемного материала.

2) Еще один отбойник (Р.І, кв. 8/3, Рис. 2, 10) изготовлен из известняковой окатанной гальки. Орудие разбито продольно ее длине (вторая его половина не найдена), кроме того, сломан один из торцовых концов. Размеры сохранившейся части отбойника: 10x6,5-7,7 см, толщина 2,4 см. Сохранившийся торцовый рабочий край основательно стерт и сбит, и здесь помимо заломов и выбоин от ударов видны риски появившихся в процессе растирания зерен и семян растений. Данный факт позволяет утверждать, что орудие использовалось не только как отбойник, но и в качестве песта.

3) В раскопе II (кв. Г4/4) найден отбойник из продолговатой базальтовой гальки, размером 11,2x6 см.

Терочники (2 экз.). Для этих орудий использовались овальные и продолговатые гальки окатанные рекой. Вытянутый булыжник из плотного мелкого песчаника, размером: длиной 12,0 см, толщиной и диаметром 4,5-5,6 см (Рис. 2, 4), происходит из подъемного материала. Стертости и царапины на торцовых концах орудия прямо свидетельствуют о том, что оно использовалось в качестве песта.

Второй терочник найден в кв. 3/2 (Р.І, Рис. 2, 8). Овально-уплощенная галька из серо-красного гранита, имела размеры: 7,4x5,9 см и толщину 4,4 см. На двух поперечных концах орудия заметны рабочие стертости.

Терочные плитки (всего 13 экз.; из них: Р.І -10 экз., Р.ІІ -3 экз.). В качестве терочных плит использовались плоские обломки местного песчаника серого (одни светлее, другие темнее) цвета, но большая часть найденных нами предметов – это обломки плиток. Они различаются лишь зернистостью песка (крупные или мелкие гранулы). У многих плиток терочная поверхность имела лишь с одной стороны, но есть предметы на которых растирание плодов производилось с двух сторон. Можно предположить, что плитки также могли служить для измельчения разбитой керамики и получения шамота.

1) Плитка из кв. 4/1 (Р.І, Рис. 3, 8) имела размеры: 11,5x10,3 см, толщина 0,7 см; 2) плитка из кв. 12/1 (Р.І, Рис. 3, 3) имела подпрямоугольную форму, размеры: 12,9x11,2-12,1 см, толщина 1,9-2,4 см; 3) плитка из кв. 9/1 (Р.І, Рис. 3, 4) имела размеры: 10,6-6,0x6,4-8,0 см, толщина 2,4-2,7 см; 4) плитка из кв. 8/3 (Р.І, Рис. 3, 10) имела размеры: 11,8x8,5-10,6 см, толщина 0,9-1,2 см; 5) плитка из кв. 8/3 (Р.І, Рис. 3, 6) имела размеры: 8,0x6,0 см, толщина 2,7 см; 6) плитка из кв. 11/1 (Р.І, Рис. 3, 7) имела размеры: 9,0x5,5 см, толщина 1,6-1,8 см; 7) плоская плитка из кв. 11/1 (Р.І, Рис. 3, 5) имела размеры: 9,4x8,6 см, толщина 1,0-1,5 см; 8) плитка из кв. 6/1 (Р.І, Рис. 3, 11) имела размеры: 7,0x2,4-5,0 см, толщина 1,5 см; 9 - 10) обломки двух плиток из кв. 12/2 и 8/2 раскопа I; 11-13) в

кв. В5, А3, Б5 раскопа II на 1 и 2 штыках найдены фрагменты трех аналогичных плиток, размером: 10,3x13,7; 14,6x8,5 и 12,3x10,5 см.

Подвеска из сланца (1 экз.). Это было украшение из плоской гальки (толщина 0,4-0,3 см) овальной формы, с просверленным отверстием для подвешивания (Рис. 2, 5). Галька из черного сланца, гладко окатана, размером: 4,0x2,0-2,2 см.

Комбинированный скребок из кремня (1 экз.) (Рис. 2, 3; Р.І, кв. 7/3) – одно из полностью сохранившихся орудий Нугушского поселения. Скребок на овальной пластине серого приуральского кремня не очень высокого качества, размером: 3,5x1,7-2,3 см, толщиной 0,6-0,8 см. Брюшко скребка не обработано (на нем есть лишь заломы образовавшиеся в процессе работы), зато спинка тщательно изготовлена и подправлена широкой, но тонкой ретушью. Мелкой ретушью обработаны концевое и боковые лезвия. Ретушированная спинка слегка затерта (заполирована), видимо во время обработки шкур.

Изделия из бронзы. Пластинчатый браслет (1 экз.) найден в раскопе I (кв. 2/1, Рис. 2, 9). До нас дошла половинка украшения, согнутого углом из тонкой металлической пластины (ширина 0,2 см). Сохранившийся кончик несомкнутого браслета загнут крючком. Предположительные размеры наручного женского или детского бронзового украшения – 5,5x4,5 см. Других металлических орудий на территории Нугушского поселения не найдено, но здесь зафиксированы следы местного бронзолитейного производства. Это два куска древесного угля (Р.І, кв. 2/2 и ПМ), а также три обломка медных шлаков (Р.ІІ, кв. А6/1, Б5/1 и Г8/1).

Костяные орудия. Лоцила из нижней челюсти коровы (2 экз.). Среди костей животных из скопления в секторе 13 (на 3 штыке) раскопа I обнаружено два обломка орудий для обработки кожи. Фрагмент первого предмета (Рис. 3, 1) имел длину 11 см, ширину 2-3 см. На «корпусе» орудия видны царапины (нарезки).

Второй костяной скребок (Рис. 3, 2) сохранился лучше, он имел длину ок. 11,5 см, ширину ок. 3,5 см. Один конец обломан (утрачен), а другой (изгиб нижней челюсти) был спилен еще в древности. На боковых гранях лоцила сохранились риски и стертости. Внутренний боковой край скребка еще в эпоху бронзы сточен на острие. На одной из плоскостей орудия нанесены пять поперечных неглубоких срезов, оставленных бронзовым ножом (?), а на изгибе челюстной кости есть еще один глубокий вырез.

Изделия из глины. Дисковое керамическое грузило (1 экз.), обнаружено в кв. 7/2 (Р.І, Рис. 2, 1). Диаметр овального в сечении (толщина 1,1-1,6 см) грузила ок. 6,1-6,2 см, с отверстием диаметром 1,1-1,2 см в центре. Дырка сверлилась с двух сторон (отсюда – конусовидная форма отверстия у поверхности орудия). Края диска по окружности плавно скошены и закруглены. Лицевые плоскости украшены соляренным орнаментом из оттисков веревочки. Но рисунок не аккуратный, грубый и неровный.

На одной стороне была изображена фигура из завитков шнура средних размеров или меандровый орнамент. Но глине не дали высохнуть и перевернули для украшения другой стороны предмета. В результате - рисунок

сильно стерся. Орнамент на обратной стороне грузила сохранился лучше. Здесь хорошо видно «солнце» - центральное отверстие, от которого отходят восемь шнуровых отрезков-лучей. Между этими длинными лучами нанесены короткие отрезки, выдавленные шнуром намотанным на палочку (Рис. 2, 1). «Солнце» (оно же – центральное отверстие) украшено «бахромой» из тех же косо поставленных шнуровых вдавлений.

Грузило изготовлено из глины светлого серо-коричневого цвета, ровно обожжено, и хотя вылеплено грубовато, все же - старательно заглажено. В глиняное тесто добавлялась крупно рубленая растительность (камыш или осока), которая выгорела при обжиге оставив после себя пустоты и каверны.

Данное глиняное грузило не обязательно использовалось для рыболовных сетей, скорее, это был утяжелитель нитей ручного вертикального ткацкого станка. Керамический предмет следует считать наиболее интересной находкой с территории Нугушского поселения.

Глиняное пряслице (1 экз.). В кв. 5/3 (Р.І, Рис. 2, 2) найден цилиндрический грузик на веретено, диаметром ок. 3 см, высотой 1,5 см, с центральным отверстием (несколько смещенным от центра пряслица) диаметром ок. 0,6 см. На плоских гранях видны вмятины от пальцев древнего гончара. Глина светло-коричневого цвета, без видимых примесей, хорошо обожжена и слегка заглажена.

Маленький сосудик (1 экз.). Обломки одного керамического сосуда (Р.І, кв. 7/1, Рис. 2, б) мы посчитали возможным упомянуть среди индивидуальных находок. Верхняя часть горшка не сохранилась. Тулово округлое, оно плавно расширялось почти до самого плоского дна (т.е. сосуд имел вид колбы). Максимальный диаметр тулова – ок. 6 см. Керамика светло-коричневого цвета, неровного кострового обжига, без видимых примесей, толстостенная (ок. 1 см), плотная. Днище более тонкое (0,5-0,7 см), не имеет выступа по краю, диаметром 5,5 см. Сохранившаяся часть горшка не орнаментирована. Высота ранее превышала 5 см, а сейчас составляет 4 см. Внутренняя и внешняя поверхности хорошо заглажены. Назначение сосуда неизвестно, можно лишь сказать, что такая форма не типична для срубной керамики.

Керамика (1330 экз.). Вся керамика стоянки лепная, плоскодонная, неровного кострового обжига, серого и серо-коричневого цветов. В глиняном тесте фиксируются добавки мелко толченого шамота. Обработка стенок горшков не аккуратная, хотя встречаются сосуды с тщательно заглаженной лицевой поверхностью. На многих емкостях глубокие «зачесы» заметны изнутри и снаружи, часто являясь единственным украшением поверхности (Рис. 4, 4). Иногда подобная «штриховка» выполнялась только изнутри горшка.

В нашей коллекции, у половины сосудов придонная часть прямая (без закраины), тогда как у другой половины, по наружному контуру днища сделан налест – утолщение (Рис. 4, 13, 15). Сосуды приземистые, со слабо раздутым туловом и слабо профилированными, толстостенными. Тонкостенные емкости – редкость, это, как правило, маленькие горшки необычных форм (Рис. 4, 12). На Нугушском поселении преобладают баночные сосуды (71%), число горшечных (11%) и горшечно-баночных (18%) форм значительно меньше. Диаметры

венчиков 12-24 см, как исключение можно выделить маленькие сосудики (например – Рис. 4, 12; диаметр 7,5 см). Основу коллекции составляют горшки средних размеров (диаметром 14-20 см). Венчики, как правило, высокие раструбовидные или цилиндрические. Невысоких венчиков мало, края их слегка отогнуты наружу (Рис. 4, 2). Верхний срез венчиков прямой, иногда скошен наружу. По краю венчиков делались утолщения - наружные, реже – внутренние. Среди банок и горшечно-баночных форм встречаются как открытые (Рис. 3, 12-14), так и закрытые сосуды (Рис. 4, 11).

Обращаем внимание на то, что среди материалов Нугушского поселения (в основной массе - позних) есть несколько фрагментов с раннесрубными чертами. К примеру, обломки острореберных сосудов (Рис. 4, 5), или с орнаментацией из вдавлений поллой трубочки.

Орнамент большей части керамики беден, многие горшки вообще не орнаментированы (Рис. 5, 1-7). Украшались лишь венчики, шейки и плечики, но найдено несколько обломков, у которых орнаментирована придонная часть. Здесь наносились неровные пояски вдавлений гладкого или зубчатого штампа, прочерченные горизонтальные линии, и т.д. Элементы орнамента немногочисленны: пояски, зигзаги (Рис. 3, 14), «шагающая гребенка», а также заштрихованные треугольники вершинами вверх, горизонтальные елочки (Рис. 4, 10), и другие геометрические фигуры. Пояски располагались в верхней части сосудов, они компоновались из прямых или косо поставленных оттисков (Рис. 3, 13) гладкого узколистовидного штампа. Использовались также прочерченные орнаменты (Рис. 5, 5) и вдавления крупнозубчатого штампа. На венчиках и плечиках гребенка обычно имела средние размеры, встречаются клиновидные наколы, с мелкими зубчиками. На одном фрагменте стенки виден треугольник, выполненный оттисками шнура. К единичным видам орнамента относятся также пояски из овальных наколов (Рис. 3, 12) на шейке горшка. Многокомпонентные украшения - вообще редкость.

В целом, керамический комплекс Нугушского поселения однороден, относится к позднему этапу лесостепного варианта срубной культурно-исторической общности. Дата: около XIV-XII вв. до н.э. Ближайшим аналогичным памятником (в хронологическом и территориальном плане) можно считать срубную стоянку у дер. Бикметово Туймазинского района РБ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Збруева А.В., Тихонов Б.Г. Памятники эпохи бронзы в Башкирии // Древности Башкирии. М., 1970.

Морозов Ю.А., Рутто Н.Г. Ново-Барятинское поселение эпохи поздней бронзы // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. Уфа, 2004.

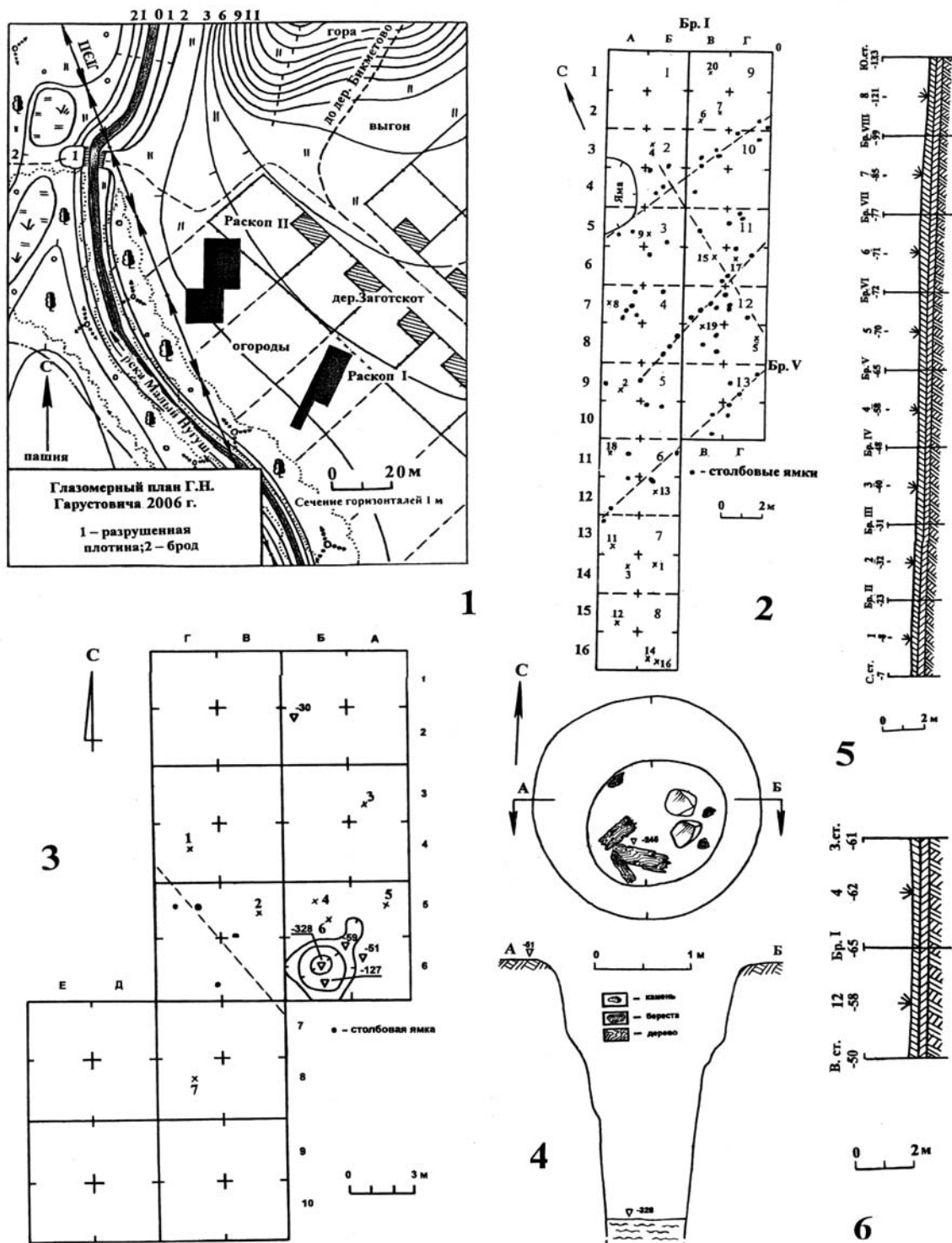

Рис. 1. Нугушское поселение. 1- план расположения поселения; 2- план раскопа I (№1-20 – индивидуальные находки; пунктиром показаны направление линий столбовых ямок); 3- план раскопа II (№1-7 – индивидуальные находки); 4- план и профиль колодца из раскопа II; 5- профиль бровки I (раскоп I); 6- профиль бровки V (раскоп I).

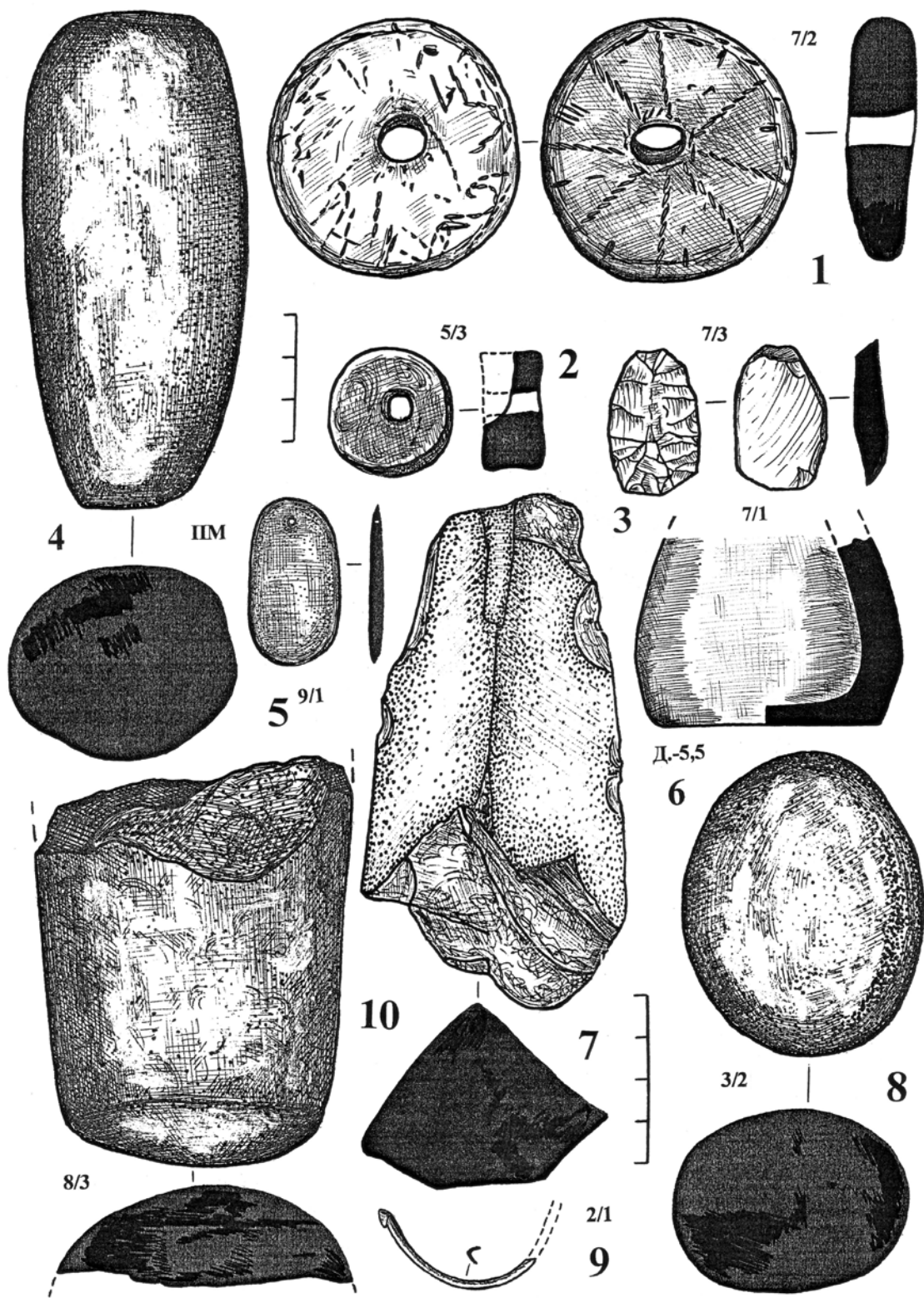

Рис. 2. Нугушское поселение. Индивидуальные находки на Нугушском поселении. 1-2,6 – глина; 3 – кремль; 4-5,7-8,10 – камень; 9 – бронза.

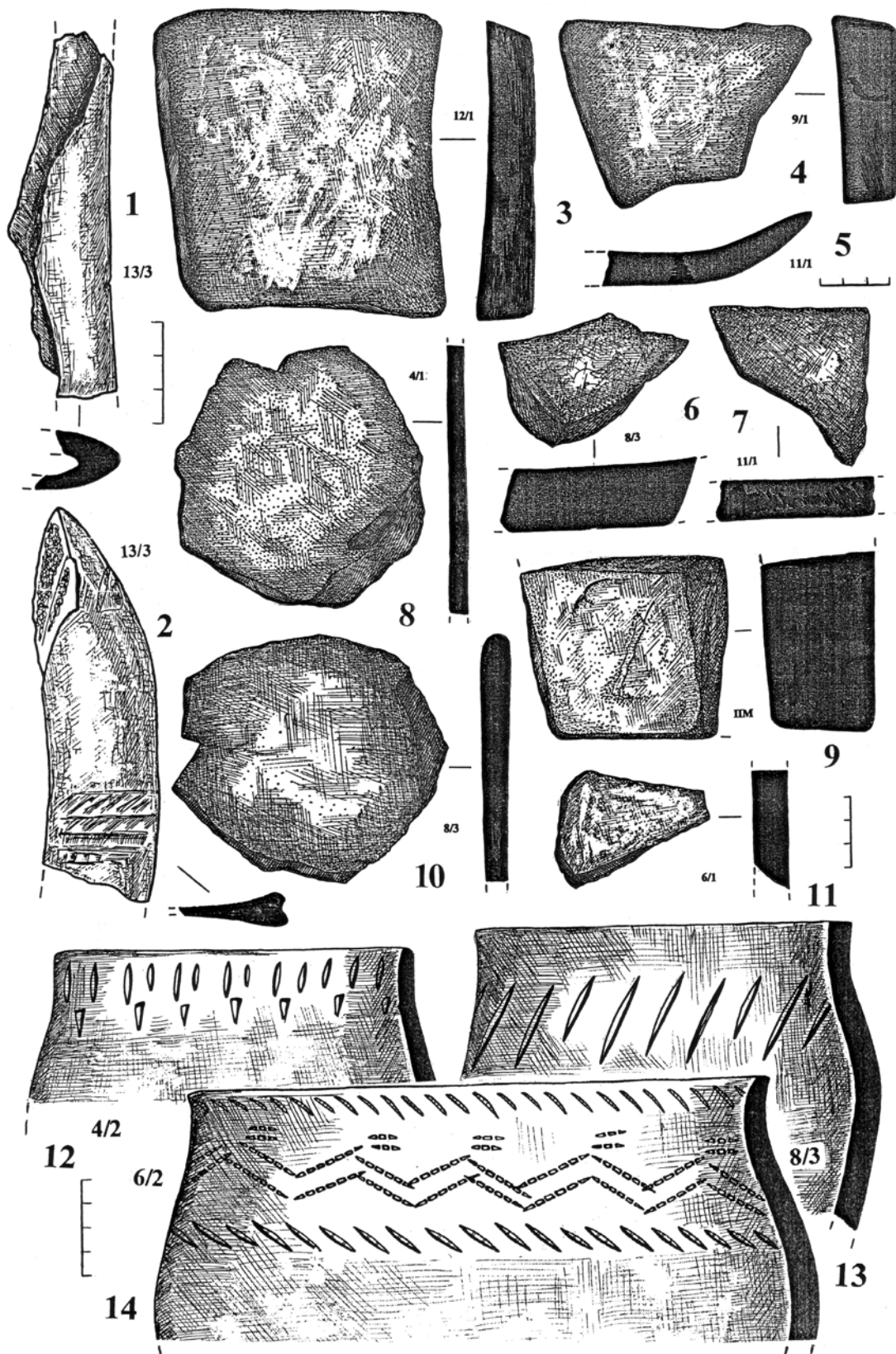

Рис. 3. Нугушское поселение. Находки из раскопа I.
 1-2 – обломки костяных тупиков; 3-11 – обломки каменных терочных плиток;
 12-14 – керамика.

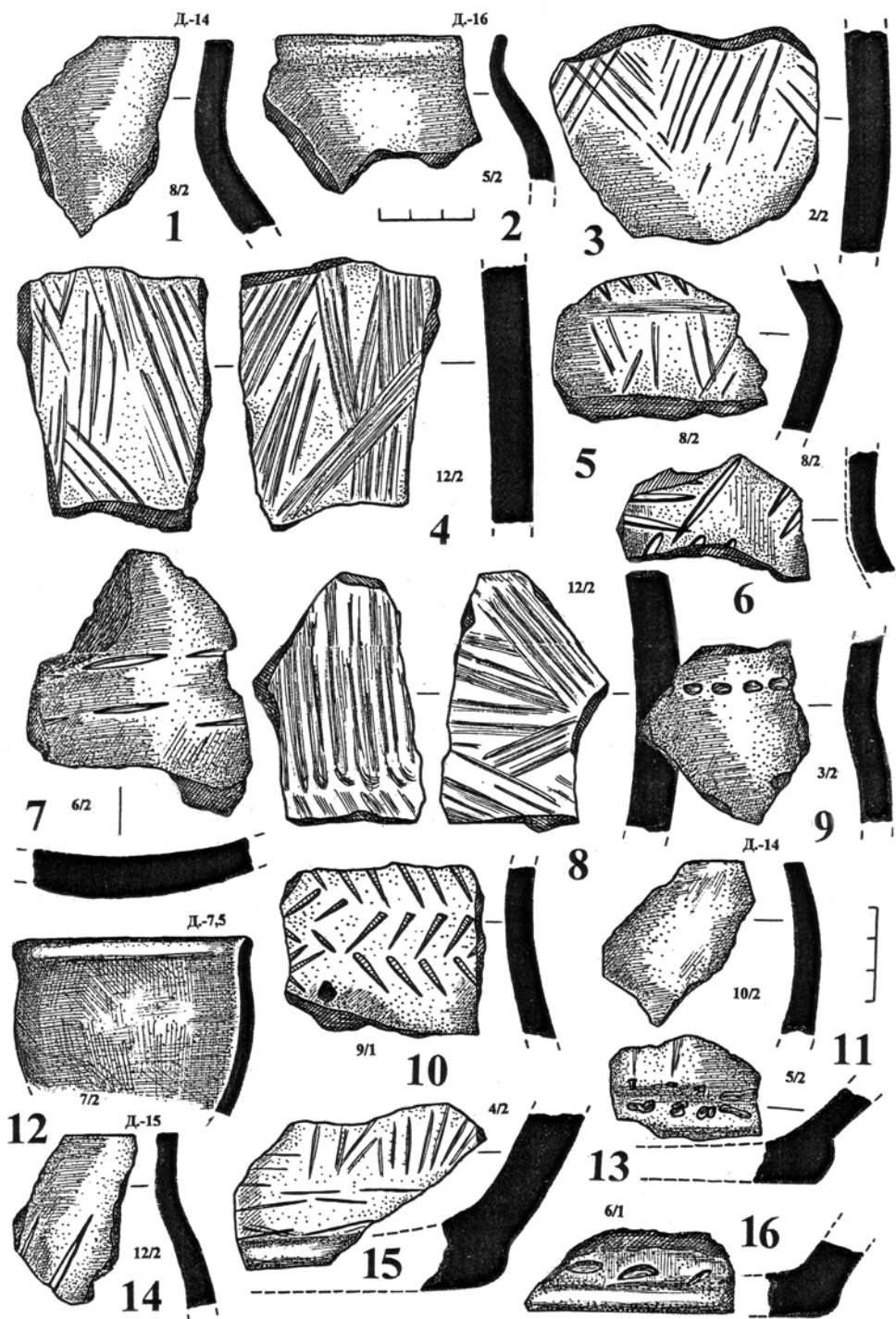

Рис. 4. Керамика Нугушского поселения (1-2 горизонты).

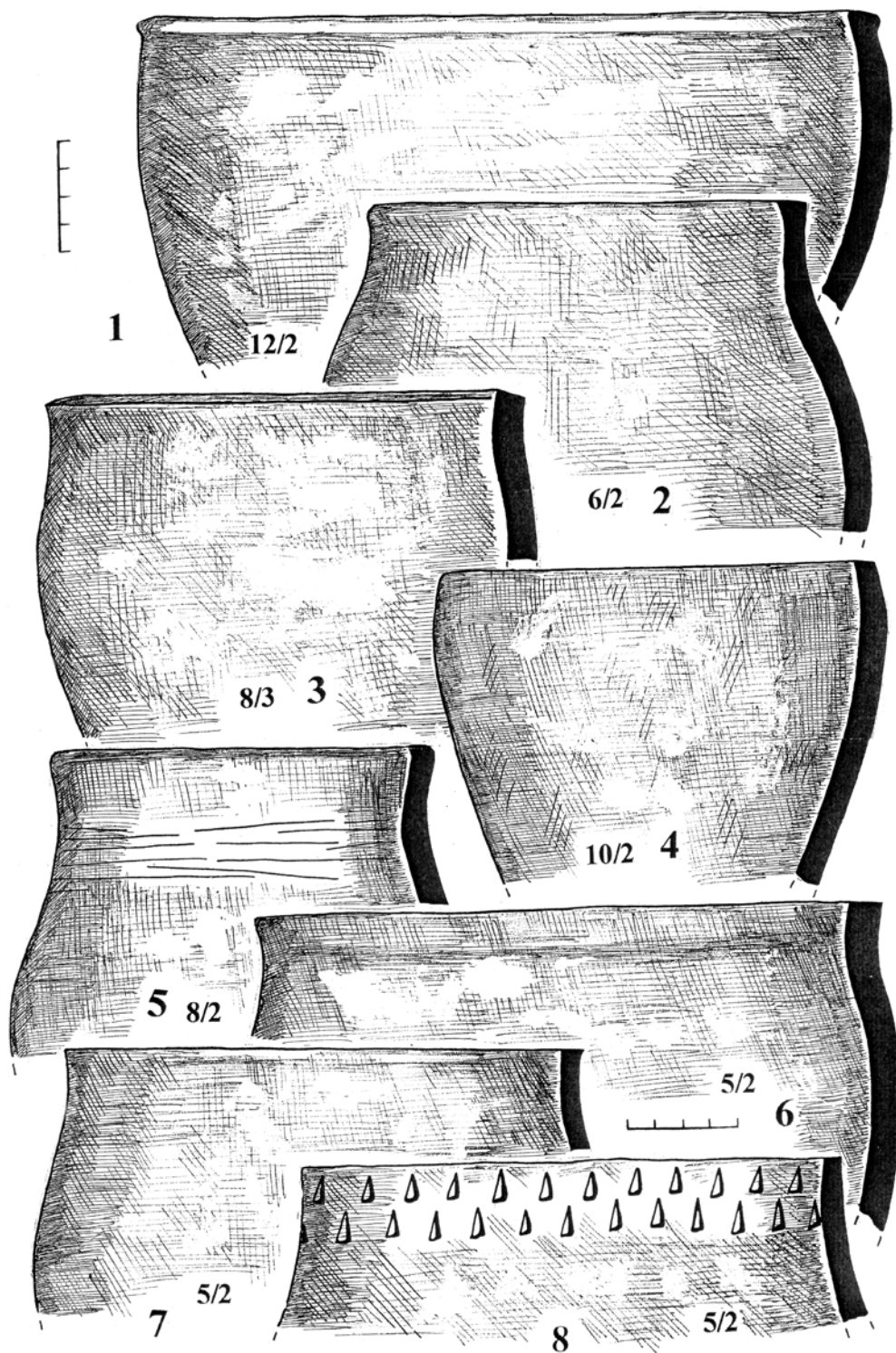

Рис. 5. Керамика Нугушского поселения (2-3 горизонты).

ВОПРОС О ПРОИЗВОДЯЩЕМ ХОЗЯЙСТВЕ В НЕОЛИТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ В ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЕ

В эпоху неолита в лесостепной зоне Восточной Европы происходит рост численности населения. В это время многие общины вели высокоэффективное присваивающее хозяйство, и, поэтому здесь наблюдалась весьма благоприятная ситуация и рост населения, о котором можно судить по сравнительному количеству памятников на одной и той же территории (Обыденнов, Домрачева, 2005. С. 61).

Рост населения и находки костей животных, близких к домашним дает основание некоторым исследователям утверждать о наличии производящего хозяйства. В последних своих работах П.М. Кольцов стал говорить более уверенно о наличии производящего хозяйства в неолитическую эпоху. Osteологический материал с поселения Джангар и других неолитических стоянок северо-западного Прикаспия и Нижней Волги свидетельствует о том, что в регионе начинают культивировать производящие формы хозяйства благодаря тесным контактам с культурами Северного Кавказа, где скотоводство и земледелие зафиксировано в первой половине VI тыс. до н.э., а одомашнивание лошади произошло на месте, в степной зоне (Кольцов, 2004. С. 140-141).

Особенности развития экономики отражают процесс формирования и сложения в развитом-позднем неолите (в рамках V тыс. до н.э.) волго-донской культурно-хозяйственной области, включавшей в себя степной нижеволжский регион родственных орловской и джангарской культур и территорию нижнедонской ракушечноярской культуры, население которых осваивало навыки производящего скотоводческо-коневодческого хозяйства (Наумов, 2004. С. 23). Домашняя фауна эталонного нижнедонского поселения Ракушечный Яр, представленная на раннем этапе существования памятника остатками мелкого и крупного рогатого скота, а также свиньи позже пополняется костями собаки и лошади. В нижнедонской же части региона в домашнем стаде изначально были представлены крупный рогатый скот и лошадь, идентичная уральской позднеплейстоценовой, отличная от тарпана и лошади Пржевальского, а единичные кости овцы появляются на Варфоломеевской стоянке в позднем неолите (слой 2А). Восприятие с юга лесостепного Волго-Уральского междуречья опыта одомашнивания лошади, domesticiрованной там, в первой половине VI тыс. до н.э. (Ивановская, Муллино II, Березки), в степном Поволжье и менее засушливом Нижнем Подонье происходит на рубеже VI – V тыс до н.э. (Наумов, 2004. С. 20-21).

А.Т.Синюк не случайно соблюдает некоторую осторожность, по этому вопросу говоря о том, что экономика носителей среднедонской неолитической культуры имеет комплексный характер, в основе своей включающий

присваивающие формы, среди которых ведущую роль играла охота, а уже затем – рыболовство и собирательство. В развитом неолите появились и зачатки скотоводства. Однако ни скотоводство, ни тем более земледелие не выделились еще в самостоятельные отрасли производства (Синюк, 1986. С. 156).

Основой экономического уклада орловской культуры являлась охота и рыболовство на среднем и первом этапе позднего неолита. На втором этапе позднего неолита (приблизительно с сер. V тыс. до н.э.) начинается формирование производящего хозяйства – скотоводства. В слое 2А Варфоломеевской стоянки встречены кости овцы, что фиксирует начало перехода к производящему хозяйству. Появляются кости, определенные как «корова или мелкий тур» (7%), то есть идет измельчение стада, характерное для начала одомашнивания. Нижнее Поволжье принадлежало к числу регионов, где была одомашнена лошадь (Юдин, 2006. С. 9-10).

Результаты проведенных исследований дают основание Н.Л.Моргуновой для вывода о знакомстве местного населения на территории Волго-Уралья с основами производящего хозяйства в лице скотоводства в эпоху неолита при сохранении ведущей роли охоты (Моргунова, 1997. С.24). При этом темпы и сроки его внедрения в разных экологических зонах также различны. Более ранний переход к скотоводству зафиксирован на юге лесостепи (Ивановка, Виловатое) и в степной зоне (Варфоломеевка) (Моргунова, 2001. С. 99). Определение остеологических остатков показали, что население всех трех неолитических культур (волго-уральской, орловской и каиршакско-тентексорской) занималось преимущественно охотой. Но объектами охоты в каждом случае служили разные животные. На юге лесостепи (Ивановка) – лось, бобр, дикая лошадь, а также медведь. В степном Поволжье (Варфоломеевка) – дикая лошадь, кулан, корсак, бурый медведь. На территории Северного Прикаспия – сайгак, кулан, реже - лошадь (Моргунова, 2004. С. 225).

На Дубовском III поселении обнаружены кости лошади, коровы при наличии традиционных видов лесной фауны (Никитин, 1986. С. 51). Поселения щербетьского типа занимают пойменные гривы или надпойменные дюны, но обязательные в местах с широкой поймой. Выбор подобных мест диктовался, вероятно, потребностями скотоводческого хозяйства. На это указывает единовременное существование долговременных поселков с полуземлянками и сезонных стоянок с наземными жилищами (Никитин, 1993. С. 79). Домашний скот был известен населению с накольчатой посудой на их основной территории, в частности Подонье, где на поселениях известны кости лошади, собаки, коровы (Никитин, 1996. С. 106).

Таким образом, в большинстве своем исследователи допускают, что в эпоху неолита в лесостепной зоне появляется производящее хозяйство. Но здесь следует сказать, что данные выводы основываются на материалах смешанных памятников, где кроме неолитических представлены и более поздние культурные слои. Остеологические материалы стоянок Ивановка и Виловатое привлекать для обоснования наличия скотоводства у носителей елшанской культурной группы было бы опрометчивым, так как оба памятника

не имели строгой стратиграфии, тем более содержали разнокультурные и разновременные комплексы: от раннего неолита до средней бронзы (Выборнов, 2002. С.54). Иначе говоря, остеологические остатки вполне могут относиться к более позднему времени.

Что касается костей овцы на Варфоломеевской стоянке в слое 2А, следует сказать, что в этом же слое было найдено изделие из меди. Наличие изделий из меди и присутствие костей домашней овцы можно связать с проникновением в регион населения хвалынской культуры (Козин, 2004. С. 221).

И, наконец, стоит добавить, что основными архезоологами признается, что на этой территории в раннем и среднем голоцене обитала дикая лошадь, тур и кабан. Различия диких и ранних домашних форм этих видов по костным остаткам затруднительно. Для тура и кабана установлено уменьшение размеров после начала доместикации, поэтому кости диких и уже домашних форм этих видов различаются размерами. Для лошади такая закономерность не известна, поэтому отнесение ее остатков к дикой или домашней форме из ранних памятников должно основываться не только на морфологических признаках, но и на культурно-историческом контексте изучаемого памятника (Косинцев, 1996. С. 29).

Но полностью отвергать версию наличия производящего хозяйства в эпоху неолита не стоит. Вполне возможно предположить, что зачатки производящего хозяйства появились на финише неолитической эпохи, но ни как не раньше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Выборнов А.А. Проблемы изучения неолита лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. Самара. 2002.

Козин Е.В. Модель культурно-демографических процессов в неолите Нижнего Поволжья // Историко-археологические изыскания. Вып. 6. Самара. 2004.

Кольцов П.М. Поселение Джангар. Человек и его культура в неолите северо-западного Прикаспия. М. 2004.

Косинцев П.А., Варов А.И. Ранние этапы животноводства в Волго-Уральском регионе // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии. Самара. 1996.

Моргунова Н.Л. Население юга лесостепи Волго-Уральского междуречья в эпохи неолита-энеолита-ранней бронзы. Автореф. на соиск. уч. степ. д.и.н. М. 1997.

Моргунова Н.Л. Проблемы изучения эпохи неолита в волго-уральском междуречье // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень. 2001.

Моргунова Н.Л. К проблеме определения культурной принадлежности и хронологии неолитических памятников Самарского Поволжья и южного Приуралья // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. Спб. 2004.

Наумов И.Н. Неолит Поволжско-Донских степей (проблемы хронологии, периодизации и культурно-хозяйственного развития). Автореф. на соиск. уч. степ. к.и.н. Воронеж. 2004.

Никитин В.В. Население с накольчатой посудой на Средней Волге // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы. Оренбург. 1986.

Никитин В.В. Этнокультурная ситуация в конце неолита и в энеолите на левобережье Средней Волги // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург. 1993.

Никитин В.В. Культура носителей посуды с накольчатым орнаментом // Каменный век Марийского края. Йошкар-Ола. 1996.

Обыденнов М.Ф., Домрачева М.Е. История хозяйства Урало-Поволжья в каменном веке. Уфа. 2005.

Петренко А.Г. Первые животноводы Прикамья // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань. 1994.

Синюк А.Т. Население бассейна Дона эпоху неолита. Воронеж. 1986.

Юдин А.И. Культурное развитие населения Нижнего Поволжья в неолите и энеолите // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 7. Саратов. 2006.

А.В.Аджимолаев

Самарский государственный педагогический университет, Самара

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ИЗУЧЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Эпоха ранней бронзы знаменует собой появление на территории Евразии ямной культурно-исторической области. Одним из очагов ее локализации и развития является Волго-Уральский регион.

Данная статья посвящена некоторым методическим вопросам изучения погребального обряда ямной культуры Волго-Уралья. В этом регионе в эпоху ранней бронзы «...древнеямные племена составляли, безусловно, большинство населения и меньше всего подвергались сторонним воздействиям» (Мерперт, 1974. С.71).

Один из аспектов изучения погребального обряда связан с отбором критериев для анализа памятников. До настоящего времени авторами использовались различные варианты отбора и градации признаков погребального обряда (Яровой, 1985; Турецкий, 1991; Иванова, 2000). На наш взгляд, на сегодняшний день продолжает существовать проблема выработки единого подхода, некоего «универсального» кода, благодаря которому можно будет выделить общие признаки погребального обряда для всей ямной культурно-исторической области. Естественно, что внутри локальных вариантов будут добавляться новые критерии. Но общая база будет одинаковой для всех.

В данной работе нами будет использоваться ранее уже апробированная методика выделения блоков, в которые включены различные признаки погребального обряда (Рычков, 1982. С. 111-136). Для создания подобного кода именно основа из четырех блоков нам представляется наиболее подходящей.

I. Первый блок составляют признаки внешнего оформления, то есть насыпь и все, что с нею связано: ров, ритуальный очаг, жертвенник и тризна.

II. Второй блок признаков отражает внешнее и внутреннее устройство и оформление могильной ямы:

1). Внешнее устройство могильной ямы. Этот уровень включает в себя простоту или сложность внешнего строения могилы: подбой, дромос, забутовка могильной ямы, наличие двухкамерной могильной ямы.

2). Внутреннее оформление могильной ямы: наличие деревянного перекрытия, ямок от столбов, ступенек, облицовки стенок, подстилка и подсыпка по всему дну могилы.

III. Третий блок признаков - костяк и обрядовые действия, совершаемые над ним:

1). Оформление, связанное с костяком: окрашивание охрой, мелом, наличие подушки, покрывала, подсыпки и подстилки под скелетом.

2). Обрядовые действия, совершаемые над умершим включают в себя:

а) трупоположение, трупосожжение, воздействие огня на костяк, расчленение, захоронение отдельных частей тела.

б) положение костяка: вытянуто или скорченно на спине, скорченно на правом или левом боку, сидя, на животе.

в) ориентировка погребенных.

IV. Четвертый блок признаков касается инвентаря, сопровождающего умершего: керамика, металлические предметы, предметы из кости, камня и других материалов.

Кроме этого к инвентарю мы относим деревянные колеса, которые не всегда считаются таковым. Однако, на наш взгляд, деревянные колеса, которые символизируют повозку, следует отнести к погребальному инвентарю. Повозка, как и, например, медные орудия и украшения, сопровождают умершего в загробный мир.

Именно внутри этих блоков должны быть выделены основные критерии, которые характерны для всей ямной культурно-исторической области. Кроме этого будет возможность выделения первичных и вторичных признаков погребального обряда (Яровой, 1985. С. 33).

Еще один вопрос изучения погребального обряда ямной культурно-исторической области связан с выделением групп курганов. Существует несколько точек зрения по данной проблеме. Одна из них принадлежит Н.Д.Довженко и Н.А.Рычкову и основывается на «объеме трудовых затрат» на совершение погребения (Довженко, Рычков, 1988. С. 27-39).

Вторая точка зрения принадлежит М.А.Турецкому, который выделяет группы курганов на основе высоты насыпей (Турецкий, 1991. С.43-44). Н.Л.Моргунова и А.Ю.Кравцов предложили свою классификацию, на базе материалов Приуралья, в которой весь массив памятников был разделен на четыре группы

(Моргунова, Кравцов, 1994. С.97-104). Данная классификация основывается на диаметре и высоте курганной насыпи.

С.В.Богданов предполагает, что «объективную корреляцию величин древнеямных курганов Приуралья и их классификацию можно провести, выяснив пограничные значения курганов, доминирующих в конкретных некрополях» (Богданов, 2004. С. 142).

В данной работе группы курганов выделены следующим образом. Всего для статистической обработки было выбрано 302 кургана с одиночными погребениями. На основании предварительно составленного графика по оси абсцисс откладывались диаметры курганных насыпей, а по оси ординат их высота. В результате мы выделили 3 группы курганов:

- 1) 6/0,15 м (диаметр/высота) – 25/2,5 м;
- 2) 26/0,9 м – 45/3 м;
- 3) 50/1,86 м – 149/9 м.

Мы намеренно не включили в статистический анализ бескурганные погребения, погребения с разрушенными насыпями, а так же захоронения с двумя и более костяками. Для их анализа требуются специальные разработки методического характера.

Каждая группа курганов рассматривалась внутри всех четырех блоков. Результаты оказались следующими:

- 1) В первом блоке третья группа преобладает над первой и второй по всем признакам.
- 2) Второй блок отражает следующую тенденцию. Во внешнем оформлении могильной ямы третья группа в процентном отношении немного опережает первые две. Но процент признаков первой и второй групп внутреннего оформления могилы заметно ниже третьей группы.
- 3) Третий блок, а именно оформление, связанное с костяком, характеризуется схожим процентным соотношением. Особенно это касается такого признака, как окрашенность костяка охрой (65,4 % - 1 группа, 66,2 % - 2 группа, 60 % - 3 группа).

Результаты половозрастных характеристик показали, что женские и детские погребения отсутствуют в третьей группе, но имеют относительно высокий процент в первой (8,5% и 15,6 % соответственно). Мужские захоронения преобладают во второй и третьей (36,6 % и 40 % соответственно).

Положение костяка во всех трех группах в целом сходно, хотя имеется тенденция, когда процент, при котором положение костяка скорченно на спине, уменьшается в сторону третьей группы. И наоборот, процент костяков в положении скорченно на боку становится меньше в первой группе.

Что касается положения погребенных по сторонам света, то все три группы демонстрируют преобладание восточной (северо-восточной) ориентировки. Однако присутствует небольшой процент костяков, ориентированных по другим сторонам света.

4) Интересными оказались данные, полученные в ходе сопоставления инвентаря. Для третьей группы не зафиксировано предметов из кремня, кости, раковины, песчаника, глины, костей рыбы, дерева и сланца, однако они все

присутствуют в первой группе. С другой стороны, в третьей группе присутствует очень большой процент медных и железных изделий по сравнению с первыми двумя группами.

Необходимо подвести некоторые выводы. В ходе исследования оказалось, что первая и третья группы по многим признакам имеют заметные отличия. Это касается и сложности строения могильных ям, и инвентаря. Все это свидетельствует о том, что у ямного общества имелась тенденция не только к увеличению размеров курганных насыпей, но и к усложнению конструкций погребальных камер. Это может являться социальным критерием, так как развитие общества подразумевает под собой и социальное расслоение. Кроме этого, положение костяка, ориентировка и половозрастные характеристики свидетельствуют о различиях в погребальном обряде этих двух групп.

Вторая группа демонстрирует, с одной стороны, пограничное состояние между первой и третьей группой. С другой стороны в ней присутствуют свои особенности, касающиеся некоторых категорий признаков (возраст умерших, инвентарь, количество инвентарных погребений).

В целом необходимо отметить, что выделение групп курганов и отбор критериев должны способствовать решению вопроса о социальной стратификации ямного общества. Данная работа не является конечным этапом и требует дальнейшего изучения погребального обряда ямной культурно-исторической области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богданов С.В. Эпоха меди степного Приуралья. - Екатеринбург, 2004.
- Довженко Н.Д., Рычков Н.А. К проблеме социальной стратификации племен ямной культурно-исторической общности // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. - Киев, 1988.
- Иванова С.В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. - Одесса, 2001.
- Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. - М.: Наука, 1974.
- Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1994.
- Рычков Н.А. Статистический анализ погребального обряда ямной культуры // Теория и методы археологических исследований. - Киев: Наукова думка, 1982. - С. 111-136.
- Турецкий М.А. Ямная культура Волго-Уральского региона (проблемы исследования погребального обряда). Дис. ... канд. ист. наук. - М, 1991.
- Яровой Е.В. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР (классификация погребального обряда). - Кишинев, 1985.

ОСТЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ЖИВОТНЫХ ИЗ РАСКОПОК МУРАДЫМОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Археологами Башгоспедуниверситета им. М.Акмиллы Г.Т.Обыденновой, И.А.Шутелевой и Н.Б.Щербаковым в течение 1995-2000 гг. проводились раскопки на территории Мурадымовского поселения, расположенного в Аургазинском районе Республики Башкортостан, в лесостепье между городами Уфа и Стерлитамак и реками Дема и Белая. Археологи Башкортостана датируют Мурадымовское поселение XVI-XV вв. до н.э. и относят его к срубной культуре.

Диагностированный в значительных количествах научный материал очень объемный и насчитывает на сегодня 17391 исследованную кость и, тем самым, представляется для нас базовым, достоверным историческим источником, позволившим пролить свет не только на хозяйственную жизнь населения юго-восточных регионов Северного Поволжья эпохи поздней бронзы, но и выявить черты традиционного мясного питания людей.

Значительные трудности при изучении остеологического материала Мурадымовского поселения были обусловлены фрагментарностью костей, их сильной раздробленностью. Кости дробились людьми при приготовлении мяса в пищу. Коллекции из раскопов I, II, III, IV, V, VI были обработаны отдельно по штыкам, а также по сооружениям, траншеям и из шурфов.

Занимаясь осмыслением истории животноводческой и охотничье-промысловой деятельности у населения Среднего Поволжья и Предуралья в эпоху развитой и поздней бронзы, мы еще ранее выделяли для себя из числа археозоологических комплексов по многим поселениям края так называемые «руководящие» или, скажем так, «эталонные» памятники по ряду культурных данных. Чем остеологический материал из Мурадымовского поселения привлек наше внимание, и мы причислили его к ряду этих памятников? Во-первых, тем, что археозоологические коллекции довольно обширны и могут считаться эталонным материалом для срубной культуры лесостепья Предуралья. Во-вторых, этот материал был диагностирован по штыкам отдельно, в результате чего есть возможность представить историю хозяйственной жизни в развитии. Поштыковое определение материала представляет собой дополнительный интерес при сопоставлении археозоологических материалов с синхронными материалами и свидетельствует о мощности срубного слоя.

Говоря об особенностях остеологического материала из Мурадымовского поселения, следует отметить, что, в первую очередь, здесь мало костей от охотничье-промысловых видов животных (3,6-11,4% от общего количества), что свидетельствует о сравнительно-слабой занятости охотой. Из числа

диагностированных диких видов встречены кости исключительно от тех животных, которые добывались в первую очередь, для получения дополнительного мясного продукта, т.е. охота имела не «пушное», а «мясное» направление. Охотились на таких животных, как кабан, медведь, косуля, лось, северный олень, кулан. Все это позволяет предполагать, что основной целью охоты были те виды животных, которые, в основном, пополняли мясные запасы продуктов, а их шкуры служили сырьем для одежды.

В подавляющем большинстве в материалах всех шести штыков остатки от домашних сельскохозяйственных животных (табл.1,2).

Поскольку сохранность костных остатков, как было отмечено выше, сравнительно удовлетворительная, нам удалось получить, кроме данных по видовой морфологии результаты по возрастной и породной морфологии, в географическом понимании этого термина.

Костных остатков различных частей скелета крупного рогатого скота, несмотря на значительную массовость коллекции, недостаточно для полной реконструкции типа и величины животных, т.к. в остеологическом материале отсутствуют не только целые черепа, но даже их более или менее необходимые фрагменты. Также нет необходимого ряда костей конечностей. Группировка материала по возрастному признаку свидетельствует о том, что крупный рогатый скот в остатках был представлен преимущественно взрослыми особями старше 4 лет, до 3,5 лет – в меньшинстве и совсем единичны остатки от животных до 2-х лет (табл.3). Преобладание взрослых особей после 4-х лет является свидетельством сохранения поголовья для его роста. Обломки небольших роговых стержней из слоя на уровне штыков 1 и 2 встречаются редко и единичны. Единственными промерами на черепах являются измерения на коренных зубах нижних челюстей (18 зубов), составляющих величину 34,0-41,0 мм. Несколько промеров удалось взять на обломках лопаточных костей, метаподий, пяточных костей и фаланг позволяют предполагать о наличии в стаде двух популяций крупного рогатого скота: сравнительно крупного комолого «южного» типа с высотой в холке 124,0-129,0 см и более мелкой короткорогой «северной» брахицерного типа – 112,0-117,0 см.

По костным остаткам мелкого рогатого скота также фиксируется наличие двух породных групп. Мелкие «северные», с высотой в холке 53,0 см и крупные «южные» с высотой в холке 68,3 см.

Что касается остатков лошадей, то взятые промеры на лопаточных костях, костях скакательного сустава, метаподиях и фалангах свидетельствуют о наличии в хозяйствах срубного приуральского населения (особенно в период отложения штыков 5 и 6) популяции лошадей категории «средних» и «рослых» по классификации В.О.Витта (Витт, 1952) с высотой в холке 141,0-148,0-152,0 см, «полутонконогих» по индексу тонконогости А.А.Браунера (14,8%) (Браунер, 1916).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Браунер А.А. Материалы к познанию домашних животных России. I. – Лошадь Курганских погребений Тираспольского уезда Херсонской губернии //

Записки Общества сельского хозяйства Южной России. Одесса, 1916. Т.86, кн.1.

Витт В.О. Лошади Пазырыкских курганов //СА, 1952. №XVI.

Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М, 1984.

Цалкин В.И. Фауна из раскопок памятников Среднего Поволжья // МИА, 1958. №61, т.II.

Цалкин В.И. Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок археологических памятников позднего бронзового века // КСИА, 1964. Вып.101.

Таблица 3

Данные возрастного анализа по костным остаткам из археозоологических материалов Мурадымовского поселения (в%)

Крупный рогатый скот

возрастные группы	№ штыка					
	1-2	2	3	4	5	6
до 2-х лет			15,0		18,0	50,0
до 3,5 лет	42,9	47,0	30,0	50,0	22,0	25,0
старше 4-х лет	57,1	53,0	55,0	50,0	60,0	25,0

Лошадь

возрастные группы	№ штыка					
	1-2	2	3	4	5	6
до 2-3 лет	40,0	48,0	62,0	60,0	25,0	25,0
5-7 лет	10,0	12,0	38,0	15,0	25,0	25,0
старше 7 лет	50,0	40,0		25,0	50,0	50,0

Мелкий рогатый скот

возрастные группы	№ штыка					
	1-2	2	3	4	5	6
до 1 года	33,3	50,0	17,0	21,0	20,0	
около 1 года			40,0	40,0	20,0	50,0
около 2 лет	33,3	50,0	43,0		20,0	50,0
старше 2 лет	33,3			39,0	40,0	

Таблица 2

Результаты видового анализа костей животных из раскопок Мурадымовского поселения

вид животного	Раскопки 1996-2000 гг.						1998 г Р.VI. колодец	1999 г. шурф шт. 2-3	траншея 2000 г.						Р. V зачист ка
	шт. 1- 2	шт. 2	шт. 3	шт. 4	шт. 5	шт. 6			шт. 1- 2	шт. 3	шт. 4	шт. 5	шт. 6		
крупный рогатый скот	869/ 16	702/ 12	1729/4 0	505/ 8	1672/2 0	353/ 6	111/ 3	19/ 2	310/3	43/ 1	60/ 2	14/ 1	123/3	15/ 2	
мелкий рогатый скот	260/ 16	404/ 7	876/ 37	181/ 8	931/ 12	112/ 4	15/ 1	12/ 1	97/ 1	22/ 1	20/ 1	21/ 2	65/ 3	13/ 2	
свинья	10/2	5/2	12/4	11/2	15/2	4/1									
лошадь	654/ 7	545/ 8	1036/2 2	479/ 9	1247/1 6	317/ 6	71/ 2	32/ 1	313/3	38/ 1	54/ 1	24/ 2	76/ 2	16/ 2	
собака	1/1		10/1		1/1										
заяц		1/1													
волк			1/1		3/2										
медведь	1/1														
кабан	1/1			2/1	1/1	3/1									
косуля	1/1		1/1												
лось	1/1		3/1	1/1											
кулан		1/1			1/1										
всего	1825/3 6	1658/3 1	3668/1 07	1179/2 9	3871/5 5	789/ 18	197/ 6	63/ 4	720/7	103/3	134/4	59/ 5	264/8	46/ 8	

В таблице обобщена сумма диагностированных костных остатков в количестве 14576 костей, минимально принадлежащих 321 особи. В данный расчет не включены данные с раскопа II 1995 г. (2 пробы), в сумме 2040 костей от 18 особей, а также раскоп V 1997 г. (без указания штыка) – в сумме 774 костных фрагментов от 4 особей.

УКРАШЕНИЯ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ВОЛГО-УРАЛЬЯ КАК ОБЪЕКТ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.

На протяжении всего периода изучения украшений бронзового века, основной линией исследований по данной тематике является их культурная идентификация и социальная интерпретация. Различия наблюдаются лишь в постановке задач и подходах к решению проблемы.

Пожалуй, хронологически первым является подход к украшениям как к результату металлургического производства с присущими ему традициями. При этом учитывались пропорции изделия, размеры, форма, химический состав металла, данные металлографического анализа. Конечным результатом исследования должна была стать работающая классификационная схема. Созданные типологии должно было способствовать выходу на более широкий круг проблем, таких как происхождение и развитие определенных типов, выяснение хронологических позиций внутри культуры, изучение технологий.

Важнейшим достижением работ посвященных типологии и классификации украшений бронзового века стало понимание процесса формирования типов как системы традиций и инноваций. В соответствии с этой схемой О.В.Кузьмина в работе посвященной украшения абашевской культуры рассматривает: 1) традиционные украшения, имевшие широкое распространение за пределами культуры; 2) относительные новации – украшения, имевшие широкое распространение, но модифицированные абашевской культурой; 3) абсолютные новации – собственно абашевские украшения (Кузьмина, 2002. С.162).

Проведенный С.А.Агаповым и А.Ю.Ивановым (Агапов, Иванов, 1978. С.51) анализ подвесок срубной КИО, позволил им выделить семь типов подвесок. Пять из семи типов находят аналогии в алакульских, федоровских и тазабагыбских комплексах. Два типа, четвертый и седьмой, происходят из чисто срубных памятников Поволжья.

Такой подход целиком и полностью оправдывает себя, в том случае если украшения изучаются как отдельные вещи являющиеся результатом технологического производства и распространения этих самых технологий в бронзовом веке. Однако в том случае, когда материал украшений привлекается для изучения культурных контактов, преемственности традиций, реконструкции половозрастной и социальной структуры общества этого оказывается недостаточно ввиду того, что изучению подвергается не только внешняя форма изделий, но и содержание.

Для изучения украшений с этих позиций требуется понимание украшений не только как материального объекта, но и понимание их функций, взаимосвязи и того, как эти параметры отражены в археологическом материале.

Одним из важнейших моментов для понимания украшений как феномена является заложенная в них двойственность. Будучи частью предметного мира, они одновременно предстают и частью мира сакрального, являясь, таким образом, концентрированным выражением идеи – знаком, несущим в себе целый ряд функций. Под функцией понимается – стереотипный и санкционированный культурой диапазон действий, производимых с артефактом или вызываемых наличием и позицией артефакта; роль и нормальная позиция артефакта в действиях и социокультурных отношениях (Клейн, 1991. С.354). В данной работе последовательно рассматриваются знаковые, изобразительные, технические и эстетические функции украшений.

Исследователями выделяются следующие знаковые функций украшений (Евдокимов, Усманова, 1990. С.70):

- Религиозно-магические знаки;
- Знаки половозрастной дифференциации;
- Знаки социальной дифференциации;
- Знаки территориальных групп.

В публикациях не раз отмечалась возможность отдельного и комбинированного ношения различных украшений. На наш взгляд, это следствие того, что гарнитур мог являться воплощением как одной, так и сразу нескольких знаковых функций, выражением которых в материальном отношении являлись украшения. И хотя археологический материал не дает нам возможности установить функцию конкретного изделия, мы можем предположить механизм их воплощения в костюме посредством установления таксономических рангов украшений:

I Ранг - простые. Единичные, в большинстве своем стандартизированные изделия, использование которых возможно как по отдельности, так и в комплексе с другими украшениями. Вероятнее всего единичные украшения несут в себе четко ограниченную смысловую нагрузку, т.к. их внешняя форма в первую очередь обусловлена тем, что она должна собой символизировать. Вариативность способов ношения и использования того или иного украшения свидетельствует скорее об изменении ситуативно-смыслового контекста, в рамках которого следует рассматривать данное изделие, нежели о смене его основных функций.

Изменение ситуативно-смыслового контекста может быть связано со стремлением отразить в гардеробе те из сторон жизни человека, которые наиболее актуальны и значимы для него на данный момент. Например, охранение детородных функций женщины, переход из одной возрастной группы в другую, свадьба, смерть и прочее.

II Ранг. Сложносоставные - множество простых украшений собранных в композиционно единую деталь убранства предполагающую четко определенный способ ношения, являясь, по сути, пространственно концентрированным блоком украшений отражающих тот или иной ситуативно-смысловой контекст.

Например, в соответствии с точкой зрения Э.Р.Усмановой, головной убор алакульской женщины в погребальном обряде мог выступать с одной стороны в качестве символа плодородия и возрождения в погребальном обряде, обеспечивающий бесконечность, цикличность развития природы, а с другой стороны являться знаком принадлежности к определенной возрастной и социальной группе общества (Усманова, Ткачев, 1993. С.82). Так же, головной убор вполне мог быть и знаком принадлежности к другой культурной группе как, например накосник из Ново-Ябалаклинского могильника (Евдокимов, Усманова, 1990. С.72).

III Ранг. Гарнитур украшений в целом, как часть костюма. Может состоять из одного или нескольких украшений, в обоих случаях образуя ситуационно-смысловые блоки. Различие заключается лишь в том, что в первом случае блок будет состоять из одного украшения, соответственно являясь менее насыщенным по количеству смысловых значений, но не по их важности.

Важным условием комплексного ношения гарнитура является выдержанность в единой стилистике (напр.: узкожелобчатые подвески с узкожелобчатыми браслетами), что свидетельствует о стремление придать всему костюму и скрытой в нем идее целостность. Таким образом, украшения, будучи материальным выражением конкретных идей, в них заложенных, являлись частью общей системы сложившегося мировоззрения в рамках различных культур бронзового века.

Распределение украшений по таксономическим рангам должно также способствовать достижению конкретных целей. Если целью исследователя является классификация, то работа ограничивается исключительно украшениями первого ранга. Когда целью работы является изучение социальной и половозрастной структуры общества рассмотрению последовательно подвергаются украшения первого, а затем и второго ранга, т.к. мы уже отмечали, что украшения могут нести свои функции вместе и по отдельности. И, наконец, если целью исследования является изучение культурных контактов, преемственность традиций в рамках обществ бронзового века, то работа должна последовательно идти от первого к третьему рангу.

Довольно хорошо подобную структуру изучения иллюстрирует работа В.В.Евдокимова и Э.Р.Усмановой. Отмечая существенную разницу между федоровским и алакульским погребальным костюмом, они приходят к выводу о том, что федоровский костюм не мог стать этнографическим продолжением алакульского, т.к. они имеют различные знаковые оформления посредством набора украшений (Евдокимов, Усманова, 1990. С.74). Этногенетическое и культурное родство возможно в случае структурного совпадения традиционных наборов украшений, их сочетаний, манеры их ношения, основных принципов декора (Евдокимов, Усманова, 1990. С.73).

Помимо знаковой функции в украшениях заложены эстетическая, иконическая (изобразительная) и технологическая функции.

Иконическая функция украшений заключается в том, что бы предмет зрительно передавал информацию о прототипе будь то природное явление, мифологический образ или конкретный объект окружающего мира при этом, стремление полностью его скопировать не является самоцелью. Важнее подметить основные черты и характеристики. Так, М.В.Халяпин на основе анализа археологических источников с привлечением ведических и авестийских текстов, данных этнографии, лингвистики и семиотики сделал предположение о существовании у населения срубной культурно-исторической общности змеиноного культа (Халяпин, 1999. С.92-94). В частности автор обращает внимание на бронзовые височные подвески в полтора оборота, многие из которых плакированы золотой фольгой, украшены поперечными насечками, бугорками или выпуклинами, что имитирует кожу и орнаменты на теле змеи. Множество таких подвесок имеют расширенные лопасти, что, вкупе с орнаментацией, по мнению М.В.Халяпина создает образ змеи (Халяпин, 1999. С.92).

Помимо этого на внешний облик украшений влияли факторы, определяемые технологической функцией украшения, это:

- Доступ к источникам различных металлов;
- Традиции обработки металла присущие различным группам населения;
- Индивидуальные представления мастера или заказчика о внешнем облике изделия;
- Способ крепления и предполагаемое место ношения;
- Объем металла и допустимая возможность технического воплощения в конечное изделие;
- Возможность последующей трансформации.

Эстетическая функция (утилитарная). Предмет должен служить источником эстетических впечатлений. Важную роль при этом играют цвет, звук, изящество исполнения. Безусловно, что плакировка украшений золотом, добавление мышьяка в медь придающего изделию серебристый цвет, использование шумящих подвесок, помимо знаковой и иконической функции отражает стремление придать предмету эстетическую ценность.

В заключении хотелось бы попробовать сформулировать, что же такое украшение. На наш взгляд, украшение – это подвижная деталь убранства наделенная знаковыми, эстетическими, изобразительными и технологическими функциями, реализующая данные функции как самостоятельно так и в качестве элемента семиотического ряда более высокого таксономического ранга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агапов С.А., Иванов А.Ю. Об одном типе украшений срубной культурно-исторической общности Среднего Поволжья // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Т.221. - Куйбышев, 1978. С.50-51

Евдокимов В.В., Усманова Э.Р. Знаковый статус украшений в погребальном обряде (по материалам могильников андроновской культурно-исторической общности из Центрального Казахстана) // Археология Волго-Уральских степей. – Челябинск, 1990.

Клейн Л.С. Археологическая типология. - Л., 1991.

Кузьмина О.В., Украшения абашевской культуры // Проблемы археологии Евразии. – М., 2002

Усманова Э.Р., Ткачев А.А., Головной убор и его статус в погребальном обряде (по материалам андроновских некрополей) // ВДИ, 1993, №2.

Халяпин М.В. К вопросу о культе змеи у населения срубной культурно-исторической общности // Етнічна історія та культура населення Степу та Лісостепу Євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя: Матеріали міжнародної археологічної конференції. – Дніпропетровськ, 1999

А.А.Выборнов

Самарский государственный педагогический университет, Самара

ДВА АСПЕКТА В ИЗУЧЕНИИ ВОЛГО-УРАЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Первая обобщающая сводка, посвященная материалам эпохи неолита Южного Приуралья принадлежит перу К.В.Сальникова (Сальников, 1962), в которой автор относил часть комплексов к лесной волго-камской культуре, носители которой достигали на юге бассейна р.Самары.

Дальнейшие изыскания специалистов в этом регионе особенно в конце 70-х – начале 80-х годов прошлого века позволили выявить и широкомасштабно изучить два опорных памятника, содержащих значительный объем материалов. Это Виловатовская стоянка в Самарской и Ивановская стоянка в Оренбургской областях.

Первоначальный анализ коллекций позволили исследователям сделать предварительные выводы. Так, по Ивановской стоянке выделялось три группы посуды: 1. неорнаментированная шиподонная; 2.накольчатая, синхронная со щербетскими памятниками раннего камского неолита; 3. сосуда полуяйцевидной формы с примесью шамота и гребенчатой орнаментацией, аналогичные материалы хуторского этапа на Каме (Моргунова, 1980. С.8). На Виловатовской первая группа сочетала признаки сероглазовской культуры и местные особенности. Вторая принадлежит местной накольчатой культуре, часть материалов которой сопоставила с волго-камской. Третья керамическая группа характеризуется гребенчатой орнаментацией, большая часть которой проявляет самостоятельные черты, а некоторые сосуды аналогичны камской культуре (Васильев, Выборнов, Габышев, Моргунова, Пенин, 1980. С.9).

Дальнейший анализ позволил Н.Л.Моргуновой проследить более четкие различия в группах. Так, накольчатая посуда подразделяется на две

разновидности: тонкостенная, с разнообразными узорами, с ямочно-жемчужными поясками, которая и близка ранней накольчатой керамике Волго-Камья, а вторая – толстостенная со своеобразными чертами, отличными от щербетских, но сходных со среднедонскими и ракушечноярскими.

Сосуды с гребенчатым орнаментом также неоднородны: третья группа (толстостенные, прикрытые формы, с примесью шамота, округлодонная) и четвертая (толстостенная с шамотом, но с профилированной и плоскодонной формой). Не вызывая сомнения в генетическом родстве III и IV групп отличия свидетельствуют о незначительном хронологическом разрыве, но в целом находят аналогии в материалах хutorского этапа камской культуры (Моргунова, 1980 а. С.108-109).

Тщательная проработка Виловатовской коллекции также представила более дробную картину. Первая группа характеризовалась преимущественно прочерченной орнаментацией, соотносилась с поднепровской и североприкаспийской и определялась ранним неолитом. Вторая, весьма многочисленная (около 150 сосудов), тонкостенная, орнамент представлен лишь поясом ямочно-жемчужных вдавлений под срезом венчика. Она сопоставлялась со щербетской и поднепровской и также датировалась ранним неолитом. Третья группа (около 130 сосудов) с накольчатым орнаментом подразделяется на подгруппы: большая часть прямостенная с примесью песка и ямочно-жемчужным пояском сходна как с нижекамскими, так и среднедонскими материалами, а меньшая с примесью ракушки и геометрическими узорами похожа на североприкаспийскую. В четвертой (около 120 сосудов) группе объединены фрагменты с гребенчатой орнаментацией. Большая ее часть прямостенная с примесью песка, с ямочно-жемчужным пояском, средней толщины, плоскодонные, с преобладанием в орнаментах короткозубых штампов. Меньшую долю составляют закрытые толстостенные сосуды с шамотом и длинными оттисками гребенки, композиции которых тождественны камским (Васильев, Выборнов, Габяшев, Моргунова, Пенин, 1980 а. С.162-170).

Нетрудно заметить, что группы неолитической керамики на Виловатовской и Ивановской стоянках не совпадают. Так, на последней отсутствуют группа с прочерченными узорами, группа с наличием только ямочно-жемчужного пояса, группа с короткозубой гребенкой и ямочно-жемчужными поясками. Эти различия весьма существенны и объяснить их только локальными особенностями представляется весьма затруднительным, так как оба памятника находятся в бассейне р. Самары, практически в одной экологической нише. В чем причина отсутствия данных групп керамики на ивановской стоянке?

В своем диссертационном исследовании Н.Л.Моргунова с акцентировала внимание на других аспектах. Ею была выделена волго-уральская культура с тремя этапами: ранний, включающий 2 подэтапа: А-елшанский, Б-накольчатый, генетически восходящий в первую, результат совершенствования заимствованной керамики, нетождественный материалам

типа II Щербетской в Нижнем Прикамье (Моргунова, 1984. С.8). Второй этап волго-уральской культуры представлен материалами только Вилатовской стоянки. Почему на Ивановской стоянке нет комплексов, которые допустимо было бы отнести к развитому неолиту? И этот вопрос оставался без объяснения. Развитой этап характеризовался накольчатой посудой, украшенной по всей поверхности, в том числе сложными композициями. С ней возможна синхронизация некоторых сосудов закрытой формы с гребенчатым орнаментом. Видимо, с этим этапом связано появление типичных сосудов сероглазовской культуры (Моргунова, 1984. С.12).

К позднему этапу отнесена толстостенная керамика с гребенчатым штампом и шамотом, круглыми и плоскими днищами, представлено 4 основных узора: вертикальный зигзаг, горизонтальные ряды, наклонные пояса, шагающая гребенка. Появление ее вызвано контактами волго-уральской культуры с населением лесной зоны на позднем этапе. Но несмотря на близость орнаментальных композиций посуда бассейна р.Самары достаточно своеобразна, так как унаследовала соответствующие традиции, а это позволяет отказаться от устоявшегося взгляда, что территория лесостепного Заволжья и Южного Приуралья, входила в ареал волго-камской культуры (Моргунова, 1984. С.10-12).

В последующих работах каких-либо кардинальных изменений концепция волго-уральской культуры не претерпела.

Появившиеся накольчато-прочерченные комплексы в Нижнем Поволжье позволили исследователю солидаризироваться с позицией И.Б.Васильева и Выборнова А.А. о значительной роли степного населения в появлении накольчатой традиции в лесостепном Поволжье и Приуралье (Моргунова, 1997. С.11). Что же касается гребенчатой системы орнаментации, то Н.Л.Моргунова с одной стороны отмечает серьезные различия между волго-уральскими и хуторскими, включая стоянки Муллино и Давлеканово в южном Приуралье (Моргунова, 1995. С.38), что позволяет ей констатировать, что на памятниках Самарского Поволжья нет данных, говорящих о переселении каких-либо групп северного происхождения (Моргунова, 1995. С.43), но с другой стороны допускает заимствование гребенчатой техники волго-уральской культурой на развитом этапе своего развития у волго-камских племен (Моргунова, 1997. С.12). Автор данной публикации предпринял попытки проанализировать причины вышеуказанных противоречий, которые так и не нашли своего объяснения (Выборнов, 2002. С.64-69). Лишь два примера. Если между хуторской и волго-уральской гребенчатой нет общего, то почему допускается заимствование именно в этот период? Если импульс в лесостепь шел на левшинском этапе, то как это согласуется с хронологией? Ведь по мнению Н.Л.Моргуновой даже поздний этап волго-уральской культуры датируется 1 половиной V тыс. до н.э. (Моргунова Н.Л., 2004.С.220), а левшинский этап камской культуры датировался исследователями в лучшем случае началом IV тыс. до н.э. Если же согласиться, что заимствование произошло на развитом

этапе волго-уральской культуры (2 половина VI тыс. до н.э.), то разрыв достигает тысячелетия.

Полагаю, что исследователи должны разрабатывать различные варианты объяснений противоречий и нестыковок, касающихся столь важных культурных проявлений как в Южном Предуралье, так и в лесостепном Поволжье.

Так, на Ивановской стоянке накольчатая керамика представлена и прямостенными сосудами с плоскими днищами, без ямочно-жемчужных поясков, толстостенными, порой с примесью ракушки (25%) и геометрическими элементами орнаментации. Вышеперечисленные признаки находят аналогии скорее не в ракушечноярской и среднедонской культурах, а в нижневолжских комплексах типа Тубузгухудук, Джангар и Варфоломеевка (Выборнов, 1988. С.11-21; 2003. С.36-39). Не случайно А.И.Юдин настаивает, что накольчатая волго-уральская практически полностью соответствует орловской. Он подчеркивает, что накольчатая волго-уральская и орловская более похожи между собой, чем последняя с родственными каиршакской и тентексорской. А это дает ему основание для утверждения, что при такой идентичности можно говорить о прямой миграции степного населения в лесостепь (Юдин, 2001. С.62-63). Единственно, на что обратил внимание исследователь – отсутствие на степной посуде ямочно-жемчужного пояска под венчиком. Однако, при внимательном рассмотрении накольчатой керамики Ивановской стоянки напрашивается вывод о том, что значительная часть (около 70% сосудов таких поясков не имеет. В таком случае можно ли ее определять волго-уральской или она являет собой приход на данную территорию орловского населения? Горизонтальный ряд ямочно-жемчужных вдавлений под венчиком зарождается уже в елшанских комплексах. Однако, это в значительной мере присуще сокским памятникам, а не Ивановке и Елшанке, на что уже обращалось внимание (Выборнов, 2005. С.152-158).

Возможно этим и можно было бы объяснить неразвитость этого элемента на накольчатой посуде восточных районов юга лесостепного Поволжья. Но нельзя исключать и другие варианты. Одним из них может быть следующий. Елшанская керамика с территории Оренбургской области является древнейшей и к моменту появления здесь накольчатых комплексов население елшанского типа уже покинуло регион, продвинувшись на запад. Заимствовать ямочно-жемчужный поясок носителям накольчатой посуды орловского типа было не у кого. Доказать эту ситуацию могут и радиоуглеродные данные. Так, для елшанского комплекса Ивановки это рубеж VII и VI тыс. до н.э. Что же касается даже самых ранних орловских комплексов, то речь может идти (на современном уровне понимания их хронологии) о последней четверти VI тыс. до н.э. (Выборнов, 2000).

Что же касается керамики с гребенчатой орнаментацией, то первоначально Н.Л.Моргунова выделяла 2 типологические группы (Моргунова, 1980. С.108-109), но затем выдвинула версию о ее однообразности (Моргунова, 1984. С.10-12). Другие исследователи придерживались первоначальной версии (И.Б.Васильев, А.А.Выборнов),

полагая, что для этого есть типологические основания. Первая группа характеризуется прикрытой формой сосудов с округлым или коническим дном. Это толстостенные фрагменты с примесью шамота без загладки зубчатым штампом внутренней поверхности. Венчики без наплывов. Орнамент густо покрывает всю поверхность сосудов. Узоры представлены сочетанием горизонтальных и вертикальных рядов, шагающей гребенки (небольшой процент), вертикальным и горизонтальным зигзагом. Вся вышеперечисленная совокупность признаков находит аналогии в материалах стоянок Муллино II на р. Ик и Давлеканово II на р. Деме, расположенных в лесостепной части Южного Предуралья и отнесенные к особой прибельской культуре (Матюшин, 1996. С.3-300). Однако, всесторонний анализ показал, что выделение данной культуры даже на уровне гипотезы весьма проблематично, а материалы Муллино-Давлеканово являют собой локальный вариант камской культуры (Выборнов, 1999. С.23-24). Не должен смущать и незначительный процент наплывов на венчиках, так как это характерная черта \square ерхнее и среднекамских памятников. Для Муллино II имеется радиоуглеродная дата – 6450 ± 80 л.н. (Зайцева, Тимофеев, 1997. С.114), то есть середина V тыс. до н.э. Если она верна, то вступает в противоречие с верхней датой, предложенной Н.Л.Моргуновой для волго-уральской культуры – середина V тыс. до н.э. (Моргунова, 2004. С.220). Во-первых, агидельский слой на Муллино III датируется 6260 ± 70 л.н., то есть конец V тыс. до н.э. Во-вторых, для Лебяжинки III есть подтверждение раннеэнеолитического комплекса самарского типа – 5980 ± 180 л.н., то есть конец V – начало IV тыс. до н.э., что хорошо согласуется с муллинской датой. И в-третьих, на Ивановке есть еще одна группа гребенчатой керамики: прямостенная или профилированная, с определенной долей примеси ракушки, с ямочно-жемчужным поясом, плоскодонная, с разреженным орнаментом, с небольшим числом узоров, преобладанием шагающей гребенки и т.п. Данную посуду и допустимо определять как позднеэнеолитическую, не связанную напрямую с предшествующей, и датировать ее второй половиной V тыс. до н.э. Таким образом, на восточной периферии южного Приуралья прослеживается более сложная ситуация, не идентичная лесостепному Поволжью, подтверждающаяся многообразием типологических групп керамики, соотношение которых требуют более тщательного анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Габяшев Р.С., Моргунова Н.Л., Пенин Г.Н. Некоторые итоги исследования Виловатовской стоянки в лесостепном Поволжье // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Оренбург. 1980.

Виловатоская стоянка в лесостепном Заволжье // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980 а.

Выборнов А.А. Соотношение культурных зон и миров, историко-культурных и этнокультурных областей в эпоху неолита (состояние

проблемы) // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск. 1988.

Выборнов А.А. К вопросу о прибельской культуре // XIV Уральское археологическое совещание. 100-летию со дня рождения К.В.Сальникова посвящается. Челябинск, 1999.

Выборнов А.А. О сероглазовской культуре // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов. 2000

Выборнов А.А. Неолит лесостепного Поволжья и лесные культуры//Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Ижевск, 2002.

Выборнов А.А. Неолит лесостепного Поволжья и его окружение//Чтения, посвященные 100-летию В.А.Городцова. М., 2003.

Выборнов А.А. О раннем неолите Поволжья // Новые гуманитарные исследования. Самара. 2005.

Зайцева Г.И., Тимофеев В.И. Радиоуглеродные даты памятников мезолита – энеолита юга Европейской России и Сибири // Археология и радиоуглерод. Вып.2. С-Петербург, 1997.

Матюшин Г.Н. Неолит Южного Урала. М., 1996.

Моргунова Н.Л. Ивановская стоянка эпохи неолита и энеолита в Оренбургской области // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Оренбург. 1980.

Моргунова Н.Л. Ивановская стоянка эпохи неолита-энеолита в Оренбургской области// Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980 а.

Моргунова Н.Л. Эпоха неолита и энеолита в лесостепной зоне Волго-Уральского междуречья // Автореф. дисс. канд. ист.наук. М., 1984. С.1-21.

Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург, 1995.

Моргунова Н.Л. Население юга лесостепи Волго-Уральского междуречья в эпохи неолита – энеолита – ранней бронзы // Автореф. дисс. докт. ист. наук. М., 1997.

Моргунова Н.Л. К проблеме определения культурной принадлежности и хронологии неолитических памятников Самарского Поволжья и Южного Приуралья // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. С-Петербург, 2004.

Юдин А.И. О чертах сходства орловской и волго-уральской неолитических культур: контакты или миграции? // XV Уральское археологическое совещание. Оренбург. 2001.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ЭНЕОЛИТУ ИКСКО-БЕЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

К.В.Сальниковым в фундаментальной статье «Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы» выдвинут ряд важных положений (Сальников, 1962). Отмечая самобытность прикамского и приуральского энеолита, исследователь объединил его наряду с зауральским, казахстанским и среднеазиатским в особую Урало-Казахстанскую историко-культурную область. Вместе с тем, К.В.Сальников показал тяготение приуральских энеолитических комплексов к поволжским. На современном этапе исследований они могут быть объединены в восточную (Камско-Вятскую) провинцию волосовско-гаринской культурно-исторической области (Шорин, 1999. С.35-40). Р.С.Габяшев рассматривает Икско-Бельское междуречье и в целом Нижнее Прикамье и Южное Предуралье как зону контактов в неолите-энеолите носителей двух различных керамических традиций (накольчатой и гребенчатой орнаментации), подчеркивая сохранение в этих комплексах высокой роли пластинчатой техники (Габяшев, 2003. С.93-95). Серьезную проблему в изучении энеолита региона представляет смешанный характер большинства опорных памятников (Габяшев, Старостин, 1978; Наговицин, 1984). В этой связи определенный интерес представляют предварительные результаты изучения каменного инвентаря, полученного в ходе охранных раскопок, проведенных авторами в районе устья р. Ик в 2006 году.

Усть-Мензельское городище известно с 1929 года (Археологические памятники..., 1989, №320). Л.А.Вараксина, а затем В.Ф.Генинг отнесли городище к пьяноборской культуре (II в. до н.э. – II в.н.э.) Результаты разведок Р.С.Габяшева и впоследствии Д.Г.Бугрова позволили предполагать наличие на памятнике также культурного слоя эпохи неолита-энеолита. Памятник расположен в урочище «Можариха» в 4,5 км к востоку от города Мензелинска, на краю высокой надпойменной террасы правого берега реки Мензеля, левого притока реки Ик. Городище размерами 150x80 м (включая остатки укреплений) занимает мыс подчетырехугольной формы, ограниченный с запада и севера краем террасы, с востока – задернованной и заросшей лесом ложбиной. Укрепления, прикрывавшие городище с южной, напольной стороны полностью уничтожены распашкой, проводившейся до середины 1990-х годов. Высота мыса от уреза водохранилища составляет 18-20 м. В 2006 г. на городище тремя раскопами было изучено около 153,4 кв. м. Установлено, что памятник является трехслойным и содержит культурные слои стоянки эпохи энеолита, городища пьяноборской культуры и мусульманского могильника XI-XII вв. Находки энеолитического времени были получены исключительно с мысовой части городища (раскоп 1, около

125,2 кв. м), с глубины 20-60 см от поверхности. Они приурочены к нижней части гумусового горизонта современной почвы, с которым связан и слой городища, а также к нижележащему предматериковому слою плотного коричневого суглинка (горизонту вымывания). Единичные кремневые предметы, в том числе нуклеус и три орудия (рис.1:10, 14) залегали в рыхлом пестроцветном слое пьяноборского костыща, отмеченного в обрывистой части на глубине до 80 см от поверхности. Видимо, по этой причине поверхность некоторых кремней оказалась покрытой известняковой коркой.

В раскопе 1 было отмечено (в трехмерной фиксации) 92 предмета из камня (в основном из светло-серого, серого пестроцветного и темно-серого качественного кремня). Находки залегали разрозненно, не образуя скоплений. Что касается энеолитических керамических находок, то они единичны и недостаточно выразительны. Морфологически кремневые предметы представляют собой: мелкий сработанный (аморфный) нуклеус; 4 скола подправки микронуклеусов (снятых с площадок поперечно или под углом); 16 коротких аморфных сколов и отщепов; 17 фрагментов сколов и осколков; 10 чешуек; 28 ножевидных пластин и аморфных длинных сколов (в том числе сечений пластин); 2 резцовые отщепки; 7 целых изделий с вторичной обработкой и 4 фрагмента орудий.

Все изделия с вторичной обработкой (группа 1), пластины и некоторые сколы (группа 2) были изучены под бинокулярным микроскопом МБС-10 с целью идентификации следов работы. Группа 1 включает изделия со следующими характеристиками: два фрагмента одного незавершенного бифаса (наконечника?); фрагмент ножа-бифаса; острие на проксимальном фрагменте пластины с краевой ретушью по обоим фасам – сильно сработанный кожевенный нож (рис.1:9); концевой скребок на отщепе, сломанный по границе с рукоятью; крупный отщеп с зубчатой ретушью по периметру – скобель по твердому материалу (рис.1:15); длинное острие на крупной пластине со сходящимися ретушированными краями – сильно сработанная провертка по мягкому материалу (рис. 1:13); угловой резец на отщепе – полифункциональное деревообрабатывающее орудие (резец-скобель-пилка); скребок на крупном отщепе с концевым и боковыми лезвиями – скобель по твердому дереву или кости (рис.1:10); наконечник стрелы – бифас листовидной формы с вытянутым острием и выемкой на насаде (по трасологическим признакам был использован) (рис.1:14); незавершенный мелкий бифас фигурной формы, выполненный из сработанного скребка (рис.1:3).

Группа 2 включает неширокие пластины и длинные сколы подправки, их сечения, короткие сколы и отщепы без вторичной обработки. Функционально пластины и их фрагменты представляли собой различные варианты деревообрабатывающих орудий (ножи, строгальные ножи, скобели, стамески); мясные разделочные ножи; стамески и скобели по шкуре и мягкому дереву; нож для подрезания мездры; резцы-резчики на массивных технических сколах; вкладыши строгальных ножей по дереву, а также сечения микропластин – вкладыши наконечников. Отщепы и короткие

массивные сколы использовались в качестве: резчика-скобеля по дереву; стамески по шкуре или мягкому дереву; ножей и резцов-резчиков по дереву; строгального ножа – ножа по твердому материалу; скобелей по дереву. Вместе с тем, в рассматриваемом комплексе значительная часть сколов не несет следов использования.

Некременевые предметы единичны: крупный отбойник; 2 фрагмента мелких галек, фрагмент небольшого шлифованного рубящего орудия, а также фрагмент шлифованной подвески из серпентина плоской каплевидной формы с двумя отверстиями (рис.1:4). Находки сланцевых подвесок известны на стоянках Игимская, Золотая Падь, Дубовая Грива (Габышев, Старостин,1978). Следует особо рассмотреть находку рогового орудия в небольшом раскопе, разбитом в верховье молодого оврага. Орудие представляет собой концевую часть рога, зауженную с двух сторон, на рабочей кромке которого наблюдаются визуально и под увеличением многочисленные вмятины и продольные и косые длинные царапины (рис.1:16). Наиболее вероятной функцией этого орудия, переотложенного из раннего слоя, было отжимное ретуширование кремневых заготовок орудий.

Развитая пластинчатая индустрия и аналогичный морфологический набор присущи ряду соседних энеолитическим комплексам Икско-Бельского междуречья (Татарско-Азибейская II, Сауз III) (Габышев, 1978, 1981, 2003; Матюшин, 1982). Близок и состав каменного сырья. Высокий удельный век пластин также характерен для энеолита Камско-Вятского междуречья и Марийского Заволжья (Наговицин, 1984, 1987; Никитин, 1990; Медведева, 1999). В прилегающих с юга лесостепных районах развитая пластинчатая индустрия была присуща носителям хвалынской и самарской энеолитических культур (Васильев, Овчинникова, 2000). Так, в погребениях Хвалынского могильника, датированного второй половиной IV тыс. до н.э. находились крупные утилизированные ножевидные пластины, полученные техникой усиленного отжима, а также серии средних и узких пластин, и микропластин с признаками использования в качестве вкладышей (Агапов, Васильев, Пестрикова, 1990). Показательны и сами пазовые орудия – крупные костяные кинжалы.

Не смотря на то, что исследованный нами культурный слой энеолитической стоянки довольно беден, потревожен позднейшими поселениями и могильником и не содержит остатков жилищ и хозяйственных объектов, каменный инвентарь Усть-Мензельского городища выглядит достаточно цельным и выразительным. Целенаправленные поиски и комплексное изучение однослойных памятников эпохи раннего металла в Нижнем Прикамье и Южном Приуралье представляется актуальным и способным помочь в интерпретации опорных многослойных комплексов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник. Куйбышев, 1990.

Археологические памятники Восточного Закамья. Казань, 1989.

Васильев И.Б., Овчинникова Н.В. Энеолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара, 2000.

Габяшев Р.С. Второе Татарско-Азиебейское поселение // Древности Икско-Бельского междуречья. Казань, 1978.

Габяшев Р.С. Население Нижнего Прикамья в V-III тысячелетиях до нашей эры. Казань, 2003.

Габяшев Р.С., Старостин П.Н. О памятниках волосовско-турбинского типа в Икско-Бельском междуречье // Лесная полоса восточной Европы в волосовско-турбинское время. Йошкар-Ола, 1978.

Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. Лесостепь и степь. М.: Наука, 1982.

Медведева Т.А. Деревообрабатывающие орудия поселения Кочуровское IV (по материалам жилища1) // Современные экспериментально-трассологические и технико-технологические разработки в археологии. Первые Семеновские чтения. СПб., 1999.

Наговицин Л.А. Периодизация энеолитических памятников Вятского края // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск, 1984.

Никитин В.В. Медно-каменный век Марийского края (середина III - начало II тысячелетия до н.э.). Йошкар-Ола, 1991.

Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург, 1999.

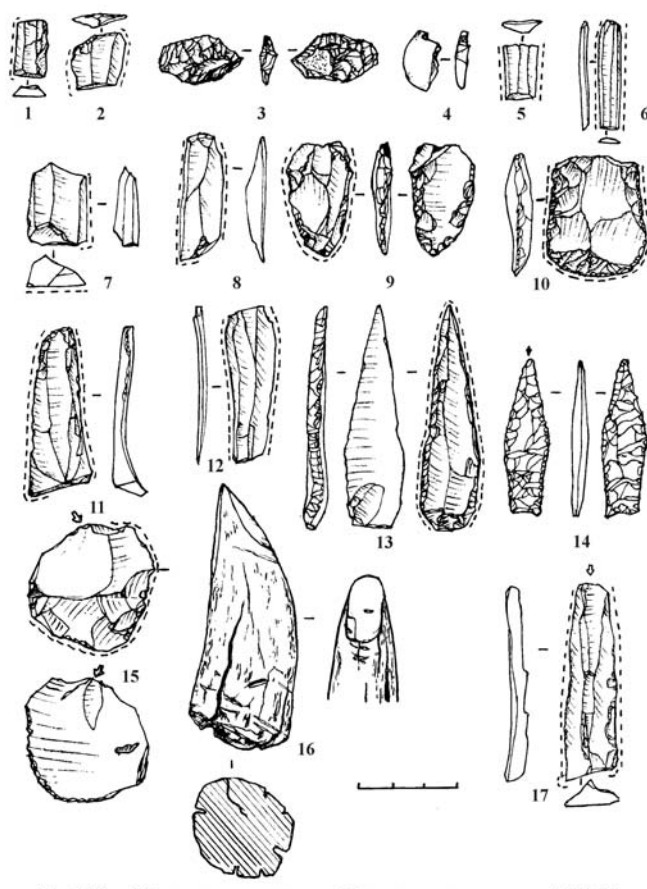

Рис. 1. Усть-Мензелинское городище. Находки из раннего слоя. 1 – 3, 5 – 15, 17 – кремьень, 4 – серпентин, 16 – рог.

ДРЕВНОСТИ УРАЛЬСКОЙ АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ КУЛЬТУРЫ

Заслуга в выделении на Южном Урале абашевских древностей всецело принадлежит К.В.Сальникову. Поводом и основанием для этого послужили его совместные с П.И Дмитриевым работы на трассе строившейся перед Великой отечественной войной линии железной дороги Уфа – Ишимбаево. Именно тогда было открыто и первично обследовано широко известное в научной археологической литературе поселение Баланбаш (Дмитриев, Сальников, 1941). Возвращение к раскопкам этого памятника, а так же ряда других, таких как поселения Урняк, Мало-Кизыльское, Береговское, могильники Нижнее-Чуракаевский, Юкалекулевский и др. позволило К.В.Сальникову создать систему представлений об абашевской культуре. В своей последней, фундаментальной монографии по бронзовому веку на Южном Урале, он не только обобщил и систематизировал все накопленные материалы, но и выделил внутри памятников этой культуры несколько локальных вариантов (Сальников, 1967). Исследования 70 – 90-х годов позволили поднять изучение абашевской проблемы на новый уровень (Пряхин, 1976, 1977, 1981; Горбунов, 1986, 1989, 1992; Кузьмина, 1992).

Открытие и изучение памятников синташтинско – аркаимского типа привело к серьезным разногласиям в понимании древностей уральской абашевской культуры, и, соответственно, процессов культурогенеза лесостепного Урала.

В свете современных достижений по уральской абашевской культуре можно с уверенностью говорить о следующем.

Племена уральской абашевской культуры не явились автохтонными на территории Южного Урала. Наиболее вероятным представляется их продвижение с запада.

Мотивами миграции и активного освоения лесостепных пространств Урала явились богатые возможности биогеоценоза данного региона. Наиболее мощный стимул связан с эксплуатацией местных меднорудных месторождений. Можно предположить, что в эпоху палеометалла, а возможно и гораздо раньше, у племен населявших обширные области Восточноевропейской и Западносибирской равнин, существовали источники информации о наличии природных ресурсов в тех или иных ее частях. Именно этим можно объяснить не сплошное, а выборочное расселение абашевских племен на территории Южного Приуралья. Картографирование показывает, что в относительной близости от каждого крупного памятника имеются единичные, а в ряде случаев групповые пункты рудопроявлений.

Большинство исследователей, занимающихся проблемами абашевской культуры, рассматривают ее как многокомпонентное явление.

Действительно, и в материальной культуре и погребальном обряде достаточно отчетливо просматриваются отдельные элементы или даже составные части разных культурных традиций. Свободно уживаются степные – ямно-катакомбные, с одной стороны и лесные – фатьяновско-балановские компоненты, с другой. Но в современной археологической науке культуригенез и степных и лесных культур является столь же сложным и не в полной мере понятным. Следовательно, имеет место своеобразный круговорот культуригенетических проблем. Поскольку это отдельная, требующая глубокого и всестороннего анализа проблема она не будет развиваться в данной статье. Речь пойдет о другом.

К.В.Сальников уже в первых своих работах по уральской абашевской культуре значительное внимание отводил влиянию на них местных культур. Современные исследователи тоже говорят о вкладе местных племен в формирование археологических культур.

Реально Южный Урал находился в зоне влияния двух культурно-исторических общностей - волосовско-гаринской и культур гребенчатого геометризма. Территория распространения волосовско – гаринской КИО локализовалось западнее Уральского хребта, охватывая в основном лесные районы Прикамья, Волго-Вятского и Волго-Окского междуречья. Территория КИО культур гребенчатого геометризма носила интерзональный характер, охватывая широкую полосу от тундры на севере до степной зоны на юге, с выходом в Северное Приуралье и степное Повожье (памятники турганикского типа). Традиции этой общности сыграли особую роль в формировании андроновской культурно-исторической общности и ареала андронидных культур эпохи бронзы южнотаежной зоны Зауралья и Западной Сибири (Шорин, 1999. С. 107).

Нам, в данном случае, представляется чрезвычайно важным верхняя дата культур позднего энеолита. Исследователи, занимающиеся проблемой Урало-Поволжского энеолита, справедливо сетуют на трудности, возникающие в процессе определения датировки финального этапа энеолита. Косвенно, признание фактов доживания некоторых энеолитических древностей до среднебронзового века просматривается ряде работ. Так в сложении ташковской культуры основой явились культуры позднего неолита и энеолита Среднего Зауралья как результат поступательного исторического развития, но под воздействием южного и юго-западного импульсов, прежде всего абашевского (Ковалева, Чаиркина, 1991. С. 68-69).

В конце III тыс. до н.э. на всей территории зауральской энеолитической общности начинается процесс дестабилизации. В южных районах население покидает обжитые места. В Приуралье появляется импортная зауральская керамика. Проследить дальнейшую судьбу энеолитического населения – носителей гребенчатой керамики с геометрическими мотивами – пока сложно, в виду отсутствия достоверных фактов (Мосин, 2006. С.84).

Вопрос о датировке памятников суртандинской культуры весьма сложен. В виду отсутствия радиоуглеродных дат Г.Н.Матюшин по аналогии с энеолитическими памятниками Поволжья и Приуралья относит памятники суртандинской культуры к широкому диапазону в пределах V-II тыс. до н. э., что вряд ли обосновано. (Матюшин, 1982. С.114). Он считает, что IV-III тыс. до н.э., в связи с развитием скотоводства и появлением металла, население суртандинской культуры начало переселение с озер Башкирского Зауралья в поисках удобных пастбищ и под влиянием избыточного населения. Затем оно начинает двигаться на запад, осваивая приуральские слабо заселенные районы, мешаясь с местным населением, что привело к формированию культур на Южном Урале. К западу от Уральских гор суртандинцы явились компонентом абашевских, а к востоку – алакульских племен (Матюшин, 1982. С.299-300). Г.Н.Матюшин (1982. С.274) допускает мысль о возможном участии суртандинцев в сложении ямной культуры, хотя аргументы построены на некоторых единичных фактах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Горбунов В.С. Абашевская культура Южного Приуралья – Уфа, 1986
- Горбунов В.С. Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье. – Куйбышев, 1989
- Горбунов В.С. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. – Уфа, 1992
- Ковалева В.Т., Чаиркина Н.М. Этнокультурные и этногенетические процессы в Среднем Зауралье и в конце каменного - начале бронзового века: Итоги и проблемы исследования//Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург, 1991
- Кузьмина О.В. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. – Самара, 1992
- Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. – М., 1982
- Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. - Оренбург, 1993
- Мосин В.С. Основные этапы и проблемы культурогенеза // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза) – Челябинск, 2006.
- Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. – Воронеж, 1976
- Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. – Воронеж, 1977
- Пряхин А.Д. Абашевская культурно - историческая общность в советской историографии // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. – Воронеж, 1981
- Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. – М., 1967
- Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. – Екатеринбург, 1999

Ю.В.Горбунов
*Бакирский государственный педагогический
университет им. М.Акмиллы, Уфа*

О ВКЛАДЕ К.В.САЛЬНИКОВА В ИЗУЧЕНИЕ АБАШЕВСКОЙ МЕТАЛЛУРГИИ И МЕТАЛЛООБРАБОТКИ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Вопрос об абашевском металле и металлургии возник одновременно с раскопами и интерпретацией материалов, полученных В.Ф.Смолиным из курганов у с.Абашево Цивильского района Чувашской АССР. Уже тогда автор раскопок усматривал связи абашевских племен с Кавказом, учитывая определенное сходство бронзовых изделий из погребений абашевского могильника с некоторыми образцами кавказских памятников эпохи бронзы (Смолин, 1928).

В ходе многолетних исследования абашевских курганов отмечалось практически полное отсутствие металлических орудий (известны лишь шилья, наконечники стрел и рыболовные крючки) и преобладание украшений. Характерными украшениями абашевских племен являются круглые и желобчатые несомкнутые браслеты, кольца простые и спиральные, височные привески в полтора оборота, полушарные бляшки, бляшки – розетки, спиральки, пронизи, очковидные подвески, медный бисер (Евтюхова, 1961.С.5). Абашевский металл столь специфичен и уникален, что является, наряду с керамикой, четким культурным индикатором. Кроме раскопок В.Ф. Смолина в конце 20-х годов, было вскрыто несколько курганов у д. Алгаши, Тюрлема, с. Катергино, г. Цивильска, давшие сходные материалы (Евтюхова, 1961.С.6). Изучение абашевских могильников было продолжено в послевоенные годы. В начале 60-х годов накопленные материалы по абашевской культуре в Среднем Поволжье были опубликованы в виде отдельного тома «Материалов и исследований по археологии СССР» (МИА, 1961, № 97).

Первым памятником на Урале, содержащим набор металлических изделий считается Верхнекизилский клад в верхнем течении р. Урал. Он был опубликован Н.Н. Бортвиным и стал одним из эталонных комплексов содержащих орудия и украшения абашевского типа. Помимо типичного остросереберного сосудика в состав клада входили: втульчатое копьё и долото, топоры, ножи-кинжалы и пластинчатые орудия, шило, рыболовный крючок, желобчатые браслеты и гривны, бляшки-розетки, пронизи, спиральные кольца (Bortvin, 1928; Сальников, 1967.С.40. Рис.6;7, 21-25). Находки клада явились стимулом для активных поисков новых свидетельств. К числу важных открытий предвоенной поры относятся открытые и небольшие раскопки на селище Баланбаш, выявленного на трассе Уфа – Ишимбай (Дмитриев, Сальников, 1941). В 50-е годы К.В.Сальников провел повторные раскопки на Баланбашском поселении и на ряде новых памятников

абашевской культуры на Южном Урале (Сальников, 1954, 1957, 1959, 1962, 1965, 1967).

Первой специальной работой по истории абашевской металлургии на Южном Урале была большая статья К.В.Сальникова в сборнике «Археология и этнография Башкирии» вышедшая в 60-е годы XX столетия. В ней автор стремился выделить абашевские формы металлических изделий и выяснить их место в культуре племен эпохи бронзы (Сальников, 1962.С.62-73). Нельзя не упомянуть о влиянии на многие положения, развиваемые К.В.Сальниковым, идей А.А.Иессена (1948), впервые высказавшего мысль о существовании на Южном Урале абашевского очага металлургии.

Отмечая, что в эпоху бронзы на Южном Урале и прилегающих районах обитали абашевские, андроновские, срубные и отчасти шигирские племена, К.В.Сальников считал, что они находились в постоянном общении друг с другом и часто проникали на территорию соседей, иногда вытесняя их и в пограничных районах, таким образом, складывалось смешанное население. Все это, по его мнению, приводило к взаимному обмену предметами материальной культуры, в том числе и металлическими изделиями. Этим он объясняет наличие как однотипных орудий и украшений, так и самобытных, связанных с определенными культурами.

К.В.Сальников предполагал, что племена абашевской культуры освоили территорию не только по обе стороны от Уральского хребта, но и обитали в горах Южного Урала. Там, по его мнению, они не могли не принимать участие в разработке месторождений меди.

Аргументами в пользу этих мыслей были находки изделий из металла на абашевских поселениях, а также нескольких кладов с вещами, которые К.В.Сальников связывал с металлургической деятельностью абашевских племен. К числу абашевских он относил клады: Верхне-Кизильский, у Долгой горы (Куш-Тау), Красный Яр, на Царевом кургане. При этом К.В.Сальников отмечал территориальную близость Верхне-Кизильского клада с эпонимным поселением, клада у с. Красный Яр с поселением Баланбаш, клада у Долгой горы с поселением Урняк (Сальников.1962.С.62-63).

Развивая далее мысли о находках металлических изделий абашевских форм за пределами абашевских памятников, К.В.Сальников обращает внимание на следы широкого распространения продукции абашевских литейщиков в среде других племен. В качестве примеров, он приводит наличие сходных с абашевскими предметов из Коршуновского, Веселовского, Москательниковского, Морозовского, Галичского и ряда других кладов (Сальников, 1962.С.64-65).

Все приводимые суждения о территории распространения изделий абашевского типа, К.В.Сальников связывает с уральским меднорудным очагом. В другом очаге древней металлургии, расположенном в устье р.Камы, он отмечает почти полное отсутствие абашевских форм.

К.В.Сальников в 60-е годы писал, что подобно андроновцам, абашевцы вели плавку руды не на месте добычи, а на поселениях

(Сальников, 1962.С.66). На разработку руд во многих пунктах, по его мнению, указывает разнородность найденных в абашевских памятниках образцов руды. Но он уверенно отдавал предпочтение Уралу и полагал, что разработки велись на многих местах. На Урале в районе расселения абашевских племен сложился особый очаг металлургии. К.В.Сальников убедительно обосновал, что из абашевских памятников и районов расселения абашевцев происходит ряд типов медно-бронзовых орудий и украшений, несвойственных другим культурам. К типично абашевским образцам металлургической продукции ученый относил несколько типов украшений, таких как: бляшки-розетки, височные спиральные серебряные кольца, пронизи с ребристыми концами, браслеты круглые или овальные в сечении с несомкнутыми заостренными концами. К числу изделий, связанных с абашевской металлургией, К.В. Сальников относил пластинчатые орудия, ланцетовидные ножи, бронзовые наконечники копий с несомкнутой втулкой. Они действительно являются диагностическими металлическими предметами для абашевской культуры.

На имевшихся тогда материалах, полученных главным образом с поселений и кладов, бронзовых вещей, он делает заключения, в значительной степени, подтвержденные более поздними исследованиями, как его самого, так и других авторов. Весьма интересен взгляд на происхождение бронзовых топоров. Вислобушный топор, выявленный на Мало-Кизильском поселении, К.В.Сальников относит к камскому типу, который через ряд переходных форм, связывал с топорами фатьяновского типа. Далее он выдвинул оригинальную версию о том, что южноуральских тип топоров развился из месопотамских форм, через Среднюю Азию, в то время как фатьяновский, вырос из того же корня, но при посредстве Кавказа (Сальников, 1962.С.71-72).

Добыча металла и производство металлических изделий абашевскими племенами на Урале, по мнению К.В.Сальникова, не ограничивались внутренними потребностями, а в известной степени были рассчитаны на обмен, в первую очередь с соседними племенами. Абашевские металлурги создали не только особые типы изделий из металла, но и способ плавки в плоских чашах на ножках. Резюмируя все предлагаемые оценки и взгляды на абашевскую металлургию на Южном Урале, он рассматривает ее как самую древнюю в этом регионе. Сальников в одной из своих работ пишет: «попытка видеть в южноуральских абашевский памятниках местный вариант, и даже особую баланбашскую культуру не имеют под собою достаточных оснований» (Сальников, 1965.С.14). В этой же работе автор подчеркивает вклад «энеолитического населения» в культуру абашевских племен, – «коренным населением Южного Урала в эпоху неолита и ранней бронзы были племена, входящие в огромную урало-казахстанскую этнокультурную область» (Сальников, 1965. С.12).

Одним из заметных событий, связанных с изучением бронзового века, был выход в свет обобщающего исследования К.В.Сальникова (1967), ставшего на долгие годы не только солидным фундаментальным трудом, но и

по существу своеобразным справочником. Значительное место в книге занимает очерк по истории племен абашевской культуры. В общей оценке металлургии населения абашевской культуры, К.В.Сальников повторяет многие мысли из предыдущих работ. Однако в оценке абашевской металлургии четко просматривается системный подход и аргументация, основанная на фактах. Высокий уровень развития искусства обработки меди и бронзы хорошо иллюстрируют находки металлических предметов на поселениях и в могильниках. Это, по мнению К.В.Сальникова, свидетельствует о существенных размерах металлического производства. В качестве примера, он приводит факт находок на поселении Баланбаш обломков более чем от 50 плавильных чаш различных форм. Отмечает автор и одну из самых важных особенностей абашевской металлургии – использование серебра и свинца.

Как отмечалось выше, одним из первых специальных исследований, посвященных анализу металлических изделий на Среднем Урале и в Приуралье, была монография Б.Г.Тихонова (1960). В работе были собраны разнообразные сведения не только об изделиях из меди и бронзы, но и затронут широкий круг проблем древней металлургии и металлообработки на Урале. Книга сыграла важную роль в понимании механизмов возникновения и развития древних производств и особой роли Урала в создании очага металлургии и металлообработки на основе его многочисленных месторождений и рудопроявлений. В виду ограниченности материалов по эпохе бронзы Южного Приуралья, Б.Г.Тихонов не имел тогда возможности высказать своего мнения относительно абашевской металлургии. Лишь спустя десять лет после выхода его монографии, в совместной с А.В.Збруевой статье, он изложил свое понимание роли абашевского населения в становлении металлургического производства (Збруева, Тихонов, 1970). Оценка абашевской металлургии построена на резкой критике взглядов К.В.Сальникова. Самые серьезные противоречия связаны, в первую очередь, с датировкой баланбашской культуры, происхождение которой А.В.Збруева и Б.Г.Тихонов рассматривают как конгломерат срубных, андроновских и абашевских племен. Поэтому авторы считают, что возникновение культуры баланбаш произошло не раньше сложения развитой срубной культуры, и, следовательно, абашевская металлургия не может считаться самой древней на Южном Урале (Збруева, Тихонов, 1970.С.116-117). Эта точка зрения у специалистов не получила поддержки и дальнейшего развития ни в 70-годы ни в современных исследованиях. Е.Н.Черных на основании результатов спектрального анализа отнес абашевскую металлургию и металл преимущественно к досейминскому хронологическому горизонту. А это, по его мнению, свидетельствует о предшествовании абашевско-баланбашской стадии металлопроизводства, срубной и андроновской культурно-исторических общностей (Черных, 1970. С.108-111). Эти идеи получили широкое распространение.

Таким образом, К.В. Сальников заложил основу изучения абашевской металлургии и металлообработки на Южном Урале используя логику,

интуицию и анализ. Исходя из этого, период 50-60-х в разработке данной проблематике может быть связан с его именем, и, именоваться сальниковским.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абашевская культура в Среднем Поволжье // МИА, 1961, № 97
Bortvin N. N. The Verhny – Lisil Find // ESA, 111, Helsinki, 1928
Дмитриев П.А., Сальников К.В. Гор. Уфа – ст. Ишимбай // Археологические исследования в РСФСР в 1934-36 гг. – М.,-Л., 1941
Евтюхова О.Н. К истории изучения абашевской культуры // МИА, 1961, № 97. – С.5-14
Збруева А.В., Тихонов Б.Г. Памятники эпохи бронзы в Башкирии // Древности Башкирии. – М. , 1970
Иессен А.А. Уральский очаг древней металлургии // Первое Уральское археологическое совещание. – Молотов, 1948
Сальников К.В. Абашевская культура на Южном Урале // СА, 1954, XXI
Сальников К.В. Новые памятники абашевской культуры в Южной Башкирии // КСИИМК, 1957, вып.67.
Сальников К.В. Некоторые сведения об эпохе бронзы Южной Башкирии // Башкирский археологический сборник. – Уфа, 1959
Сальников К.В. К истории древней металлургии на Южном Урале (Металлургия абашевских племен) // АЭБ. Т. 1. –Уфа, 1962
Сальников К.В. История Южного Урала в эпоху бронзы / Доклад по опубликованным работам, представленным на соискание ученой степени доктора исторических наук. – М., 1965
Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. – М., 1967
Смолин В.Ф. Абашевский могильник в Чувашской республике // Тр. Об-ва изуч. Чувашского края. Т.1, вып. 1.- Чебоксары 1928
Тихонов Б.Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // МИА, 1960, № 90
Черных Е.Н. Древняя металлургия Урала и Поволжья. – М., 1970

С.П.Грушин

Алтайский государственный университет, Барнаул

АНДРОНОВСКИЕ ЗОЛОТЫЕ УКРАШЕНИЯ ИЗ МОГИЛЬНИКА КЫТМАНОВО (ВЕРХНЕЕ ПРИОБЬЕ)*

Украшения и отдельные детали принадлежностей одежды составляют самую большую группу металлического инвентаря памятников андроновской

*Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект №05-01-01183а, тема «Алтай в системе Евразийской металлургической провинции бронзового века»

культуры. Кытмановский могильник не является исключением. Значительная часть его погребального инвентаря приходится именно на предметы украшения. Вещи и отдельные их детали были изготовлены из бронзы; из бронзы, покрытой золотой фольгой; золота. В могилах обнаружены предметы из пасты, раковин и камня. В могильнике было найдено и собрано более 150 экз. золотых предметов украшения. Большинство из них изготовлено из золотой фольги на бронзовой основе.

Нашивные пластинки в форме трапеции или равнобедренного треугольника с закругленной вершиной и отверстиями в ней и у основания, размерами около 2,0х1,0 см, украшенные пятью выпуклостями в виде крупных «жемчужин», происходят из могилы №1 (рис. 1.-6-10). Их общее количество - 15 экз. Аналогичные восемь пластинок прямоугольной формы, размерами 2,1х0,9 см, с отверстиями для пришивания, украшенные попарно восьмью выпуклостями, найдены в могиле № 1. Две золотые накладные пластины (одна длиной 7,5 см, другая - 6,8 см, обе шириной - 1,0-1,1 см), украшенные попарно выпуклостями (по 15 пар), также из могилы №1. Еще одна аналогичная пластина из этой же могилы длиной 3,6 см была украшена семью парами выпуклостей. Трапециевидные и прямоугольные рельефные нашивки являлись шейными или воротничковыми украшениями. Они относятся к редким типам предметов, встречающихся только в восточноандоновских (федоровских) комплексах (Аванесова, 1991. С. 66). Предметы такого типа известны в погребении №33 на могильнике Черноозерье-I (Генинг, Стефанова, 1994, Рис. 5.-2).

Рубчатые пронизи (рис. 1.-11-17). Всего пронизок — 31 экз. Две трети этих изделий, имеющих длину 6,8 и 7,5 см, происходили из могилы №1. Н.А.Аванесова (1991. С. 67) считает данные предметы гривной. Вероятно, гривна не только украшала шею человека, но и являлась признаком его особого социального положения в обществе. Большинство рубчатых пронизей из могильника Кытманово имеют длину от 0,7 до 1,7 см. 16 экз. происходят из могилы №1: 1 экз. — из могилы №21; 4 экз. из могилы №24; 5 экз. из могилы №30; 6 экз. - из могилы №35. Отдельные предметы имели коническую форму (2 экз. из могилы №35), на некоторых из них имеется отверстие. Такие предметы могли входить в состав нагрудного украшения или головного убора.

Лапчатые привески (рис. 1.-20-23). Трапециевидные изделия с четырьмя выпуклостями на широком конце и отверстиями на узком конце, закрытыми дополнительной планкой (2 экз.), найдены в могилах №1 и 30. Аналогичное изделие с тремя выпуклостями обнаружено в могиле №24, еще одна привеска с двумя выпуклостями, обломанная с двух сторон, — в могиле №35. Привески с выпуклостями находят аналогии в Но-воалександровке (Зиминая, Адаменко, 1963. С. 57-59), Фирсово-XIV (Шамшин, 1992. С. 44-45), Рублево-VIII (Кирюшин, Папин и др., 2004. С. 73), Чекановский Лог-X (Позднякова, 2000. Рис. 1-1) и др.

В целом территория распространения этого варианта «лапчатых» привесок ограничивается Верхним Приобьем, Прииртышьем и Центральным Казахстаном

(Аванесова, 1991. С. 61; Демин, Ситников, 2000. С. 121; Зимина, Адаменко, 1963. Рис. 1; Молодин, 1985. С. 70; Позднякова, 2000. Рис. 1-1, 2). По мнению ряда исследователей, эти украшения следует считать принадлежностью андроновской (федоровской) культуры, поскольку для алакульского костюма они не характерны (Аванесова, 1991. С. 61; Усманова, 2005. С. 120). «Лапчатые» привески в комплекте с подвесками в полтора оборота, рубчатыми пронизьями входили в состав головных украшений. Они обнаружены в могиле №30 могильника Кытманово, погребениях №17, 85 могильника Рублево-VIII (Кирюшин, Папин и др., 2004. Рис. 2-2). Альтернативный способ использования «лапчатых» привесок в костюме был установлен в ходе раскопок погребения №85 на могильнике Рублево-VIII, где они являлись частью сложного нагрудного украшения (Кирюшин, Позднякова и др., 2006. Рис. 2-3).

Кольцевые серьги или подвески (рис. 1.-24-32). Всего обнаружено девять таких предметов. Они представляют собой круглое кольцо, один конец которого заострен, а второй оформлен в виде трубчатого расширения и служит замком. Изделия свернуты из тонкой бронзовой пластинки, обернутой золотым листом, и имеют овальное сечение. Диаметр колец по внешнему краю варьирует в пределах 3,6-4,8 см. В большинстве случаев в погребениях зафиксировано по две серьги. Судя по их расположению в могилах, эти украшения, так же как и серьги с раструбом, носили, продевая в мочку уха, или как подвески. В могильнике Кытманово из могилы №1 происходит 1 экз., его диаметр — 4,4 см; 2 экз., диаметром 4,5 и 4,8 см, обнаружены в могиле №21; 3 экз., диаметром 4,4; 3,6 и 4,5 см, - в могиле №24; еще одно кольцо найдено в могиле №35; две аналогичные серьги хранятся в Кемеровском областном краеведческом музее и происходят из раскопок В.И.Каца на могильнике Кытманово. На одном кольце (из могилы №24) имелся орнамент в виде горизонтальных нарезок (не менее девяти), выполненных острым орудием. Такая деталь декора зафиксирована на изделиях из погребения 7, кургана №31 на могильнике Сопка-II (Молодин, 1985. Рис. 32.-7,7) и в более отдаленных западных комплексах (Аванесова, 1991. Рис. 45.-24, 26.). Кольцевые височные подвески или кольца, крупные, круглые, также известны в материалах могильника в Нижней Суетке, близки им бронзовые подвески из Барабы - Сопка-II, Преображенка-III (Молодин, 1985. С. 102-103).

Данные изделия являются одной из самых многочисленных категорий находок в андроновских памятниках. Н.А. Аванесова, выделив две разновидности этих вещей, отнесла украшения, аналогичные предметам из могильника Кытманово, к варианту кованых трубчатых серег, полагая, что они сворачивались в полую трубочку на органической основе. По ее мнению, подобные изделия, являющиеся наиболее архаичными, характерны для алакульского населения Приуралья, а также Центрального, Северного и Западного Казахстана. В то же время территория Прииртышья и Верхнего Приобья рассматривалась ею как ареал бытования литых трубчатых серег, типичных для федоровских племен (Аванесова, 1991. С. 52, 53). Материалы из андроновских памятников степного и лесостепного Алтая (Рублево-VIII, Кытманово, Фирсово-XIV и др.), несколько противоречат такой трактовке и

требуют дополнительной аргументации. Это отмечено и другими исследователями (Ткачев, 2002. С. 179; Кирюшин, Позднякова и др., 2006. С.35).

Серьги с раструбом (рис. 1.-18, 19). Два литых предмета обнаружены в могиле №4. Изделия диаметром 3,6 см, изготовлены из золотой проволоки, прокованные. В раструбе кольца имеется отверстие — так называемый замок, куда вставлен острый конец серьги. Две аналогичные серьги происходят из могил в урочище Волчиха и в Пригородном хозяйстве ЦРК (Грязнов, 1956. С. 17-2. Рис. 1. 1-1,2); они найдены в могильнике Рублево-VIII (Кирюшин, Позднякова и др., 2006. Рис.1.-2-4); еще две подобные золотые кованые серьги известны из могильника в пос. Кожзавод (Барнаул) (Бородаев, Кирюшин и др., 1983. С.17).

Желобчатые подвески в полтора оборота (рис. 1.-1). Такие изделия выполнены из тонкой бронзовой пластины. Длина подвесок около 1,5 см. Всего на могильнике Кытманово обнаружено 35 экз. таких предметов: 4 экз. из могилы №1; 10 экз. из могилы №21; 6 экз. из могилы №24; 8 экз. из могилы №30; 7 экз. из могилы №35. В некоторых случаях (могилы №20 и 21) на каждом виске было по пять подвесок, в одном (могила 24) - по три, еще в одном (могила №34), - видимо, по четыре (одна утрачена?) и в могиле №1 — по две (сохранились не все); во всех четырех (за исключением могилы №34) — четное число. Поблизости от этих предметов *in situ* лежали в ряд по две золотых и пастовых пронизки, в торец к которым лежало по золотой «лапчатой» привеске с четырьмя выпуклостями. Подвески в полтора оборота обнаружены в погребениях андроновских некрополей в Новоалександровке (Зиминая, Адаменко, 1963; Уманский, 1995. С. 20-26. Рис. 1-3), Фирсово-XIV (Шамшин, 1992. С. 44-45), Рублево-VIII (Кирюшин, Папин и др., 2004. С. 71. Рис. 6.-2-4); Преображенке-III (Молодин, 1985. С. 102, 103. Рис. 54-14-17, 20, 21) и др.

Украшения такого типа имеют многочисленные аналогии в памятниках андроновской культурно-исторической общности и широкий хронологический диапазон бытования. Н.А.Аванесова, проанализировав обширную выборку этих изделий и немногочисленные случаи их фиксации в непогребенных погребениях, отнесла эти украшения к категории головных (1991. С. 53). Позднее правомерность данного вывода доказали новые находки (Демин, Ситников, 2001. С. 83; Позднякова, 2002; Усманова, 2005. С.118, 119 и др.). Принадлежность круглых желобчатых подвесок в полтора оборота к категории головных украшений подтверждают материалы могильника Кытманово. Аналогичное расположение подвесок зафиксировано, например, в могильниках Рублево-VIII (Кирюшин, Папин и др., 2004. Рис. 6-2-4), Шондынкорасы (Хабдулина, 2000. С. 45), Бестамак (Усманова, Логвин, 1998. Рис. 9), Фирсово-XIV (Позднякова, 2002. С. 110). По всей видимости, эти изделия, так же как и серьги, носили, продевая в мочку уха. Во многих вышеотмеченных комплексах подвески располагались на височных костях черепа дугообразно, как бы повторяя форму ушной раковины (Кирюшин, Папин и др., 2004. Рис. 2-1, 2). Аналогичная ситуация зафиксирована в целом ряде памятников андроновской культурно-исторической общности, прежде всего на территории степного и

лесостепного Алтая и Казахстана (Усманова, Логвин, 1998. Рис. 1; Позднякова, 2002. Рис. 3; Кирюшин, Позднякова и др., 2006. С. 36 и др.). Способ ношения подвесок в полтора оборота реконструировался исследователями как декор налобной повязки (рис. 67.-1, 4) (Аванесова, 1991. С. 53, 54. Рис. 57-4; 58-1,3; Зимина, Адаменко, 1963. Рис. 3-1), как «оторочка» наушников шапочки (Усманова, Ткачев, 1993. Рис. 1-2), как височные подвески, которые крепились на шнурках к налобной повязке либо обручу (Аванесова, 1991. Рис. 58 - 4; 59 - 2). Благодаря находке в одном из погребений могильника Фирсово-XIV мумифицированного уха О.А. Поздняковой было установлено, что эти изделия продевались в край ушной раковины, на равноудаленном друг от друга расстоянии. Через них был пропущен кожаный ремешок, обмотанный крученой нитью. По всей видимости, ремешок придавал этой конструкции форму и служил дополнительным декором (2000. С. 47, 48. Рис. 1 - 7, 8; 2 - 2). Аналогичным образом, по нашему мнению, следует реконструировать способ ношения подвесок из могильника Кытманово.

Обоймы рубчатые (рис. 1.-2-5). Два предмета происходят из могилы №35, по одному - из могил №24 и 30. Такие изделия сделаны из тонкой прямоугольной золотой пластины, края которой загнуты внутрь. Они различаются по размерам, исполнению и способу ношения. Обоймы, широко известные в степных памятниках эпохи бронзы, употреблялись в качестве украшения в самых разнообразных вариантах (Хабдулина, 2000. С. 52). Известны они в составе головных уборов, происходящих из могильников Рублево-VIII (Кирюшин, Позднякова и др., 2006. С. 37) и Фирсово-XIV (Позднякова, 2000. Рис. 1—3), в составе нагрудного украшения и браслетов - Рублево-VIII (Кирюшин, Позднякова и др., 2006. С.37).

Представленные типы золотых украшений в могильнике Кытманово широко были распространены в восточной части распространения андроновских (федоровских) комплексов. В целом андроновский могильник Кытманово можно датировать в хронологических рамках существования андроновского населения на территории Верхнего Приобья (третья четверть II тыс. до н.э.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент, 1991.

Бородаев В.Б., Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Археологические памятники на территории Барнаула // Памятники истории и культуры Барнаула. Барнаул, 1983.

Генинг В.Ф., Стефанова Н.К. Черноозерье I – могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья. – Препр. – Екатеринбург, 1994.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с.Большая Речка. М.; Л., 1956. №48.

Демин М.А., Ситников С.М. Новые материалы андроновской культуры с верховьев р. Алей // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000.

Демин М.А., Ситников С.М. Аварийные раскопки в Третьяковском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2001.

Зими́на В.М., Адаменко О.М. Новый памятник культуры эпохи бронзы у с. Новоалек-сандровка // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. №9. Серия общественных наук. Новосибирск, 1963. Вып. 3.

Ки́рюшин Ю.Ф., Па́пин Д.В., По́зднякова О.А., Ша́мшин А.Б. Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул, 2004.

Ки́рюшин Ю.Ф., По́зднякова О.А., Па́пин Д.В., Ша́мшин А.Б. Коллекция металлических украшений из погребений андроновского комплекса могильника Рублево-VIII // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985.

По́зднякова О.А. Проблема интерпретации погребений женщин с головными уборами (по материалам андроновского комплекса могильника Фирсово-XIV) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. Т. III.

По́зднякова О.А. Андроновские головные уборы из могильника Фирсово-XIV и их аналогии // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2002.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 2. Тюмень, 2002.

Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда-Лисаковск, 2005.

Усманова Э.Р., Логвин В.Н. Женские наkosные украшения Казахстана эпохи бронзы. Лисаковск, 1998.

Усманова Э.Р., Ткачев А.А. Головной убор и его статус в погребальном обряде // ВДИ. Вып. 2. 1993.

Хабдулина М.К. Алакульский курган на реке Аксу // Хабарлары. Алматы, 2000. № 1 (224).

Ша́мшин А.Б. Богатое андроновское погребение на могильнике Фирсово-XIV // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтайского края. Горно-Алтайск, 1992.

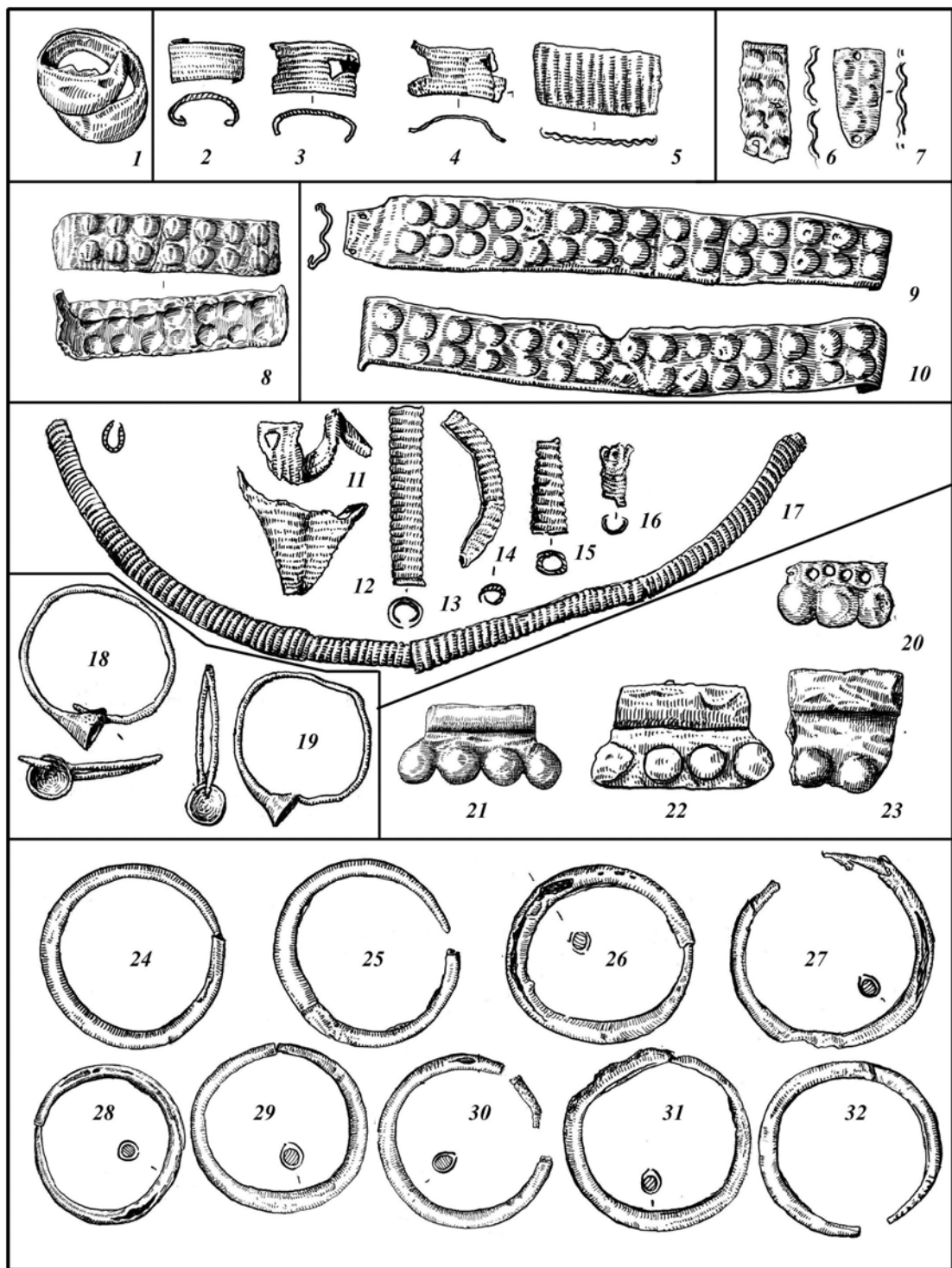

Рис.1. Сводная таблица типов изделий на бронзовой основе, покрытой золотой фольгой: 1 – подвески в полтора оборота; 2 – 5 – «рубчатые» обоймы; 6 – 10 – нашивные платинки; 11 – 17 – «рубчатые» пронизи; 18, 19 – серьги с раструбом; 20 – 23 – подвески; 24 – 32 – серьги. Вещи происходят из следующих комплексов: мог. №1 (1, 6 – 10, 13, 17, 21, 32); мог. №4 (18, 19); мог. №2 (15, 27, 31); мог. №24 (2, 14, 16, 20, 26, 29, 30); мог. №30 (5, 22); мог. №35 (3, 4, 11, 12, 23, 28); раскопки В.И.Каца (24, 25)

**К ВОПРОСУ О РАННИХ ЧЕРТАХ В КЕРАМИКЕ
СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ С ПАМЯТНИКОВ ВОЛГО-КАМЬЯ
(Республика Татарстан)**

За последнее время в археологической литературе появились новые работы, посвященные вопросам формирования срубной культуры. В основном существуют две основные точки зрения: 1. В основе формирования раннесрубного населения принимали участие племена абашевской культуры (Кузьмина О.В., 1995.С.50); 2. Срубные племена сформировались на основе потаповских племен (Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1995.С 36).

Выделение покровской и бережновских групп у раннего срубного населения определяется наличием абашевских («воинских») захоронений в первой и отсутствием этих признаков во второй группе (Самара, 2000. С.157). Однако выделение групп только характерным признакам погребального обряда не дает полной картины. По этому необходимо рассматривать такой важный элемент, как керамика. Это обусловлено различием в оформлении при изготовлении сосудов, тем более что наличие потаповских черт в оформлении сосудов бережновского типа отмечено О.Д.Мочаловом (Мочалов, 1997. С.17). Поэтому для рассмотрения керамики срубной культуры и выделения ее ранних черт были привлечены материалы синташты, потаповки, абашево. В работе использовалась типология керамики, предложенная О.Д. Мочаловым (Мочалов, 2003. С. 131-136).

Работа основывалась в первую очередь на керамике с погребений срубной культуры, что было вызвано наилучшей ее сохранностью по сравнению с поселенческой. Керамика с поселений в основной массе представлена фрагментарно, в меньшей степени развалами.

Первый тип – слабопрофилированные горшки (Г-I), встречается на нескольких некрополях Волго-Камья: Девичий городок; Верхнеакташский; Маклашеевский; VI, XI Измерские могильники. В основном это сосуды средних размеров (18-20 см) со слабым изгибом шейки. Практически их можно отнести баночно-горшечным типам. Орнамент покрывает обычно только верхнюю часть сосуда: венчик, шейку, плечо. Нередко, имеются насечки по срезу венчика. В качестве инструмента применялся гребенчатый штамп, чаще зубцы, либо спинка гребенки. Как правило, отощителем в тесте являлся шамот (90%), в редких исключениях органика, ракушка.

Далее следует отметить горшки с выраженным перегибом или ребром на середине профиля (Г-VI). Данные сосуды так же часто встречаются на погребальных памятниках, реже на поселенческих (судя по читаемым фрагментам). В отличие от керамики типа Г-I, это сосуды небольших размеров (9,5-12,5 см), толстостенные, отощителем в тесте служит шамот

(80%), в меньшей мере ракушка, органика. Орнаментом покрывалась верхняя часть сосудов, однако в единичных случаях орнамент мог покрывать весь сосуд. В основном это зигзагообразные линии, идущие по венчику и тулову, в большинстве случаев разделенные на два ряда двойной линией по шейке сосуда. Стоит отметить, что разделение орнаментальных зон на сосудах этого типа, присутствует на 80% керамики.

Эти два типа сосудов имеют наиболее близкие аналогии среди посуды абашевской культуры, синташты, потаповки. В первую очередь это определяется формой сосудов, пропорциями. Среди археологических памятников, где встречаются серии керамики аналогичные срубным, можно отметить могильник абашевской культуры Пеленгер I (Большов, 2003. Рис. 40: 1; 44: 1); синташтинский могильник Танаберген II (Ткачев, Хаванский, 2006. Рис. 56; 1-9); Потаповский могильник (Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994. Рис. 40: 1-7; 43: 5). Несмотря на схожесть сосудов абашевских и синташтинских памятников со срубными, некоторые различия выявляются. В первую очередь это выражается наличием внутреннего ребра у сосудов, когда как у срубных горшков оно в большинстве случаев сглаживалось. Керамика более тонкостенна по сравнению со срубной. В равной степени орнамент мог наноситься как по всему сосуду, так и только в верхней части. Аналогии в первую очередь выражаются в формах и пропорциях, в меньшей степени в орнаментальных композициях (ромбы, треугольники, прямые прочерченные линии). Наиболее близкой к срубной керамике является потаповская. В первую очередь это проявляется в орнаменте: зигзаги, заштрихованные треугольники, ромбы, однорядная горизонтальная елочка. Орнамент на сосудах чаще наносится гребенчатым штампом, чем другими предметами. Помимо единичных экземпляров со срубных могильников, стоит отметить Новоселковский могильник на территории Буинского района РТ (Иванов, Скарбовенко, 1993. С.78-126), где присутствует керамика как потаповского типа, так и ранне-срубного, присущего в большей мере для Самарско-Ульяновского Заволжья.

Подводя итоги, можно говорить о потаповских традиций в срубной керамике Волго-Камья. Конечно, срубная керамика несет в себе абашевские и синташтинские черты, но в большей мере это отражено на памятниках Предуралья, что, скорее всего, было обусловлено переработкой традиций средней бронзы, либо формирующейся алакульской культурой. Расположение же памятников потаповского типа в Поволжье, повлияло в большей мере на формировании традиций срубной керамики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Большов С.В. Средневожская абашевская культура. - Йошкар-Ола, 2003.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, 1994. Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Памятники потаповского типа в лесостепном

Поволжье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). - Самара, 1995.

Иванов А.Ю., Скарбовенко В.А. Могильник эпохи бронзы у д. Новоселки на р. Цильна // Археологические исследования в Поволжье. - Самара, 1993.

История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. - Самара, 2000.

Кузьмина О.В. Соотношение абашевской и потаповской культур // Конвенгерция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. Ч.I. - СПб, 1995.

Мочалов О.Д. Керамика эпохи средней бронзы Волго-Уральской лесостепи и проблема формирования срубной культуры. Автореф. дис. канд. ист. наук. - Воронеж, 1997.

Мочалов О.Д. Основы типологии керамики срубной культуры лесостепного Волго-Уралья // Чтения, посвященные 100-летию деятельности в Государственном музее В.А. Городцова. Тезисы конференции. - М., 2003.

Ткачев В.В., Хаванский А.И. Керамика синташтинской культуры. - Орск-Самара, 2006.

Р.Исмагил

*Институт истории, языка и литературы
УНЦ РАН, Уфа*

АБАШЕВО И ФЕДОРОВКА: КАК ДВА ЭТАПА РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ ОДНОГО ЭТНОСА

В литературе не только никогда не рассматривалась проблема возможного родства двух названных археологических культур эпохи бронзы, но и, насколько известно автору, практически не было даже осмысленных попыток сопоставить их между собой. К.В.Сальников отмечал некоторое сходство орнаментальных мотивов на абашевской и федоровской керамике, но не делал из этого никаких скольнибудь далеко идущих выводов. В статьях специалистов по керамике культур бронзового века Волго-Уральского региона наличие каких-то особых абашевско-федоровских связей также не усматривается (см. работы О.Д.Мочалова). Для археологии региона, где столько сил положено на выявление родства (неважно, действительного или мнимого) между, например, ямной и полтавкинской, полтавкинской и срубной, срубной и алакульской культурами и, тем более, где родилась (пусть и весьма скептически оцениваемая в современной науке) гипотеза о знаменитой культурной трехчленке «федоровка > алакуль > замараево» К.В.Сальникова или «алакуль > федоровка > саргара» Г.Б.Здановича, это весьма показательно.

Анонсируя в этой работе идею о миграционном происхождении федоровской культуры от абашевской (далее – ФК и АК), автор считает, что она должна исходить из наличия следующих обязательных условий:

- 1) общего ареала или смежной территории, где представлены позднейшие памятники АК и древнейшие памятники ФК;
- 2) хронологического стыка между позднейшими памятниками АК и древнейшими памятниками ФК;
- 3) общих черт в погребальном обряде;
- 4) общих черт в материальной культуре.

1. Ареалы сопоставляемых нами культур весьма обширны. Памятники АК концентрируются, в основном, на Дону, в Среднем Поволжье и в Южном Приуралье); ФК – в Южном Зауралье, Южной Сибири, в Центральном и Восточном Казахстане; кроме того, они известны в Северном Китае и в Средней Азии (а также на Украине). Очевидной границей между абашевскими и федоровскими могильниками и поселениями являлся Уральский хребет, на западных склонах которого локализуются памятники первой культуры, а на восточных – второй. Ареал АК не выходит за пределы лесостепи, как и территория зауральской федоровки; другие локальные варианты ФК занимают и степь.

2. Вопрос о соотношении во времени и пространстве трех основных вариантов АК, – доно-волжского, средне-волжского и приуральского, - также пока не решен. Наиболее ранними долго было принято считать чувашские и марийские памятники, но теперь сформировалось мнение об особой архаичности воронежских комплексов. При любом решении вопроса о хронологии абашевские памятники Башкирии (которые Сальников поначалу выделял в особую, баланбашскую культуру), ближе к средневолжским, чем к доно-волжским и, бесспорно, относятся к числу относительно поздних.

Аналогичная картина с соотношением вариантов сложилась и в андроноведении. Ученые пока не могут прийти к общему знаменателю в вопросе о хронологическом приоритете одного из трех основных вариантов ФК, - зауральского (древнейшего, на взгляд, в частности, стерлитамакского коллеги И.В.Денисова, позицию которого разделяет и автор), южносибирского или казахстанского.

Современные датировки сопоставляемых культур неоднозначны, но главное для нас то, что памятники АК (первая четверть или первая треть II тыс. до н.э.) предшествуют по времени памятникам ФК (вторая - третья четверти II тыс. до н.э.). За время смены культур можно условно принять грань между досейминской и сейминской эпохами (XVII-XVI вв.)

3. Погребальные памятники АК представлены захоронениями под земляными насыпями. То же характерно для обряда зауральского и южносибирского вариантов ФК (в Казахстане появляются и бескурганые погребения в каменных оградах, очевидно, под воздействием алакульского населения, которое, в свою очередь, само кое-что восприняло из абашевского наследия). Одна часть курганов ФК имеет простые земляные насыпи, другая – насыпи с каменными оградками. То же характерно для курганов АК, в

которой, кроме того, отмечены насыпи с деревянными оградками. Характерно, что в памятниках более раннего средневолжского варианта еще неизвестны каменные оградки (единственное возможное исключение на западе – Кухмарский могильник в Ярославской обл.) (Крайнов, 1962. С. 56). но в массовом порядке распространены, очевидно, более ранние деревянные.

Каменные оградки АК возникли в результате подражания деревянным оградкам той же культуры, а вовсе не под воздействием андроновских, как иногда считается.

Для абашевского обряда характерен биритуализм: захоронение умерших по обряду ингумации и кремации. В первом случае покойные лежат на спине с упавшими в сторону ногами, головой преимущественно на В и ЮВ (Евтюхова, 1961. С.30) Из 27 случаев с известной ориентировкой у абашевцев Башкирии на В, ВСВ, ВЮВ и ЮВ ориентированы 16 умерших (~ 60 %). Но для нас больший интерес представляет западная ориентация абашевцев, встреченная в Башкирии (вместе с отклонениями на ЮЗ, СЗ и ССЗ) 9 раз (~ 33 %). Важна же она тем, что является господствующей у федоровцев (а также алакульцев), восточная ориентация среди которых встречается уже только как пережиток.

В 4 абашевских погребениях Башкирии найдены останки кремированных людей. «Находки в могилах углей и золы ... живо перекликаются с подобным обрядом в памятниках Поволжья» (Горбунов, 1976. С.27). Особенно любопытен этот факт на фоне федоровской кремации. Вместе с тем, необходимо еще раз отметить, что как у абашевцев, так и у федоровцев, обряд трупосожжения всегда дополнялся обрядом трупоположения.

4. На наш взгляд, господствующая у федоровцев форма горшков с плавной профилировкой восходит в итоге к модифицированной форме абашевских колоколовидных сосудов (интересно в этом смысле наличие в протоалакульском могильнике Ветлянка-IV сосуда, сочетающего в себе абашевско-федоровские черты (Горбунов и др., 1990)). Абашевские традиции отчетливо фиксируются и в обычае украшать сосуды только оттисками мелкой гребенки, что, в целом, нехарактерно для керамики других культур Волго-Уралья.

Абашевские бляшки-розетки также не были забыты их зауральскими потомками: близкие им по форме, но более вытянутые украшения известны в ряде федоровских комплексов (в частности, в могильнике Киндерля; раскопки Р. Исмагила).

Предлагаемые вниманию коллег тезисы, по необходимости написанные очень быстро в сложный для автора период жизни – лишь начало большой работы, которую необходимо провести в плане сравнения между собой артефактов двух культур, считавшихся до сих пор имеющими независимое происхождение. На деле же они являются двумя фазами (этапами, ступенями) одной, абашевско-федоровской археологической культуры. Ее истоки находятся в лесах и лесостепях Правобережья среднего течения Волги, а в формировании первоначального ядра приняло участие население

Восточной и даже Средней Европы (племена унетицкой, среднеднепровской, фатьяновско-балановской [первый курганный могильник которой, кстати, теперь обнаружен и в Башкирии] и других культур). Эволюционное развитие АК продолжалось вплоть до прихода мигрантов на Урал, где одним из позднейших является, очевидно, Малокизыльский комплекс памятников. Затем последовал мгновенный, по археологическим меркам, акт: смерть старой, еще абашевской и рождение новой, уже федоровской культуры. Какую-то важную роль в этом взрыве, на мой взгляд, сыграл коллапс, в целом синхронной абашевской синташтинской культуры с ее явно недружественным к абашевцам населением. Дальнейшее движение абашевско-федоровских племен на восток, вероятно, привело один поток мигрантов в верховья Енисея, другой – в Центральный и Восточный Казахстан. Позднейшие памятники ФК мы находим в Средней Азии и Афганистане, - на маршрутах миграции ее носителей в Иран и Индию. Считается, что они принадлежали к индо-арийскому (в частности, тохароязычному) и иранскому корню, но, на наш взгляд, необходимо самое пристальное внимание обратить на возможное участие в описанных выше этнокультурных процессах тюрков (пратюрков), как бы экзотически это сегодня не звучало.

Не последнюю скрипку в определении этноса абашевцев и федоровцев предстоит сыграть антропологии.

Автор уверен, что абашевско-федоровская культура – далеко не последний феномен подобного типа мощного Волго-Уральского очага культурогенеза эпохи бронзы. Последовательная работа в намеченном выше направлении неизбежно приведет не только к столь необходимому двойному сокращению действующих на сцене лиц, но и к более точной оценке исторической роли оставшихся. Один из главных героев уже вышел из кулис. Ждем остальных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Горбунов В.С. Классификация абашевских могильников Башкирии // Древности Южного Урала. - Уфа, 1976

Горбунов В.С., Денисов И.В., Исмагилов Р.Б. Новые материалы по эпохе бронзы Южного Приуралья. Препринт. - Уфа, 1990.

Евтюхова О.Н. К вопросу о погребальном обряде абашевской культуры // МИА. 1961. № 97.

Крайнов Д.А. Кухмарский курганный могильник // КСИА. 1962 Вып. 88.

ПАМЯТНИКИ ЗАКАМЬЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Одним из наиболее насыщенных памятниками эпохи бронзы регионов Татарстана является Закамье, расположенное к югу от р.Камы, между реками Волга и Белая. Рекой Шешмой оно делится на Западное и Восточное Закамье. Общая площадь региона более 36 тыс. км².

Активное изучение памятников Восточного Закамья началось 50 лет назад. В 1958 г. отрядами А.Х.Халикова, В.Ф.Генинга и Т.А.Хлебниковой были проведены разведки в северо-восточной его части. В 1955-60 гг. восточные районы обследовались А.П.Шокуровым. В 1968-72 гг. в Восточном Закамье работал Татарский отряд в составе М.Г.Косменко, Е.П.Казакова, Р.С.Габяшева и других под руководством А.Х.Халикова и П.Н.Старостина. С этого времени на памятниках, в основном, в зоне Нижнекамского водохранилища стали проводиться раскопки памятников.

С 1973 г. в бассейнах рр. Ика и Белой такие исследования стали проводиться Раннеболгарской археологической экспедицией под руководством Е.П.Казакова.

Памятники эпохи бронзы Западного Закамья начали изучаться еще с конца XIX – начала XX вв. (Н.Ф.Высоцкий, П.И.Кротов, А.А.Штукенберг и другие). В середине прошлого столетия широкие разведочные работы вели Н.Ф.Калинин, А.Х.Халиков. Последний проводил и широкие раскопки памятников, которые дали обширный материал для подготовки им кандидатской и докторской диссертаций. Впоследствии памятники, преимущественно могильники в зоне Куйбышевского водохранилища, исследовались Раннеболгарской экспедицией.

В настоящее время, в основном, по материалам эпохи бронзы в Закамье опубликован ряд статей, вышли две монографии (Халиков, 1969; он же, 1980). С использованием этих данных была подготовлена кандидатская диссертация Г.Т.Обыденновой. По культурам этого времени имеются и обобщающие работы (Казаков, 1979. С. 145-160; он же, 1991. С. 99-111; он же, 2001. С. 56-73).

Рассматривая в целом памятники Закамья эпохи бронзы следует отметить большую неравномерность в их изучении. Так, практически не изученными остаются древности ранней бронзы. Предположительно с ними следует связывать крупные курганы диаметром 30-40 и высотой до 1,5-2 м. В Восточном Закамье выявлено 10 таких некрополей, насчитывающих от 1 до 6 курганов. Раннеболгарской экспедицией один такой курган исследован у с. Чишма на р. Сюнь. Он содержал центральное погребение, где костяк был ориентирован головой на восток и имел охристую подсыпку.

Интерес представляет керамика, относимая А.Х.Халиковым к займищенскому этапу приказанской культуры (Халиков, 1969. С. 242-244). Вся она горшковидная, толстостенная, с примесью раковины в тесте и плоским венчиком. Характерны широкие каннелюры при переходе шейки к тулову и орнамент в виде оттисков гребенки и «жемчужин». Такая посуда нередко встречается на левобережье приустьевого Закамья. А.Х.Халиков датировал ее XVI-XV вв. до н.э., но, скорее всего, она более ранняя.

Закамье буквально насыщено (свыше 300) памятниками срубной культуры. На поселениях отмечены следы жилищ в виде подпрямоугольных черноземных пятен с включением золы, керамики, костей животных, однако раскопки их не проводились. Более изучены некрополи срубной культуры. На 26 могильниках исследовано свыше 100 захоронений. Особенно много могильников разрушается Куйбышевским водохранилищем. Так, наиболее крупный размытый им курган у бывшей деревни Нижний Марьян содержал 33 погребения. Удивительное единообразие погребального обряда (могильные ямы с отношениями длины к ширине 1,5-1x1; северная ориентировка и скорченность скелетов; положение сосудов - нередко в количестве 2-3 экз. - перед лицевой частью черепа и т.д.) и керамического материала свидетельствуют о сравнительной кратковременности пребывания срубного населения в Закамье – северном регионе срубной общности.

К новому культурному кругу относятся XV Измерский и IV Соколовский могильники (Казаков, 1992. С. 35-44). Погребенные здесь находились в неглубоких могилах, видимо, под небольшими курганами, скорченно, головой в восточном или северо-восточном направлении. Над могилами на небольшой глубине отмечаются жертвенные комплексы в виде развалов крупных (бытовых?) сосудов с ямочным орнаментом. По ряду показателей данные некрополи могут быть связаны с поздняяковскими и другими андронидными могильниками (там же. С. 40-43).

К кругу андронидных культур, наследующих по времени срубную общность, относятся представленные в Закамье сеймено-абашевские, черкаскульские и поздняяковские комплексы. В отличие от срубных, погребенные в них были менее скорчены или лежали вытянуто головой в восточном направлении. Могилы имели отношение длины к ширине 2x1 или 3x1, сосуды обычно по одному стояли в изголовье, имея примесь раковины в тесте (Казаков, 1996. С. 3-5).

В рассматриваемом регионе шире всего изучены некрополи черкаскульской культуры. Они полностью подтверждают выводы К.В.Сальникова о хронологическом разделении древностей на собственно черкаскульский и межовский этапы (Сальников, 1967. С. 354-373). К заключительной части первого из них относится Такталачукский могильник (исследовано свыше 70 захоронений), который датируется третьей четвертью II тыс. до н.э. К межовскому этапу относится Подгорно-Байларский некрополь и ряд других комплексов конца XIII-XII вв. до н.э.

В дальнейшем они сменяются древностями, имеющими аналогии в ирменском круге памятников. Последние, в свою очередь, меняют памятники

маклашеевской культуры (Курмантау, по К.В.Сальникову) с круглодонной посудой. Хотя и те и другие имеют некоторое сходство с поздней межовской керамикой в форме верхней части сосуда, орнаменте, однако круглодонность их говорит об иных истоках.

Истоки же всех указанных культур, начиная с постсрубного времени, несомненно, можно указать в синташтинских и более поздних памятниках Большого Урала и Западной Сибири. Волна за волной эти мигранты в течение столетий заселяли широкие пространства Восточной Европы, доходя до р. Оки. Этапы этого процесса достаточно четко представлены в древностях Закамья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Казаков Е.П. Памятники черкаскульской культуры в восточных районах Татарии // СА, 1979. С. 145-160.

Казаков Е.П. Срубные могильники Закамья // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. - Самара, 1991. С. 99-111.

Казаков Е.П. Соколовские могильники эпохи бронзы и их относительная датировка // Материалы по археологии Южного Урала. - Уфа, 1992. С. 35-44.

Казаков Е.П. Некоторые проблемы изучения древностей эпохи бронзы в Нижнем Прикамье // Эпоха бронзы Южного Прикамья. Тезисы. - Казань, 1996. С. 3-5.

Казаков Е.П. Памятники эпохи бронзы // Очерки по археологии Татарстана. - Казань, 2001. С. 56-73.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. - М., 1967.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. - М., 1969.

Халиков А.Х. Приказанская культура // САИ, вып. 1-24. М., 1980.

В.Т.Ковалева, С.Ю.Зырянова

*Уральский государственный университет им. М.А.Горького,
Екатеринбург*

ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА И ДАТИРОВКИ БОБОРЫКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Имя К.В.Сальникова неразрывно связано с бронзовым веком Урала, однако значителен его вклад и в изучение каменного века. Открытая в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. боборыкинская культура является одним из наиболее ярких и значительных явлений в неолите Евразии. К.В.Сальниковым было исследовано только одно поселение – Боборыкино II на р. Исеть в Курганской области, которое позволило исследователю выделить новый тип керамики и новую культуру (Сальников, 1961. С. 3-10).

В настоящее время исследовано более 50 памятников боборыкинской культуры – поселения и святилища. Могильники не известны. В

многочисленных публикациях, посвященных изучению боборыкинской культуры, основное внимание уделяется генезису и хронологии. Значительный вклад в последние годы в ее изучение внесли, прежде всего, те исследователи, которые опубликовали в полном объеме материал, полученный раскопками – это В.Д.Викторова, С.Ю.Зырянова, С.Н.Шилов (ВАУ 24), самарские археологи И.Б.Васильев, А.А.Выборнов и др. Однако большинство статей написаны археологами, не исследовавшими ни одного памятника боборыкинского типа, или сведения о раскопанных поселениях даны настолько фрагментарно, что их научная ценность слишком мала. В последние годы появились спекулятивные «концепции» при отсутствии необходимых данных или субъективном подборе фактов без учета всего огромного материала, накопленного в последние два десятилетия.

Интересно заметить, что при описании и интерпретации боборыкинских комплексов очень редко встречаются ссылки на К.В.Сальникова, а между тем, основные характеристики культуры, изложенные в работах исследователя, остаются актуальными. Генезис культуры К.В. Сальников связывал с миграцией из степной зоны, поскольку генетических корней в неолите и энеолите Урала он не нашел (Сальников, 1962. С. 98). Боборыкинский комплекс К.В.Сальников датировал энеолитом (рубеж III – II тыс. до н.э.) на том основании, что в одном из жилищ боборыкинский слой залегал ниже андроновского, а в другом – вместе с боборыкинской найдена энеолитическая округлодонная керамика с гребенчатым орнаментом, с которой исследователь и синхронизировал новый тип керамики. Современные исследования позволили уточнить и расширить представления о боборыкинской культуре, но основные положения сохраняют свою актуальность.

Л.Я.Крижевская, продолжившая раскопки на Боборыкино II, не смогла, в отличие от К.В. Сальникова, понять специфику новой культуры и предполагала ее формирование на основе неолита Ишимо-Иртышского междуречья (Крижевская, 1977. С. 93-95). Л.Я.Крижевскую цитируют чаще, поскольку многие ее ошибочные позиции более созвучны современным исследователям. Примером может служить статья Т.Н. Соболевой, заявляющей, вслед за Л.Я.Крижевской, о многокомпонентности боборыкинской культуры, устойчивом сочетании разновременных и разнокультурных признаков (Соболева, 2006. С. 157).

Мнение о типологической пестроте боборыкинской керамики несколько преувеличено. Еще К.В.Сальниковым были отмечены ее основные черты – преобладание плоскодонной и профилированной посуды с неполной орнаментацией внешней поверхности, отсутствие в комплексах сосудов, орнаментированных гребенчатым штампом, геометризм. Орнамент на боборыкинских сосудах наносился одним и тем же инструментом, но различными способами – прежде всего, прочерчиванием, ямчатыми вдавлениями, и в меньшей степени – по методу отступающей палочки. На большинстве памятников керамика с прочерченным (резным) и накольчатым (отступающая палочка, неглубокие ямчатые наколы) встречается вместе, но в

разных соотношениях. В целом орнаментальная традиция боборыкинских комплексов выглядит гомогенной.

К.В.Сальников отмечал, что каменный инвентарь, залегающий в жилищах поселения Боборыкино II вместе с керамикой боборыкинского типа, отличался микролитойностью, в комплексе отсутствовали орудия с двухсторонней обработкой, обычные для зауральских энеолитических поселений (Сальников, 1961. С. 8-10). Дальнейшие исследования боборыкинских поселений подтвердили выводы К.В.Сальникова относительно каменного инвентаря и включения изделий микролитойного облика в боборыкинский комплекс. Каменный инвентарь в основном изготовлен из кремнистых пород. Преобладают изделия из кремня различных оттенков серого, розового цвета, а также черного сланца. Нуклеусов в коллекциях мало, они имеют призматическую или коническую форму. Большинство пластин имеют ширину от 7 до 15 мм (до 60-70 % от числа пластин) при стабильном присутствии микропластин (до 30%), число крупных пластин может достигать 25 %. Среди отщепов преобладают изделия диаметром 10-30 мм. Для вторичной обработки население боборыкинской культуры использовало ретуширование (преимущественно одностороннюю краевую ретушь), абразивную технику и технику резцового скола. Изделия с двухсторонней краевой обработкой единичны (наконечники стрел, остря). Основные типы каменных изделий – пластины и отщепы с ретушью или без нее, скребки, остря, наконечники стрел, резцы и резчики, геометрические микролиты, шлифованные орудия, «утюжки». Наиболее многочисленную категорию составляют пластины с ретушью по боковым краям. Значительную группу изделий образуют скребки на отщепах и пластинах (с преобладанием скребков на отщепах). Резцы и резчики немногочисленны. Среди резцов преобладают продольные, среди резчиков – угловые одинарные и двойные. Остря изготовлены в основном на пластинах. Выделяются три основных типа – симметричные без плечиков и с плечиками, а также скошенные. Наконечники выраженной формы редко встречаются в боборыкинских комплексах. Как правило, они изготовлены на пластинах и имеют подтреугольную форму с прямым или скошенным основанием, либо иволистную форму с черешком или без него. Геометрические микролиты единичны и представлены низкими асимметричными трапециями, в том числе - с боковой выемкой, а также асимметричным низким треугольником (?). Шлифованные орудия, чаще всего, трапециевидной и подпрямоугольной формы – топоры, тесла. Также на поселениях найдены односторонние и двухсторонние шлифовальные плиты. Наличие в боборыкинских комплексах микропластин, в том числе с ретушью, а также геометрических микролитов свидетельствует об использовании вкладышевой техники.

Проблема генезиса боборыкинской культуры рассматривалась и уточнялась в контексте общей концепции зауральского неолита. Отсутствие аналогов в керамике боборыкинского типа в местной среде побудило исследователей поставить вопрос о миграции населения в Среднее Зауралье

из отдаленных районов степной зоны. Было высказано предположение о типологическом сходстве керамики сероглазовской культуры северных районов Прикаспия и боборыкинской (Ковалева, Потемкина, 1980. С. 97). В дальнейшем появилась точка зрения о формировании боборыкинской культуры на основе кошкинской при взаимодействии ее с культурой мигрирующего населения из районов Северного Прикаспия (Ковалева, Варанкин, 1984. С. 156-157; Ковалева, 1989. С. 56-58). В настоящее время мы не придерживаемся этой точки зрения, поскольку сходство круга культур с прочерченно-накольчатый орнаментом керамики прослеживается с керамикой кошкинского, а не боборыкинского типа. В.А.Зах, М.П.Вохменцев и др. исследователи продолжают связывать генезис боборыкинской культуры с миграцией населения из Северного Прикаспия, при этом мнение только констатируется, но серьезной аргументации не приводится.

Нами высказана точка зрения о генетическом родстве населения боборыкинской культуры с раннеземледельческим миром Кавказа и Ближнего Востока. Сходство прослеживается в морфологических признаках керамики – прямостенные и сложнопрофилированные сосуды, плоские днища с массивными наплывами по краю; в орнаментации – резной и прочерченный орнамент, сложные геометрические композиции, репертуар образов (змея, антропоморф), наlepные валики, выступы по венчику в виде «ушек», часто встречаются неорнаментированные сосуды; а также в культовых предметах – глиняные и каменные «утюжки», каменные диски (Кушнарeва, 1993. С. 36-38. Рис. 7-6, 12, 23, 25). В целом, орнаменту боборыкинской культуры свойственны частичная орнаментация поверхности, геометризм, сложная структура композиций, горизонтальная и вертикальная зональность.

Орнамент эпохи неолита, условно названный «геометрическим», характерен, главным образом, для Передней Азии, Кавказа, Балкано-Дунайского региона Европы, а его ареал совпадает с ареалом комплекса древней культовой символики раннеземледельческих культур (Голан, 1993. С. 241). Его распространение на соседние территории, скорее всего, связано с миграцией населения.

Миграции в древности – явление далеко не исключительное, особенно из южных регионов, оказавшихся перенаселенными в связи с развитием неолитической революции. Население боборыкинской культуры могло проникнуть в Зауралье через Среднюю Азию (эта точка зрения впервые высказана В.Д. Викторовой). В Центральном Казахстане найден «утюжок» (р. Моинты), идентичный зауральскому (ЮАО-V). Нами высказана точка зрения о миграции населения через Кавказ по степной зоне. В Приуралье также найден глиняный «утюжок» на Саузовской I стоянке. В этом комплексе, наряду с керамикой, орнаментированной гребенчатым штампом, содержится керамика, орнаментированная неглубокими ямчатыми вдавлениями (Бадер, Калинина, 2003. Рис.10, 6-1,6). Возможно, эти предметы маркируют пути миграции.

Продолжает оставаться дискуссионной проблема хронологии культуры. Существует несколько точек зрения. Одни исследователи предлагают для нее ранненеолитический возраст – VI тыс. до н.э. (Зах, 2006), другие – относят ее к концу V – IV тыс. до н. э. (Ковалева, Зырянова, 1998. С. 162-183); Ковалева, 1999; Зырянова, 2003. С. 47-48), третьи – считают ее раннеэнеолитической и датируют I половиной IV тыс до н.э. (Логвин, 1991) или серединой V–серединой IV тыс. до н.э. (Логвин, 2003. С. 98-105).

При определении возраста древностей боборыкинского типа мы опираемся, прежде всего, на стратиграфическую ситуацию региона. На ряде многослойных памятников комплексы боборыкинского типа залегают выше кошкинских (Ташково III, ЮАО-XV) и сосновоостровских (ЮАО-XVIII («8 пункт», Ташково I). Раннеэнеолитический возраст древностей кошкинского типа был подтвержден абсолютными датами: Кокшаровско-Юрьинская торфяниковая стоянка – 6470 ± 80 л.н. (JE-2060), Ташково III – 6380 ± 120 л.н. (JE – 4344), Исток IV – 6620 ± 260 л.н. (JE – 2998) т.е. середина V тыс. до н.э. (Ковалева, 1989. С. 29-30; Стефанова, 1991. С. 132-141). На поселении ЮАО-XVIII («8 пункт») яма с керамикой боборыкинского типа прорезает дно сосновоостровского жилища (Зах, Матвеева, 1997. С. 3-7). На поселении Ташково I яма с древностями сосновоостровского типа находилась ниже дна боборыкинского жилища. На двух поселениях известны сосуды по форме боборыкинские, но орнаментированные гребенчатым штампом. На Уке VI у г. Заводоуковска найдены фрагменты примерно от 10 сосудов (Васильев, Выборнов, Глущенко, 1998. С. 255-256) и один фрагмент сосуда с поселения на IX участке Андреевского озера, что свидетельствует о редких контактах с населением сосновоостровской группы памятников с гребенчатой орнаментальной традицией. Сосновоостровские комплексы на основании типологии, стратиграфии, данных радиоуглеродного анализа большинство исследователей датируют поздним неолитом-началом энеолита. Для комплекса сосновоостровского типа получена абсолютная дата – Дуванское V – 5295 ± 60 л.н. (JE-1367) (Стефанов, 1991), подтверждающая их позднеэнеолитический возраст. В последнее время нами исследован боборыкинский комплекс с поселения Шайдурихинское V, залегающий в слое, перекрывающем жилище с раннеэнеолитической керамикой (типа Евстюниха I), для которого получена дата – 6050 ± 100 л.н. (JE-7089), рубеж V-IV тыс. до н.э. Следовательно, боборыкинские древности должны датироваться более поздним временем.

С данными относительной хронологии согласуются даты, полученные для боборыкинского слоя с поселений - Ташково I – 5490 ± 60 л.н. (JE-1535), Геологическое XVI – 5440 ± 60 л.н. (JE-6995) (раскопки С.Ф.Кокшарова).

Для боборыкинского комплекса поселения Юртобор 3 исследователи принимают очень ранние даты: для сооружения № 1 – 7700 ± 120 л. н., а для жилища № 2 – СОАН 5311: 9025 ± 70 л.н. (Пошехонова, 2004. С. 20-26). Эти даты несопоставимы с приведенными выше и являются более ранними по отношению к неолитическим памятникам как Нижнего Поволжья, так и

Кавказского Причерноморья (конец VII – VI тыс. до н.э.) и без должных оснований не могут быть соотнесены с тем или иным культурным типом, занимающим определенное место в стратиграфической колонке региона (Кушнарева, Рысин, 2004. С. 14-34).

Памятники боборыкинской культуры локализованы в двух основных районах – Нижнем Притоболье и горно-лесном Зауралье. В настоящее время намечено типологическое различие в комплексах горно-лесного Зауралья и Нижнего Притоболья, которое состоит в значительном количестве сосудов с валиками на памятниках горно-лесного Зауралья, в то время как в Нижнем Притоболье они единичны. Отмечаем также, что валики – неотъемлемое свойство боборыкинской керамики, а не отдельного культурного образования – сатыгинского типа. Предпринятые в последнее десятилетие раскопки в горно-лесном Зауралье на Кокшаровском холме позволили А.Ф.Шорину выделить басьяновский тип керамики (в рамках боборыкинской культуры) и отметить присущие ему типологические признаки – сосуды с выраженной шейкой и баночной формы, шейка высокая с резким или плавным переходом в тулово, либо со слабым внешним наплывом; устойчивую систему орнаментации – плотная горизонтальная зональность узора в верхней части сосуда, чередование сгруппированных прямых и горизонтальных зигзагов, иногда образующих цепочки ромбов, по срезу венчика нанесены вертикальные насечки. Нахождение в одних стратиграфических условиях керамики боборыкинского (басьяновского), кошкинского, козловского (кокшаровско-юрьинского – по А.Ф.Шорину) типов дало основание сделать предварительный вывод о возможном раннем возрасте керамики басьяновского типа (Шорин, 2000. С. 92-100), который в свою очередь мог быть и одним из компонентов формирования боборыкинской культуры (Шорин, 2001. С. 159-161). В состав многих боборыкинских комплексов входят сосуды басьяновского типа, но наряду с керамикой, орнаментированной в резной технике и ямчатыми вдавлениями (Калмацкий Брод, Шайдурихинское V, Ташково III, Ук VI).

Таким образом, с увеличением источниковой базы проблема генезиса и датировки остается дискуссионной. Необходим более строгий анализ источников и новые методологические подходы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер О.Н., Калинина И.В. Саузовская I стоянка // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь, 2003. Вып. III.

Голан А. Миф и символ. М., 1993.

Зах В.А., Матвеева Н.П.. Поселение «8-й пункт» на Андреевском озере (о соотношении керамики с различными орнаментальными традициями в неолите Притоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 1997. Вып. 1.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 2006.

Зырянова С.Ю. Боборыкинская культура: происхождение и хронология // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Материалы конференции. Пермь, 2003.

Ковалева В.Т., Потемкина Т.М. Поселения с линейно-накольчатой керамикой в бассейне р. Тобол // КСИА. № 161. М., 1980.

Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск, 1989.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Историография и дискуссионные проблемы боборыкинской культуры // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1998. Вып. 23.

Крижевская Л. Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л., 1977.

Кушнарера К.Х. Южный Кавказ в IX - II тыс. до н.э. (Этапы культурного и социально-экономического развития). - Санкт-Петербург, 1993.

Кушнарера К.Х. Рысин М.Б. К проблеме неолитизации Кавказа и Передней Азии // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. С-Пб. 2004.

Логвин В.Н. Каменный век Казахстанского Притоболья (мезолит – энеолит). Учебное пособие по спецкурсу. Алма-Ата, 1991.

Логвин В.Н. Ранний неолит Тургая // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2003. № 1.

Пошехонова О.Е. Особенности керамического производства у населения Тоболо-Ишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2004. Вып. 5.

Сальников К.В. Новый вариант раннебронзовой культуры Зауралья // КСИА. 1961. Вып. 85.

Сальников К.В. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // АЭБ. 1962. Т. 1.

Собольникова Т.Н. Южные гончарные традиции неолите Западной Сибири (сравнительный анализ технологических характеристик боборыкинской керамики) // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. Материалы науч.конф., Санкт-Петербург, 2006. С.155-159.

Стефанов В.И. Неолитическое поселение Дуванское V // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991. С. 144-160.

Стефанова Н.К. Исток IV – неолитический памятник тюменского Притоболья // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991.

Шорин А.Ф. 2000. Стратиграфические и керамические комплексы Кокшаровского холма в Среднем Зауралье // РА. № 3.

Шорин А.Ф. О двух вариантах неолитической керамики козловского и боборыкинского типов по материалам Кокшаровского холма // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень, 2001.

ЖИВОТНОВОДСТВО И ОХОТА НАСЕЛЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ТАНАЛЫК II (Башкирское Зауралье)*

Поселение Таналык II (Хайбуллинский район республики Башкортостан; руководитель раскопок д.и.н. Н.А.Мажитов) относится к срубной культуре позднего бронзового века. До исследования этого поселения, данные о хозяйстве Башкирского Зауралья в этот период, отсутствовали. Археозоологический материал собирался по 3 условным горизонтам (табл. 1). Костный материал в значительной степени состоит из мелких осколков трубчатых и плоских костей. Из 19315 остатков животных до вида удалось определить лишь 10815, или 56%. Среди изученного материала преобладают изолированные зубы, обломки нижних челюстей, астрагалы, фаланги, суставные концы или диафизы трубчатых костей. От плечевой кости сохранился преимущественно дистальный конец, от лучевой и локтевой — проксимальный отдел, от метаподиальных — верхний и нижний эпифизы, от берцовой — диафиз и дистальный конец, от бедренной, в основном, диафиз. Фаланги, астрагалы, мелкие кости запястья и заплюсны в большинстве сохранились целыми. Сравнительно немного целых позвонков и ребер, а также их фрагментов. Мало костей, несущих следы погрызов хищными и обгорелых. Это говорит о том, что захоронение костных остатков происходило достаточно быстро. Зато нередки обломки костяных орудий и фрагменты костей со следами использования и утилизации человеком, что указывает на широкое применение костей животных в качестве технического сырья.

Определенные костные остатки относятся к 13 видам домашних и диких млекопитающих, а также включают фрагменты костей птицы и человека. Наибольшее количество костей принадлежит домашним животным: в первую очередь – мелкому и крупному рогатому скоту. Количество остатков диких видов крайне незначительно и составляет лишь доли процента от общего их числа. Кроме вышеназванных домашних животных среди костных остатков присутствуют кости лошади, свиньи и собаки.

Анализ возраста забитых животных для крупного и мелкого рогатого скота проведен по состоянию зубной системы нижней челюсти, а лошади – по всем зубам. Возрастной состав крупного рогатого скота (табл. 2) отличается от такового с других памятников эпохи бронзы Волго-Уралья

* Работа выполнена по комплексному интеграционному проекту УрО РАН и СО РАН «Формы и проявления социо-культурной сложности в Урало-Сибирском регионе в эпоху бронзы и раннего железа»

(Косинцев, Варов, 1996; Косинцев, 2003а) и юга Западной Сибири (Косинцев, 2003б) большой долей возрастной группы 18-30 месяцев, что отражает более выраженное «мясное» направление его использования показал. В целом, разведение крупного рогатого скота, конечно, имело мясо-молочное направление. Возрастной состав мелкого рогатого скота (табл. 3) очень сходен с таковым с других памятников эпохи бронзы Волго-Уралья (Косинцев, Варов, 1996; Косинцев, 2003а) и юга Западной Сибири (Косинцев, 2003б). В его разведении заметное значение имело получение шерсти, а не только мяса. В возрастном составе лошадей выделяется две многочисленные группы – молодых и взрослых (табл. 4). Первых забивали на мясо, а вторых, естественно, так же забивали на мясо, но уже после того, как они были уже не в состоянии выполнять какие-то работы, для которых нужны не только сила и выносливость, но и резвость. По возрастной структуре забитых особей поселение Таналык II ближе к поселениям андроновской общности (Косинцев, 2003б), чем срубной культуры (Косинцев, Варов, 1996; Косинцев, 2003а). Таким образом, лошадей разводили на мясо и для выполнения работ, где требуется выносливость и резвость. Среди свиней доминируют остатки молодых особей.

Для сравнительного анализа структура костного комплекса с поселения Таналык II, взяты данные о соотношении остатков домашних копытных и диких видов с поселений андроновской культуры Южного Зауралья (Мирный III, Черкассy) и поселений срубной культуры Южного Приуралья (Косинцев, Варов, 1996; Петренко, 2003). Анализ структуры костного комплекса (табл. 5) показывает, что роль охоты, как и на других поселениях этого времени, была очень небольшая. Соотношение же остатков домашних копытных отличается от таковой на других поселениях.

На поселении Таналык II очень высока доля мелкого рогатого скота. Этого нет ни на одном поселении поздней бронзы Волго-Уралья (Косинцев, 2003а; Косинцев, Варов, 1996; Петренко, 2003). Даже на поселениях, расположенных в степной зоне (Токское, Покровское, Максютовское, Успенское), его доля меньше. Причины этого сейчас трудно объяснить.

В целом, животноводство у населения поселения Таналык II можно отнести к животноводству, характерному для срубной культуры, но с некоторой спецификой в использовании крупного рогатого скота и лошадей. Общей особенностью его, как отмечено, является высокая доля мелкого рогатого скота.

Таблица 1.

Видовой состав костных остатков из поселения Таналык II

Виды	Горизонты		
	1	2	3
Крупный рогатый скот – <i>Bos taurus</i> L.	1500/ 31*	2222/38	578/8
Мелкий рогатый скот – <i>Capra et Ovis</i> в том числе: овца коза	1564/67 306/31 70/4	2319/75 381/27 129/4	429/14 96/6 35/2
Лошадь – <i>Equus caballus</i> L.	383/3	531/5	110/ 2
Свинья – <i>Sus scrofa f. domestica</i> L.	20/1	24/1	7/1
Собака – <i>Canis familiaris</i> L.	24/1	30/2	7/1
Заяц – <i>Lepus</i> sp.	4/1	2/1	-
Бобр – <i>Castor fiber</i> L.	3/1	1/1	-
Лисица – <i>Vulpes vulpes</i> L.	3/1	4/2	1/1
Горноста́й – <i>Mustela erminea</i> L.	2/1	-	-
Барсук – <i>Meles meles</i> L.	-	2/1	-
Косуля – <i>Capreolus pygargus</i> Pall.	2/1	2/2	1/1
Лось – <i>Alces alces</i> L.	1/1	2/1	-
Человек – <i>Homo sapiens</i> L.	16/2	3/1	1/1
Mammalia indet.	1938	4804	1751
Aves indet.	3	3	1

* – Первая цифра – число костных остатков, вторая – особей.

Таблица 2. Возрастной состав крупного рогатого скота

M ₁ нет		M ₂ нет		M ₃ нет		M ₃ есть	
Менее 6 мес.		6-18 мес.		18-30 мес.		Старше 30 мес.	
экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%
12	6	22	12	68	37	84	45

Таблица 3. Возрастной состав мелкого рогатого скота

M ₁ нет		M ₂ нет		M ₃ нет		M ₃ есть	
Менее 6 мес.		6-12 мес.		12-24 мес.		Старше 24 мес.	
экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%
1	0,6	14	9,4	61	39	79	51

Таблица 4. Возрастной состав лошади

молодые		полувзрослые		взрослые		старые	
экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%
14	30	3	6	25	53	5	11

Таблица 5. Соотношение костных остатков (%%) из поселений позднего бронзового века Южного Приуралья и Зауралья

Виды	Поселения ¹									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Крупный рогатый скот	40	61	44	50	49	67	56	58	70	41
Мелкий рогатый скот	50	33	26	26	26	27	18	20	17	40
Лошадь	9	6	30	23	24	18	22	5	10	12
Свинья	0,4	0	0	0,6	3	0,5	1,4	4	2,0	7
Дикие	0,2	0	1,0	0,2	3,0	0	1,0	0,2	11,7	1,0
Всего костей, экз.	10734	821	871	1639	2331	747	3068	3126	902	870

¹Поселения: 1 – Таналык II; 2 – Мирный III; 3 – Черкаassy; 4 – Токское; 5 – Покровское; 6 – Максютовское; 7 – Тюбяк; 8 – Аитово; 9 – Старо-Яппаровское I; 10 – Набережное I.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

Косинцев П.А. Животноводство у населения Самарского Поволжья в эпоху поздней бронзы // Материальная культура населения бассейна реки Самара в бронзовом веке. - Самара, 2003а, с. 126-146.

Косинцев П.А. Типология археозоологических комплексов и модели животноводства древнего населения юга Западной Сибири // Новейшие археозоологические исследования в России. - М, 2003б. С. 155-174.

Косинцев П. А., Варов А.И. Костные остатки из поселения срубной и межовской культур Южного Приуралья // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала. - Уфа, 1996. С. 97-104

Петренко А.И. Исследование остеологических материалов из древнейших археологических памятников Среднего Поволжья и Предуралья методом естественных наук, анализ проблем становления животноводческих основ в крае // Археология и естественные науки Татарстана. Вып. 1. - Казань, 2003. С. 5-63.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КЕРАМИКИ ХУТОРСКОЙ СТОЯНКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2006 Г.)

Хуторская стоянка является одним из эталонных памятников камской неолитической культуры. Поэтому каждое новое исследование стоянки позволяет нам лучше представить типичный камский неолит.

Хуторская стоянка была открыта в 1952 году В.П.Денисовым (Памятники ..., 1994. С.25). Памятник расположен в 9 км к северу от г. Березники, в урочище «Бабушкин Хутор», на высоком дюнообразном всхолмлении в южной оконечности Чашкинского озера.

Первые стационарные раскопки на поселении были проведены в 1954 году В.П.Денисовым. В результате, было выявлено первое в Пермском крае неолитическое жилище, собран значительный вещественный материал (около 6000 находок). По итогам работ автором была написана статья (Денисов, 1960. С.34-72), которая ввела материалы памятника в научный оборот. В дальнейшем, материалы поселения были использованы О.Н.Бадером для характеристики развитого этапа камской неолитической культуры (Бадер, 1970, 1973, 1978).

Следующие исследования на стоянке были проведены В.П.Денисовым в 1975-76 гг. В результате этих раскопок, были выявлены остатки еще одного жилища эпохи неолита, получено около 3500 предметов материальной культуры (Денисов, Мельничук, 1991. С.21-32). Исследования 1975-76 гг. подтвердили, что стоянка является однослойным неолитическим памятником, принадлежащим к камской неолитической культуре, и может рассматриваться в качестве эталонного.

Работы 2006 г. были связаны с серьезным разрушением береговой части памятника из-за воздействия антропогенного фактора. В прибрежной части памятника было разбито 2 раскопа (получившие номера V и VI), общей площадью 288 кв.м. В результате, было обнаружено 1312 предметов, из которых фрагменты керамики составили 504 экз. Именно эта коллекция керамики и стала предметом нашего исследования.

Учитывая определенную удаленность раскопов, друг от друга (около 50 м), изначально анализ керамики проводился по каждому из раскопов отдельно.

По фрагментам венчиков, доньшек и стенок, на раскопе V было выделено 7 сосудов (161 фр.), а на раскопе VI – 9 сосудов (343 фр.).

Перейдем к характеристике керамики раскопа V (рис.1). Для керамики этого раскопа был характерен светло-коричневый цвет черепков, в некоторых случаях встречался коричнево-красный. Визуально, в формовочных массах всех сосудов фиксировалась примесь шамота и песка. У пяти сосудов был отмечен наплыв на венчике. Толщина стенок

варьировалась в пределах 0,6-1,3 см. Однако, для большинства сосудов была характерна толщина 0,9-1,1 см.

Вся керамика была орнаментирована исключительно гребенчатым штампом. Преобладали узоры из вертикальных и диагональных рядов штампа. Также встречались более сложные узоры, представленные зигзагом, «шагающей гребенкой», «ромбической сеткой» или «решеткой». Орнаментальное поле заполнялось полностью, нередко один орнамент шел поверх другого. Например, зигзаг поверх вертикальных рядов штампа. В некоторых случаях поверх основного узора встречались округлые или овальные наколы, нанесенные углом штампа.

Для всех сосудов характерна горизонтальная зональность. Орнаментальные зоны отделялись друг от друга путем нанесения узора не на полную длину штампа, с использованием диагональных рядов короткого штампа или просто путем смены направления рядов штампа (например, вертикальные ряды менялись на диагональные). Стоит также отметить, что сложные композиции встречались редко.

Остановимся подробнее на каждом из выделенных сосудов. Первый сосуд был представлен 1 фр. венчика и 9 фр. стенок. Его можно отнести к типичным сосудам камской неолитической культуры (рис.1;1). Он имел слегка прикрытое горло, скошенный венчик с небольшим (до 0,2 см) наплывом, толщину стенок 1-1,1 см, и был орнаментирован диагональными рядами длинного гребенчатого штампа, поверх которого иногда встречались овальные наколы, нанесенные углом штампа.

Особый интерес вызывает сосуд 2, представленный 2 фр. венчиков, 2 фр. дна и 16 фр. стенок (рис.1;2,3). По всей видимости, он имел закрытую полуяйцевидную форму, толщину стенок 1,2-1,3 см, а в некоторых случаях - 1,5 см. На стенках сосуда визуально фиксировались следы охры. На внутренней поверхности фиксировались следы залощения, которые производились мягким материалом, путем проведения круговых движений, что создает иллюзию использования гончарного круга. Округлый венчик, имел значительный наплыв (0,4-0,5 см) на внутренней стороне. Стенки сосуда были покрыты вертикальными рядами плотной «шагающей гребенки», поверх которой углом штампа наносился узор в виде чередующихся зигзага и заштрихованного треугольника.

Следующий сосуд был представлен 1 фр. венчика и 7 фр. стенок (рис.1;4). Как и предыдущий сосуд, он имел закрытую полуяйцевидную форму и округлый венчик с сильным наплывом (0,3-0,4 см). Толщина стенок - 0,8-0,9 см. Наибольший интерес вызывает его орнаментация. По венчику сосуд был орнаментирован тонким гребенчатым штампом. Узор был представлен «ромбической сеткой». По стенкам сосуд был украшен плотными рядами «шагающей гребенки», нанесенными все тем же узким штампом. Поверх «шагающей гребенки», в некоторых случаях, фиксировались ямочные наколы, нанесенные углом штампа.

Сосуд 4 (рис.1;6), представленный значительным количеством фрагментов венчиков (4), стенок (20) и дна (4), также является типичным для

камского неолита. Он имел закрытую полуяйцевидную форму с толщиной стенок 0,9-1,1 см. Венчик, скошенный внутрь с небольшим, не более 0,2 см, наплывом. Сосуд был орнаментирован диагонально поставленными отпечатками, нанесенными углом штампа и горизонтальными рядами «шагающей гребенки».

Еще один сосуд, представленный значительным количеством фрагментов (6 фр. венчиков, 22 фр. стенок), имел уплощенно-скошенный внутрь венчик, фиксирующийся в виде ребра (рис.1;5). Толщина стенок этого сосуда составляла 0,7-0,8 см, в то время как толщина ребра – 1,3 см. Сосуд был орнаментирован диагональными рядами гребенчатого штампа и вертикальными отпечатками «шагающей гребенки» по всей поверхности.

Два оставшихся сосуда не имели наплывов по венчику. Первый был представлен 3 фр. венчиков и 2 фр. стенок (рис.1;7). Он имел округлый торец и прямой профиль без наплыва, с толщиной стенок 0,8-1 см. Сосуд был орнаментирован плотными рядами вертикального штампа, поверх которого на венчике был нанесен горизонтальный зигзаг.

Последний из выделенных сосудов был представлен 2 фр. венчиков и 12 фр. стенок (рис.1;8). Он также имел округлый торец, прямой профиль с толщиной стенок 0,8-1 см. С внешней стороны сосуд был окрашен охрой, из-за чего приобрел красно-коричневый цвет. По венчику сосуд был орнаментирован диагональными рядами широкого и короткого (2 см) штампа, по стенкам вертикальными рядами «качалки», нанесенными тем же штампом.

Теперь обратимся к сосудам, выделенным на раскопе VI. По цвету, керамика раскопа VI не отличалась от посуды раскопа V и варьировалась от светло-коричневого до кирпично-красного. В формовочных массах визуально фиксировалась примесь песка, шамота. На внешней поверхности некоторых сосудов были отмечены следы охры.

Все сосуды можно разделить на 2 группы. В первую группу (6 сосудов) входят полуяйцевидные толстостенные сосуды с закрытым горлом и наплывом на внутренней стороне венчика. Исключение составляет сосуд №5, который не имеет наплыва на венчике, но по остальным характеристикам также входит в данную группу. Во вторую группу (3 сосуда) входят тонкостенные сосуды с прямым или чуть прикрытым горлом без наплыва на внутренней стороне венчика.

При орнаментации посуды использовались различные способы нанесения узора. Большинство сосудов (6) как и на раскопе V, были орнаментированы гребенчатым штампом. В тоже время, 2 сосуда были орнаментированы прочерченным орнаментом, а поверхность еще одного сосуда была покрыта не глубокими ямочными вдавлениями. Перейдем к описанию отдельных сосудов.

Сосуд 1 был представлен 1 фр. венчика, 1 фр. дна, 2 фр. стенок (рис.2;1). Он имел прямое цилиндрическое горло, чуть скошенный внутрь венчик без наплыва, округлое дно. Толщина стенок всего 0,6-0,7 см. Сосуд был орнаментирован косыми рядами короткого овального («жучкового»)

штампа по всей поверхности, включая торец венчика. Подобные сосуды, в большей степени, характерны для позднего (левшинского) этапа камского неолита, нежели для развитого (хуторского).

Следующий сосуд был представлен 1 фр. венчика и 8 фр. стенок (рис.2;2). Он имел закрытую форму, округлый венчик со значительным наплывом (0,3-0,4 см) на внутренней стороне. Толщина стенок – 1-1,1 см. Сосуд был орнаментирован вертикальными рядами длинного штампа с овальными отпечатками зубцов.

Сосуд 3 был представлен только 1 фр. венчика и 2 фр. стенок (рис.2;3). По всей видимости, он также имел закрытую форму. Его венчик имел скошено-приостренный торец и наплыв (0,2 см) на внутренней стороне. Толщина стенок – 0,7 см. Сосуд был орнаментирован вертикальными рядами длинного штампа с мелкими подквадратными отпечатками. По венчику, поверх вертикальных рядов штампа, шли глубокие отпечатки, нанесенные углом штампа, состоявшие из 2-3 зубцов.

Значительный интерес вызывает следующий сосуд (№4), представленный развалом. К нему относится 3 фр. венчика и 32 фр. стенок, часть из которых удалось склеить. Сосуд имел закрытое горло и уплощенный венчик с наплывом с внутренней стороны, толщиной 0,3-0,4 см. Толщина стенок составляла 0,8-0,9 см. С внутренней стороны сосуд имел следы заглаживания мягким инструментом в виде круговых линий, как и сосуд №2 раскопа V. Торец венчика был орнаментирован овальными вдавлениями. Венчик был орнаментирован 5 рядами овальных вдавлений, нанесенными под углом к поверхности сосуда. По стенкам сосуд был орнаментирован косыми прочерченными линиями, разделенными овальными вдавлениями.

Сосуд 5 представлен 1 фр. венчика и 15 фр. стенок (рис.2;4). Он имел округлый торец венчика без наплыва и чуть прикрытое горло. Толщина стенок сосуда – 1-1,1 см. Сосуд был орнаментирован вертикальными рядами длинного штампа со слабовыраженными овально-округлыми зубцами.

Сосуд 6, представленный 1 фр. венчика и 15 фр. стенок, также не имел наплыва на внутренней стороне венчика (рис.2;5). Толщина его стенок составляла 0,8-1 см. Сосуд был орнаментирован горизонтальными рядами неглубоких ямочных вдавлений по всей поверхности. Ямки имели неправильную округлую форму, диаметром 0,4 см и значительно отличались от глубоких конических ямок, характерных для памятников с ямочно-гребенчатой орнаментацией посуды.

Следующий сосуд представлен значительным числом фрагментов (3 фр. венчиков, 58 фр. стенок, 1 фр. дна), однако большей частью это мелкие фрагменты стенок (рис.2;6). Сосуд имел закрытую полуяйцевидную форму. Венчик уплощенный с сильным наплывом (0,5 см) на внутренней стороне. Толщина стенок – 0,9-1 см. В изломе венчиков фиксируются следы небольших (0,1-0,3 см) сверленных отверстий. По краю венчика сосуд был орнаментирован овальными вдавлениями. Остальная поверхность сосуда была орнаментирована прочерчиванием и состояла из заштрихованных ромбов и параллелограммов – «паркетный» узор.

Самым большим количеством фрагментов был представлен сосуд 8 (10 фр. венчиков, 1 фр. дна, 114 фр. стенок). Он имел типичную для хуторских сосудов форму – закрытую полуяйцевидную (рис.2;7). Венчик имел уплощенно-округлый торец и сильный наплыв на внутренней стороне (0,5-0,6 см). Толщина стенок варьировалась в пределах 0,8-1 см. Сосуд был орнаментирован вертикальными рядами длинного штампа. На венчике, поверх рядов вертикального штампа, был нанесен однорядный горизонтальный зигзаг. Стоит отметить, что подобный орнамент уже фиксировался на сосуде 6, раскопа V, однако тот сосуд имел прямые стенки и венчик без наплыва. К тому же, в формовочной массе данного сосуда визуально фиксируется значительная примесь шамота, чего нет у сосуда с раскопа V. Так что можно говорить о популярности данной композиции, а не о принадлежности фрагментов к одному и тому же сосуду.

Последний сосуд был представлен 1 фр. венчика и 25 фр. стенок (рис.2;8). Он имел округлый, без наплыва, прямой венчик и толщину стенок 0,6-0,8 см. Как и большинство изученных на раскопе VI сосудов, он был орнаментирован вертикальными рядами длинного гребенчатого штампа. Верхняя часть сосуда была украшена горизонтальным рядом не глубоких округлых ямок.

При сравнении керамики двух раскопов, необходимо отметить, что для раскопа VI характерно большее разнообразие в формах и орнаментации посуды. Возможно, это свидетельствует о хронологической неоднородности коллекции раскопа VI. В пользу этого как будто бы говорит и расположение раскопа в мысовидной части памятника на краю террасы. Однако, при сравнении материалов раскопок 2006 г. с керамикой из жилища №1 и №2, оказывается, что все перечисленные нами формы сосудов и способы орнаментации встречались внутри жилищ и относятся к единому хронологическому комплексу. Разница же в толщине стенок сосудов и форме их верхней части может быть связана с разницей в функциональной принадлежности сосудов. Так крупные сосуды, использовавшиеся для приготовления пищи, в основном, закрытые полуяйцевидные с наплывом на внутренней стороне венчика, толстостенные. А небольшие сосуды, использовавшиеся для других нужд, были тонкостенными с прямым горлом.

Таким образом, мы можем считать всю (или почти всю) коллекцию керамики из раскопок 2006 г. хронологически однородной и дающей представление о развитии этапе камской неолитической культуры. Для получения более объективных представлений о керамике Хуторской стоянки, необходимо провести ее технико-технологический анализ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер О.Н. Уральский неолит. //Каменный век на территории СССР, М., 1970, с.157-171.

Бадер О. Н. Волго-Камская этнокультурная общность эпохи неолита. //Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита. МИА № 172, 1973, с.99-106.

Бадер О.Н. Хронологические рамки неолита Прикамья и методы их установления // Краткие Сообщения Института Археологии (КСИА). – 1978. - Вып.153. - С.72-74.

Денисов В.П. Хуторская неолитическая стоянка.// Уч. Зап. Т. XII вып. I. Труды КАЭ. Вып. III. Пермь. 1960, с. 34-72.

Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Второе жилище Хуторской стоянки. //Неолитические памятники Урала. Свердловск. 1991. с.21-32.

Памятники археологии и архитектуры Березниковско-Усольского района. Усолье, 1994, 72 с.

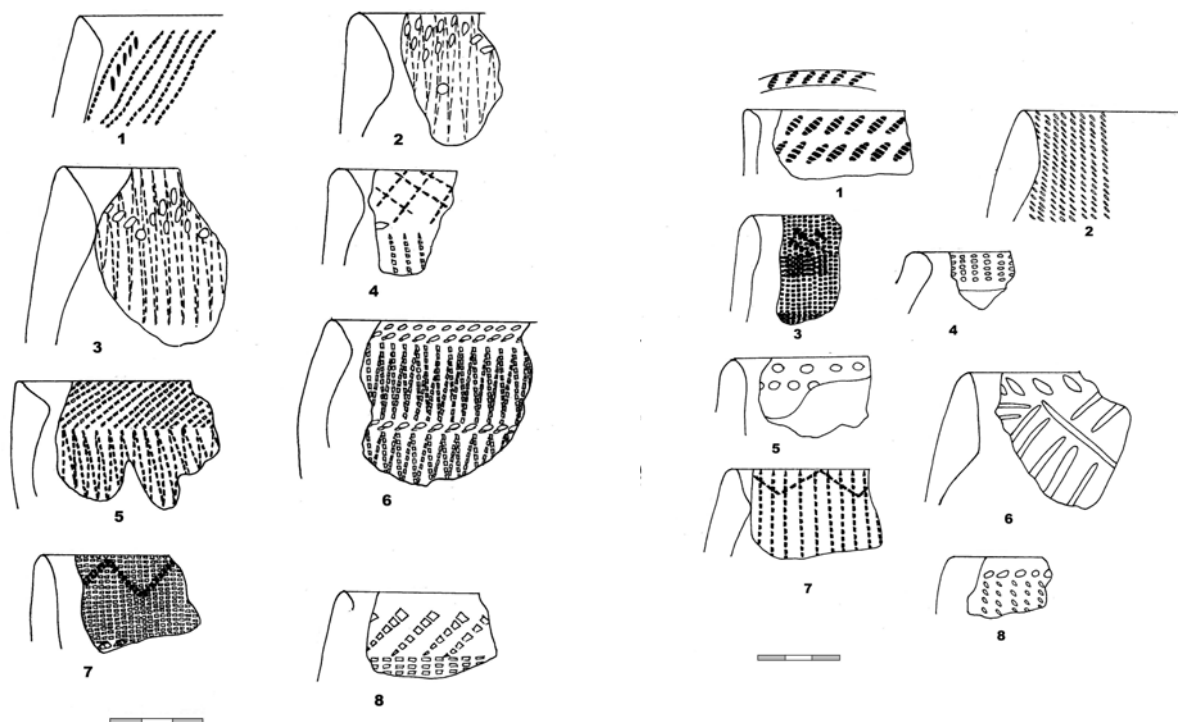

Рис. 1. Керамика раскопа V.

Рис. 2. Керамика раскопа VI.

Ю.А.Морозов

Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, Уфа

СРУБНО-АЛАКУЛЬСКИЕ ПАМЯТНИКИ В БАШКИРСКОМ ПРИУРАЛЬЕ

Южный Урал с древнейших времен являлся зоной контактов различных групп населения. Наиболее постоянными они стали намечаться в период ранней бронзы, с эпохи энеолита, когда мы отмечаем на ряде энеолитических памятниках расположенных в Приуралье (Гумерово,

Месягутово, Сельзегутово, Караякупово, Чишминское, Затонское и др.) изделия из зауральской яшмы и керамику суртандинского типа.

В эпоху бронзы, в период становления производящего хозяйства и выхода на рудные источники, возникла необходимость передвигаться на большие расстояния. В этом, в немалой степени, способствовало развитие колесничной запряжки. На общем фоне производящего хозяйства усиливаются контакты двух огромных культурно-исторических общностей срубной и андроновской, расположенных в одинаковых климатических условиях лесостепных и степных регионах.

Особый интерес в этом плане представляют для нас памятники позднего бронзового века, относящиеся к срубно-алакульским древностям, где наиболее ярко проявились синкретические черты. В археологических материалах этот процесс отразился как на поселенческих, так и на погребальных памятниках Приуралья. О проникновении алакульских традиций в срубную среду мы могли лишь констатировать на небольших смешанных керамических комплексах, где они представляли небольшие коллекции. В последние годы в Приуралье исследовался Николаевский курганный могильник, где погребальный обряд отражал алакульские традиции, несмотря на значительную миксацию посуды. Это позволяет считать его более алакульским чем срубным.

Николаевский курганный могильник расположен в Стерлитамакском районе РБ на левом берегу небольшой речки Стерля, бассейна реки Белой. К настоящему времени из 11 насыпей, входящих в курганную группу могильника, исследовано 9. Все они, на основании сопровождающего керамического и другого инвентаря, отнесены к памятникам срубно-алакульской культуры. Однако по погребальному обряду, где в многомогильных курганах зафиксированы центральные большекамерные захоронения с богатым инвентарем, а по окружности детские и рядовые захоронения, они больше относятся к алакульской традиции. Подобное расположение отмечено под насыпью курганов № 1,3,5.

На примере кургана № 1, который имел диаметр 24 м, высотой около 1 м, где было исследовано 15 захоронений и 6 отдельно стоящих сосудов, мы представим этот могильник. Полученный материал отражал сочетание срубных и алакульских признаков. В расположении погребений под насыпью просматривалась кольцевая планировка. 8 детских (от 1 до 7 лет) захоронений полукругом располагались в южном секторе, четыре подростка (до 14 лет) и два взрослых (20-25 лет) находились в северном и западном секторах. Кроме того, центральное положение под насыпью занимало еще одно взрослое захоронение. Заметим, что погребение № 11, выделенное в качестве центрального, отличалось от периферийных, размерами и характером инвентаря. Могила была перекрыта деревом, кроме того, по углам и с северной стороны зафиксировано 5 столбовых ямок. Подобная столбовая конструкция отмечена в разрушенном погребении кургана 8 могильника Амангельды, отнесенного Г.Б.Зданович к памятникам алакульского и амангельдинского типа (Зданович, 1988.С.62, рис.24, 1-б,1-в).

На дне погребальной камеры, ориентированной по линии север-юг, размером 225x200x43 см, находилось женское захоронение (20-25 лет). Костяк лежал около западной стенке на левом боку в слабо скорченном положении и был покрыт толстым слоем бересты. Помимо срубного сосуда, стоящего в СВ углу, на кистях обеих рук находились бронзовые желобчатые браслеты, а в районе височных костей найдены две подвески в полтора оборота покрытые золотой фольгой, на поверхности которых заметны поперечные насечки. На шейных позвонках лежали биконические бусины.

Для погребенных отмеченных курганов, где сохранились костяки и можно определить труположение, характерна поза на левом боку, скорчено, головой на север, кисти рук на уровне груди или лицевой части черепа. Большинство захоронений совершены в неглубоких (5-12 см) могилах или прямо на материковом основании. Исключение представляло захоронение № 10, ориентированное головой на запад, а глубина камеры составляла 75 см. Кроме того, под насыпью курганов № 1 и 5 обнаружены плохо сохранившиеся детские захоронения, перекрытые известняковыми плитами, под которыми найдены фрагменты и целые сосуды алакульского облика.

Коллекция определяемой керамической посуды представлена 26 сосудами баночной и горшечной формы. На основании корреляции формы и орнамента, выделяются две группы сосудов. К первой, куда входят 16 экз, относятся баночные сосуды типично срубной формы без орнамента или орнаментированные по верху ломаными линиями, одним или двумя рядами насечек. Вторая группа представлена 10 сосудами с типичной для алакульской посуды формой и орнаментальной композицией. К ним относятся сосуды с уступом на переходной от шейки к плечу зоне. В орнаментации использованы композиции из треугольников, ромбов, ломаных линий и украшение придонной части. Орнамент на всех сосудах выполнен при помощи мелкого и среднего гребенчатого штампа. На одном из сосудов изнутри по венчику орнамент нанесен проташенной гребенкой.

Одним из показателей своеобразия керамики смешанного облика является использование при ее изготовлении лощения поверхности как срубных, так и алакульских сосудов, что не наблюдалось в керамическом материале ранее исследованных курганов Николаевского могильника. Кстати, примесь глиняного теста части сосудов сходна с алакульской, т.к. в качестве присадок кроме песка и шамота, использовался мелко растертый тальк и слюда.

Вещевой материал очень интересен и, в какой то степени, характерен для алакульских погребальных комплексов. В погребении № 6 найдена небольшая подвеска округлой формы в полтора оборота обтянутая золотой фольгой, которая была украшена несколькими выпуклинами. Вместе с подвеской в погребении находилось ожерелье из более 200 пастовых бус.

В погребении № 15 обнаружена подобная округлая подвеска. Кроме того, здесь найдена овальная подвеска в полтора оборота обтянутая толстой

золотой фольгой, в верхней части которой имелись расширенные лопасти, напоминающие очковую змею (видимо кобру). Она была украшена выющимися насечками и выпуклинами, имитирующими кожу змеи. Аналогичная височная подвеска найдена в Оренбургской области при исследовании кургана № 25 могильника Обилькин луг-III (Денисов, 2001. С.47. Рис.2,8). Материалы полученные в этом кургане отнесены автором раскопок к алакульской и федоровской культурам.

Особый интерес представляет погребение № 10, ориентированное на запад, что не свойственно срубной традиции, а более характерна алакульскому погребальному обряду. Кроме сосуда, имеющего небольшой поддон, здесь обнаружено 207 таранных костей (астрагалов). Из них 198 принадлежали м.р.с. от 101 особи, а 9 костей – свиньи. У 20% астрагалов боковые грани сточены и заполированы, вероятно, они использовались для игры в кости (рис.1,22). Сведения об игральные кости у населения срубной культуры эпохи бронзы крайне незначительны (Цимиданов, Чаур, 1997. С.50-61). В более позднее время античные письменные источники упоминают о довольно распространенной игре в кости в Греции и Риме, где в качестве игральные кости использовались астрагалы (Петрс, 1986. С.77-91). При разборе костей, в середине скопления, обнаружены 4 костяных втульчатых наконечника стрел длиной от 2,9 до 6 см и бронзовый наконечник стрелы длиной 6 см с раздвоенным острием.

В северо-восточном секторе в засыпке над центральным погребением № 11 найден псалий, выполненный из расщепленной трубчатой кости. Сохранившаяся часть имела длину 7,7 см, ширину 2,8 см. Поверхность орнаментирована прочерченными треугольниками, вершины которых соприкасались. По классификации Е.Е.Кузьминой данный псалий более всего соответствует желобчатым псалиям II типа, имеющим дополнительное боковое отверстие в другой плоскости, которые она датирует концом XVI-XIII вв до н.э. (Кузьмина,1994. С.181-183. Рис. 37). Подобные псалии В.В.Ткачев относит к западноалакульской культурной группе (Ткачев, 2000. С.43. Рис. 4, 27-28). Возможно этим же временем следует датировать весь могильник.

Принимая во внимание своеобразие керамики смешанного облика из рассматриваемого могильника, еще раз отметим, что при ее изготовлении и оформлении использованы приемы характерные как для срубной так и для алакульской керамической традиции. Показателем подобного синкретического типа керамики является срубная баночная форма сосудов, сочетающаяся с некоторыми алакульскими узорами в виде треугольников, ромбов, разделительных полос, уступов. Уступ, как было уже сказано, - устойчивая алакульская примета. Здесь же он встречается даже на не орнаментированных сосудах.

В кургане № 7 Николаевского могильника зафиксировано трупосожжение, которое было совершено на стороне, а затем помещено в могилу. Сама могила представляла собой подпрямоугольную камеру сооруженную из глины на погребенной почве. Внешние размеры камеры

составляли 8,2x3,2 м, а высота от 0,6 м по бокам до 0,9 м с торцовых сторон. Ориентирована погребальная камера длинными сторонами была по линии север-юг. При расчистки было собрано 184 фрагмента обгорелых и раздробленных костей человеческого скелета. Антропологами А.И.Нечвалодой и В.В.Куфтериним было определено, что костяк принадлежал мужчине 35-45 лет, ростом около 180 см.

Под этой же насыпью обнаружен жертвенный комплекс, состоящий из 3 черепов комолых коров, возрастом старше 2,5 лет. Мордами они были ориентированы на юг. У всех в лобной части имелись следы удара орудием подтреугольной формы.

Обряд кремации умерших и наличие жертвенных комплексов были известны алакульским общинам, обитавших в лесостепном Притоболье (Матвеев, 1998. С.194-200, 204-214). Известны он и в Башкирском Зауралье, которые Н.Г.Рутто связывает с федоровско-алакульскими традициями (Рутто, 2003. С.104).

Среди поселенческих памятников, в первую очередь, где отмечается большой процент андронидной керамики, следует отметить II Усмановское поселение. Памятник расположен на невысоком правом берегу реки Уршак в 2 км к ЮЗ от одноименной деревни Аургазинского района РБ. Сохранившаяся площадка (350 кв.м.) полностью вскрыта. Обнаружены остатки жилищного сооружения, от которого остался ряд столбовых ям и прокаленное очажное пятно с остатками угля и золы. Стратиграфические данные свидетельствуют об однослойности данного поселения. В коллекции насчитывается около 3 тыс. фрагментов керамики, 14 развалов сосудов, десятков изделий из кости и несколько фрагментов ошлакованной керамики, указывающей на наличие металлургического производства.

Полученная коллекция керамики (около 200 сосудов), в зависимости от культурной принадлежности, отнесены к двум группам. Наиболее многочисленной (70%) является группа, включающая керамику срубной культуры. Это баночные и горшечно-баночные сосуды с орнаментом в виде косых оттисков крупнозубчатого или гладкого штампа и ломаные горизонтальные линии.

Вторая группа (30%) включает сосуды андроновского круга памятников, где форма сосудов и орнамент характерен для посуды алакульского (в большей степени), федоровского и межовско-черкаскульского облика.

На ранее исследованных срубных поселениях Башкирского Приуралья андроновские материалы составляли не более 2% и в большей степени отражали синкретизм срубных и андроновских орнаментальных черт.

Представленные материалы из погребального закрытого комплекса Николаевского могильника и поселенческий материал II Усмановского поселения, позволяют расширить ареал памятников смешанного срубно-алакульского типа и высказать предположении о проживании отдельных алакульских групп населения на территории Башкирского Приуралья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Рутто Н.Г. Срубно-алакульские связи на Южном Урале. - Уфа.2003.
- Цимиданов В.В., Чаур Н.А. Погребения с астрагалами срубной культурно-исторической общности // Древности Подонцовья. - Луганск, 1997.
- Денисов И.В. Могильники эпохи бронзы Обилькиного луга близ Соль-Илецка // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. V. - Оренбург, 2001.
- Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? - М., 1994.
- Петерс Б.Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. - М.,1986.
- Ткачев В.В. Начальный этап позднего бронзового века в степном Приуралье // Культурное наследие степейСеверной Евразии. - Оренбург, 2000.
- Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988.
- Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. - Новосибирск, 1998.

О.Д.Мочалов

*Самарский государственный педагогический
университет, Самара*

ДАЛЬНИЕ СВЯЗИ ЮЖНОГО УРАЛА В ЭРОХУ БРОНЗЫ: КЕРАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ*

Особое географическое положение Южного Урала на границе Европы и Азии, на стыке ландшафтных зон и важных водных артерий, проявилось в противоречивости его историко-культурного развития на различных этапах бронзового века. Значимость региона в культурогенезе конца средней – начале поздней бронзы, никак не соотносится с его маргинальным положением в предшествующую эпоху и равномерным развитием в конце бронзового века. Особенности географического положения и климата отразились и на направлениях связей, которые фиксируются во внешних особенностях керамики. В данном случае нас интересуют именно дальние связи региона, которые наименее изучены. Ближние связи с соседними территориями вполне естественны, обусловлены единством крупных культурных общностей, они исчерпывающе обозначены в литературе. Но, к сожалению, ближние связи в полной мере не объясняют появление таких феноменов, как синташтинская культура, также напрямую не выводимы из

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 06-01-91100 а/У

соседних регионов некоторые признаки других культур. Видимо, Южный Урал, как и многие другие степные и лесостепные территории развивался на фоне периодических контактов с отдаленными районами. Как известно керамика – один из самых диагностичных показателей культурных контактов, так как отражает связи населения на самом первичном семейно-родственном уровне.

В раннем бронзовом веке степная часть Приуралья оказалась заселенной ямными племенами, основная группа которых, видимо, продвинулась из Заволжья. Невзирая на специфику, приуральская группа была вовлечена в систему культурных связей всей ямной области, а М.А.Турецкий, признавая различия в керамике, предложил объединить приуральскую и средневожскую группы (Турецкий, 1999. С. 8-9). Дальние связи этого периода весьма четко прослеживаются в северокавказском и приазовско-кубанском направлениях и представлены уже не единичными фактами. С.В.Богдановым была выделена посуда майкопского облика на Турганинской стоянке в Приуралье (Богданов, 2003. С. 167-174, рис. 41), в тоже время Н.Л. Моргунова возражает против их прямого сопоставления (Моргунова, 2005. С. 134). Тем не менее, неорнаментированная посуда яйцевидной формы, сосуды с расширенным туловом ямной культуры Волго-Уралья морфологически очень близки металлической посуде и некоторым глиняным типам позднего этапа майкопско-новосвободненской общности, хотя последние нередко более крупных размеров (Кореневский, 2004. С. 169-171). Из местных энеолитических традиций все ямные формы не выводимы. Видимо, богатая культура Кавказа привлекала внимание степных скотоводов и оказывала на них определенное воздействие в форме подражаний, имитаций и прямого распространения новаций. Н.П.Салугина предполагает связь с земледельческими южными культурами и на технологическом уровне (Салугина, 2006. С.79).

Напомним, что кроме керамики, известны и иные аналоги среди орудий (топоры утевского типа) и украшений (пуансонные бляхи). С.В.Богданов связывает некоторые комплексы также с поздним этапом куро-араксской культуры Южного Кавказа (Богданов, 2006. С. 13).

К сожалению, почти не разработано восточное направление ямных связей с афанасьевской культурой Южной Сибири, которое в последнее время опять стало предметом дискуссий (Фрибус, 2006. С. 478-480). В любом случае отрицать параллели в культуре и европеоидность афанасьевского населения нельзя, следовательно, они требуют объяснения. Керамика имеет как сходства, так и отличия. Самые восточные находки типично ямной керамики известны на границе Зауралья и Сибири (Верхняя Алабуга, Бурли II). На промежуточной территории их нет. Однако, более сопоставимы афанасьевские сосуды не с классической ямной, репинской керамикой, а с сосудами позднего энеолита хвалынской культуры и близких ей групп, что предполагает некоторое удревнение связей регионов в конце энеолита - начале бронзы. Возможно, дальнейшие исследования самой восточной части ямной области - Приуралья будут способствовать решению этой проблемы.

На рубеже ранней – средней бронзы наше внимание привлекают тарные реповидные сосуды. Ареал их распространения рассмотрен в работах В.Я.Стеганцевой и Д.Л.Тесленко (Стеганцева, 2004. С.437-444; Тесленко, 2000. С. 45-48). Д.Л.Тесленко предположил независимое появление данной формы в разных регионах. В соответствии с современными данными впервые в юго-восточной Европе эта форма появляется в памятниках новотиторовской культуры Предкавказья (Гей, 2001), а уже потом – в катакомбных. В Волго-Уралье известно 10 таких сосудов, из них 3 - в Приуралье. Почти все они типологически сопоставимы именно с новотиторовскими (Кузнецов, Мочалов, 2001. С. 86-87). В свою очередь посуда с позднеямными чертами фиксируется и в новотиторовских памятниках (Гей, 2001), что подтверждает их двустороннюю связь. В новотиторовских комплексах известны и одни из самых ранних сосудов с ребром в верхней части профиля и с поддоном (Лебеди I, Батуриная II и т.д.). Именно остросереберные формы распространяются на развитом этапе средней бронзы, а затем в срубной культуре. Не могло ли являться Предкавказье и источником этой новации? Однозначно сказать сложно, поскольку такие формы были уже распространены в Закавказье, Средней Азии, на севере Балкан и т.д. Керамика с четким трехчленным профилем (ребром или уступом), плоским дном в ранней бронзе юга восточной Европы не была распространена. Преобладали сосуды плавнопрофилированные, как правило, круглодонные. Таким образом, кавказско – прикубанские связи усилились в начале среднего бронзового века. А.В.Кияшко фиксирует проникновение лесостепных полтавкинских керамических традиций (орнамент «шагающая гребенка») вплоть до нижнего Дона (Кияшко, 2003. с.125-213). Подражание «шагающей гребенке» фиксируется вплоть до Закавказья (Кармир Берд).

Проблемой остается связь с катакомбными культурами. Целый ряд исследователей считает их очень важными для предсинташтинского и синташтинского пласта памятников. Наиболее последовательно эта точка зрения отстаивается В.В.Ткачевым (Ткачев, 2004. С. 13-21; Ткачев, Хованский, 2006. С. 116-117). В частности из катакомбных выводится целый ряд форм и орнаментов керамики, в том числе традиции орнаментации «горизонтальной елкой» и рельефным декором. Попытки связать «шишечки» и вертикальные валики на шее сосудов с влиянием кавказских культур (Мочалов, 1996. С. 74-86) представляются авторам менее основанными, чем их связь с катакомбными. Однако из их аргументации не ясно, почему? Картографический анализ сосудов эпохи средней – начала поздней бронзы с шишечками в верхней трети профиля показывает, что локализуются они на Урале, в Поволжье, затем линия тянется через Нижнее Поволжье (Сухая Саратовка, Алмазово) на северный Кавказ (Нежинский). В катакомбных памятниках они более редки (Кондрашевка) и скорее сами являются заимствованием, как и посуда с вертикальными валиками. И те и другие варианты рельефного орнамента известны и в западных районах восточной Европы (культуры колоколовидных кубков, шаровидных амфор и т.д.), а

вертикальные и горизонтальные валики вообще могут иметь различное происхождение. Не понятна и «катакомбная» категоричность в отношении «елочной» керамики. Во-первых, это надкультурное явление известное на широкой территории еще с неолита, особенно, горизонтальная «елка». Во-вторых, даже основные исследователи погребений с «елочной» керамикой донецкой (Смирнов, 1996. С. 98-99) и среднедонской (Маслихова, 2006. С. 17) катакомбных культур склоняются в сторону ее восточного происхождения. Нам же представляется, что стилистические особенности этого орнамента имеют не столько культурную, сколько территориальную специфику. Это же относится и к некоторым формам, особенно горшкам с короткой шеей и широким туловом, горшкам с ребром. В этой связи можно говорить об определенном, причем весьма дозированном влиянии катакомбной культуры. Но где на Урале найдены типично катакомбные формы – курильницы, раструбовидные кувшинообразные горшки, шарообразные сосуды, воронки, амфорки, донецкие приземистые кубки и т.д.? Если речь идет о позднекатакомбном этапе, то облик катакомбной культуры уже сам претерпел изменения, подвергаясь инокультурным воздействиям. Не ясно как обычная скотоводческая степная культура на стадии своего распада могла оказать существенное влияние на культурогенез Южного Урала – территории чуждой в культурном и ландшафтом отношении и удаленной на тысячу и более километров. С точки зрения формальной логики можно без труда выстроить и обратную модель воздействия. Например, некоторые орнаментальные композиции среднедонской катакомбной культуры (елка + треугольники) близки синташтинским. А вот концентрический круговой орнамент, завитки, вертикальные валики на Южном Урале не распространены. Примесь талька и раковины, тонкостенность также не характерны для катакомбной посуды.

Указанные замечания ставят под сомнение безупречность «катакомбных» аналогов, во всяком случае, в керамике. Катакомбное гончарство не может рассматриваться как первоисточник уральских инноваций, так как, во-первых, керамика в целом, за исключением отдельных черт, различна; во-вторых, не исключено обратное направление влияний, и, в-третьих, катакомбные керамические традиции сами сформировались под сильнейшим воздействием кавказских и западных импульсов, пересекшихся в Донно-Донецком регионе. Кавказские импульсы коснулись и Волго-Уралья, что в сочетании с местными постямными традициями и естественным западным влиянием дало мнимый эффект катакомбного присутствия. Подчеркнем, что влияние катакомбных культур не отрицается, но стоит ли преувеличивать его значимость, если есть альтернативные модели. Однако, сторонники расширения катакомбного ареала на восток, категорично не признают иных вариантов. Некоторые предлагают продвинуть границы катакомбной общности даже до Тобола (Рогудеев, 2000. С. 52). Ситуация усугубляется и дискуссией о самом содержании многочисленных катакомбных культур, неясностью в интерпретации некоторых их памятников (Виноградов, 1990. С. 10-12).

На абашевские и синташтинские керамические комплексы также оказывали влияние передовые южные традиции, что проявилось в кубковидных сосудах (Мочалов, 2004 а. С. 123-135), керамике с трехчленным профилем и некоторых специфичных орнаментах (Мочалов, 1996. С. 74-86). Южные среднеазиатские связи подтверждаются и данными Е.Е.Кузьминой (Кузьмина, 1994). Самые далекие аналоги на территории Закавказья и Передней Азии были выделены С.А.Григорьевым (Григорьев, 1999. С. 82-111). В.В. Рогудеев считает, что в конце средней бронзы население южнорусских степей поддерживает активные торговые связи через Кавказ с Ближним Востоком (Рогудеев, 2000. С. 52-55).

«Шахматный» орнамент, редкий, но очень диагностичный, позволил подтвердить связь с фатьяновскими культурными традициями, которые проявились именно на Урале (Мочалов, 2004 б. С. 503-515). Важно, что в Заволжье в кургане рубежа средней - поздней бронзы у могильника Подлесный был обнаружен сосуд раннесрубного облика, технология изготовления которого, по мнению Н.П.Салугиной, очень близка фатьяновской (Барынкин и др., 2006. С. 312). Невольно вспоминаются фатьяновские параллели в металле, известные в вольско-лбищенских памятниках. Таким образом, существует уже несколько подтверждений связи с дальними лесными территориями центральной России.

В начале поздней бронзы традиции синташтинских и абашевских племен оказывают сильное воздействие на сложении срубных и алакульских керамических комплексов. Южный Урал в большей части оказывается в ареале алакульской культуры, но присутствуют и срубно-алакульские памятники. Дальние связи на этом этапе касаются всех возможных направлений и имеют взаимный характер. Фиксируются они уже на ранней стадии срубной и алакульской культур. Н.Б.Виноградовым указывалось на среднеазиатский импорт в Зауралье (Виноградов, 1995. С. 71-74). Срубные и алакульские керамические признаки и импортные сосуды известны в Средней Азии (Щетенко, 2000, С.262-263; Кузьмина, 1994, Р'уankova, 1994. Р. 355-372), Сибири, а на западе вплоть до Днепра (Березанская, Гершкович, 1983. С. 104-105). В могильнике раннего этапа срубной культуры степной части Волго-Донского междуречья Золотая Гора обнаружен сосуд с примесью талька – типичным зауральским признаком (Юдин, Матюхин, 2006. С. 83, 103). В этом же регионе встречается и керамика, орнаментированная металлическими скобками. Однако авторы раскопок связывают памятник исключительно с катакомбной основой, хотя специальное сравнение керамики в работе отсутствует.

На южное направление указывают и такие показатели как, увеличение числа кубковидных форм, резкое возрастание количества неорнаментированной посуды, толстостенная хорошо обожженная керамика красноватого цвета, распространение острореберных биконических горшков. Все эти признаки опять же более характерны для южных обществ. В степной и лесной зонах более устойчивы традиции богатой орнаментации, неравномерного обжига, изготовления простых форм. Керамические

традиции срубной культуры, в целом формируясь на местной основе, демонстрируют серьезные изменения, возможно, возникшие при инокультурном влиянии.

В отношении южных связей следует согласиться с точкой зрения Н.А. Мажитова, что в историко-хозяйственном плане Южный Урал в эпохи энеолита – раннего железного века представляли важный элемент в годовом цикле кочевого скотоводства как район летних кочевков населения обширной степной зоны, что предполагает постоянную миграцию определенной части одного и того же населения (Мажитов, 1996. С. 12-13). Таким образом, данные территории, вовлеченные в систему связей со степными, а через них и с земледельческими обществами, едва ли могут рассматриваться как совершенно обособленные и самостоятельные регионы. В то же время и южноуральские традиции распространялись в соответствующих направлениях, особенно в средней и начале поздней бронзы. Характер дальних связей был различным – от инфильтрации через население степей отдельных элементов культуры и импульсов до прямых контактов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барынкин П.П., Зудина В.Н., Крамарев А.И., Салугина Н.П., Хохлов А.А. Исследования курганов эпохи бронзы у пос. Подлесный на р. Самаре // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. - Самара, 2006.

Березанская С.С., Гершкович Я.П. Андроновские элементы в срубной культуре на Украине // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. - Челябинск, 1983.

Богданов С.В. Эпоха меди степного Приуралья. - Оренбург, 2003.

Виноградов В.Б. К состоянию дискуссии о катакомбной культуре на Северном Кавказе // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности: Тезисы докладов Всесоюзного семинара. - Запорожье, 1990.

Виноградов Н.Б. Южные мотивы в керамических комплексах эпохи бронзы в Южном Зауралье // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы: Мат. конф. - СПб., 1995.

Гей А.Н. Новотиторская культура. - М., 2000.

Григорьев С.А. Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. - Челябинск, 1999.

Кияшко А.В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. - Волгоград, 2002.

Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. - М., 2004.

Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д. Особый тип керамики как отражение миграций в среднем бронзовом веке // XV Уральское археологическое совещание: Тез. док. - Оренбург, 2001

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? - М., 1994.

Мажитов Н.А. Некоторые итоги и уроки развития археологической науки на Урале XX века // XIII Уральское археологическое совещание: Тез. док. Ч. I. - Уфа, 1996.

Маслихова Л.И. Керамика погребений среднедонской катакомбной культуры как исторический источник. Автореф. дис... канд. ист. наук. - М., 2006.

Моргунова Н.Л. О книге С.В. Богданова «Эпоха меди степного Приуралья» // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VII. - Оренбург, 2005.

Мочалов О.Д. О происхождении некоторых особенностей керамики эпохи средней бронзы Волго-Уралья и Зауралья (к постановке проблемы) // Историко-археологические изыскания. Вып. 1. - Самара, 1996.

Мочалов О.Д. Ранние кубковидные сосуды эпохи бронзы в Поволжье и на Урале // РА. 2004. № 2. 2004 а.

Мочалов О.Д. Шахматный орнамент керамики культур эпохи бронзы Поволжья и Урала // Стратум плюс. 2002. № 2. - СПб. – Кишинев, 2004 б.

Рогудеев В.В. Связи населения южнорусских степей с Ближним Востоком в конце средней бронзы // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии: Мат. конф. - Саратов, 2000.

Салугина Н.П. Технология керамики населения раннего бронзового века Волго-Уралья (по материалам погребальных памятников) // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. - Оренбург, 2006.

Смирнов А.М. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. - М., 1996.

Стеганцева В.Я. Реповидная керамика катакомбной культуры (к постановке проблемы) // Археолог: детектив или мыслитель. - СПб., 2004.

Тесленко Д.Л. О находках реповидной керамики в погребениях эпохи ранней бронзы Поднепровья // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии: Мат. конф. - Саратов, 2000.

Ткачев В.В. Степное Приуралье на рубеже эпох средней и поздней бронзы (по материалам погребальных памятников). Автореф. дисс... канд. ист. наук. - Воронеж, 2003.

Ткачев В.В., Хаванский А.И. Керамика синташтинской культуры. Орск – Самара, 2006.

Турецкий М.А. Средневожско-Приуральский вариант ямной культуры // Археологические памятники Оренбуржья. - Оренбург, 1999.

Фрибус А.В. К дискуссии о происхождении афанасьевской культуры // Современные проблемы археологии России: Мат. съезда. Т. I. Новосибирск, 2006.

Щетенко А.Я. Хронологический аспект контактов земледельцев Южного Туркменистана с племенами степной бронзы евразийских степей // Российская Археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Мат. конф. Ижевск, 2000.

Юдин А.И., Матюхин А.Д. Раннесрубные курганные могильники Золотая гора и Кочетное. - Саратов, 2006, с.83, 103.

P'yankova L. Central Asia in the Bronze Age: sedentary and nomadic cultures // *Antiquity* 1994. № 68.

В.В.Куфтерин, А.И.Нечвалода, Р.М.Сатаев
Музей естественной истории, Уфа

**ДРЕВНЯЯ МАРГИАНА: ХАРАКТЕР ХОЗЯЙСТВЕННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПО
ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИМ И ПАЛЕОЗООЛОГИЧЕСКИМ
ДАНЫМ (на материалах Гонур-депе)**

В статье рассматриваются результаты исследования палеоантропологического и археозоологического материала из раскопок поселения бронзового века Гонур-депе (Туркменистан) и анализируются особенности хозяйственной деятельности древнего населения. Некрополь Гонур, датируемый концом III – серединой II тыс. до н.э. локализован западнее центральной части памятника. Он представляет собой один из крупнейших могильников Древнего Востока. Кратко остановимся на некоторых результатах изучения некрополя.

Археологами отмечается непрерывность культурных традиций на Гонуре. Краниологическое и остеологическое исследование материалов из всех могильников показывает общность антропологических особенностей населения, поэтому рассмотрение всех имеющихся данных в контексте палеопопуляции представляется правомерным (Дубова, Рыкушина, 2005).

Археозоологический материал представлен 242 костями животных, происходящих преимущественно из погребений. За исключением роговых стержней и резцов джейрана, а также фрагмента нижней челюсти и плюсневых костей лисицы, все остальные кости принадлежат 8 видам домашних животных (собака, свинья, овца, коза, корова, верблюд, осел, лошадь). Наиболее многочисленны остатки мелкого рогатого скота, собаки и коровы (Сатаев, 2006). Широкое использование в погребальном обряде домашних животных свидетельствует об их важном значении в жизни населения, а богатый видовой состав указывает на высокий уровень развития животноводства и многофункциональность использования домашних животных жителями города. Это в свою очередь позволяет привлекать материал из некрополя для общих суждений о характере хозяйственной деятельности древнего населения.

Учитывая географическое положение страны Маргуш, расположенной в аридном климате (даже в периоды значительно большей влагообеспеченности территории) сложно предполагать наличие естественных кормовых угодий для крупного рогатого скота и свиньи. Наиболее приспособленным к подобным условиям и неприхотливым в отношении кормов является мелкий рогатый скот, который, по-видимому, и составлял большую часть стада домашнего скота. Наличие в стаде свиньи

традиционно связывают или с культурами, населявшими лесную - лесостепную зону (где имелись естественные пастбища для свиньи: дубравы, пойменные луга) или с развитым земледелием у древнего населения, отходы которого использовались для откорма этих животных. Поэтому наиболее вероятно, что все увлажненные и доступные для орошения участки поймы р.Мургаб использовались под земледелие, которое в той или иной степени обеспечивало кормами коров и свиней и, в общем, определяло хозяйственный уклад древнего населения. Мелкий рогатый скот выпасался на удаленных от речной поймы и непригодных для земледелия территориях. С таким заключением согласуются данные, полученные и при изучении палеоантропологического материала.

Антропологами отмечается благополучность данной популяции земледельцев и скотоводов в свете палеодемографических параметров, высокорослость мужского и среднерослость женского населения Гонура. Краниологическая серия некрополя в целом, характеризуется долихокранией, при большом продольном и малом поперечном диаметрах. Лицевой отдел узкий, невысокий, с низкими орбитами, при полном отсутствии широколицых типов. Горизонтальная профилировка лица резкая, клыковые ямки глубокие, переносье высокое, носовые кости выступают значительно, нос средней ширины. Принадлежность серии к длинноголовому европеоидному типу не вызывает сомнений (Бабаков, 2004).

Среди патологических проявлений на материалах из Гонура ранее были зафиксированы случаи гидроцефалии, деформирующего артроза суставов и межпозвоночных дисков, кариеса, ревматоидных поражений плечевых и бедренных костей, посттравматического остеопороза бедренных и большеберцовых костей, нарушения синостозирования черепных швов, различные травматические повреждения (Бабаков, 2004, Dubova, Rykushina, 2004).

В нашем распоряжении оказалась небольшая краниологическая выборка – 7 черепов (4 мужских, 3 женских). Ее палеопатологическое исследование позволяет заключить, что одним из неблагоприятных стрессовых факторов, воздействовавших на исследуемых, был диетический. Об этом свидетельствует высокий процент патологических изменений зубной системы (кариес, пародонтоз, зубной камень, одонтогенный остеомиелит). Относительно высокий для эпохи бронзы процент кариозных поражений можно уверенно связать с хозяйственно-экономическим статусом группы. По данным ряда исследователей, частота данной патологии статистически достоверно увеличивается в земледельческих популяциях, по сравнению с населением, живущим за счет присваивающего хозяйства (Бужилова, 1998). Этот факт, очевидно, следует объяснять появлением углеводной диеты.

Среди прочих патологических изменений интересны случаи травматических повреждений черепа у мужчин зрелого возраста из погребений 3243 (заживший оскольчатый перелом тела нижней челюсти со смещением костных отломков, проникающее ранение в области

надорбитального края лобной кости, рубленая рана левой височной кости), и 3250 (заживший перелом нижней трети носовых костей), а также у женщины зрелого возраста из погребения 3343 (перелом правой скуловой дуги и скуловой кости). Относительно высокую частоту черепных травм в исследованной выборке можно связать с повышением агрессивного фона, возможно, в результате высокой численности и плотности населения. Заживление повреждений может указывать на факт оказания довольно квалифицированной медицинской помощи.

У зрелого мужчины из погребения 3331 в ушных каналах фиксируется наличие экзостозов в виде значительно выраженных бесформенных масс. Их появление обусловлено напряжением надкостницы и формированием нового костеобразования под действием низких температур, способствующих сужению кровеносных сосудов в ушном канале. Последствия холодового стресса, в виде васкулярной реакции, возможно, фиксируются и на черепе молодой женщины из погребения 3401 (слабо выраженные изменения надкостницы на лобной и теменных костях – эффект апельсиновой корки). Скорее всего, холодовой стресс связан с резкими охлаждениями при длительных перегонах скота в холодное время года.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что основой хозяйства древнего населения Гонура было земледелие и животноводство, последнее, по-видимому, играло подчиненную роль. В связи с этим основная деятельность большей части населения была связана с сельскохозяйственными работами (обработкой земли, орошением полей, сбором урожая, заготовкой кормов, выпасом скота и т.д.). Полученным данным не противоречат результаты палеопатологического исследования антропологического материала, в частности, высокий процент патологий зубочелюстного аппарата (прежде всего кариес и одонтогенный остеомиелит) может свидетельствовать о преимущественно углеводном пищевом режиме населения страны Маргуш.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бабаков О. Население Гонур-депе в эпоху бронзы (в свете данных антропологии) // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди / Ред. Косарев М.Ф., Кожин П.М., Дубова Н.А. М., Старый сад, 2004. – С.337-348.

Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998. – С.87-146.

Дубова Н.А., Рыкушина Г.В. Палеодемография некрополя Гонура // VI Конгресс этнографов и антропологов России, Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г.: Тез. докл. / Отв. ред. Ю.К.Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2005. – С.371.

Сатаев Р.М. Животноводство древнего населения Гонур-депе (Туркменистан) // Этнос. Общество. Цивилизация: Кузеевские чтения. Материалы международной научно-практической конференции. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2006. – С.133-135.

Dubova N.A., Rykushina G.V. Necropolis and area 5 of Gonur-Depe: some anthropological data // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди / Ред. Косарев М.Ф., Кожин П.М., Дубова Н.А. М., Старый сад, 2004. – Р.317-336.

Я.В.Рафикова¹, В.К.Федоров²

¹*Национальный музей Республики Башкортостан, Уфа,*

²*Восточный институт экономики, гуманитарных наук, управления и права, Уфа*

ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЕ СВЯТИЛИЩЕ БАКШАЙ В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ (предварительное сообщение)

В 2005 году экспедицией Восточного института экономики, гуманитарных наук, управления и права (ВЭГУ) и Национального музея Республики Башкортостан (НМРБ) в Учалинском районе Республики Башкортостан частично исследован объект, который имеет черты круглоплановых святилищ эпохи энеолита (Потемкина Т.М., 2001).

В 1998 г. научный сотрудник Института геологии Уфимского научного центра РАН к.г.-м.н. В.М. Горожанин при дешифровке аэрофотоснимков 1954 года «структуру в виде 5-угольника? напротив устья р. Миндяк». При сличении данных выяснилось, что выявленный В.М.Горожаниным объект находится на территории открытой в 1965 году Н.А.Мажитовым Ново-Байрамгуловской стоянки эпохи бронзы (АКБ, 1976. С.210).

Памятник расположен на надпойменной террасе левого берега р.Урал, которая ограничивает площадку памятника с севера и с запада. В Урал впадает ручей Бакшай, его долина служит северной и северо-восточной границей площадки памятника. С юга границей служит сухое русло, тянущееся с востока на запад параллельно Бакшаю. С восточной стороны естественных границ памятник не имеет.

Раскопы 1 и 2 общей площадью 180 кв.м показали, что мощность культурного слоя достигает 0,8-1 м. Стратиграфически выделяются два горизонта. Горизонт 1 мощностью 0,6-0,8 м содержит материал эпохи поздней бронзы (алакульская, черкаскульская, межовская культуры). Особенностью его являются обширные золистые прослойки мощностью 0,4-0,5 м с большим количеством бытового мусора – фрагментов керамики и костей животных, большей частью разбитых и обугленных. Горизонт 2, лежащий на материке, имел мощность 0,1-0,2 м и содержал материал, относящийся к эпохе энеолита (суртандинская культура по Г.Н.Матюшину). Оба горизонта содержат большое количество кремневых изделий.

При раскопках выявлены остатки некоего сооружения, представленные: 1) двумя траншеями или рвами; 2) выкидами из них, образующими вал; 3) столбовыми ямами; 4) обработанной каменной глыбой, имеющей

совершенно определенное местоположение. Траншеи шириной до 0,9 и глубиной до 0,7 м тянутся почти в одном и том же направлении СЗ-ЮВ, уходя за пределы раскопов. Планиграфия показывает, что образуемая ими линия дугообразно выгнута к ЮЗ, что может указывать на округлую форму всего сооружения, при этом оно должно иметь значительные размеры (до 80-100 м в диаметре). Между траншеями имеется разрыв длиной 4,15 м. Расположение двух параллельных цепочек столбовых ям строго приурочено к концам траншей – линии ям образуют с каждой из них прямой угол. Сочетание конструктивных элементов – разрыв между траншеями, «аллея» ям, тянущаяся от разрыва, – трудно трактовать иначе, нежели как вход в сооружение. Практически точно посередине разрыва между траншеями обнаружена каменная глыба со следами обработки (подтесывания). Местоположение глыбы, носит, по всей вероятности, не случайный характер.

Чрезвычайно важен вопрос о датировке и культурной принадлежности выявленного сооружения. Нами он на данном этапе решается в пользу энеолита, чему служат следующие аргументы:

1. Стратиграфия. Серый золистый слой, принадлежащий эпохе поздней бронзы, и являющийся по всей вероятности остатками мусорной свалки, везде перекрывает остатки сооружения, как траншеи, так и валы. Формирование этого слоя (функционирование свалки?) началось тогда, когда траншеи были уже затянуты черноземом.

2. Планиграфия находок. Энеолитические находки группируются преимущественно в СВ части раскопов, т.е. внутри сооружения. Планиграфия находок эпохи бронзы не показывает зависимости их от наличия сооружения, в то время как для энеолитических находок такая зависимость налицо.

3. Аналогии. Для эпохи поздней бронзы подобных сооружений на Южном Урале и в регионах территориально близких к нему неизвестно. В энеолитическое время такие сооружения имеются – святилища Савин и Слободчики в Курганской области, Велижаны – в Тюменской.

Таким образом, энеолитическая датировка выявленного сооружения представляется наиболее вероятной. По-видимому, оно может быть включено в число так называемых «круглоплановых астроархеологических объектов» северной Евразии. Несмотря на то, что специальных астроархеологических исследований на выявленном объекте пока не проводилось, очевидно, что его планировочное решение зависело от окружающих ориентиров. Вход в сооружение ориентирован на вершину доминирующей над местностью горы Янтык-Баш, причем, во время работы экспедиции наблюдался заход луны точно за вершину этой горы.

Так как наложение стоянки эпохи бронзы на энеолитическое святилище носит случайный характер, для выявленного сооружения предлагается отдельное наименование – «Бакшай».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

АКБ – Археологическая карта Башкирии. - М., 1976.

Потемкина Т.М. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степной Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии: Сб. статей. - М., 2001. С.166-256.

Н.Г.Рутто

Центр этнологических исследований УНЦ РАН

МОГИЛЬНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ЮГО-ЗАПАДЕ БАШКИРИИ

(Из фондов Центра этнологических исследований. Уфимского научного центра РАН)

Могильник расположен на южной окраине деревни Ишмухаметово (Сынташево) Федоровского района. В 1973 г. Б.Б.Агеевым и Д.К.Исламовым было исследовано 4 кургана (Исламов, 1973. С. 1-3).

Курган 1 имел диаметр 15 м, высоту 1,2 м (рис. 1, 2). На глубине 0,3 - 0,4 м от дерна была обнаружена ограда из камней в виде полукруга. Курган содержал 2 погребения.

Погребение 1 располагалось в центре кургана и имело размеры 2,70 x 1,40 м. Могильная яма ориентирована длинными сторонами по линии СЗ-ЮВ. Во время расчистки по стенкам могилы встречались остатки дерева. В заполнении могилы были обнаружены 6 альчи́ков.

Погребение 2 находилось в 0,6 м к северу от погребения 1 и имело размеры 1,20 x 0,46 м. Могильная яма ориентирована по линии СЗ-ЮВ. В заполнении могилы обнаружены 4 альчи́ка, 2 обломка керамики без орнамента и обломок бронзовой пластинки. На дне могильной ямы находились остатки деревянного сруба.

Курган 2 имел диаметр 14 м, высоту 0,8 м. (рис. 1,4). Западная половина кургана была разрушена жителями деревни во время добычи глины. На глубине 0,2 - 0,4 м от поверхности кургана и на расстоянии 1,8 - 2 м от края кургана по всей сохранившейся окружности была обнаружена каменная кладка - остатки ограды. В центре кургана на материке находилось *погребение*. Могильная яма была ориентирована по линии СВ-ЮЗ и имела размеры 2,40 x 1,40 м (рис.1,3). Вблизи погребения с восточной стороны были обнаружены фрагменты сосуда (рис. 1,5) и череп животного (коровы ?). Во время расчистки могильной ямы были обнаружены остатки деревянного сруба. Кости скелета были разбросаны по дну могилы. В восточном углу могилы находились 7 астрагалов, возле костей ног обнаружены фрагменты сосуда (рис. 1,6). Фрагменты керамики, найденные вблизи погребения и в самом погребении, принадлежат одному сосуду. Сосуд представляет собой чашу серого цвета с утолщенным венчиком, придонная часть не обнаружена. Орнамент из насечек и желобков покрывал верхнюю часть сосуда. Ниже желобков по тулову орнамент состоял из треугольников вершинами вниз, заштрихованная интенсивная примесь слюды.

Курган 3 имел диаметр 15 м, высоту 0,5 м (рис.2,1). В центре кургана было обнаружено *погребение*. Могильная яма размерами 2,60 x 1,80 м была ориентирована по линии СЗ-ЮВ. В засыпке встречались человеческие кости (Иея-амов, 1973 С. 1-3) и обломки сосуда (рис.2,2). Сосуд горшечной формы имел резко отогнутый наружу венчик. Поверхность коричневого цвета с черными пятнами. По венчику нанесен орнамент из насечек в виде зигзага, по шейке проходят 4 ряда желобков, в верхнем желобке ряд косых насечек, в нижнем насечки составляют горизонтальную линию. На тулове орнамент состоит из многорядового зигзага, нанесенного мелкозубым штампом, ниже проходят два ряда насечек, расположенных группами и представляющих горизонтальную елочку. Декор сосуда завершается двух-рядовым зигзагом, нанесенным «слепой» гребенкой. В глиняном тесте примесь раковины.

Курган 4 имел диаметр 18 м и высоту 0,7 м (рис. 2,3). На уровне материка были обнаружены два погребения.

Погребение 1 находилось в центре кургана. Могильная яма размерами 2,40 x 1,5 м ориентирована длинными сторонами по линии СЗ-ЮВ (рис.2,4). В погребении были обнаружены остатки сруба. На дне могильной ямы на уровне материка выявлено скопление каменных плит, между которыми находились фрагменты человеческих костей. *Погребение 2* находилось на расстоянии 3,6 м к ЮЗ от погребения 1. Могильная яма имела размеры 2,2 x 1 м (рис.2,5) и была ориентирована по линии СЗ-ЮВ. В погребении обнаружены остатки сруба, на дне могилы скопление костей человека и фрагменты двух сосудов. В южной стороне могильной ямы прослеживалось зольное пятно.

Сосуд 1 (рис.2,6) горшечной формы, от которого сохранились несколько фрагментов, имел резко отогнутый наружу венчик. Поверхность черного цвета. Орнамент состоял из зигзага по венчику, под которым шел ряд округлых неглубоких вдавлений. Ниже проходили ряды желобков с группами насечек в верхнем и нижнем из них. Под желобками была нанесена волнистая линия. В глиняном тесте незначительная примесь раковины и шамота.

Сосуд 2 (рис. 2,7) горшечной формы имел отогнутый наружу венчик. Поверхность коричневого цвета. Орнамент состоял из многорядовых наклонных оттисков мелкозубого штампа по венчику, рядов из округлых неглубоких вдавлений и желобков. Сохранился фрагмент стенки с орнаментом из многорядового зигзага. Орнамент сильно стерся и нечетко прослеживается. В тесте сосуда примесь раковины.

Наличие каменных оградок в курганах, погребальный обряд, форма, декор, примесь раковины в глиняном тесте сосудов Ишмухаметовских курганов характерны для памятников абашевской культуры Приуралья, Среднего Поволжья (Горбунов, 1989. С.26, Табл. II; Горбунов, Морозов, 1991. С.121; 2000. С.85, рис.43; Кузьмина, 2000. С.108,110) О.В.Кузьмина, анализируя керамику абашевской культуры Поволжья и Южного Приуралья, выделяет сосуды, подобные керамике Ишмухаметовских курганов в поздний этап (Кузьмина, 1999. С. 191-193).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Горбунов В.С. Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье. Куйбышев, 1989.

Горбунов В.С., Морозов Ю.А. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа, 1991.

Горбунов В.С. Тюбьяк: поселение бронзового века на Южном Урале. Уфа, 2000.

Кузьмина О.В. Керамика абашевской культуры // Вопросы археологии Поволжья. Сборник статей. Вып.1. Самара, 1999.

Кузьмина О.В. Абашевская культура в Самарском Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.

ИСТОЧНИКИ

Исламов Д. К. Научный отчет о результатах археологических работ в Федоровском районе БАССР за 1973 год. Архив ЦЭИ УНЦ РАН.

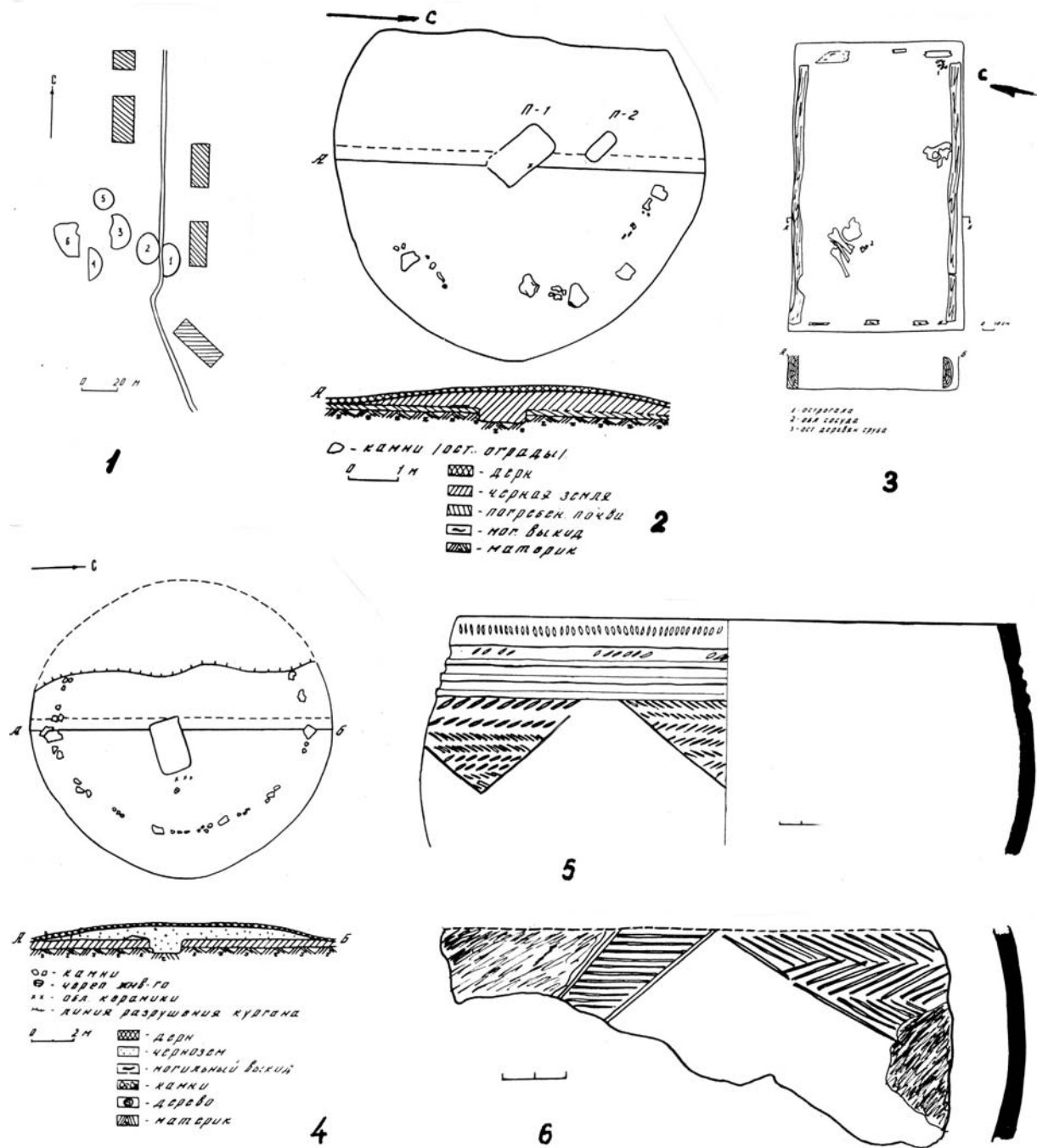

Рис. 1. 1 – план Ишмухаметовских курганов; 2 – план кургана 1; 3 – план погребения 1 кургана 1; 4 – план кургана 2; 5, 6 – сосуды из кургана 2.

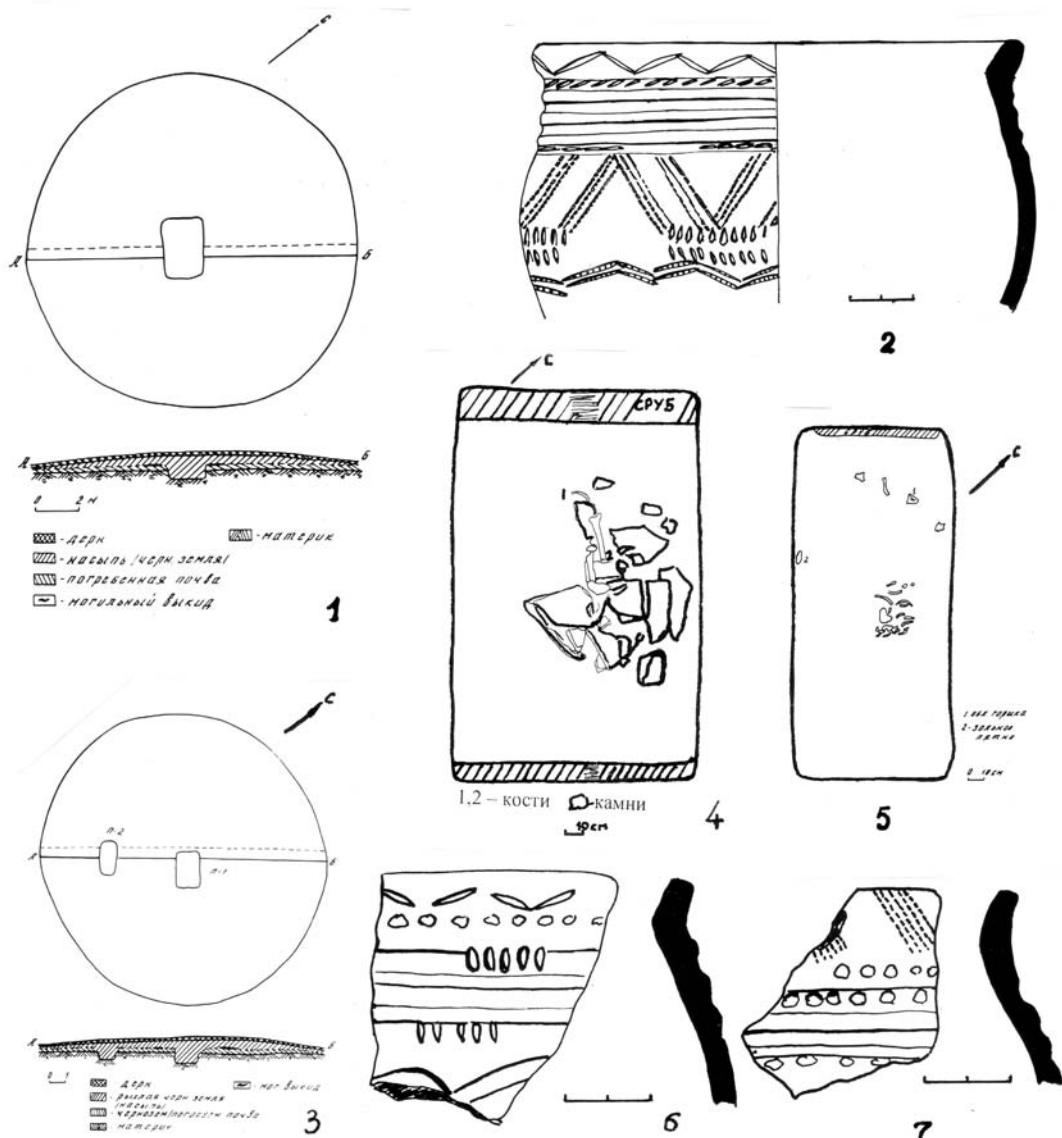

Рис. 2. 1 – план кургана 3; 2 – сосуд из погребения кургана 3; 3 – план кургана 4; 4 – план погребения 1 кургана 4; 5 – план погребения 2 кургана 4; 6, 7 – керамика из погребения 2 кургана 4.

Ю.Б.Сери́ков

*Нижнетагильская государственная
социально-педагогическая академия, Нижний Тагил*

КЛАДЫ КАМЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ

На территории Среднего Зауралья известно восемь кладов каменных изделий, которые датируются от эпохи мезолита до раннего железного века. К мезолиту относятся два клада. Один из них найден автором в 1975 г. на

мезолитическом поселении Выйка II (Красноуральский район Свердловской обл.). Он выглядел в виде скопления диаметром около 15 см, в котором находилось 15 пластин, 19 отщепов и 9 поперечных сколов с нуклеуса. Все изделия находились в вертикальном или почти вертикальном положении и плотно прилегали друг к другу. Изготовлены они из зеленоватой слабокремневой породы. Некоторые из них склеились между собой. Поскольку изделия залегали практически в очаге, все они имеют следы термического воздействия в виде белых пятен. За пределами клада найден только один отщеп из такого же материала. Компактное расположение находок, их плотное и вертикальное залегание и нахождение рядом с очагом позволяет предположить, что данное скопление находок не является кладом в полном смысле слова. По всей видимости, это содержимое мешочка, которое вместе с ним по какой-то причине попало в очаг и впоследствии было в нем захоронено (Сериков, 1988. С. 24).

Второй клад эпохи мезолита найден автором в 2006 г. на окраине г. Нижнего Тагила. Он находился в 320 м от вершины небольшой горы, которую местные жители называют Трехскалка. Находки залегали сразу под дерном своеобразным «гнездом» на глубине 8-18 см. Скопление каменных изделий имело в длину 40 см и в ширину около 10 см. Всего в скоплении найдено 104 изделия: 5 нуклеусов, отбойник, 2 скребка и 96 микропластинок. Один нуклеус имеет очень правильную призматическую форму, изготовлен из качественной красно-зеленой яшмы, два нуклеуса изготовлены из галек чистого горного хрусталя, еще два – являются, по-видимому, частями одного нуклеуса, изготовленного из яшмы кремового цвета. Роль отбойника выполняла маленькая галька молочного кварца весом всего около 30 г. Оба скребка изготовлены на пластинах бурой и красно-зеленой яшмы.

По сырью 96 пластинок происходят минимум от 11 нуклеусов. Первичную корку имеют 28 пластинок (29,2%). 89 пластинок (92,7%) несут на себе следы использования в виде систематической ретуши или ретуши утилизации. Ширина пластинок колеблется от 0,4 до 1,7 см. Преобладают пластинки шириной 0,5-0,7 см – 59 экз. (61,5%). Суммарная длина всех пластинок составляет 152,3 см.

Чрезвычайно интересной особенностью данного комплекса является полное отсутствие в нем отходов обработки нуклеусов и отщепов. Учитывая, что свыше 90% пластинок имеют ретушь утилизации, их все можно отнести к вкладышам составных орудий. Принимая во внимание очень компактное залегание каменных изделий, можно предположить, что в кладах помимо нуклеусов, скребков и отбойника находилось несколько вкладышевых изделий. Если разложить пластинки с учетом их ширины, толщины, а также минерального сырья, то можно предположить, что в кладах находились два вкладышевых кинжала и шесть вкладышевых наконечников. Причины сокрытия клада, также как и его семантика, на настоящее время остаются невыясненными.

К эпохе неолита относится только один клад. Найден он автором в 2003 г. на границе с болотом у северной кромки мыса, на котором расположен

культовый озерный центр Шайтанское озеро I (Кировградский р-н Свердловской обл.). Клад залегал на глубине около 20 см и был накрыт небольшой каменной плиткой размером примерно 30 × 20 см. В состав клада входили нуклеус, шлифованный топорик, нешлифованное тесло и заготовка утюжка. Нуклеус имеет высоту 16,7 см, изготовлен из плитки светло-серой слабоокремнелой породы. Шлифованный топорик имеет треугольную форму, его высота 8,3 см, ширина дугообразного лезвия 5,7 см. Тесло изготовлено путем двусторонней оббивки, его высота 12,7 см, ширина 5,4 см. Оно имеет асимметричный профиль. Утюжок изготовлен из куска талька техникой пикетажа. Длина утюжка 12,5 см, высота 5,2 см, ширина в основании 4,7 см. В отличие от законченных утюжков в нем отсутствует поперечный желобок. Утюжок по всем направлениям имеет округлые очертания, что значительно отличает его от утюжков эпохи энеолита, для которых характерны резко очерченные угловатые формы, полученные обычно при помощи шлифовки. Эти факторы (сырье нуклеуса, а также форма и техника изготовления утюжка) и позволяют отнести клад к эпохе неолита (Сериков, 2004. С. 104).

Клад эпохи энеолита найден С.Н. Паниной на многослойном поселении Палатки II, расположенном в верховьях р. Исети недалеко от Екатеринбурга. В яме подпрямоугольной формы размером 1,6 × 0,6 м и глубиной 16 см от уровня дневной поверхности проживания населения аятской энеолитической культуры залегали 27 массивных заготовок черного сланца. Яма была заполнена углистым слоем и перекрыта прослойкой золы. Автор раскопок считает, что клад был просто забыт после того, как поселок уничтожило пожаром (Панина, 1988. С. 27).

Еще один клад, видимо, этого же времени найден Е.М. Берс на вершине каменных палаток на острове Макуша, расположенном среди болот у пос. Палкино в окрестностях Екатеринбурга (поселение Верхняя Макуша). Под остатками сгоревшего энеолитического жилища (?) было обнаружено три больших камня, которые перекрывали яму с кладом. Сразу под камнями лежала большая плита туфопорфирита со следами абразивного пиления, к ней под небольшим углом была приставлена плитка сланца, а уже под плиткой залегала основная часть клада: шлифованный топор, тесло, скребок и 43 каменных наконечников стрел и дротиков. По мнению Е.М. Берс, орудия были приготовлены для обмена. Датирует она их бронзовым веком (Берс, 1963.С. 43-47). Однако, как справедливо отмечает А.В. Шаманаев, по типам наконечников стрел его можно отнести к эпохе энеолита (Шаманаев, 2000.С. 41).

Также ккладам можно отнести каменные топор и тесло, закопанные в ямку и прикрытые сланцевой плиткой. Клад найден на дне энеолитического жилища поселения Нижняя Макуша, расположенного на нижней площадке острова Макуша (Берс, 1963.С. 42).

Клад каменных пестов был открыт в 1973 г. А.И. Россадович на поселении бронзового века Балакино I (окрестности Нижнего Тагила). Он залегал в пределах квадратного метра на глубинах от 6 до 31 см. Песты (11 экз.) достаточно массивные, имеют вес 2, 5 кг и более. Их длина колеблется

от 21,6 до 35,4 см. Преобладают песты длиной 31-35 см – 9 экз. Почти у всех пестов техникой пикетажа выделена рукоять. Все песты имеют следы разной степени использования в виде забитости, заглаженности или залощенности рабочей поверхности. А.И. Россадович считала, что на этом месте происходило дробление и плавка медной руды, хотя ни остатков руды, ни следов плавки на памятнике не обнаружено.

Клад каменного сырья и заготовок обнаружен А.В.Шаманаевым в 1998 г. на стоянке Шайтанское озеро II (Шаманаев, 1999). Поскольку в то время раскопок данного памятника еще не производились, то все выводы А.В. Шаманаева носят предварительный характер (Шаманаев, 1999; 2000; 2002). Клад был зафиксирован в корнях упавшей березы. При расчистке корней выявлено 102 находки: фрагмент керамики, галька, пластина, отщепы (54 экз.), плитки и сколы с них (45 экз.). Сравнивая материалы клада с комплексом соседнего памятника Шайтанское озеро I, А.В.Шаманаев предположительно относит клад к эпохе энеолита (аятской культуре) (Шаманаев, 1999.С. 22).

Раскопки автора, проведенные в районе клада, позволили пересмотреть предварительные выводы А.В.Шаманаева. Полная расчистка корней березы (с промывкой) позволила обнаружить заготовку рубящего орудия и два куса со сколами и с галечной коркой. Раскоп площадью 20 кв. м, заложенный вокруг упавшей березы, показал наличие культурного слоя, отсутствие которого неоднократно подчеркивал А.В.Шаманаев (Шаманаев, 1999.С.24; 2000. С.43; 2002 С. 197). Всего из раскопа получено 213 находок. Шесть из них (микропластинки и поперечный скол с нуклеуса) относятся к мезолиту, две (пластины) – к неолиту, одна (стенка сосуда аятской культуры) – к энеолиту, пять (венчик и стенки сосудов) – к средневековью, все остальные (199 экз.) – к иткульской культуре раннего железного века. По всей видимости, именно из слоя в клад попала керамика, так как А.В. Шаманаевым кроме корневища был расчищен и участок вокруг выворотня длиной около 2 м и шириной 0,5-0,7 м. Минеральное сырье изделий из клада и раскопа полностью совпадает, это зеленоватый алевротуф. Связь иткульской керамики с каменными изделиями несомненна. В раскопе 2004 г. каменные изделия из алевротуфа сопровождается только керамика иткульской культуры. В раскопе вокруг клада – та же ситуация. Единственный фрагмент энеолитической керамики не может служить основанием для датировки клада эпохой энеолита.

Вряд ли клад залегал в мешке, как предполагает А.В.Шаманаев. План раскопа (а на план заносились все отщепы) не показывает резкого обособления клада среди других находок. Всего в раскопе вокруг клада найдено 4 заготовки, 2 обломка шлифованных рубящих орудий, 74 отщепа, кусок талька и отбойник. На 60 отщепах зафиксирована плиточная корка. Наличие корки, большого количества мелких отщепов (85% имеют размеры до 3 см) и отбойника свидетельствуют о том, что в данном месте происходила первичная обработка (проба качества) минерального сырья. В пользу этого предположения свидетельствует и состав клада. Достаточно

вспомнить, что из 54 отщепов чешуйки и мелкие отщепы составляют 77,8% – 42 экз. Возможно, перед нами место работы мастера, расположенное на периферии памятника. А сам клад можно определить как своеобразный «склад» сырья в месте первичной обработки материала.

Исследование территории вокруг клада, обнаруженного А.В.Шаманаевым, позволило выявить несколько интересных объектов, в том числе еще одно захоронение артефактов, которое можно отнести ккладам. В 3,5 м к востоку от клада был зафиксирован очаг, на котором, по-видимому, происходила плавка меди. Очаг выглядел в виде овального пятна углей и прокала, его размеры $2,8 \times 1,8$ м. Рядом с очагом найдены целый тигель и два сплеска меди. С юго-запада к плавильному очагу примыкала каменная вымостка размером $0,75 \times 0,5$ м. Она перекрывала неглубокую (всего 8 см) яму, в которой находилось 2 венчика и 6 стенок от двух сосудов иткульского типа. Венчики происходят от одного сосуда, но между собой не склеиваются. Там же были 2 заготовки из алевротуфа. К венчику из ямы подклеился венчик, залегавший рядом с плавильным очагом, и венчик, найденный в полуметре от клада. Это свидетельствует о том, что все три объекта связаны между собой во времени и являются частью одного культового комплекса. Можно добавить, что в 30 см к северо-востоку от вымостки отмечено скопление из 118 отщепов, а в 2,5-3 м к западу от клада была найдена подвеска из темно-серой просверленной гальки. Все объекты культового комплекса вытянуты строго с востока на запад. Его протяженность от тигля на востоке и подвески на западе – 10,5-11 м.

Таким образом, уже первичный анализ кладов каменных изделий на территории Среднего Зауралья показывает, что информация о таких специфических комплексах очень скудная. Практически ни один клад не опубликован детально. В литературе присутствует только самые общие сведения о них, которых явно не хватает для построения каких-либо реконструкций семантического характера.

Восемь представленных кладов хронологически представляют все археологические эпохи от мезолита до раннего железного века. Очень часто их интерпретация ограничивается чисто прагматическими понятиями: мешочек с каменными изделиями случайно выпал в костер; заготовки орудий были просто забыты после пожара; орудия были приготовлены для обмена; и т.п. Однако в последнее время стал активно развиваться взгляд на клады как на сакральные объекты, которые являлись частью знаковой системы ценностей древнего времени. Если зауральские клады рассматривать с этой точки зрения, то некоторые из них могут получить очень интересную интерпретацию.

Осваивая новое пространство, человек, прежде всего, устанавливал новые границы, отделяющие освоенный мир от чужого, неосвоенного. В мифопоэтической традиции эта задача решалась по-разному, в том числе освящением ключевых точек нового пространства. Эти точки маркируются помещением в них разнообразных сакральных ценностей или же охранителей границ пространства (Байбурин, 1989. С. 82-86).

Все клады Шайтанского озера вполне соответствуют данному положению. Неолитический клад найден на границе с болотом, т.е. на символической границе между мирами. Клады раннего железного века являлись частью культового комплекса, помещенного на периферии памятника, т.е. на границе освоенного и неосвоенного пространства. Возможно, культовым маркером служил и мезолитический клад на Трехскалке. Клады с острова Макуша и поселения Палатки II вполне можно рассматривать как приношения духам нижнего мира, которые одновременно являлись апотропеями, охраняющими освоенный мир. В пользу этого может свидетельствовать и состав кладов: топоры, тесла, наконечники стрел и дротиков. Апотропеический характер предметов вооружения широко известен в мифологии и этнографии. Именно с помощью сакральных ценностей (в том числе и кладов) устанавливалась символическая (и потому наиболее эффективная) граница между миром людей и миром неконтролируемых обычными средствами силами (Байбурин, 1989. С. 86).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Байбурин А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. - Л., 1989.

Берс Е.М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. - Свердловск, 1963.

Панина С.Н. Палатки II – поселение аятской культуры на р. Исеть // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. - Свердловск, 1988.

Серигов Ю.Б. Выйка II – опорный памятник эпохи мезолита в Среднем Зауралье // СА. 1988. № 1.

Серигов Ю.Б. Культовый памятник нового типа на западном берегу Шайтанского озера // Ученые записки Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Общественные науки. - Нижний Тагил, 2004.

Шаманаев А.В. Клад каменного сырья и заготовок с оз. Шайтанского // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф.Генинга. Ч. 1. Из истории уральской археологии. Духовная культура Урала. Материалы конференции. - Екатеринбург, 1999.

Шаманаев А.В. Клады каменного сырья и изделий: проблемы интерпретации // Документ. Архив. История. Современность: материалы научно-практической конференции, посвященной 30-летию историко-архивной специальности в УрГУ. Ч. 1. - Екатеринбург, 2000.

Шаманаев А.В. Клад каменного сырья с озера Шайтанского (горно-лесная часть Среднего Зауралья) // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. - СПб, 2002.

**РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ
АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
(конец 1940-х – начало 1960-х годов)**

Андроновская культура была выделена в 1923 году С.А.Теплоуховым при работе над хронологической классификацией древностей Минусинского края. Название свое она получила по могильнику близ д. Андроновой, где были обнаружены наиболее яркие комплексы. Уже на начальном этапе изучения С.А.Теплоухов отмечал, что основной ареал этой культуры уходит далеко на запад (1927. С. 85-90).

Когда стало очевидным, что памятники андроновской культуры встречаются на огромной территории, неизбежно встал вопрос о выявлении определенных различий в материале. В 1927 году М.П.Грязнов обозначил основные особенности керамики западных и восточных районов, в частности, он отметил, что для запада характерны сосуды с уступчиком, а для востока – сосуды с плавной профилировкой (Грязнов, 1927. С. 199-202). В 1948 году О.А.Кривцова-Гракова, развивая эти положения, приходит к заключению, что различия посуды носят не столько территориальный, сколько хронологический характер и, что тип плавно профилированных сосудов является более ранним (Кривцова-Гракова, 1948. С. 147-151).

Первая периодизация андроновских древностей была предложена К.В.Сальниковым в 1948 году. Он выделил в андроновской культуре Южного Зауралья три стадии – федоровскую, алакульскую и замараевскую, положив в основу своей периодизации не только данные по керамике, но и по погребальной обрядности (Сальников, 1948. С. 21-26). Подробная характеристика выделенных этапов содержится в его работе «Бронзовый век Южного Зауралья» (Сальников, 1951. С. 94-151).

Характерными чертами федоровского этапа были названы следующие: обряд трупосожжения на стороне; почти полное отсутствие сопроводительного инвентаря, за исключением сосудов; напутственная пища, представленная кусками мяса (преимущественно конины) от определенных частей туши животного (ребра, лопатки, части таза); наличие целых костяков собаки; сооружение погребальной камеры из деревянных плах, бревен, реже камней; земляной курган, иногда обставленный по основанию каменными плитами; одна или две (параллельно расположенные) могилы под одной насыпью; наличие в некоторых погребениях подчетырехугольных блюд; преобладание посуды с плавной профилировкой и богатым геометрическим орнаментом, выполненным мелкозубой гребенкой.

Для алакульского этапа были выделены следующие отличительные особенности: трупоположение на левом, реже на правом боку, скорченно; сопроводительный инвентарь, представленный, в основном, украшениями;

отсутствие подчетырехугольных блюд; размещение сосудов в головах погребенного, реже в ногах или на краю могилы; наличие сосудов, поставленных вверх дном; комплексы из черепов и костей ног овцы и коровы, которые помещаются на краю могилы; присутствие следов огня в некоторых погребениях; надмогильные сооружения в виде земляных курганов или каменных колец, иногда с насыпью; преобладание посуды с уступчиком, резным геометрическим орнаментом и гладкой полосой в нижней части шейки.

Замараевский этап в данном обзоре не рассматривается, так как время его существования выходит за хронологические рамки андроновской культурно-исторической общности.

Хронологическое соотношение федоровского и алакульского этапов было определено К.В.Сальниковым на основании планиграфического распределения керамики на поселении Кипель. В межжилищном пространстве оба типа посуды залегали совместно, а в жилищах преобладала алакульская керамика. Это позволило ему сделать следующий вывод: для периода существования землянок характерны алакульские сосуды, следовательно, алакульская стадия моложе (Сальников, 1957. С. 200, 208). В дальнейшем такая система доказательств была признана далеко не бесспорной (Потемкина, 1985. С. 9).

В 1950-е – начале 1960-х годов схема К.В.Сальникова была воспринята многими исследователями, положение о последовательности федоровского и алакульского этапов не вызывало сомнений. Отличительные признаки этих этапов, выделенные на материалах только одного региона, Южного Зауралья, стали распространяться на всю культуру и рассматриваться как эталонные. По аналогии с Южным Зауральем решались вопросы периодизации в других районах бытования андроновской культуры. То, что не соответствовало эталону, относилось к разряду локальных особенностей. Такой подход представляется вполне обоснованным на этапе первоначального накопления и осмысления материала. Схема К.В.Сальникова помогала увидеть в обилии фактического материала определенные закономерности.

В 1958 году А.М.Оразбаевым была предложена периодизация памятников эпохи бронзы Северного Казахстана (1958. С. 216-294). На основании сходства казахстанских материалов с памятниками Южного Зауралья он выделил три этапа – федоровский, алакульский, замараевский. Однако замараевский этап исследователь рассматривал как самостоятельную культуру. Сравнение памятников каждого этапа проводилось им в двух направлениях. Во-первых, с синхронными памятниками других областей для выделения локальных особенностей северо-казахстанских комплексов. Во-вторых, памятников федоровского и алакульского этапа между собой для выявления хронологических различий. К хронологическим особенностям А.М.Оразбаев относит также различия в форме украшений. Он отмечает, что для федоровского населения были характерны серьги с раструбом, а для алакульского – очковидные подвески, круглые нашивные бляшки с

выдавленным орнаментом, аргиллитовые бусы, подвески из зубов и клыков животных, раковин.

В 1959-1960 годах разрабатывается также периодизация древностей Восточного Казахстана. Первая попытка классификации памятников эпохи бронзы была предпринята А.Г.Максимовой. Ею выделены две хронологические группы: «ранняя эпоха бронзы», синхронная федоровскому этапу андроновской культуры, и «поздняя эпоха бронзы», синхронная карасукской культуре (Максимова, 1959. С. 87). Над данной проблемой в это время работает также С.С.Черников. В 1960 году в монографии «Восточный Казахстан в эпоху бронзы» им предложена другая схема развития. Всю эпоху бронзы Восточного Казахстана он делит на четыре этапа: усть-буконьский, канайский, малокрасноярский, трушниковский. Необходимость новой периодизации он обосновывает тем, что выделенные К.В.Сальниковым этапы содержат указания не только на хронологические, но и на локальные различия. Например, памятники алакульского этапа не охватывают всей территории андроновской культуры, в частности, они отсутствуют на территории Восточного Казахстана. Вместе с тем, С.С.Черников считает, что предложенная им периодизация не отменяет, а лишь уточняет прежнюю применительно к особенностям Восточного Казахстана (Черников, 1960. С. 94).

Первый этап – усть-буконьский - С.С.Черников рассматривает как переходный от культуры энеолитической к андроновской. Следующие два этапа – канайский и малокрасноярский - он синхронизирует, с некоторой долей приближения, с федоровским и алакульским этапами Южного Зауралья. Однако содержание этих этапов существенно отличается от зауральских. Одна часть могильников с федоровской керамикой относится им к канайскому этапу (Канай), а другая – к малокрасноярскому (Малый Койтас, Сарыколь). Последние были отнесены к более позднему времени на том основании, что в их материалах прослеживается некоторое сходство с алакулем. Своеобразие андроновской культуры Восточного Казахстана проявляется, по его мнению, в преобладании на обоих этапах захоронений по способу трупоположения (Черников, 1960. С. 91, 98-104).

Помимо исследований, посвященных отдельным регионам распространения андроновской культуры, в этот период выходят и первые работы обобщающего характера, в основу которых также была положена схема К.В.Сальникова. В 1962 году М.Н.Комарова в статье «Относительная хронология памятников андроновской культуры» не только обобщила данные, полученные по отдельным регионам, но и попыталась проследить некоторые общие закономерности развития андроновской культуры, выявить отличительные черты федоровского и алакульского этапов в керамике, погребальном обряде, инвентаре (Комарова, 1962. С. 50-75). Исключительно важным представляется замечание автора об отсутствии единообразия в погребальном обряде как федоровцев, так и алакульцев в масштабе всей культуры. Она отмечает, что для федоровского обряда на западе характерно трупосождение, а на востоке – трупоположение с устойчивым положением

погребенного: скорченно, на левом боку, головой на ЮЗ. Таким образом, под сомнение был поставлен один из основных постулатов схемы К.В.Сальникова о хронологических различиях в способе захоронения. Признак, безошибочно работавший на материалах Южного Зауралья, оказался непригодным для всей культуры. Различия в погребальном инвентаре, по мнению М.Н.Комаровой, проявляются более определенно. Для федоровцев ею были выделены такие категории украшений как серьги с раструбом, кольца из проволоки с заходящими концами. Для алакульцев – серьги и височные кольца из полой трубочки, браслеты со спиральными навершиями, кольца в 1,5 оборота, очковидные подвески, подвески из клыков животных и раковин. Несомненной заслугой автора следует считать то, что она обратила внимание исследователей на сложность процессов андроновского культурогенеза, на неоднозначность существующих принципов хронологического деления комплексов на федоровские и алакульские. Вместе с тем, ее взгляд на общеандоновские проблемы был изначально предопределен схемой К.В.Сальникова, которой она неукоснительно следовала.

Отличительной чертой как региональных, так и обобщающих исследований 1950-х – начала 1960-х годов является принадлежность их одному концептуальному направлению. Но уже в этот период идет накопление фактов, не укладывающихся в схему К.В.Сальникова, происходит осознание сложностей построения единой и универсальной схемы развития андроновской культурно-исторической общности.

Первые сомнения в правомерности периодизации К.В.Сальникова были высказаны в 1960 году Э.А.Федоровой-Давыдовой (1960. С. 56-59). В ходе раскопок у с. Кумак в курганной группе “Близнецы” она обнаружила погребение (курган 1), содержащее бронзовый нож ранней формы, втульчатое копьё сейминского типа и два сосуда. Один сосуд, с уступом и неорнаментированной полосой на шейке, Э.А.Федорова-Давыдова определила как алакульский, другой, с орнаментированной шейкой и небольшим уступчиком на круглом плече, как федоровский (впоследствии отнесен ею к кожумбердынскому типу). Бронзовые предметы дали основание датировать все погребение XV-XIII вв. до н.э., то есть удревнить алакульский этап. Присутствие в этом погребении федоровской и алакульской керамики позволило говорить о сосуществовании федоровских и алакульских комплексов. Более того, Э.А.Федоровой-Давыдовой была поставлена под сомнение генетическая связь федоровского и алакульского этапов и высказано мнение о возможной принадлежности их отдельным культурам. Впоследствии эта идея получила развитие в других ее работах (Федорова-Давыдова, 1964. С. 84-92; Федорова-Давыдова, Мошкова, 1964. С. 135-141 и др.) Гипотеза о самостоятельности федоровской и алакульской культур оказалась достаточно плодотворной. В дальнейшем все большее число исследователей становились ее сторонниками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Комарова М.Н. Относительная хронология памятников андроновской культуры // Археологический сборник. Л., 1961. Вып. 5.
- Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Труды ГИМ. 1948. Вып. 17.
- Максимова А.Г. Эпоха бронзы Восточного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1959. Т. 7.
- Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Труды ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1958. Т. 5.
- Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М, 1985.
- Сальников К.В. К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья // Первое Уральское археологическое совещание. Молотов, 1948.
- Сальников К.В. Бронзовый век Южного Зауралья // МИА. 1951. № 21.
- Сальников К.В. Кипельское селище // СА. 1957. № 27.
- Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. Л., 1927. Т. III. Вып. 2.
- Федорова-Давыдова Э.А. Андроновское погребение XV-XIII вв. до н.э. (к вопросу о периодизации андроновской культуры) // Труды ГИМ. 1960. Вып. 37.
- Федорова-Давыдова Э.А. К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1964. Вып. 2.
- Федорова-Давыдова Э.А., Мошкова М.Г. Погребения эпохи бронзы Ново-Кумакского могильника // КСИА. 1964. Вып. 101.
- Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. 1960. № 88.

Р.Р.Сулейманов

Институт биологии Уфимского научного центра РАН, Уфа

ПОЧВЕННЫЙ ПОКРОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА «МУРАДЫМОВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ»*

Почвенно-археологические исследования проводились на территории археологического памятника «Мурадымовское поселение», входящего в круг памятников Демско-Уршакского междуречья Южного Приуралья. Поселение расположено на первой надпойменной террасе правого берега р. Уршак и занимает площадь около 6 га. Часть площадки поселения хорошо

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 06-01-84102 а/у

задернована и используется для выгона скота. На занимаемой археологическим памятником территории зафиксировано шесть жилищных впадин. На момент исследований почвенного покрова были изучены две жилищные впадины.

Целью исследований явилось изучение культурных отложений поселения, выделение слагающих их культурных слоев, определения их количества и мощности, а также характеристика погребенной под ними почвы.

Среди шести жилищных впадин, входящих в состав археологического памятника «Мурадымовское поселение» наибольшей площадью отличается первая впадина на территории которой и был заложен почвенный разрез. Большие размеры впадины вероятно свидетельствуют о большем количестве проживавших здесь людей и более длительном времени ее функционирования. Анализ численности остеологического материала также показывает, что жилище, расположенное в пределах первой жилищной впадины, в отличие от жилища второй впадины, было разделено на две части – жилую и хозяйственную, при наличии только жилой части у жилища второй впадины. Вероятно, поэтому наибольшее количество культурных слоев было обнаружено на южной стенке жилища первой впадины, где также была отмечена наиболее хорошо сохранившаяся морфологически выраженная погребенная почва. В связи, с чем приводится описание разреза, заложенного именно на южной стенке.

Разрез № 1М. Растительность – разнотравно-злаковая, пастбище.

Почва на культурном слое:

- Ад 0-3 см - дернина;
- А1, 3-20 см - черный, влажноватый, легкий суглинок, комковато-порошистый, слабо уплотнен, блески SiO_2 , густо переплетен корнями растений. Переход ровный, очень четкий по цвету;
- В, 20-34 см - светлый, палевый, сизовато-сероватый, влажноватый, средний суглинок, неоднородный по гранулометрическому составу, комковато-порошистый, уплотнен, белесая присыпка карбонатов, корни, фрагменты костей животных от 2-3 см до 10-15 см. Переход неровный с затеками и языками;

Слой 1, 34-46 см - светлый, палево-серый, влажноватый, легкий суглинок, бесструктурный, рассыпчатый в виде золы, мягкие комочки и прожилки карбонатов типа рваного мицелия длиной 0,3-0,6 см, фрагменты костей различной раздробленности, местами ожелезненные. Переход неровный, волнистый;

Слой 2, 46-90 см - более светлый, белесоватый, сухой, супесчаный, бесструктурный, рассыпчатый в виде золы, карбонатная белоглазка. Включения костей животных, местами ожелезненных и фрагментов керамики. Переход ровный и ясный по цвету;

Слой 3, 90-118 см - светло-бурый с коричневатым оттенком, сухой, супесчаный, непрочный, мелкоореховато-зольный, карбонаты более крупные. Включения костей животных много ожелезненных и фрагментов керамики. Переход четкий;

Под культурным слоем находится погребенная лугово-черноземная почва:

- [A] пог, 118-146 см - черный, влажноватый, тяжелый суглинок, крупно-призматический, столбчатый при высыхании, присыпка карбонатов, бурые точечные пятна Fe-Mn. Переход постепенный;

- АВ пог, 146-153 см - темный, рыжевато-бурый с гумусовыми затеками, влажный, тяжелый суглинок, мелко-призматический, столбчатый, местами охристые пятна. Переход постепенный;

- В пог, 153-158 см - серовато-бурый, влажный, тяжелый суглинок, уплотнен, мелко-средне призматический, легкая лакировка по граням структурных отдельностей, охристые примазки. Переход постепенный;

- С, 158-166 см - желто-рыжая глина с охристыми примазками и линзами оглеенного зеленовато-серого песка, влажный, бесструктурный.

Вскипание от 10 %-ной соляной кислоты обнаружено с поверхности и до дна разреза.

Как видно из приведенного описания разреза 1М – мощность слоя, перекрывающего палеопочву, составляет 118 см. Культурные отложения состоят из морфологически выраженных слоев, которые характеризуются резкой дифференциацией по цвету, структуре, гранулометрическому составу и характеру включений. Два нижних слоя 2 и 3 содержат самое большое количество включений ожелезненных костей животных разной степени раздробленности от очень мелких (1-2 см) до довольно крупных (10-15 см) и фрагментов керамики. Эти горизонты также отличаются супесчаным гранулометрическим составом, отсутствием структуры, пониженной реакцией среды (рН 7,9) и состоят в основном из золы. В верхних слоях (горизонт В и слой 1) отмечается утяжеление гранулометрического состава: легкие и средние суглинки как бы перемешаны с золой. Возможно, зольные горизонты были преднамеренно засыпаны суглинком для предотвращения развеивания и размыва золы с целью утепления и закрепления обсыпки стенок жилища.

Верхняя часть культурного слоя (20 см) переработана процессом современного почвообразования, в результате чего сформировался легкосуглинистый горизонт А1 черного цвета с комковато-порошистой структурой с четкой и ровной нижней границей.

Под культурными отложениями отмечается хорошо сохранившаяся погребенная почва, вероятно существовавшая на момент образования поселения. Гумусовый горизонт, мощностью 28 см, погребенной почвы по морфологическим признакам (черный цвет, тяжелосуглинистый гранулометрический состав, крупно-призматическая структура) хорошо отделяется от нижнего слоя 3 культурных отложений. У переходного горизонта АВ пог. в окраске начинают преобладать ржаво-бурые тона, структура становится мелко-призматической, местами появляются охристые пятна. Он постепенно переходит в серовато-бурый горизонт В, характеризующийся непрочной мелко-средне призматической структурой с легкой лакировкой по граням структурных отдельностей, отмечаются

охристые примазки. Почвообразующая порода представлена желто-рыжими отложениями пермского возраста с линзами оглеенного зеленовато-серого песка.

Известно, что для культурных слоев характерно повышенное содержание фосфатов (Станюкович, 1997. С. 19-421; Сычева, 1994. С. 28-33). В профиле культурных отложений величина содержания общего фосфора колеблется в пределах примерно от 0,3 до 0,6%. Следует отметить, в почвах Башкортостана существует тесная корреляционная связь между содержанием органического вещества и валовым фосфором ($r = 0,64-0,92$) (Кольцова, Хазиев, Габбасова, 2001), а у культурных отложений эта закономерность не проявляется ($r = -0,11$ при $p = 0,87$) и изменение содержания валового фосфора в сторону его увеличения, в первую очередь, обусловлено проживанием и хозяйственной деятельностью древнего человека. Следует отметить, что в профиле погребенной почвы коэффициент корреляции между приведенными величинами несколько ниже, чем у почв Башкортостана ($r = 0,42$, при $p = 0,58$), что вероятно обусловлено привносом фосфора из культурных слоев.

В профиле погребенной почвы подвижный калий обнаруживается только в следовых количествах за исключением горизонта [A]. В культурных слоях его распределение носит волнообразный характер с максимальным содержанием в горизонте A1 (17,5 мг/100 г почвы). Наличие подвижного калия в культурных отложениях вероятно больше обусловлено составом слагающих их материала.

Рыхлое сложение, достаточно высокое содержание питательных и зольных элементов, высокая ферментативная активность в материале, слагающем культурные слои, способствуют интенсивному развитию дерново-лугового процесса, что в конечном итоге выражается в высоком содержании гумуса достигающем примерно 19% в горизонте A1 (3-20 см), в нижележащих слоях его значения снижаются и колеблются в пределах 5,7-1,8%, что объясняется с одной стороны результатом хозяйственной деятельности древнего человека, а с другой – вовлечением их в первичные почвообразовательные процессы. В погребенной почве содержанием общего гумуса в горизонте [A] составляет 5,8% и постепенно снижается к низу профиля.

Культурные отложения и погребенная под ними почва характеризуются щелочной реакцией среды (рН Н₂О 7,9-8,5). По данным водной вытяжки, в частности по величине плотного остатка можно судить об общей сильной засоленности культурных отложений. Содержание водорастворимых солей варьирует по горизонтам и слоям и максимальное их количество достигающим 2,16% отмечается в слое 1 на глубине 34-46 см. Вероятно на содержание солей и характер их распределения оказал влияние характер жизнедеятельности древнего человека и протекающие почвообразовательные процессы. Погребенная почва также значительно засолена с максимальным содержанием солей в гумусовом горизонте

(1,23%). Химический состав солей, как культурных отложений, так и погребенной почвы идентичен – сульфатно-магниевый кальциевый.

Почва на культурных отложениях вскипает с поверхности. Содержание карбонатов в горизонте А1 достигает 8,96% и волнообразно увеличивается внизу достигая своего максимума в культурном слое 3 (15,75%). Новообразования карбонатов представлены в виде присыпки и рваного мицелия в верхней части (горизонт В и слой 1) и в виде белоглазки в нижней (слой 2 и 3). Вероятно после перекрытия древней почвы, она явилась своеобразным водоупором для вод, циркулирующих в культурных отложениях. В связи с чем, периодическое переувлажнение нижних культурных слоев и привело к сегрегации карбонатов.

В непосредственно самой погребенной почве содержание карбонатов увеличивается к низу профиля достигая своего максимума 24,15% в горизонте С при 4,76% в гумусовом.

Таким образом, проведенные исследования на территории археологического памятника «Мурадымовское поселение» относящегося к срубной культурно-исторической общности бронзового века показали, что образование поселения древнего человека произошло в условиях первой надпойменной террасе правого берега р. Уршак на лугово-черноземовидной почве. Жизнедеятельность древнего человека привела к формированию культурных отложений, состоящих из морфологически выраженных слоев, которые по сравнению с генетическими горизонтами погребенной под ними почвой, помимо наличия археологических находок, отличаются более светлой окраской, легким гранулометрическим составом, отсутствием структуры, преобладающим содержанием общего фосфора, азота, гумуса и подвижного калия.

Вовлеченность культурных отложений в почвообразовательные процессы на фоне результатов жизнедеятельности древнего человека также выразилась в их засолении (тип засоления - сульфатно-магниевый кальциевый) до очень сильного уровня и окарбоначивании (новообразования карбонатов представлены в виде присыпки, рваного мицелия и в виде белоглазки).

Поскольку археологические объекты являются ценнейшими памятниками истории человечества и природы и в этом качестве требуют специального изучения и охраны (Иванов, 1992), то считаем целесообразным, предложить включить археологический памятник «Мурадымовское поселение» в Красную книгу почв Республики Башкортостан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Иванов И.В. Эволюция почв степной зоны в голоцене. М.: Наука, 1992. 144 с.

Кольцова Г.А., Хазиев Ф.Х., Габбасова И.М. Фосфатное состояние почв Башкортостана. Уфа, Гилем. 2001. 213 с.

Станюкович А.К. Основные методы полевой археологической геофизики // Естественно-научные методы в полевой археологии. Выпуск 1. Москва. Институт археологии РАН. 1997. С. 19-42.

Сычева С.А. Почвенно-геоморфологические аспекты формирования культурного слоя древний поселений // Почвоведение. 1994. № 3. С. 28-33.

А.П.Уманский¹, Ю.Ф.Кирюшин², С.П.Грушин²

¹Барнаульский государственный педагогический университет, Барнаул

²Алтайский государственный университет, Барнаул

МОГИЛЬНИК АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ КЫТМАНОВО (ВЕРХНЕЕ ПРИОБЬЕ)*

Кытмановский могильник андроновской эпохи наряду с другими некрополями периода развитой бронзы, такими как Чекановский Лог-I (Демин, Ситников, 1998; 2005), Фирсово-XIV (Шамшин, 1992; 1993), Рублево-VIII (Кирюшин, Папин и др., 2004), Нижняя Суетка (Уманский, 1993) является одним из самых крупных по числу исследованных погребений могильников андроновской эпохи в лесостепном и степном Алтае. На его территории насчитывалось не менее 80 древних захоронений. К сожалению, часть из них была разрушена в ходе хозяйственного освоения мыса, на котором расположен памятник. Около 60 погребений было в аварийном порядке исследовано кемеровским и алтайскими краеведческими музеями.

Могильник исследовался в 1961-1962 гг. В.И.Кацем, в 1962-1963 гг. А.П.Уманским. Материалы, полученные в ходе этих раскопок, до сих пор не были введены в научный оборот в силу различных, объективных и субъективных причин. Нам удалось собрать информацию лишь о 35 исследованных объектах.

Памятник находится на верхней террасе левого берега реки Чумыш, примерно в одном километре к юго-востоку от райцентра Кытманово. Заводские постройки кирпичного завода располагаются у основания большого мыса, широким языком выступающего в надпойменную террасу реки. Планиграфически погребальные сооружения размещены небольшими группами. Такое пространственное размещение погребений не исключает сооружения в древности курганных насыпей. Характерной особенностью погребального обряда населения оставившего могильник Кытманово является ингумация (труположение): зафиксировано лишь одно (№15) трупосожжение. При этом сожжение трупа совершено вне могилы, а обломки жженных костей, угли и зола были засыпаны в могильную яму. Две трети могил не содержали следов какой-либо внутренней конструкции. В 12

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект №05-01-01183а, тема «Алтай в системе Евразийской металлургической провинции бронзового века»

погребениях были обнаружены остатки деревянных обкладок из бревен или полубревен по периметру дна. В некоторых погребениях обкладки были дополнены деревянными же перекрытиями. Над подавляющим большинством могил не сохранилось никаких следов-надгробий, надмогильных холмиков, оградок. Только в двух случаях были обнаружены следы деревянных оградок вокруг могил №3 и 5.

Пять скелетов определены как мужские и девять как женские. Скелет из могилы №9 принадлежит пожилой женщине, мужские костяки из могил №19 и 22 и женской из могил №2 и 15 – зрелым людям; все остальные – взрослым молодым субъектам. Из 35 учтенных нами могил 27 являются индивидуальными захоронениями, семь парными и одна – погребением 3-х человек. В подавляющем большинстве могил покойники были положены в скорченном положении с более или менее сильно подогнутыми ногами и согнутыми в локтях руками, на левый бок (74%). На правый бок положено 23% умерших. Обращает на себя внимание сильная степень скорченности скелетов в некоторых захоронениях, создается впечатление, что в них умершие были связаны перед погребением. Чаще всего скелеты ориентированы черепами на ЮЗ (41%) и ЮЗЗ (36%). В западный сектор головой было похоронено 14% умерших, в южный – 6%. В могиле №10 костяк был ориентирован черепом на СЗ (3%).

Погребальный инвентарь могильника представлен в основном двумя категориями вещей – глиняными сосудами и украшениями. Количество сосудов в могиле зависело от числа погребенных в могиле: в большинстве индивидуальных захоронений находилось по одному сосуду, в парных могилах – по два, а в могиле №20 – три. В некоторых могилах сосудов вообще не оказалось. Сосуды в могилах обычно ставили за головами покойников и перед лицевой частью черепа.

Украшения и отдельные детали принадлежностей одежды составляют самую большую группу металлического инвентаря памятников андроновской культуры. Кытмановский могильник не является исключением. Значительная часть его погребального инвентаря приходится именно на предметы украшения. Вещи и отдельные их детали изготовлены из бронзы, из бронзы, покрытой золотой фольгой, из золота. В могилах обнаружены предметы из пасты, раковин и камня. **Бронзовые предметы** украшения представлены следующими категориями: браслеты со спиралевидными окончаниями; «ножевидные» привески; серьги с раструбом; кольцевые серьги; нашивные бляшки; прямоугольная обойма с отверстием в центре; бусины. В могильнике было найдено и собрано относительно большое количество (около 115 экз.) **золотых предметов** украшения. Большинство из них изготовлено из золотой фольги на бронзовой основе. Это нашивные пластинки в форме трапеции или равнобедренного треугольника, украшенные пятью выпуклостями в виде крупных «жемчужен»; «рубчатые» пронизи; «лапчатые» привески; кольцевые серьги или подвески; серьги с раструбом; желобчатые подвески в полтора оборота; обоймы рубчатые.

В категорию украшений можно также включить шесть створок раковины *corbicula fluminalis*, наличие отверстия в них, а также расположение предметов в верхней части грудной клетки скелета в могиле №1 свидетельствуют, что они составляли ожерелье. В некоторых могилах обнаружены пастовые бусины и небольшие обломки пластинок. Семь «пронизок» белой пасты в виде «спекшихся» 2–5 бусин обнаружены в могиле №1. Аналогичная «пронизка» из 5 бусин длиной 1,3 см найдена в могиле №30.

Керамическая коллекция с могильника Кытманово состоит из 49 археологически целых сосудов. Два изделия относятся к эпохе поздней бронзы, остальные – к андроновской культуре. По форме андроновскую серию керамики можно разбить на две группы. Первая – сосуды баночной формы. Вторая группа керамики – сосуды горшковидной формы. Их особенность – наличие выраженной горловины. В рамках выделенных групп сосуды значительно варьируют по своим пропорциям и основным показателям. Выделенные группы по форме коррелируют с особенностями орнаментации. Для баночных сосудов в целом характерно более простое композиционное построение орнамента, вплоть до полного его отсутствия. Чаще всего сосуды этой группы украшались по тулову 4-7 параллельными горизонтальными зигзагами, которые выполнялись гребенчатым и гладким орудиями. Фиксируются следы от короткого гладкого орнаментира, которые можно трактовать и как ряды вертикальной «елочки», но чаще встречаются отпечатки орудия с длинным гладким лезвием. Между зигзагами и верхним краем венчика сосудов в нескольких случаях украшался ямочными вдавлениями, отпечатками гладкого штампа, каннелюрами.

Большая часть баночных сосудов орнаментирована рядами горизонтальной, вертикальной или диагональной «елочки». Такие орнаментальные мотивы выполнялись гребенчатым и гладким орудием. Отпечатки занимали всю стенку сосуда или его верхние две трети. Придонная часть чаще не орнаментировалась. Отмечены случаи, когда данная зона украшалась гладкой «качалкой», ямочными или гребенчатыми вдавлениями. В орнаментации второй группы керамики – горшковидные сосуды можно выделить подгруппу изделий украшенных орнаментальными мотивами характерных для группы баночных сосудов, описанных выше. Эту керамику можно условно назвать переходной между первой и второй групп. Основная часть горшковидной посуды отличается хорошей профилировкой и «богатой» орнаментальной композицией построения орнамента. Для нее характерно сочетание различных геометрических мотивов – треугольников, меандров, зигзагов, фестонов. Большинство сосудов имеют каннелюры, отмечено наличие так называемого «коврового» орнамента. На некоторых сосудах четко фиксируется трехчастная зональность.

Основная часть погребений Кытмановского могильника относится к андроновской культуре. Аргументами в пользу этого утверждения служат, особенности погребального обряда и инвентаря. В.И.Матющенко (1999. С. 88) датирует андроновскую эпоху в Южной Сибири в целом XV-XIII вв. до

н.э. В.И.Молодин (1985. С. 116) определяет время андроновской культуры в рамках XIII-IX вв. до н.э. Ю.Ф.Кирюшин и А.Б.Шамшин относит андроновские древности в предгорном и лесостепном Алтае к XV—XII вв. до н.э. (1992. С. 210). Получение радиоуглеродных дат по андроновским комплексам Верхнего Приобья позволило поставить вопрос об удревнении времени появления андроновского населения на данной территории до XVI вв. до н.э. (Кирюшин, Тишкин, Грушин, 2000. С. 26). Однако эта позиция требует дополнительных аргументов и большей серии радиоуглеродных дат. В целом могильник Кытманово можно датировать в хронологических рамках существования андроновского населения на территории Верхнего Приобья (третья четверть II тыс. до н.э.).

На памятнике Кытманово кроме комплексов андроновской культуры, выявлено одно захоронение позднего бронзового века – могила №17. Об этом свидетельствует погребальный инвентарь – бронзовые бляшки, обоймы, серьга, а главное керамика. Один из сосудов, обнаруженных в могиле, типично ирменский, другой относиться, по мнению А.В.Матвеева, к раннему, быстровскому этапу ирменской культуры (1993. С. 106). Время сооружения могилы №17 следует отнести к XII-IX вв. до н.э.

С территории могильника происходят несколько предметов, относящихся к эпохе неолита: каменные топоры, нуклеус, отщеп, каменный рыболовный стерженек, фрагменты керамики и раннего железного века (фрагмент керамики).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Демин М.А., Ситников С.М. Археологические исследования на правом берегу Гилевского водохранилища // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. - Барнаул, 1998.

Демин М.А., Ситников С.М. Новые материалы андроновской культуры из Целинного района // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. -Барнаул, 2005.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В. Позднякова О.А., Шамшин А.Б. Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. - Барнаул, 2004.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Памятники энеолита, ранней и развитой бронзы на территории Павловского района // Павловский район: Очерки истории и культуры. - Барнаул; Павловск, 2000.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Итоги археологического изучения памятников энеолита и бронзового века лесостепного и степного Алтая // Алтайский сборник. Вып. XV.- Барнаул, 1992.

Матвеев А.В. Ирменская культура в Лесостепном Приобье. - Новосибирск, 1993.

Матющенко В.И. Древняя история Сибири. - Омск, 1999.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. - Новосибирск, 1985.

Уманский А.П. Раскопки в Нижней Суетке в 1964 году // Краеведческие записки Алтайского краевого музея. Вып. 3. - Барнаул, 1999.

Шамшин А.Б. Богатое андроновское погребение на могильнике Фирсово-XIV // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтайского края. - Горно-Алтайск, 1992.

Шамшин А.Б. Памятники бронзового века Фирсовского археологического микрорайона (лесостепное Алтайское Приобье) // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993.

А.Н.Усачук, Ю.А.Африканов
Донецк

К ВОПРОСУ О ЩИТКОВЫХ ПСАЛИЯХ ИЗ ДЕРЕВА

Сырьевая база производства щитковых псалиев практически одинакова во всех регионах распространения этих изделий. Подавляющее большинство древнейших псалиев изготовлено из рога лося (*Alces alces*) или, во всяком случае, из рога оленьих (*Cervidae*). Иногда мастерами использовалось и иное сырье: бивень мамонта (Айдабуль, Казангулово?), слоновая кость (Микены, Каковатос), верхние эпифизы плюсны быка (Баланбаш, Каменка?) или крупного копытного (Софьино), тазовая кость (?) крупного копытного (Отрожка). Из неорганического сырья изредка использовалась бронза и, скорее всего в ритуальных целях, глина (Микены).

Разумеется, во всех регионах щитковые псалии делались и из дерева, что отмечалось рядом исследователей (Зданович, 1985. С.118; 1986. С.65; Пряхин, Матвеев, 1988. С.126; Пряхин, Беседин, 1998. С.26; Усачук, 1998а. С.32; 1998б. С.72; Пыслару, 2000. С.333; Матвеев, 2005. С.11). Как правило, говорить об использовании дерева для изготовления псалиев приходилось с известной долей осторожности, опираясь на находки роговых (костяных) шипов в сочетании с роговыми (костяными) втулками центрального отверстия щитка (Селезни-2, Богоявленское, Большая Плавица). Находка же в погребениях только шипов (Сторожевка, Власовский, Введенка) оставляет вопрос о материале щитков открытым, тем более что зафиксирован факт намеренного помещения в качестве погребального инвентаря только шипов от пары щитковых псалиев (Плясоватский курган) (Синюк и др., 2004. С.170).

В связи с проблемой обнаружения деревянных щитковых псалиев обратимся к новым материалам, полученным при раскопках одиночного кургана возле с.Ново-Яблоновка (Хвалынский р-н, Саратовская обл.). Работы осуществлялись летом 2006 г. отрядом ГУК «НПЦ по историко-культурному наследию области» (руководитель раскопок Ю.А.Африканов).

При расчистке дна п.1 было зафиксировано скопление роговых (?) шипов (6 экз.) и втулок (2 экз.). Проведен трасологический анализ находок.

Сохранность втулок и шипов плохая. На одном из торцов обеих втулок (рис.1,1,11) зафиксирован орнамент в виде диагональных коротких линий, прорезанных-процарапанных металлическим острием. Целая втулка (рис.1,1) имеет участок значительной сработанности (рис.1,2А). Фрагментированная втулка (рис.1,11) несет следы легкой залощенности на внешней стороне (рис.1,10А).

Как правило, в изготовлении шипов щитковых псалиев довольно четко просматривается индивидуальный почерк мастера (Усачук, 1998б. С.76; 2005. С.185). В таком случае, к набору вставных шипов одного псалия относится четыре шипа (рис.1,3,4,6,7), вырезанные в единой манере. На шипах зафиксированы мелкие многочисленные следы аккуратной резки по периметру (металлическое? лезвие). Орнамент на широких торцах процарапан металлическим острием. На одном шипе с крестообразной композицией (рис.1,3) линии орнамента нанесены довольно уверенно, а точка в центре прорезана острием на конус. На втором подобном шипе (рис.1,4) – точка в центре композиции более глубокая (давление на острие лезвия было больше), а линии процарапаны старательно, но неаккуратно: много стыков и ошибка в резке нижнего луча (рис.1,5). Узкие сохранившиеся торцы шипов (рис.1,3,7) слегка завальцованы.

Оба шипа от второго щиткового псалия (рис.1,8,9) довольно сильно отличаются от первых четырех шипов, но близки по изготовлению друг другу. На шипах сохранились следы продольной подрезки металлическим лезвием. Широкие торцы шипов специально подлощены. Поперечный штифт в теле шипа (рис.1,9) выструган слегка на конус (обломан с обеих сторон). Оба шипа залощены.

Скопление шипов и втулок находилось на пятне древесного тлена красно-коричневого цвета с более-менее скругленными углами и размерами приблизительно 10,5x7 см и толщиной до 0,2 см. В середине пятна выделялся участок наложения фрагментов древесного тлена на такой же тлен. Толщина пятна здесь немного увеличивается. Очевидно, на дне погребения удалось зафиксировать остатки деревянных щитков двух псалиев со вставными шипами и втулками-усилителями центральных отверстий в щитках. Была проведена фотофиксация и попытка графической реконструкции новояблоновской пары псалиев (рис.1,12) (втулки и шипы намеренно представлены на реконструкции без поломок). Зафиксировано, что втулка одного псалия (рис.1,1) лежала орнаментированным торцом ко дну ямы. Таким образом, по крайней мере один псалий был положен шипами (внутренней стороной) вверх. Наложение участков древесного тлена произошло, скорее всего, из-за частичного укладывания одного псалия на другой. К сожалению, состояние древесного тлена не позволило зафиксировать центральные отверстия щитков. Фрагменты втулок, а также шипы, скорее всего, немного сдвинуты при гниении изделий. Положение шипов не дает ответа на вопрос – как они располагались в щитках пары псалиев. Судя по форме пятна тлена, новояблоновские псалии были безпланочные, что очевидно, характерно для деревянных щитков (Усачук,

1998 а. С.32). Форма щитков восстанавливается приблизительно (подпрямоугольная или сегментовидная). Размеры щитков: 6,3х5,2-5,5 см (верхний псалий), 7,1-7,2х6,4 см (нижний псалий) (рис.1,12). Толщина щитка псалия с набором из четырех шипов (рис.1,3,4,6,7) должна была быть не менее 0,6-0,7 см. Наличие штифта в одном из шипов от другого псалия (рис.1,9) подразумевает изготовление втулки вокруг отверстия для шипа. Толщина щитка со втулкой должна была быть не менее (а скорее всего, немного более) 1 см. Количество шипов одного новояблоновского псалия – 4 экз. (рис.1,3,4,6,7). Другой псалий должен был иметь не менее трех шипов (ср. Усачук, 2001-2002).

Небольшая завальцованность всех шипов и фрагментированной втулки (рис.1,11) говорит о том, что псалии, пусть и не очень продолжительное время, но использовались. Более значительно сработана вторая втулка (рис.1,1). Участок сильной завальцованности и заполировки (рис.1,2А) можно сопоставить с подобными следами сработанности центрального отверстия многих щитковых псалиев (группа следов I) (Усачук, 1998 б. С.77). Очевидно, новояблоновские комбинированные псалии (деревянный щиток и костяные/роговые шипы и втулки) были рабочими экземплярами, причем шипы и втулки могли заменяться в разное время по мере сработанности.

К сожалению, единичный пока случай находки возможно деревянных щитков древнейших псалиев не позволяет ответить на ряд вопросов: о наличии и количестве маленьких отверстий на невыделенных планках, о наличии или отсутствии боковых отверстий в щитках, об орнаментации и/или окраске щитков, о сорте древесины и точных размерах изделий. Однако, сам факт сочетания шипов и втулок с пятном древесного тлена на дне п.1 Ново-Яблоновского кургана позволяет не просто ограничиться более-менее возможной реконструкцией (рис.1,12), а с определенной долей оптимизма ожидать в дальнейшем подобных находок при безусловно повышенном внимании при расчистке к каждому случаю скопления шипов и втулок от щитковых псалиев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Зданович Г.Б., 1985. Щитковые псалии Среднего Приишимья// Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск. – С.110-119.

Зданович Г.Б., 1986. Щитковые псалии из Среднего Приишимья// КСИА. № 185. – С.60-65.

Матвеев Ю.П., 2005. О векторе распространения “колесничных” культур эпохи бронзы// РА. № 3. – С.5-15.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1998. Конская узда периода средней бронзы в восточноевропейской лесостепи и степи// РА. № 3. – С.22-35.

Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. Воронеж. – 208 с.

Пыслару И., 2000. Индоевропейцы, конь и узда в эпоху бронзы// Stratum plus. № 2. СПб, Кишинев, Одесса, Бухарест. – С.322-345.

Синюк А.Т., Березуцкий В.Д., Зацепин А.А., 2004. Плясоватские курганы// Археологические памятники бассейна Дона. Воронеж. – С.162-177.

Усачук А.Н., 1998а. Костяные изделия кургана 1 могильника Селезни-2 (трасологический анализ)// А.Д.Пряхин, Н.Б.Моисеев, В.И.Беседин. Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры. Воронеж. – С.31-39.

Усачук А.Н., 1998б. Трасологический анализ щитковых псалиев из погребений лесостепного Подонья// Археология восточноевропейской лесостепи. Вып.11: Доно-донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж. – С.72-81.

Усачук А.Н., 2001-2002. О шипах на щитковых псалиях// Stratum plus. № 2. СПб, Кишинев, Одесса, Бухарест. – С.515-525.

Усачук А.Н., 2005б. Каменноамбарские псалии (трасологический анализ)// А.В.Епимахов. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). – Кн.1. Челябинск. – С.179-189.

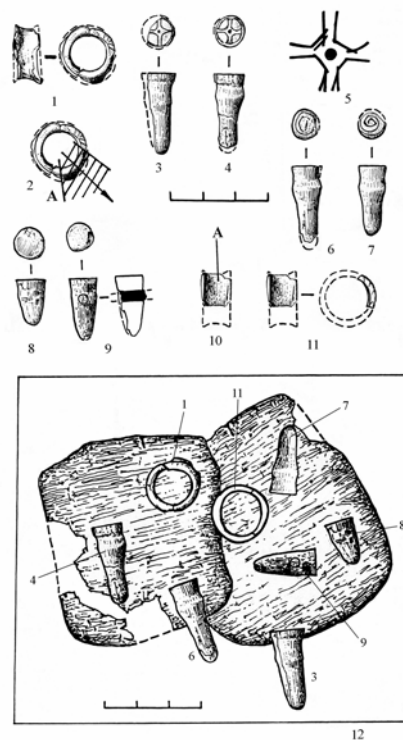

Рис.1. Ново-Яблоновка, одиночный курган, п.1.

- 1 – втулка центрального отверстия щитка псалия;
- 2 – следы сработанности на втулке;
- 3,4,6,7 – набор шипов от одного псалия;
- 5 – схема деталей орнамента торца шипа;
- 8,9 – набор шипов от другого псалия;
- 10 – следы сработанности на втулке;
- 11 – фр-т втулки центрального отверстия щитка псалия;
- 12 – реконструкция положения пары псалиев с деревянными щитками на дне ямы п.1 (втулки и шипы показаны без утраченных частей; номера вставных деталей псалиев соответствуют нумерации рисунков находок).

ФОРМИРОВАНИЕ УРАЛОЙДНОГО АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПЛАСТА И ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ ЕГО КОМПОНЕНТОВ В РАСОГЕНЕЗЕ ДРЕВНИХ НАРОДОВ ПРИУРАЛЬЯ И ПОВОЛЖЬЯ

Термины уральская раса или уральский антропологический тип укоренился в современной антропологии применительно к некоторым народам, населяющим в основном области Зауралья и Приуралья, относящимся к финно-угорской языковой семье и имеющим в своем облике промежуточные европеоидно-монголоидные черты.

Относительно происхождения этих черт существуют разные гипотезы, среди которых две фундаментальные. Одна из них признает раннее оформление монголоидного антропологического комплекса, проникновение его с востока в северные области Европы как минимум с эпохи неолита, разноуровневые контакты с местным протоевропеоидным населением, определившие в итоге мозаичное распределение различных европеоидно-монголоидных вариантов. По другой гипотезе (Бунак, 1924, 1956), вероятно еще с палеолита, существовал промежуточный «околоуральский» расовый центр, особая северно-евразийская антропологическая формация. В физическом типе людей этой формации изначально присутствовала комбинация черт, одна доля которых условно походила на европеоидные, а другая на монголоидные. Этот специфический мозаичный комплекс в дальнейшем жестко укрепился в наследственности. Вторая гипотеза не отрицает более поздних взаимопроникновений сложившихся в расовом отношении монголоидов и европеоидов на территории северо-востока Европы и Западной Сибири, их влияния на коренное население, обусловившее физическое разнообразие народов этой части Евразии, безусловно, и современных.

Подтверждение или опровержение данных гипотез в прямой зависимости от фактических материалов, а именно палеоантропологических, соответственно, и в их объективной интерпретации. Главная и первая сложность в том, что палеоантропология оперирует преимущественно скелетным материалом и лишена реконструктивных возможностей таких важных в расовом анализе физических маркеров, как пигментация кожи, волос, глаз, форма волос и т.д. То есть черт, которые играют существенную роль при отнесении популяций к той или иной расе, в том числе уральской.

Тем не менее, в палеоантропологии, а именно на краниологическом материале разработана собственная система оценок расовых черт, в том числе промежуточных форм. Черепа с мозаичным распределением европеоидно-монголоидных черт широко известны для территорий северо-востока Европы и Западной Сибири эпох неолита-бронзы, времени, когда черты основных больших рас отчетливо сложились.

При решении этногенетических задач анализ палеоантропологического источника занимает порой ведущую роль. В этом вопросе, однако, существуют свои «подводные камни». Для древних эпох, к сожалению, не всегда удается отчетливо увязать конкретные погребения с той или иной археологической культурой. Не всегда бывает достаточно надежных культурных реперов. Особенно досадно в случаях нахождения таких погребений на территориях многослойных археологических поселений.

Следует обозначить палеоантропологические находки, происходящие с территорий прилегающих к Уралу и их интерпретацию. Пожалуй, среди самых ранних погребений, датирующихся, как будто, переходным временем от палеолита к мезолиту (Кузнецова, Ластовский, Сташенков, Хохлов, 2003) можно назвать таковые с горы Маяк (Самарская область). Достаточно хорошо сохранившийся череп одного из взрослых погребенных продемонстрировал сочетание черт: долихокrania, узкий лоб, умеренно профилированный лицевой отдел на верхнем уровне и резко на нижнем, небольшие носовые косточки. По комплексу черт этот череп сочетает в себе европеоидные и «условно монголоидные» черты. В принципе, такая комбинация черт не противоречит гипотезе о формировании с древних времен протоуралоидного антропологического типа.

К неолитической эпохе, достаточно широко растянутой во времени для лесной и отчасти лесостепной зон Евразии, относится ряд находок. Антропологи их оценивают по-разному, но все отмечают наличие в подавляющем большинстве случаев промежуточных европеоидно-монголоидных черт, используют собственные наименования комплексам. Нередко при этом в рамках, словами Г.Ф.Дебеца (Дебеч, 1948), урало-лапоноидной группы.

Озвучены такие специфические названия, как лапоноидный тип (Бадер, 1936, Герасимов, 1955; Акимова, 1968 и др.) «череп лесного неолита» (Герасимова, 1986), восточно-европейский/уральский тип (Гохман, 1986), древнеуральский тип/раса или уралоиды (Хохлов, 1996а, 1998), протоуралоиды (Яблонский, 1998) и другие. Таким образом, не двусмысленно говорить об отнесении таких находок к раннему и самостоятельному антропологическому пласту, на основе которого в дальнейшем сформируются современные варианты уральской расы.

Для ясности изложения возьму на себя смелость системной интерпретации данных находок. Широко распространенные названия лапоноидный и уральский тип, вероятно, следовало бы применять для современных и близких к современности групп. Для эпох камня и раннего металла антропологические совокупности северо-востока Европы и Зауралья, как следует, не всегда полностью соответствовали современному лапоноидному типу или уральской расе. Собственно, это невозможно выявить только на краниологическом материале. На мой взгляд, к древнему источнику, если работать в русле названных категорий, логично применять не менее известные и употребляемые в антропологии со времени В.В.Бунака (Bunak, 1932) термины сублапоноидный и субуральский антропологический

тип, комплексное соотношение которых, правда, в основном для современного населения, было освещено еще В.П.Алексеевым (1969).

Древний сублапоноидный антропологический тип - характеризуется мезо-брахикранией, средним или низковатым сводом, чаще прямым лбом, относительно низким и уплощенным на обоих уровнях лицевым отделом. Морфологически довольно вариативен по вектору гипоморфия-гиперморфия. Сублапоноидные грацильные черепа - находки Урала (Шигирские торфяники) и Прикамья (Ново-Мордово, Пустая Морквашка). Сублапоноидные мезоморфные (Гундоровка) и умеренно гиперморфные в лесостепном Поволжье (Лебяжинка V, п.12, Хлопков Бугор).

Древний субуральский (древнеуральский) антропологический тип - характеризуется мезо-долихокранией, средневысоким или высоким сводом, чаще узким лбом, умеренной профилировкой лицевого отдела на верхнем уровне и резкой на нижнем, в целом мезоморфией. Ареал такого комплекса имеет более фиксированные границы - в основном лесостепное Урало-Поволжье (Чекалино IVa, Лебяжинка IV, Лебяжинка V, п.9, Съезжее I, Меллятамак).

На основании обозначенных антропологических вариантов можно системно, в русле исторического контекста, высказать ряд позиций о сложении физического типа носителей ряда древних культур Приуралья и Поволжья, их распространении и участии, таким образом, в этногенетических процессах. При этом всегда следует учитывать, что антропологический тип обладает определенной долей вариативности морфологических черт, а также существование в разные периоды истории различных биотических и абиотических факторов, влияющих на динамику физического разнообразия населения, перекомбинацию некоторых морфологических параметров.

Субуральский/древнеуральский физический комплекс достаточно отчетливо проявляется в ряде неолитических групп, к примеру, оставивших меллятамакские могильники в Прикамье (п.1,6,12,14,20), а также относящихся к неолитическим культурам: гребенчатой керамики (Чекалино IVa), елшанской (Лебяжинка IV).

Субуральский и, видимо, умеренно сублапоноидный гиперморфный типы приняли участие в сложении физического типа населения с раннеэнеолитическими мариупольскими культурными традициями, а именно тех групп, которые оставили памятники в лесостепном Заволжье (Съезжее I, (п.2), Лебяжинка V, п.12).

Значительная доля обоих физических комплексов представлена в материалах энеолитических могильников хвалынской культуры (Хвалынский II, Хлопков Бугор). На примере данных памятников можно говорить, что распространение древнеуральских и в целом северно-европейских форм охватило также лесостепные области Поволжья, протянувшиеся широким клином к югу в степную зону, в частности по правобережью Волги. Следует заметить, что население хвалынской культуры в целом складывалось на основе контактов разных антропологических компонентов (европеоидных и

уралоидных), носители которых, судя по физическим особенностям и географии их первоначального формирования, говорили на совершенно противоположных языках.

Череп сублапоноидного и субуральского типов составляют антропологическую основу в материалах последующего по времени энеолита: мог.Гундоровка (лесостепное Заволжье), Мурзиха II (Прикамье, гаринско-борская к-ра), отчасти волосовской культуры.

По материалам эпохи бронзы Приуралья и Поволжья северные по происхождению краниологические комплексы фиксируются, но неравномерно. Это обусловлено, в первую очередь, активизацией степного и лесостепного населения – носителей классических европеоидных черт, периодически и последовательно проникающих в Поволжье и Приуралье с южных и западных территорий. Так, в краниологических материалах раннего этапа ямной культуры доля уралоидности практически не фиксируется. Однако, позднее, на ямно-полтавкинском этапе, она несколько повышается. Это относится к лесостепным группам Заволжья и степным Южного Урала. Прослеживается определенная доля физического комплекса, свойственная для коренного приуральского населения, также и среди носителей абашевской культуры (мог.Пепкинский, Чуракаевский).

Резкий всплеск активности в целом уралоидного компонента, а именно участия его в этногенезе лесостепных и степных групп населения фиксируется по материалам синташтинско-потаповского круга культур. В основном черепа уралоидного комплекса доминируют среди женского состава, что и определяет основной механизм сложения таких групп населения. В целом население, оставившее эти памятники, обладает высокой степенью физического полиморфизма – присутствуют разные европеоидные и уралоидные варианты. Если для первых еще можно привести аналогии среди конкретного населения, в основном степных культур, то для вторых это несколько проблематично. Ряд лесостепных и лесных культур Западного и Восточного Приуралья, лесостепного Поволжья не представлено палеоантропологическим материалом. В данном случае интерес вызывают, как будто нео-энеолитические, но по абсолютному времени на самом деле не столь отдаленные материалы Шигирских торфяников Урала и с поселения Ботай Зауралья. Они не равноценны друг другу. Первые являются представителями сублапоноидного в основном грацильного варианта, вторые, на мой взгляд (Хохлов, 2000), особой матуризованной формой зауральских уралоидов, вероятно с европеоидной примесью. На антропологических материалах, относящихся к потаповскому культурному типу Волго-Уралья, фиксируются находки близкие ботайским. Следует сказать, что носители абашевской культуры, достигшие территорий Урала и укоренившиеся там, в физическом плане скорее были уже не те, что их прямые западные предшественники. Их физический тип, вероятно, претерпел некоторые трансформации в сторону усиления доли уралоидности (Хохлов, 1996б). Не исключено, что в таком контексте мысли, некоторые уралоидные черепа в материалах синташтинско-потаповских памятников, на самом деле

принадлежали людям приуральской абашевской культуры, или еще каким-то урало-поволжским народам.

По материалам последующего времени, а именно покровским в Волго-Уралье, петровским Южного Урала влияние уралоидного компонента еще весома. В некоторых случаях он проявляется на находках, видимо, метисного происхождения, в других случаях в более или менее чистом виде.

Нужно особо подчеркнуть, что в отдельных памятниках переходного времени от средней к поздней бронзе появляются весьма специфические краниологические комплексы (Буланово/Оренбургская обл., Грачевка II/Самарская обл.), для которых, как будто, напрашивается слово «монголоидность». Интерпретация этих находок требует осторожности и времени.

Антропологические материалы поздней бронзы, в частности срубной и алакульской культур, представляют преимущественно европеоидное население. Это объясняется скорее притоком новых в целом южных групп населения. Однако и здесь, в Поволжье и Приуралье во многих краниологических сериях этого времени можно обнаружить так называемые уралоидные черепа или с уралоидной примесью.

В период финальной бронзы и переходное время к РЖВ антропологические материалы с территорий Волго-Уралья единичны, чтобы объективно говорить о местных расогенетических процессах. Эта временная историческая передышка, как будто, знаменует собой окончание живых и ярких этногенетических процессов в регионе в период энеолит-бронза. Затем, с постепенным нарастанием, в Приуралье и Поволжье возобновляются и активизируются контакты населений, но уже нового этнического содержания. На мой взгляд, такие контакты, в частности между носителями уралоидных и европеоидных черт, приобрели значительную силу в прохоровское время, при формировании приуральской группы ранних сармат.

Для ранних исторических эпох, на мой взгляд, можно отметить три узловых периода активности во взаимодействии носителей уралоидных и европеоидных антропологических комплексов: энеолит – формирование в Поволжье хвалынской культуры; средняя бронза – появление синташтинско-потаповского круга культур; РЖВ – сложение прохоровских традиций на Южном Урале.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья.- М., 1968.
Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы. - М. 1969.
Бунак В.В. Антропологический тип черемис // РАЖ Т.13. Вып.3-4. 1924.
Бунак В.В. Человеческие расы и пути их образования // СЭ. №1. 1956.
Кузнецова Л.В., Ластовский А.А., Сташенков Д.А., Хохлов А.А. Комплекс памятников каменного века на горе Маяк в Самарском Заволжье (предварительные результаты исследования) // РА, 2003

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР// ТИЭ, НС, т.4. М-Л. 1948.

Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу. ТИЭ, НС, т. XXVIII. - М. 1955.

Герасимова М.М. Еще раз о древней монголоидности у населения Восточной Европы // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М. 1986

Гохман И.И. Антропологические особенности древнего населения севера европейской части СССР и пути их формирования // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. – Л., 1986.

Хохлов А.А. Новые краниологические материалы эпохи неолита с территории лесостепного Поволжья в связи с проблемой происхождения уральской расы. // Вестник антропологии. Вып.1. - М., 1996.

Хохлов А.А. Об абашевском антропологическом компоненте в могильниках западных районов синташтинско-потаповской культурной общности // Урало-Поволжская студенческая конференция. Тез. докл. –Уфа, 1996.

Хохлов А.А. Палеоантропология пограничья лесостепи и степи Волго-Уралья в эпохи неолита-бронзы // Автореф. дис... канд. ист. наук. - М. 1998.

Хохлов А.А. Палеоантропология эпохи бронзы Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара. 1998.

Яблонский Л.Т. Ареал «протоуралоидов» (к постановке вопросов) // Тезисы 1-ой Международной Конференции «Раса: Миф или Реальность». - М. 1998

Bunak V. Neue Material zur Aussonderung antropologischer Typen unter der Bevolkerung Osteuropas. Zeitschrift fur Morfologie und Antropologie, Bd. XXX, N.3. 1932.

СЕКЦИЯ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА И ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

И.М.Акбулатов

Бирская государственная социально-педагогическая академия, Бирск

К ВОПРОСУ О РУССКОЙ ДЕНЕЖНО-ВЕСОВОЙ СИСТЕМЕ ЭПОХИ «РУССКОЙ ПРАВДЫ»

Со времени открытия «Русской Правды» исследователей не одно столетие занимал вопрос о том, что представляли собой упомянутые в ней денежные единицы: гривна, ногата, куна и векша/веверица. Только в конце XIX века было окончательно определено соотношение между ними (гривна = 20 ногатам = 25 кунам = 50 резанам) (Мрочек-Дроздовский, 1881).

В середине XX века В.Л.Яниным создана гипотетическая модель денежно-весовой системы русского средневековья (1956), которая сегодня является общепризнанной, «хрестоматийной» (Мельникова и др., 2000. С. 32) и, казалось бы, окончательно похоронила «меховую» теорию древнерусских денег. Несколько иной подход к этой проблематике наметился в последние годы в работах А.В.Назаренко (1994; 1996; 2001 и др.), но и его гипотеза строится на «монетарной» основе. Поэтому принципиально не отличается от предположений В.Л.Янина, так как оба автора изначально полагают, что все деньги «Русской Правды» были металлическими. Поэтому здесь рассматривается только концепция В.Л.Янина. Ее критика позволяет по иному взглянуть на проблему о деньгах «Русской Правды» и предложить компромиссное решение, полагая, что истина всегда находится, где-то посередине.

Начнем с банальностей. Как известно, всякая гипотеза, если у нее нет альтернатив, со временем превращается в теорию – аксиому, не требующую доказательств. Кроме того, любое предположение, говоря техническим языком, имеет некоторые «допуски» и чем их больше, тем слабее конструкция.

Теория В.Л.Янина построена с учетом ряда «допусков», поэтому шаткость конструкции отмечалась и ранее (Монгайт, 1959. С. 175-179; Назаренко, 1994. С. 32; 1996. С. 12-20).

«Допуск» первый – все денежные единицы, упомянутые в «Русской Правде» являются металлическими. Здесь В.Л.Янин на веру принял утверждение А.В.Орешникова (1936. С. 23). Логика проста: раз на Руси была начата чеканка монет, значит «меховые» деньги были заменены металлическими и возврата быть не может.

«Допуск» второй – в основу древнерусской денежно-весовой системы был положен вес римского денария и русский счет на 20, 40, 80. Следовательно, в соответствии с традиционным славянским гривна весила 68,22 г. Вместе с тем, В.Л.Янин допускает, что более древняя гривна была равна не 20, а 40 денарием и весила 136,44 г. Но между полновесным

римским денарием (3,41 г), последний раз чеканенным в период правления Нерона (II в. н.э.) и «Русской правдой», даже если ее прототипы уходят в IX-X вв., пропасть длиною в 7-8 веков.

«Допуск» третий - в IX в. на Русь поступают дирхемы, весившие 2,73 г и относившиеся к гривне в 68,22 г, как 25:1 (а как же русский традиционный счет на 20, 40, 80?). Такой дирхем, по мнению В.Л.Янина, получил название куна. В начале X в. в обращение начинают поступать и более тяжелые монеты (3,41 г), 20 штук которых равнялись по весу гривне (68,22 г). Их, по мнению исследователя, стали на Руси называть ногатами. Когда начинается «кризис восточного серебра» и монеты начинают принимать не на счет, а на вес, появляется новая денежная единица, равная половине куны – резана весом 1,36 г.

Сама же денежная система, зафиксированная Краткой редакцией Русской Правды, принимает, в соответствии с концепцией В.Л.Янина, следующий вид: гривна (68,22 г) = 20 ногатам (3,41 г) = 25 кунам (2,73 г) = 50 резанам (1,36 г).

Однако, науке неизвестно ни одного факта, свидетельствующего о существовании гривны в 68,22 г, вес которой определен В.Л.Яниным на основании сравнительного анализа Русской Правды и договора 911 г. Руси с Византией.

В договоре Руси с Византией 911 г. говорится: «Аще ли ударить мечем или бьеть кацем любо сосудом, за то ударение или бьенье да вдаст литр 5 сребра по закону Русскому» (Памятники..., 1952. С. 7). В законе русском – Русской Правде – за аналогичное преступление был установлен штраф в 12 гривен (Правда, 1940. С. 13). Поскольку вес византийской литры, равной римской либре, составляет 327,456 г, то вес древнерусской гривны определяется в 136,44 г. Но это всего лишь размер штрафа за аналогичные преступления из двух разных по характеру и значению документов. В одном случае речь идет об урегулировании споров на международном уровне, а в другом – в собственной стране. Поэтому из этих двух источников еще не вытекает точное соотношение между византийской литрой и древнерусской гривной. И самое главное до сих пор не найдено ни одного слитка серебра, вес которого был бы близок к расчетному – 136,44 г. Отсутствуют как исторические реалии и мелкие денежные единицы – монеты, находящиеся в пропорциональном отношении с этим весом. Поэтому В.Л.Янин и устанавливает вес древнерусской гривны в 68,22 г (136,44:2), подгоняя ее к обращавшимся тогда в Восточной Европе куфическим дирхемам, и, применив методику подбора подходящих монет, находящихся в известном (по Русской Правде) соотношении к гривне, нашел (!) ногату, куну и резану среди арабских дирхемов. Впрочем, сделать это было не сложно. Значительная величина территории Арабского халифата, а также длительность периода чеканки дирхемов обусловили наличие множества разновидностей монет, отличающихся между собой и по весу и пробе металла. Например, первые дирхемы, выпуск которых был начат в конце VII в., весили 3,9 г. Средний же вес большинства дирхемов X в. составлял около

3 г. Вместе с тем встречаются очень большие по величине экземпляры, например дирхемы Тохаристана диаметром 38-45 мм и весом более 11 г. Монеты Бувейхидов весят, как правило, 4-6 г, но известен экземпляр, который весит 13,63 г (Зварич, 1980. С. 63-64; Фенглер и др., 1982. С. 81).

Выпадают из концепции денежной системы В. Л. Янина и первые русские монеты – златники и сребреники. Вес златников (4,0-4,4 г) соответствует весовой норме византийских солидов. Весовая норма серебряных монет колеблется в пределах 2,9-3,3 г (Леонтьева, 2000. С. 124-129), то есть больше куны (2,73 г), но меньше ногаты (3,41 г).

Итак, главные «нестыковки» концепции В. Л. Янина: во-первых, наличие «мифической» гривны весом 68,22 г, выведенной из двух разных по характеру и значению документов, подогнанной под весовой стандарт дирхемов, которые были русскими «ногатами» и «кунами», и не представленной до сих пор ни среди археологических материалов, ни среди случайных находок. Науке известны только гривны киевские, вес которых составлял около 160 г, а также черниговские и новгородские весом около 200 г. Во-вторых, в весовые значения ногаты (3,41 г) и куны (2,73 г), не вписываются первые русские серебряные монеты со средним весом 3,1 г. В-третьих, данная гипотеза не дает четкого объяснения, почему куна в течение века подешевела вдвое и превратилась фактически в резану.

По данным Ибн Руста (X в.) у болгар: «одна куница [идет] за два дирхема с половиной» (Заходер, 1967. С. 34). Скорее всего, здесь речь идет о товарной шкурке куницы. Да и кому из купцов нужны были шкурки, использовавшиеся в качестве денег и «на которых – по словам ал-Гарнати, – нет шерсти, когда из них нельзя извлечь никакой пользы и они абсолютно ни для чего не пригодны» (Цит.: Монгайт, 1959. С. 176).

Если предположить, что ногата была равна 2,5 дирхемам, то в древнерусской гривне было 50 дирхемов, а сама гривна весила около 150 г. Это весьма близко по весу к киевской гривне (около 160 г). Тогда древнерусская денежная система имела следующий вид: 1 гривна (160 г) = 20 ногатам (2,5 дирхема) = 25 кунам (2 дирхема) = 50 резанам (1 дирхем).

Поскольку тезис о том, что все деньги Русской Правды – монеты, не является истинным, то вновь обратимся к этимологии денежных единиц Русской правды. Что касается *куны*, то само название говорит о ее происхождении от меховой денежной единицы – куницы. В Русской Правде и других древнеславянских письменных памятниках это слово употребляется с числовым значением или без него, в значении «куньи меха» или «деньги», но нигде не говорится, что они были металлическими.

По довольно приблизительной языковой аналогии, общепринято, что название древнерусской денежной единицы *ногата* происходит от арабского слова *накада* – сортировать деньги, отбирать хорошие экземпляры; *нагд* – полноценная отборная монета в отличие от монеты меньшей стоимости. Но насколько широки и постоянны были непосредственные контакты славян с арабскими купцами, чтобы куфический дирхем в Древней Руси стали называть *ногатой*?

Этимология *ногаты*, как и *куны*, на наш взгляд, скорее связана с русскими словами, обозначающими меха и меховые деньги. Скорее всего, *кунами* называли мех куницы, долгое время находившийся в обращении, истрепавшийся, потерявший вид, а *ногатами* тот же куний мех, но еще сохранивший свой товарный вид, с лапами («ногатый»), а, следовательно, более дорогой. Он являлся своего рода твердой валютой, использовавшейся не только в качестве денег, но и как товар на внутреннем и внешнем рынках. В отличие от ногаты куна – это мех, использовавшийся исключительно в качестве денег, имевших кредитный характер. Поэтому куна изначально ценилась ниже и в дальнейшем падала в цене, заняв в XIII в. место резаны. Обычная история денег, имевших кредитный характер. Поэтому существование «меховых» денег в русском денежном обращении средневековья – это отнюдь не шаг назад к товаро-деньгам, а скорее наоборот, поскольку куна, как и бумажные деньги в Китае, имела кредитный характер.

Что касается *резаны*, то общепринято, что название этой денежной единицы происходит от глагола «резать». Это очевидно так, но, что резать? Принято считать, что дирхемы, но их тонкие кружки, скорее всего, просто ломали, а резали надписи на монетах! Здесь достаточно вспомнить, что руны тоже резали. Скорее всего, *резана* – это просто монета на старославянском. Это и «сребреник», и куфический дирхем.

Название *гривны*, как многие считают, происходит от украшения из золота или серебра в виде обруча, которое носили на шее (на «загривке») (Мрочек-Дроздовский, 1881. С. 53; Орешников, 1936. С. 20 и др.). Но логичнее все же объяснение от слова *грива*, т.е. буквально конской гривы, как единицы скота. Отсюда одно из названий рубля – целковый (цолка, челка). Судя по Русской Правде и другим письменным источникам, слово *скот* у славян имело второе значение – имущество, богатство, деньги, а слово *скотница* – казнохранилище. Так, например, в Лаврентьевской летописи 1018 г. говорится «начаша скот собирати отъ мужа по 4 куны, а отъ старость по 10 гривень» (Цит.: Орешников, 1936. С. 17).

В дальнейшем слово *гривна* приобрело новое значение – стало соответствовать определенному количеству (весу) ценного металла, равному стоимости одной «гривы» (лошади). Кстати, в Русской правде стоимость обычной лошади была около гривны – 60 резан (Крат. редакция ст. 28; Простр. редакция ст. 45; Сокр. редакция ст. 13).

Поскольку скот, наряду с медом, скорой (мехами) и рабами, был одним из важнейших товаров в торговле с Византией, то нет ничего удивительного в том, что вес гривны восходит к византийской литре, равной римской либре – 327,456 г, и был, очевидно, равен 163,728 г.

Таким образом, древнерусская денежная система начала XI в. на наш взгляд, выглядела следующим образом:

1 гривна (163,728 г) = 20 ногатам = 25 кунам = 50 резанам
1 ногата (куний мех «ногатый», товарный) = 1,25 куны = 2,5 дирхемам
= 8,19 г серебра

1 куна (куний мех, бывший в обращении) = 2 дирхемам = 6,55 г серебра
1 резана («сребреник») = 1 дирхему = 3,28 г серебра

Златники, соответственно, чеканились из расчета 36 монет из одной гривны золота (4,55 x 36 = 163,8 г). Что касается самой мелкой денежной единицы – веверицы или векши, то это была, безусловно, шкурка белки. Очевидно, ее стоимость была как-то привязана к части резаны («сребреника», дирхема). В древнерусскихкладах часто находят фрагменты дирхемов (1/2, 1/4 и др.).

Таким образом, проведенный критический анализ различных групп источников позволил представить и обосновать иное понимание денежной системы Древней Руси начала XI века. В этой системе гривна получает реальное воплощение в виде киевских денежных слитков, изготовленных по весовой норме 163,728 г¹, ногата и куна выступают меховыми денежными единицами, а резана – монетой («сребреник», дирхем). Свое законное место находят в ней и древнерусские серебряные и золотые монеты. При этом, судя по «меховым» ногате и куне, денежная система, зафиксированная в Русской правде, сформировалась значительно раньше, чем на славянских землях появились арабские дирхемы. Корни ее, очевидно, уходят в глубокое прошлое, когда сложилось соотношение стоимости лошади и меха куницы, ставших основным выражением богатства и мерилем благосостояния восточных славян.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе / Т. II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М., 1967.

Зварич В. В. Нумизматический словарь. Львов, 1980.

Мельникова А. С., Узденников В. В., Шиканова И. С. Деньги России: История русского денежного хозяйства с древнейших времен до 1917 года. М., 2000.

Монгайт А. Л. Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли 1150-1153 гг. // История СССР, 1959, №1.

Мрочек-Дроздовский П. Н.,. Опыт исследования источников по вопросу о деньгах Русской правды. М., 1881.

Назаренко А. В. Русь и Германия в IX-X вв. // ДГ 1991. М.,1994.

Назаренко А. В. Происхождение древнерусского денежного счета // ДГ 1994. М.,1996.

Назаренко А. В. Скандинавская марка и древнерусская гривна серебра // ТГИМ, 125. М.,2001.

Памятники права Киевского государства X-XII вв. М., 1952.

Правда Русская. М.-Л., 1940.

Орешников А. В. Денежные знаки домонгольской Руси // ТГИМ, 6. М.,1936.

Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата. М., 1982.

¹ Что касается новгородской и черниговской гривен, то их вес связан с западноевропейскими стандартами.

Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956.

А.М.Белавин

Пермский государственный педагогический университет, Пермь

О «МЕДОВОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ» В ПАЛЕОЭКОНОМИКЕ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

Мед и иная продукция пчеловодства известны человечеству с глубокой древности. На протяжении тысячелетий мед оставался одним из немногих или вообще единственным источником сладости. Мед и продукция из него широко использовалась в кулинарии, медицине, народной косметологии. Воск использовался как лечебно-профилактическое средство, основа для косметических средств, как необходимый материал для ювелиров-бронзолитейщиков, еще многие столетия назад разработавших сложный способ литья по восковой модели, позволявший создавать единичные шедевры ювелирного искусства. Мед издавна входил во многие лечебно-профилактические средства. Так, в труде хорошо известного в мусульманском мире ученого из Волжской Болгарии Таджадина Болгари «Ат-тирйак ал-кабир» («Большое противоядие»), сочиненном им в 1220-1121 гг. описывается состав универсального лечебно-профилактического средства восточной медицины тирйака: мед, вино, лепешечки из андрухруна, мясо гадюки, морская капуста. Мед составлял основу этого самого популярного в мусульманском мире в средние века лекарства, которое излечивало от депрессии, болезни почек, аритмии, эпилепсии, несварения желудка, потери голоса, желтухи, кашля, вздутия живота и пр. (Давлетшин 2004. С.328).

Еще в период финно-угорского языкового единства, т.е. задолго до нашей эры, в финских и угорских языках возникли такие слова как «дуб», «липа», «вяз». Произрастание дуба и липы на широких пространствах от Оби до Кольского полуострова в раннем голоцене увеличивается. На севере ареал дуба достигает Кольского полуострова, устья Северной Двины и верховий Печоры. В среднем голоцене границы ареала дуба по сравнению с предыдущим периодом почти не изменились, лишь увеличилось число находок пыльцы в пределах прежнего ареала. В позднем голоцене (железный век) число находок пыльцы дуба сокращается, но границы ареала в целом не меняются. Однако, как и для всего комплекса широколиственных деревьев и кустарников в целом для дуба и липы в позднем голоцене (500-2500 лет назад) характерно ослабление ценологических позиций как на севере, так и на юге лесной зоны. Сравнение ареала дуба в позднем голоцене с современным показывает смещение северной и восточной границ ареала к югу и западу примерно к периоду 500 лет назад. Отсутствует в 1 тыс. н.э. дуб в Карелии и

Архангельской области. Оценка количественного участия деревьев в споропыльцевых спектрах демонстрирует сокращение доли темнохвойных видов на юге и увеличение на севере, по сравнению со средним голоценом (Хотинский, 1977). Эти изменения свидетельствуют о начале процесса трансформации ареалов темнохвойных и широколиственных видов, который завершился оформлением зон тайги и широколиственных лесов во второй половине II тыс. н.э.

Однако в I тыс. до н.э. – начале II тыс. н.э. Пермское Предуралье входило в зону распространения смешанных хвойно-мелкошироколиственных лесов (Смирнова и др., 2001. С. 144-159), где наряду с липой мелколистной, вязом и дубом, реже ильмом, кленом и орешником присутствовала сосна, в меньшей степени ель, спорадически встречалась кедровая сосна (на востоке региона).

Наличие широколиственных растений, особенно дуба и липы, благоприятствует распространению здесь пчел, которые живут, как известно, в симбиозе с этими растениями (Стоколос, 2000. С.11). Этим, по мысли известного венгерского ученого П.Хайду (Хайду, 1985. С.166), можно объяснить заимствование финно-уграми Урала слов «пчела», «мед» и ряда других слов из раннеиранского языка, и сохранение этих терминов в языке как финнов, так и угров.

К I тыс. н.э. Пермское Предуралье входило в зону расселения угорских народов, ареал расселения которых охватывал практически весь Уральский регион: к западу от Урала в бассейне Печеры, на Камском право- и левобережье, в бассейне рек Белая и Уфа; к востоку от Урала в среднем и верхнем течении Приобье. Прикамская часть ареала была заселена носителями полемской, ломоватовской и неволинской археологической культур, в этнокультурном характере которых преобладают угорские черты, хотя на северо-западе ареала в той или иной степени были представлены финские в этнокультурном и, возможно, языковом отношении группы. Угорский характер Прикамско-Предуральского населения сохранялся вплоть до XI-XII веков. Тогда в результате полного освоения даже водораздельных территорий северо-западных районов европейской части России за счет бурного демографического роста в условиях малого климатического оптимума XI-XIII вв. и под давлением славянской (древнерусской колонизации), происходит смена населения Предуралья с «преимущественно угорского» на «в основном финское» за счет финского населения Заволочья, жившего там (судя по данным топонимики) в течение тысячелетий (Стоколос, 2000. С.8-10).

Наличие диких пчел в смешанных хвойно-лиственных лесах, наличие участков лугового разнотравья в поймах и на водораздельных участках - естественных пасек на нетронутых земледельцами полянах и перепольянях, окруженных девственным лесом, способствовало возникновению пчеловодства в виде бортничества. На существование диких пчел в Пермском Предуралье указывают находки их медных изображений (рис.1,

ф.1,2) на костыщах – святилищах гляденовского времени III в. до н.э. – III в.н.э.

Мед, воск и другие продукты пчеловодства были хорошо знакомы средневековому населению Пермского Предуралья. Судя по письменным источникам периода средневековья, мед был важной частью системы питания жителей Предуралья. Так, дипломат и путешественник Ибн-Фадлан, описывая свою поездку на Волгу в 922 г., указывает на регулярное употребление меда в пищу волжскими болгарами и жителями Предуральской страны Вису: «**В их лесах много меду в жилищах пчел**, которые они (жители) знают и отправляются для сбора этого (меда)...

...он (царь) велел подать **напиток из меда**, который они называют ас-суджув, (который он употребляет) днем и ночью...

...он вынесет (для гостей) **медовый набид**...».

Весьма подробно описывает народ Вису (так именовали в X-XIII вв. население Пермского Предуралья в арабской географической литературе) и его соседей известный путешественник из арабской Андалузии Абу Хамид ал-Гарнати, побывавший в Болгарии в середине XII в. и, по мнению исследователей, бывший не только в Булгаре, но, возможно, и в северных землях. Он писал: «... и выше этой страны (Булгара) обитают люди, которым нет числа, они платят джизью царю болгар. А у него (Булгара) есть область, (жители которой) платят харадж, между ними и Булгаром месяц пути, называют ее Вису. И есть другая область, которую называют Ару, в ней охотятся на бобров, горностаев и превосходных белок...А за Вису, на море Мраков, есть область, известная под названием Йура» (Путешествие 1971. С.102-103). Все сообщения Гарнати достаточно достоверны, он писал, как правило, лишь о том, что видел лично, или только со слов проверенных, заслуживающих доверие, людей. Он, в частности, оставил этнографическое описание народа Вису: «Я видел группу их в Булгаре во время зимы: красного цвета, с голубыми глазами, волосы их белы, как лен, и в такой холод они носят льняные одежды. А на некоторых из них бывают шубы из превосходных шкурок бобров, мех этих бобров вывернут наружу. И пьют они ячменный напиток, кислый как уксус, он подходит им из-за горячности их темперамента, объясняющейся тем, что они едят бобров, и беличье мясо, **и мед**...». Описывая народ Йура, живший еще севернее Вису (видимо в районе Припечерья) он далее пишет «...и нет у них верховых животных, ни вьючных животных - только **огромные деревья и леса, в которых много меда**, и соболей у них очень много, а мясо соболей они едят».

Мед, как товар, в том числе и из страны Вису или Чулман (так на Востоке стали именовать эту территорию во вт. пол. XIII-XV вв.), регулярно упоминается в списках товаров из Волжской Болгарии. Наиболее ранний, подробный и обширный список болгарских товаров составил в X в. ал-Мукаддаси: «... меха: соболя, беличьи, горностаевые, куньи, лисьи, бобровые; зайцы, козьи шкуры; воск, стрелы, крупная рыба, шапки, белужий клей, рыбы кости, бобровая струя, юфть, **мед**, орехи, барсы, мечи, кольчуги, березовый лес, воск, славянские невольники, овцы, скот. Все это товары из

Болгарии» (Хвольсон, 1869. С. 181). Мед и воск тогда были одними из важных экспортных товаров и весьма дорогих товаров. Причем воск стоил дороже меда в 10-15 раз.

Вероятно, изначально сборы меда осуществлялись путем изъятия сот из гнезд (дупел) диких пчел. Однако уже в период раннего средневековья, когда возросла потребность в меде не только в связи с демографическим ростом, но и в связи с включением Предуралья в систему евразийской Восточной торговли, добыча меда обрела характер промысла, и в Предуралье начинает развиваться бортничество. Бортничество заключалось не только в том, чтобы найти дупло с пчелами и взять мед. Это было действительно хозяйство, имевшее под собой экономическую и регулируемое обществом правовую основу. Бортничество становится специальным промыслом, возможно, в средневековом Предуралье даже появляется промысловое сословие бортников.

Бортническое дело сопровождалось наличием целого комплекса специальных инструментов и предметов снаряжения бортника. По единодушному мнению археологов, археологическими признаками бортничества являются находки древолазных шипов, специальных медорезных ножей, инструментов для изготовления бортей – топоров, долот, тесел.

На средневековых поселениях Пермского Предуралья также собраны такие предметы. На городище Анюшкар (Кыласово) и на Рождественском городище (Рождественский археологический комплекс на р. Обва) найдены железные древолазные шипы (рис.1, 3,4). Они представляют из себя пластину вытянутой прямоугольной или овальной формы с основой длиной 40-45 мм, шириной 23-30 мм и толщиной 4-5 мм. Загнутые сужающиеся концы основы могут смыкаться с обратной стороны. В центре основы с внешней стороны находился шип, в сечение представляющий прямоугольник. Высота шипа 16-20 мм. Такие шипы в литературе обычно трактуются как древолазные (Оборин, 1999. С.282), хотя встречается их оценка и как ледоходных. Шипы крепились на основу из толстой кожи или деревянную колодку, и привязывались к ступням ремешками. При лазании на деревья они использовались как упор, чтобы не соскальзывала нога.

Самые древние шипы такого рода в Восточной Европе зафиксированы в слоях IX в. в Старой Ладого. Массовое их распространение на Руси относится уже к X-XI вв.: Рюриково городище, Тимерево, Михайловское, Петровское, Шестовицы, Киев, Суздаль и т.д. Многочисленные аналогии им имеются и в Волжской Болгарии X-XIII вв. (Казаков, 1991. Рис.26, 1,7). Впоследствии шипы стали неотъемлемой составляющей древнерусской материальной культуры, и просуществовали вплоть до XVII века.

Медорезные ножи представлены массивными ножами с лезвием длиной 18-23 см и черешком, имеющим колено у спинки ножа или отогнутым вверх. Передний конец ножа иногда имел лопаткообразное расширение. Такие ножи найдены на Рождественском городище на р.Обва, городище Анюшкар, Кудымкарском городище (рис.1, 5,6,7). Аналогии им

имеются в материалах Волжской Булгарии и Древней Руси (Седова, Беленькая, 1981. Рис.6).

Многочисленными находками являются находки тесел. Они известны на Рождественском городище, Анюшкаре, Родановом городище, Городищенском городище и других памятниках. Тесла имеют следы заточки с внутренней стороны лезвия, что отмечается и на экземпляре с Рождественского городища (рис.1, 9). Втульчатые тесла, рассчитанные на работу одной рукой, имели легкое лезвие и небольшую коленчатую рукоятку. Подобные тесла, судя по аналогиям с Биляра, могли использоваться для выдалбливания бортей (Культура Биляра 1985. С.50-54, табл.XVII). Известна и другая форма тесел, которые также могли применяться для долбления бортей в качестве бортовых топориков. Они изготовлены из железных пластин, с вертикальной трубицей, имеющей несомкнутые края. Длина их составляет 5-9 см, ширина лопасти 3,5-4,6 см, длина трубицы 3-6 см (рис.1, 8). При условии хорошей заточки они могли использоваться для обработки дерева в качестве тесел. Аналогичные по форме и размерам мотыжки широко распространяются в конце I – начале II тыс. н.э. в хозяйстве финно-угорских народов Волго-Камья, а также у волжских болгар (Культура Биляра, 1985. Табл.II/8-10).

Кроме описанных орудий труда для изготовления бортей могли применяться долота, аналогичные найденному на Рождественском городище (рис.1, 11), и топоры-пешни (втульчатые). Подобные пешни (кельты?!) найдены в большом количестве в богатых мужских погребениях Рождественского могильника (р.Обва) (рис.1, 10), однако они могли служить и особого вида оружием (по действию типа чекана).

Таким образом, эти находки, а также находка воскового круга, законсервировавшегося в глинистом культурном слое Анюшкара (раскопки В.А.Оборина 1954 г.) вкуче с данными письменных источников позволяют с уверенностью говорить о наличии у средневекового населения Пермского Предуралья такого важного промысла, как бортничество. Добыча меда и воска в X-XIV вв. имела масштабный характер, и указанные продукты были весьма значимым эквивалентом в торговле Вису-Чулмана с Волжской Болгарией. Цель торговли болгар с населением региона, по мнению К.В.Сальникова, была направлена, главным образом, на обеспечение болгарского ремесла исходным сырьем, а также поставки особо ценных продуктов питания (мед): "... с Урала вывозили сырье, главным образом, меха, шерсть, кожу **и мед** в обмен на изделия ремесленников болгарских городов и предметы, поступавшие на рынки Булгарии из далеких стран" (Сальников, 1952. С.146).

Показательно, что у ближайших соседей финно-угров Пермского Предуралья древнемарийских и чепецких (древнеудмуртских) племен орудий бортничества не известно, зато они хорошо представлены в памятниках древней мордвы (Вихляев, Петербургский, 1999. С.145), про которую известно что она «бортничеху на князя Володимира» в XIII в. (Документы и материалы, 1949. С.217). Вероятно, у жителей Пермского Предуралья, так

же, как и мордвы, бортничество стало частью товарной деятельности, ориентированной, в основном, на внешний рынок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вихляев В.И., Петербургский И.М.. Мордва// Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века: Коллективная монография / Отв. ред. М.Г.Иванова.- Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 1999 – 390 с.

Давлетшин Г.М. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа (истоки, становление и развитие): монография.- Казань: Татар. кн.изд-во, 2004. – 431 с.

Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т.П. Саранск, 1949.

Казаков Е.П. Булгарское село X-XIII веков низовий Камы: монография. - Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. – 176с.

Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X-XIII вв: Коллективная монография / Отв. ред. А.Х. Халиков.- М.: Наука, 1985. – 215 с.

Путешествие Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153) / Публикация О.Г. Большакова и А.Л. Монгайта.- М.1971.

Сальников К.В. Древнейшие памятники истории Урала: монография.- Свердловск, 1952.

Седова М.В., Беленькая Д.А.. Окольный город Суздаля // Древнерусские города. Отв. ред. В.В.Седов. — М.: Наука, 1981. С. 95—115.

Смирнова О.В., Турубанова С.А.; Бобровский М.В., Коротков В.Н., Ханина Л.Г. Реконструкция истории лесного пояса Восточной Европы и проблема поддержания биологического разнообразия// Успехи современной биологии. Т. 121. 2001, № 2.

Стоклос В.С. Вопросы этногенеза Северного Приуралья в энеолите и бронзовом веке// Древности Ямала. Вып. 1. Екатеринбург –Салехард: УрО РАН, 2000: Ямал-Информ.

Хайду П.. Уральские языки и народы: монография.- М.: Прогресс, 1985. – 285 с.

Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеды бен Омар Ибн Даста.- СПб.,1869 – 199 с. Оборин В.А.. Коми-Пермяки// Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века: Коллективная монография / Отв. ред. М.Г. Иванова.- Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999 – 390 с.

Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии.- М.: «Наука», 1977. –198 с.

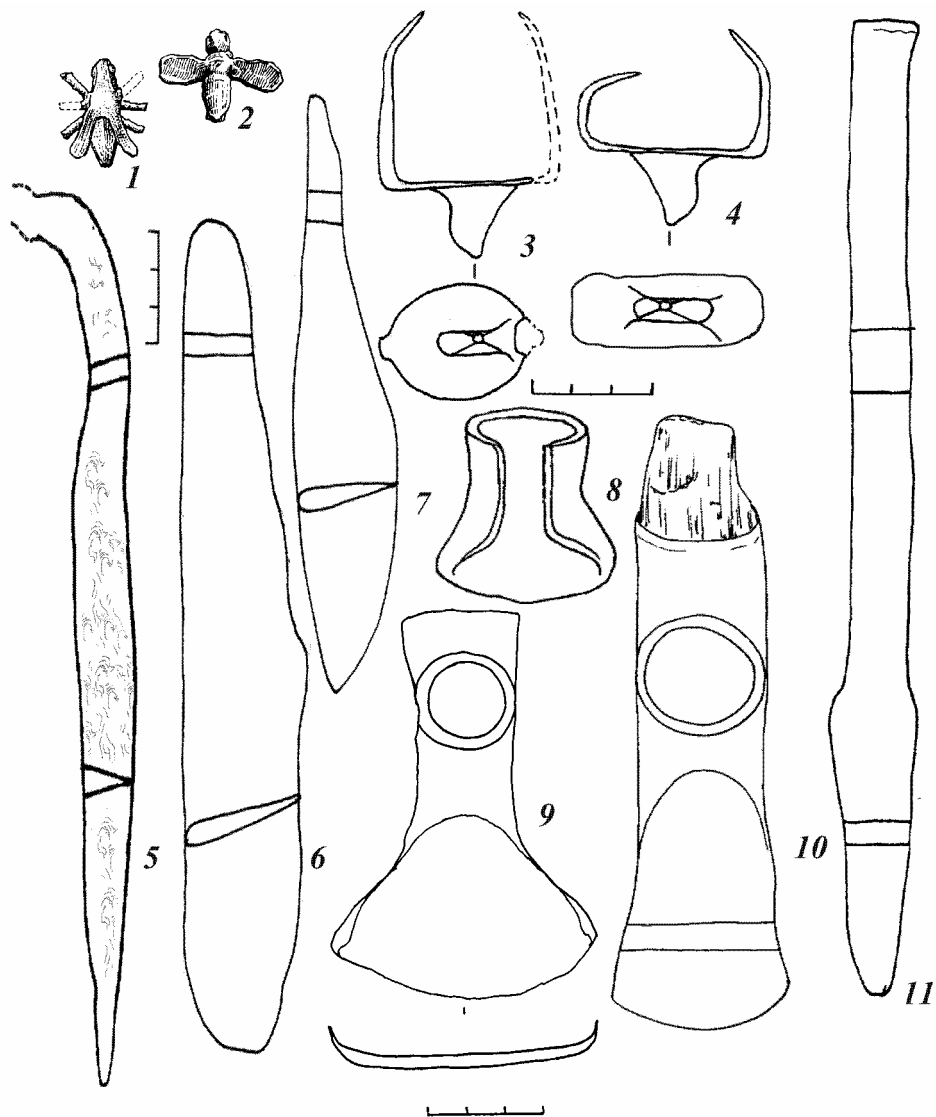

Рис.1. «Медовая составляющая» материальной культуры Пермского Предуралья.

1,2 – изображения пчел; 3,4 – шипы древолазные; 5,6,7 – медорезные ножи; 8,9 – тесла; 10 – топор-пешня; 11- долото. 1,2 – медь, остальное железо. 1,2 – Гляденовское костище, 4 – Анюшкар, остальное – Рождественский археологический комплекс.

А.Ю.Борисенко, Ю.А.Ведерников, Г.С.Лбов, Ю.С.Худяков
*Сибирское отделение РАН,
Новосибирский государственный университет, Новосибирск*

ПЕРСПЕКТИВЫ АНАЛИЗА ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СВИДЕТЕЛЬСТВ И ПОИСКА ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ В ИСТОРИИ ПРИРОДНЫХ КАТАСТРОФ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

В исторической памяти человечества сохранилось немало свидетельств о различных природных аномалиях и катастрофах, имевших тяжелые негативные последствия для населения. Историко-культурного ландшафта и среды обитания в тех районах, в которых в прошлом происходили эти события. Сведения о подобных явлениях содержатся в мифологии и фольклоре многих народов мира. Они нашли отражение в традициях, обрядах и культах, в представлениях об устройстве мироздания, о взаимовлиянии и взаимодействии Земли и космоса. К числу вещественных свидетельств падения на поверхность планеты небесных тел относятся как сами метеориты, или их остатки, следы нанесенных разрушений, а также предметы, изготовленные людьми из металла метеоритного происхождения. Такие предметы были обнаружены в памятниках разных древних и средневековых культур в Центрально-Азиатском регионе. Изучение данных материалов, их картографирование, определение хронологии, создаст условия для реконструкции исторической последовательности аномальных и катастрофических событий в пределах изучаемого региона Евразии, включая те из них, которые вызваны движением небесных тел.

Наиболее полную и достоверную информацию об аномальных и катастрофических явлениях и событиях, происходивших в историческом прошлом на территории Северной, Центральной и Восточной Азии, содержат летописные сочинения древних и средневековых государств, существовавших в это время на территории Китая и Кореи. В этих государствах существовала устойчивая традиция фиксации подобных событий. Придворными астрономами и астрологами велись регулярные наблюдения за состоянием окружающей среды и фиксировались необычные астрономические и природные явления. В процессе этих наблюдений скрупулезно отмечались затмения солнца и луны, описывалось появление комет и других необычных небесных объектов, падение на поверхность планеты астероидов и метеоритных дождей, приводились сведения о других аномальных событиях, необычных атмосферных явлениях, колебаниях климата. В летописных сочинениях уделялось внимание извержению вулканов, появлению цунами в прибрежных морях, миграциям животных и насекомых. Многие аномальные природные явления влекли за собой тяжелые негативные последствия для населения районов, в которых они происходили (Постнов, 1996. С. 80).

На основании толкования подобных необычных явлений природы придворными учеными делались предсказания о возможных грядущих бедствиях и давались определенные рекомендации правителям, которые были призваны ослабить тяжелые последствия природных катастроф. В кочевых государствах Центральной Азии такие явления, как необычно холодные, или снежные зимы, нередко влекли за собой массовый падеж скота и убыль кочевого населения. Они ослабляли эти государства и нередко становились одной из причин их гибели.

В результате применения методики ретроспективного анализа для изучения всех видов источников, в которых содержатся данные об аномальных природных явлениях в ходе проведенных ранее исследований удалось выявить значительное количество подобных событий, происходивших государствах Центральной и Восточной Азии в периоды поздней древности, раннего и развитого средневековья. В результате применения современных методов математической статистики и моделирования удалось выявить среди всего многообразия подобного рода сведений, явления и события, имеющие периодический характер, и проследить их цикличность на протяжении эпохи поздней древности и раннего средневековья. В зарубежной научной литературе представлены опыты обработки мифологических сведений, систематизация которых позволила реконструировать оду из глобальных природных катастроф, произошедших в бассейне Индийского океана в бронзовом веке (Masse, 1998. P. 81 – 82).

Среди зафиксированных природных аномалий в китайских и корейских летописных сочинениях отмечены астрономические явления, такие как солнечные и лунные затмения, появление пятен и ореола вокруг солнца, необычных звезд и комет на небосводе, падение астероидов и метеоритных дождей. Привлекали внимание наблюдателей необычные атмосферные явления, цветные облака, выпадение вместе с дождем грязи, растений, насекомых, рыб. Часто отмечались резкие климатические колебания, оттепели, заморозки, засухи, которые влекли за собой наиболее тяжелые последствия для земледельческого и скотоводческого хозяйства населения Центральной и Восточной Азии. В источниках содержатся сведения о характере негативных последствий таких событий для жителей этих стран, а также отмечаются меры, которые принимались правителями государств для преодоления кризисных явлений, возникших в результате природных катастроф (Худяков, 1997. С. 84 - 85).

Обработка данной информации с помощью методов математической статистики и решения аналитических задач дает возможность выявить определенные закономерности в периодичности подобных явлений, что открывает потенциальную возможность для использования результатов проделанного анализа для прогнозирования подобных событий в обозримом будущем принятия мер для минимизации возможных негативных последствий.

Для обработки полученной информации были применены методы, которые предусматривают использование логико-вероятностных моделей статистической обработки имеющегося массива данных. Эти методы являются наиболее удобными средствами для решения ретроспективных задач. Логическая решающая функция позволяет принять наиболее вероятное решение о значении какой-либо произвольной характеристики на основе информации, полученной в предшествующие моменты времени. Число этих моментов можно назвать длиной предистории. Полагается, что длина предистории есть заданная величина (параметр модели).

Наиболее важным и значимым показателем качества решающей функции служит величина среднеквадратной ошибки S . Кроме этого параметра необходимо учитывать сложность логической функции (число закономерностей M). Под критерием качества решающей функции понимается взвешенная сумма данных показателей: $q = a M$ (здесь a – некоторый параметр). Требуется найти такую функцию, для которой значение q минимально. Для ее нахождения используется эвристический алгоритм, дающий приближенно-оптимальное решение.

В результате систематизации сведений различных источников о природных аномальных явлениях, происходивших в регионах Центральной и Восточной Азии в древности и средневековье, и анализа систематизированного материала удалось обнаружить, прослеженные ретроспективно, причинно-следственные связи между некоторыми событиями (Борисенко, Худяков, Лбов, Герасимов, Бериков, 2002. С. 102-110). Особое внимание при анализе было уделено изучению возможных причин образования высоких морских волн в прибрежных водах Корейского полуострова. В перспективе эта информация может быть использована для математического моделирования. Возможно применение для ее обработки методов распознавания образов. Анализ этих данных может быть использован для реконструкции истории природных катастроф данного региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., Лбов Г.С., Герасимов М.К., Бериков В.Б. Математическое выявление внутренних причинно-следственных связей природных аномалий и катастроф // Большая медведица. 2002. № 1.

Постнов К.А. Земное эхо космических катастроф // Природа. 1996. № 6.

Худяков Ю.С. Опыт создания базы данных по природным аномалиям на территории Северной Кореи в эпоху трех государств // Электронные библиотеки и базы данных по истории Евразии в средние века. М. 1997. Вып. 6.

Masse W.B. Earth, air, fire, and water: the archaeology of bronze Age cosmic catastrophes // Peiser B. J., Palmer T., Baily M.E. Natural catastrophes during Bronze Age civilization: archaeological, geological, astronomical and cultural perspectives. British Archaeological Reports. International series 728. Oxford, 1998.

ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗЦОВ ДЕРЕВА ИЗ РАСКОПОК КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ФИЛИППОВКА-1 В 2004-2006 гг.*

В 2004 г. Приуральская экспедиция Института археологии РАН возобновила раскопки курганного могильника Филипповка-1, расположенного на территории Оренбургской области, на водоразделе рек Урал и Илек. Некоторые курганы могильника в конце 80-х гг. прошлого столетия были исследованы экспедицией уфимских археологов под руководством А.Х. Пшеничнюка (Пшеничнюк, 2001а,б: 2003). За период с 2004 по 2006 гг. Приуральская экспедиция исследовала еще семь курганов могильника. Эти раскопки подтверждают высказанные ранее А.Х.Пшеничнюком соображения относительно датировки памятника в пределах IV в. до н.э., хотя при этом не исключается и вторая половина V в. до н.э. (Яблонский, 2006).

Во время археологических раскопок 2004-2006гг. впервые была отобрана древесина и древесные угли для исследования, что позволяет, в конечном итоге, шире и достовернее реконструировать экологические особенности среды обитания ранних сарматов. Отбирались образцы дерева и биогенных материалов из конструкций деревянных перекрытий и из погребальных камер, которые и стали объектами этого исследования.

Все конструкции деревянных перекрытий погребальных камер представляли собой системы бревен, уложенных в радиальном по отношению к центру кургана направлении в один или несколько слоев. В ряде случаев эти бревна были сожжены. Так, в кургане 11 бревна не имели следов воздействия огня, в то время как в кургане 13 они были сильно обуглены. Оказалось, что в обоих случаях бревна были сделаны из стволов тополя.² Из тополя были сооружены также бревенчатые конструкции в курганах 15 и 28. По краям бревенчатой конструкции кургана 13 прослеживались скопления хвороста, ветви которого располагались в поперечном по отношению к бревнам направлении. Анализ таких ветвей показал, что они принадлежали двухлетним ветвям ивы. Сочетание бревен тополя и ветвей ивы зафиксировано также в деревянной конструкции из кургана 4.

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 05-01-01527 а и РФФИ, проект № 06-06-80175 а.

² Следует отметить, что определение породы дерева или древесного имеет ряд ограничений. Например, порода дерева определяется до рода. Видовые различия, как правило, в строении древесины не отражены. Следовательно, ряд деревьев, которые хорошо различимы визуально, например, тополь и осина имеют одинаковое строение древесины, поскольку относятся к одному роду *Populus*. При определении породы пишется, как правило, наиболее типичный вид для данного региона.

В погребении 4 кургана 15 было зафиксировано деревянное перекрытие погребальной камеры – бревна, лежащие на продольных заплечиках. Бревна принадлежали тополю.

Под насыпью кургана 4 было обнаружено четыре захоронения (центральное и три боковых). Центральное погребение было сооружено в большой яме с дромосом. Вдоль бортов дромоса прослеживались ряды столбовых ям. Погребальная камера имела внутреннее деревянное перекрытие, сделанное из вертикальных стоек и навеса, сооруженного из тонких плашек или толстых веток (сплющены). Погребенные располагались в деревянных гробовинах, углы которых скрепляли специальными бронзовыми скобами, прибитыми массивными бронзовыми гвоздями.

Из дерева внутреннего перекрытия было рассмотрено 11 образцов. Три из них являются 1-2-годичными ветками тополя (ветки использовались вместе с корой), 5 штук принадлежали пятилетним веткам березы.

Все образцы, извлеченные из столбовой конструкции дромоса принадлежали березе. Одна гробовина была сделана из тополя, а другая – из вяза.

Было также изучено плечо лука и древки стрел из погребения 5 кургана 4. Лук был выточен из вяза. Среди древков, по крайней мере, один тоже был сделан из вяза.

Относительно широкая встречаемость древесины вяза вызывает интерес, поскольку в современном растительном покрове района, где расположен могильник Филипповка-1, этих деревьев нет, и споро-пыльцевые спектры погребенных почв так же не содержат пыльцу вяза. Семейство Вязовые *Ulmaceae* включает род Вяз (Ильм, Берест) - *Ulmus L.* В России встречается 7-8 видов. Рассмотрим ареалы распространения основных видов.

Вяз гладкий – широколиственные леса Европы, подзона южной тайги и лесостепь. Восточная граница ареала не переходит за Урал. Растет преимущественно по долинам рек и поймам.

Вяз голый – Центральная и Восточная Европа, Крым, Кавказ, Малая Азия. Восточная граница ареала также не переходит за Урал. В степной зоне встречается в балочных лесах, поймах, на склонах террас речных долин. Не выносит засоленные почвы.

Вяз граболистный (берест, карагач) – европейский вид, распространенный в зоне широколиственных лесов и степной зоне. Восточная граница ареала проходит в степных районах Заволжья, а южная – на Кавказе и в Малой Азии. Лучше всего себя чувствует в поймах степных рек и на сырых днищах ущелий, где живет до 300 лет (Алексеев и др., 1997).

Таким образом, при строительстве бревенчатых конструкций перекрытий погребальных камер в подавляющем большинстве случаев использовали тополь. Хворост, залежавший на периферии бревенчатой конструкции включал ветви тополя и ивы. Для сооружения столбовых конструкций дромоса кургана 4 использовали березу. Именно тополь и береза являлись наиболее распространенным в погребальном обряде строительным материалом. При строительстве дромосов в ход шла береза. Из

вяза выделяли луки и древки стрел. Он шел также на производство гробовин. Возможно, древесину вяза, как более ценное (привозное) дерево, использовали только для производства небольших по размерам предметов.

Полученные результаты вошли в создаваемую базу данных по использованию древесины на различных хроносрезах (Гей и др., 2002; Гольева, 1999, 2005; Моргунова и др., 2003 и др.). Небольшая на сегодняшний день выборка не позволяет провести статистическую обработку полученных данных, но, с учетом частоты встречаемости и ареала можно осторожно предположить, что тополя и березы были местными, достаточно широко распространенными породами, а, например, древесина вяза заготавливалась в других регионах и распределялась по данной территории в процессе миграций (кочевий).

Собранные данные расширяют наши представления об экологической ситуации в степях междуречья Урала и Илека раннесарматской эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев Ю.Е., Жмылев П.Ю., Карпухина Е.А. Деревья и кустарники. – Энциклопедия природы России. М., 1997.

Гей А.Н., Малышев А.А., Антипина Е.Е., Гольева А.А. и др., Паклеоэкология Северо-Западного Кавказа (Работы Северо-Западной археологической экспедиции в 2001г.) // Историко-археологической альманах. № 8. Армавир; М., 2002.

Гольева А.А. Исследование древесных остатков и углей из погребений эпохи бронзы могильника Манджикины-1 // Могильник Манджикины-1 – памятник эпохи бронзы-раннего железного века Калмыкии (опыт комплексного исследования). М.; Элиста. 1999.

Гольева А.А. Информационные возможности определения пород по углям и древесине в археологических исследованиях // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 2. М., 2005.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. Оренбург. 2003.

Пшеничнюк А.Х. Филипповские курганы в центре скифского мира: открытие и исследования // Золотые олени Евразии. СПб. 2001а.

Пшеничнюк А.Х. Погребальный обряд Филипповских курганов // XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов международной научной конференции. Оренбург, 2001б.

Пшеничнюк А.Х. Олени Филипповки // Золотые олени Евразии. СПб., 2003.

Яблонский Л.Т., Новейшие открытия в сарматской археологии // Современные проблемы археологии России. Т. II. Материалы Всероссийского археологического съезда. Новосибирск.. 2006.

АРХЕОМЕТАЛЛОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ САРМАТСКИХ ЖЕЛЕЗНЫХ ИЗДЕЛИЙ*

В силу ряда причин металлографические анализы железных изделий из сарматских памятников еще немногочисленны. Вместе с тем микроструктурное исследование, являющееся основой археометаллографического анализа, позволяет не только определить технический уровень мастеров, изготовивших железные предметы, но и наметить возможные направления торговых связей или контактов в производственной сфере. Суть археометаллографического метода заключается в проведении металлографического исследования кузнечных поковок и использовании полученных данных для реконструкции технико-технологических процессов в кузнечестве той или иной культурно-исторической общности. При аналитическом исследовании определяются структурные составляющие древних металлических предметов, реконструируются технологии их изготовления, выделяются характерные технико-технологические черты определенной категории предметов, памятника или культуры. Анализ и сопоставление полученных аналитических данных позволяют решать не только вопросы, связанные с историей техники, но и чисто исторические проблемы, такие как этнокультурные связи в производственной сфере, традиции и инновации в истории конкретных обществ, значение ремесла и ремесленника и т.п.

Для расширения источниковой базы аналитических данных сарматских изделий из черного металла в Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН было проведено археометаллографическое изучение коллекции из 15 сарматских железных предметов. Вещи поступили из Оренбургского областного музея. Состояние металла предметов удовлетворительное. Предметы происходят из курганных могильников Филипповка I (вторая половина V – первая половина IV в. до н.э.): три меча, кинжал и наконечник копья, Прохоровка (два меча, пять кинжалов и наконечник копья) и две случайные находки: меч из погребения у с. Ново-Успеновка Акбулакского р-на Оренбургской обл. и кинжал из урочища Кызылкуш у с. Верхнийльясово Александровского р-на Оренбургской обл. После визуального изучения коллекции оказалось, что для металлографического анализа пригодны все предметы. Образцы после шлифовки, полировки и травления ниталем (4% раствор азотной кислоты в этиловом спирте) исследовались на металломикроскопе ММР-2Р при увеличениях 100^x, 300^x и 490^x. Микротвердость измерялась на микротвердомере ПМТ-3 при нагрузке 100 г.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 06-06-80175

Фотографирование микроструктур проводилось цифровым фотоаппаратом Nikon COOLPIX 4500 с последующей обработкой фотографий в программе Photoshop 7. Типы шлаков определялись по классификации J. Piaskowski.

Меч из кургана 13 могильника Филипповка I изготовлен по технологии наварки стального лезвия на основу из пакетированной заготовки. Содержание углерода на лезвии доходит до 0,8%. Следует отметить крайне низкое качество сварки: сварной шов между лезвием и основой представляет собой сплошную полосу шлака. Другой меч из этого же кургана откован из сырцово-среднеуглеродистой стали (0,3–0,6%С).

Редкими находками в сарматских курганах являются наконечники копий. Наконечник из кургана 11 имел вытянутое листовидное перо. Конец втулки укреплен железным кольцом. Откован наконечник из сырцово-малоуглеродистой стали. Металл тщательно прокован.

Из пакетированной заготовки откован меч из погребения 3 кургана 4 Филипповского могильника. Металл хорошо прокован, но сварка проведена на низком уровне. Распределение углерода крайне неравномерное: наряду со стальными участками, содержащими до 0,9%С, имеются зоны чистого феррита.

Из Прохоровского могильника исследовано пять кинжалов. Откованы они из железа или сырцово-малоуглеродистой стали без дополнительных операций по улучшению качества. Металл относительно мягкий и, за исключением одного предмета, хорошо прокован.

Так же не отличаются высоким качеством мечи из этого могильника: один откован из железа, у другого на плоскости клинка отмечен науглероженный участок с содержанием углерода 0,1–0,4%С, что, вероятно, говорит о применении поверхностной цементации.

Цементация использовалась при изготовлении наконечника копья из погребения 3 кургана Б Прохоровского могильника. Заготовка предварительно была тщательно прокована. Содержание углерода на лезвии постепенно уменьшается от 0,4% на лезвии пера, до 0,1%, но само перо оставалось железным. Мастером не была исправлена структура видманштетта, обычно возникающая при химико-термической обработке из-за длительного нахождения металла при высоких температурах (перегрев).

Меч из разрушенного погребения у с. Ново-Успенковка откован из высокоуглеродистой стальной заготовки. Металл тщательно прокован, сталь заэвтектоидная.

Кинжал из ур. Кызылкум откован из кричного железа со следами науглероженности кричного происхождения. Металл тщательно прокован.

Несмотря на малочисленность исследованных предметов несложно заметить, что поковки из курганных групп Филипповка и Прохоровка изготовлены кузнецами разной квалификации и из разных сортов металла. Для поволоков из Филипповки характерно использование высокоуглеродистой стали и применение (хотя и на низком уровне) технологической сварки.

Кузнецы, изготовившие предметы из Прохоровских курганов, обладали более низкой квалификацией. В своей работе они ограничивались ковкой орудий из кричной заготовки, не применяли технологическую сварку даже для пакетирования заготовки, а для улучшения рабочих свойств предмета использовали (но редко) цементацию.

С.Э.Зубов
Самара

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ФОРМИРОВАНИИ НОВОЙ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ

Обозначенная в заглавии проблема изучения миграционных процессов, как одно из средств формирования новой этнокультурной среды, многоплановая и, как мне видится, весьма перспективна.

Разные аспекты проблемы изучения миграционных процессов были представлены автором в виде докладов на III Халиковских чтениях (Болгар, май 2004) и Международном конгрессе «Средневековая археология евразийских степей» (Казань, февраль 2007).

Проблема расселения древних племен Волго–Уралья в раннем железном веке и раннем средневековье является одной из ключевых и принципиальных в археологии указанного региона и сопредельных территорий. Этническая и историко-культурная ситуация в регионе в разные периоды характеризуется различной динамикой расселения древних народов.

Основные факторы преобразований в археологических культурах, все кардинальные внутренние изменения общества, без сомнения, находятся в сфере экономических отношений. Особая роль в активизации процессов формирования этнокультурной среды принадлежит миграциям.

На основе умозрительных заключений с привлечением немногочисленных письменных источников и этнографических параллелей исследователи воссоздают некоторые модели миграций населения путем выявления причин переселений. В то же время, до конца не выяснен механизм воздействия переселений народов на течение и темп социально–экономических и этнокультурных изменений в древних обществах. Тем более что далеко не все миграции можно отследить археологическими методами.

В археологической литературе последних десятилетий наблюдалось заметное охлаждение к теоретической части миграционных процессов, в результате чего были поставлены под сомнение миграционные объяснения культурных изменений. В археологической науке утвердилась концепция культурной эволюции, сокращающая до минимума важность передвижений населения в древности.

Эту тенденцию поддерживают некоторые националистически настроенные археологи, которые считают особо важным доказать, что их

народ жил на данной территории с незапамятных времен. Чего стоит прослеженный В.Г.Котовым этногенез башкир в Приуралье «от верхнего палеолита до этнографической современности» (Котов, 2006). Некоторые исследователи, обнаружив яркие неординарные памятники, пытаются вписать их в историю своего народа (Степанов, 1980), а затем и вовсе создают новую археологическую культуру, оперируя материалами 7 курганов из трех могильников (Вихляев, 2000).

Чаще всего к понятию «миграция» прибегают в том случае, когда, даже принимая во внимание дискретность культурного развития, существенные различия в основных характерных особенностях двух соседних в хронологической колонке культур заставляют исследователей говорить о смене культур и даже о смене населения, их оставившего.

Однако культурные изменения могут вызываться не только сменой населения, но и появлением культурных инноваций в результате прогрессивного развития, культурных влияний и активного взаимодействия, а также социальных катаклизмов. В таком случае следует выработать алгоритм разграничения культурных изменений, вызванных миграцией, притоком нового населения, от культурных изменений, вызванных другими причинами.

Следствием этого возникает необходимость создания доказательной базы существования той или иной миграции. Априори, в теоретическом плане, миграции должны соответствовать определенным требованиям или критериям.

В идеале при выявлении и анализе миграций должны быть известны исходная территория происхождения мигрирующего населения, выявлены памятники, маркирующие пути миграций, культурные изменения, вызванные мигрантами на новой территории. При этом должен быть соблюден хронологический принцип сопоставления, доказывающий возможность такого переселения, а археологические данные должны быть дополнены антропологическими, подтверждающими, что смена культур сопровождалась изменением физического типа носителей культуры (Титов, 1982.С. 92).

Следует отметить, что за пределы данной работы выведены периодические миграции, осуществляющиеся кочевым и полукочевым населением сезонно и циклично по строго определенной территории в рамках определенной географической среды, откорректированной соседними сообществами. Поскольку именно в таких привычных и постоянных пространственно-временных перемещениях, являющихся обычным состоянием, заключается суть кочевания.

Еще Н.Я.Мерпертом на индуктивном уровне были выделены три модели миграционных волн. По первой из них в основе миграций лежит экологический фактор – люди, подобно животным, меняли место жительства в силу изменения природных условий. По второй модели, миграции были обусловлены экономическим фактором, в первую очередь ростом населения. Миграции третьего рода порождены как экономическим, так и социальным факторами (Мерперт, 1978. С.9-13). Размытость последнего определения

связана в том числе и с тем, что исследователь не разграничил миграционные процессы (*переселение* населения) от процессов *расселения*. Собственно Н.Я.Мерпертом были представлены не модели миграций, а основные причины, способствующие возникновению миграционных процессов.

В упрощенном виде можно условно определить причины миграций как *экология, демография, социология, война*.

Экология. Под экологическими причинами миграций понимается возникновение и развитие природно-климатических катаклизмов, при которых происходит резкая смена ландшафтных, природных и климатических условий жизнеобитания, коренным образом отражающаяся на флоре и фауне региона. При этих изменившихся условиях становится невозможным продолжать традиционное ведение хозяйства. Локальные экологические катастрофы (засуха, наводнение, лесные пожары, джут и др.) оказывают прямое влияние на уменьшение ресурсов питания (жизнеобеспечения) и диктуют потребность к миграции. К примеру, у Геродота сообщается о «тяжком голоде во всей Лидии» на протяжении 18 лет, который вынудил половину населения эмигрировать «в землю омбриков» в италийскую Этрурию [Геродот I, 94, с. 42].

Демография. Под демографическими причинами подразумевается значительный рост населения, так называемый «демографический взрыв», при котором освоенная территория не может прокормить увеличившееся количество народа. Здесь следует отметить, что термин «демографический взрыв», которым с удовольствием оперируют некоторые исследователи, следует применять с большой осторожностью и оговорками. Известно, что в древней Греции, Риме и некоторых странах Востока увеличение населения рассматривалось как величайшее бедствие (Марковин, 1988. С.100) и его стремились всеми мерами регулировать (Валентей, 1967. С. 27). Даже незначительное увеличение населения может превысить реальную емкость пищевой базы территории. А при природно-климатических катаклизмах даже стабильное количество населения может рассматриваться избыточным.

Социология. Под воздействием причин экономического и социального характера, возможно усугубленного экологическими изменениями географической среды обитания могут возникнуть миграции в результате сложных этнообразующих процессов этнической дивергенции и конвергенции населения и формирования новой этнокультурной среды.

К таковым факторам относится *этническая парциация* (лат. *pars, partis* – часть, парциальный – частичный, отдельный) – когда единый прежде этнос делится на несколько более или менее равных частей, причем ни один из новых этносов не отождествляет себя полностью со старым. Примером этнической парциации может служить в общепринятом большинстве специалистов процесс раздробления ананьинской общности на ряд этнокультурных образований – пьяноборской, кара-абызской, гляденовской археологических культур.

Этническая сепарация (лат. *separatus* – отдельный, обособленный) подразумевает те случаи, когда от какого-то народа отделяется его часть,

которая со временем превращается в самостоятельный этнос (Бромлей, 1983. С. 236). В данном контексте можно говорить о части населения гороховской культуры, уклонившейся от *этнической консолидации* с саргатским этносом в Зауралье и принявшего участие в сложении памятников айского и гафурийского (Савельев, 1998. С.70-73; Пшеничнюк, 1976. С.130-131) типа на территории Западного Приуралья.

Война. Военный фактор возникновения миграций основан на прямой военной экспансии на земли, заселенные коренным населением, которое, в связи с невозможностью противостоять силой своего оружия, вынуждено мигрировать на другие территории. Опосредованная военная опасность заключается в соседстве с агрессивным этносом, чья экспансионистская политика строится военными методами, основанными на даннических отношениях, грабеже и уводе населения в рабство.

В миграциях военного характера выделяются «*военные выплески*» – одна из форм малых миграций (Зубов, 2004. С.78-82) и *инвазии* (лат. invasion – нашествие, нападение; англ. invasion – вторжение) – массовые или тотальные перемещения населения, связанные с активными боевыми действиями. Инвазия в большей степени связана с изменением экологической ситуации в регионе и фактором войны.

Позволю себе предположить, что ни одна миграция не возникает исключительно от одной из указанных причин в чистом виде. Сложность заключается в том, что зачастую приходится рассматривать или выявлять третью сторону, ставшую катализатором при переселении второй на земли первой.

При изучении процессов формирования этнокультурной среды следует учитывать ряд параметров: пространственный, социально-экономический, временной, общеисторический.

Первый определяется системой адаптации к региону с четкими ландшафтными и климатическими условиями. Поскольку древние общества напрямую зависели от экологических, природно-климатических изменений, рассмотрим две модели возникновения миграций по экологическому признаку: 1) благоприятные природно-климатические условия; 2) природно-климатические катаклизмы.

В соответствии с первой моделью мы можем предположить стабилизацию социально-экономического потенциала общества, оптимальные благоприятные природно-климатические условия способствуют увеличению ресурсов питания и как следствие – происходит рост численности населения. Эти положительные демографические процессы приводят к сегментации рода или племени. «Отпочковавшееся» население априори вынуждено осваивать новые территории, нередко уже занятые другими племенами.

По второй модели природно-климатические катаклизмы в первую очередь влияют на экономическую базу, самым губительным образом затрагивая пищевую емкость территории. Население вынуждено искать более благоприятные регионы для продолжения традиционного ведения

хозяйства. В некоторых случаях мигранты находят не занятые территории, наиболее приспособленные к адаптации. Зачастую эти земли уже заняты коренным населением. В таком случае возможны вооруженные конфликты с целью вытеснения местных жителей с их исконной территории вплоть до массового уничтожения последних. Справедливости ради следует сказать о крайне редком тотальном уничтожении населения при миграциях-инвазиях. В.Г. Богораз-Тан приводит яркий пример, когда «караибы в эпоху открытия Америки Колумбом быстро и энергично завоевывали Антильские острова, продвигаясь из Южной Америки и истребляя Антильских ароваков. ... Заняв аровакское селение, они убивали мужчин, а молодых женщин делали своими наложницами, т.е. в сущности женами» (Богораз-Тан, 1923. С. 11).

Зачастую о причинах миграций населения мы можем только догадываться или предполагать одну или синтез причин по косвенным признакам, поскольку археологическими методами причины переселений практически не фиксируются. При этом следует учитывать закономерную фрагментарность археологических данных даже для хорошо изученных культур, которые лишь отчасти и всегда неполно отражают культуру этноса-носителя в целом.

Миграции по количеству участия населения в переселении можно условно разделить на единичные, групповые, массовые и тотальные. Представляется, что для анализа процесса миграций следует учитывать характер взаимоотношений субстратной культуры и культуры суперстрата, культуры местного населения и культуры пришлого. Такой подход поможет определить степень участия мигрантов на формирование этнокультурной среды.

Несмотря на сложность решения поставленной проблемы, следует обратить более пристальное внимание на теоретическую базу основ миграционных процессов, определение причинно-следственных связей миграций, исходных территорий мигрантов, хода и последствий переселений на фоне общей этнокультурной ситуации в регионе и сопредельных территорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архипов Г.А., Шадрин А.И. Исследование раннесредневековых курганов у с.Климкино // Археология и этнография Марийского края. Вып. 24. Новые материалы по археологии Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: Марийский научно-исследовательский институт. 1995. – С. 110-129.

Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I-II. М.-Л. 1950.

Богораз-Тан В.Г. Переселение народов в социологической перспективе // А.Геддон. Переселение народов. Петроград–М. 1923.

Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: «Наука». 1983. – 412 с.

Валентей Д.И. Теория и политика народонаселения. М. 1967.

Вихляев В.И. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск: Тип. «Крас. Окт.». 2000. – 132 с.

Геродот. История в девяти книгах. Перевод и примечания Г.А. Стратоновского. Ленинград: «Наука». 1972. – 600 с.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет». 1999. – 464 с.

Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М.: «Экопрос». 1993. – 576 с.

Гумилев Л.Н. Хунну. СПб.: «Тайм-аут – Компас». 1993. – 224 с.

Зубов С.Э. К проблеме этнокультурной интерпретации памятников андреевско-писеральского типа // Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности. Саранск: Тип. «Красс. Окт.». 1998. – С. 44-51.

Зубов С.Э. Проблема малых миграций в раннем железном веке и раннем средневековье Волго-Камья и Западного Поволжья // Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы третьих Халиковских чтений (27-30 мая 2004 г.) Казань: Институт истории АН РТ. 2004. – С.78-82.

Котов В.Г. Проблема этнокультурной преемственности населения Южного Урала от верхнего палеолита до современности // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы III научно-практической конференции. Челябинск: 2006.

Марковин В.И. К истории морских плаваний и миграций // Природа и человек. М.: Институт археологии АН СССР. 1988. С.83-119.

Мерперт Н.Я. Миграции в эпоху неолита и энеолита // СА. №3. 1978. С. 9-13.

Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э.– III в. н.э.) // Древности Южного Урала. Уфа: БФАН СССР. ИИЯЛ. 1976. С.35-131.

Савельев Н.С. Население Месягутовской лесостепи в V-III вв. до н.э. Культурно-хронологическая принадлежность памятников айского типа. Уфа: «БЭК». 1998. – 123 с.: ил.

Степанов П.Д. Андреевский курган (к истории мордовских племен на рубеже нашей эры). Саранск: 1980. – 108 л. ил.

Титов В.С. К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового Света. М.: «Наука». 1982. – С.89-145.

Халиков АХ. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа//Ранний железный век Марийского края. Йошкар-Ола: 1962. – С.116-138.

Черных Е.Н. От доклассовых обществ к раннеклассовым (к итогам деятельности Методологического семинара Института археологии АН СССР в 1976–1984 гг.) // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М.: «Наука». 1987. – С.229-255.

СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КЕРАМИКИ ЭПОХИ ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ ПРИКАМЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

К.В.Сальников выделенную им курмантаускую культуру, территорию которой он помещал на северо-западе и в центральной зоне современной республики Башкортостан, определял как генетическую основу ананьинской культуры. Точнее – «бельского варианта» этой культуры, то есть, карабызской культуры (Сальников, 1954; Он же, 1967. С.386). Как считал исследователь, на территории Башкирии указанная культура появилась уже в сложившемся виде, вероятно, с Нижней Кмы (Сальников, 1964. С.9; Он же, 1967. С.384).

А.Х.Халиков материалы курмантауских памятников относил к маклашеевскому этапу приказанской культуры, тем самым, в принципе, подтверждая предположение К.В.Сальникова о ее нижекамском происхождении (Халиков, 1967. С.18; Он же, 1969. С.306).

Позже Л.И.Ашихмина и В.Ф.Генинг на материале Быргындинской и Нырғындындинской стоянок в Прикамской Удмуртии типологически «развели» ныргындинско-быргындинскую и маклашеевскую керамику и выстроили своеобразный типологическо-хронологический ряд, в котором маклашеевская керамика занимает промежуточное место между ранней ныргындинской и более поздней быргындинской (Ашихмина, Генинг, 1977. С.119), выступая, таким образом, в качестве одного из компонентов в сложении предананьинской быргындинской культуры (Ашихмина, 1985. С.8).

Основным и, собственно говоря, единственным материалом, на котором строились все обозначенные выше концепции, является керамика. Однако, до последнего времени для прикамских культур эпохи финальной бронзы так и не был проведен сравнительно-типологический анализ керамического материала. Или, если и проводился, то на весьма и весьма поверхностном уровне. В качестве характерной иллюстрации можно привести сравнительную характеристику керамики культур позднего бронзового века Прикамья и Приуралья, данную в обобщающей фундаментальной монографии Р.Д.Голдиной (Голдина, 1999. С.150-160). Для удобства восприятия данные исследовательницы сведены в таблицу

Таблица 1.

**Характеристика керамики позднего бронзового века Прикамья по
Р.Д.Голдиной (Голдина, 1999. С.150-160)**

Тип керамики	К у л ь т у р а			
	Ерзовская	Луговская	Быргындинская	Курмантауская
Горшковидная форма с	+			

округлым или плоским дном, хорошо профилированной шейкой				
Чашевидная форма с округлым дном и хорошо профилированной шейкой				+
Плоскодонные горшки и круглодонные сосуды с отогнутой или вертикальной горловиной		+	+	
Треугольники	+	+		
Зигзаги	+		+	+
Елочки	+	+		
Решетки	+		+	+
Флажки	+		+	
Ромбы		+		+
Меандры		+		
Лесенка			+	
Ямки			+	+

Естественно, что при таком аморфном типологическом членении керамики вывод может быть только один – о необходимости объединения всех культур бронзового века Прикамья в одну культурно-историческую общность, подразделяющуюся на локальные культуры: приказанскую, луговскую, ерзовскую, курмантау, буйскую. «Учитывая, что ядро этой общности составляли ерзовские и луговские группы, а курмантау и буйская являлись ее периферийными образованиями, есть все основания называть эту группу ерзовско-луговской, подразумевая под ней этап развития пермской общности бронзового века» (Голдина, 1999. С.164). Умозрительность подобного заключения очевидна. Дело в том, что, если по данным, приведенным исследовательницей, попытаться просчитать коэффициенты парного типологического сходства по широко известной методике, разработанной более 30 лет тому назад И.С.Каменецким, Б.И.Маршаком и Я.А.Шером (Каменецкий, Маршак, Шер, 1975), то результаты получатся смехотворными (табл.2).

Таблица 2.

**Значения коэффициентов типологического сходства керамики культур
финальной бронзы Прикамья по данным Р.Д.Голдиной**

	Ерзовская	Луговская	Быргындинская	Курмантаусская
Ерзовская	-	0,3	0,25	0,2
Луговская		-	0,03	0,04
Быргындинская			-	0,3
Курмантаусская				-

То есть, значения коэффициентов типологического сходства керамики памятников предананьинского периода в Прикамье, вычисленные по опубликованным данным, настолько малы, что ни о какой «общности» между ними и речи не может быть.

Вместе с тем давным-давно, на сегодняшний день более 30 лет назад, В.Ф.Генингом была разработана и предложена к применению не сложная в использовании, но достаточно эффективная программа статистической обработки керамики из археологических раскопок (Генинг, 1973). С помощью этой программы можно не только провести типологизацию керамики внутри того или иного комплекса, но и сравнить комплексы между собой по практически всем морфологическим признакам. И нужно сказать, что поподобная работа проводилась неоднократно и вполне результативно (Ашихмина, Генинг, 1977; Иванов, 1977; Он же, 1999. С.47-53; Акбулатов, 1988). Впрочем, у данной программы есть один «недостаток» - для построения на ее основе каких-либо выводов от исследователя требуется обращение к «живому» материалу, а не только к опубликованным картинкам. Видимо, именно это обстоятельство и является причиной того, что данная программа не получила широкого применения в работах большинства прикамско-приуральских археологов.

Мною в обработку были взяты керамические комплексы поселений курмантауской культуры в среднем течении р.Белой (стоянка им.М.И.Касьянова, Бирское поселение), поселений маклашеевской культуры в низовьях р.Белой (Какры-Куль, Куштиряк), ерзовской культуры в Среднем Прикамье (Ерзовка, Заюрчим, Сосновка IV) и результаты статистической обработки керамики поселения Быргында, проведенной Л.И.Ашихминой и В.Ф.Генингом по указанной программе (Ашихмина, Генинг 1977). Во всех случаях объем статистических выборок был таков, чтобы с точностью в 0,9 соответствовать нижнему уровню процентного показателя не более 4% (Генинг, Бунятян, Пустовалов, Рычков, 1990. С.64).

На всех памятниках присутствуют сосуды двух категорий или групп: горшки и чаши типа «пиалы». Первые представлены горшками трех типов: с вертикальными шейками, шейками, наклоненными наружу и шейками, наклоненными внутрь (закрытые). Горшки первых двух типов преобладают везде, исключая комплексы ерзовской культуры, в которых абсолютно преобладают горшки с отогнутыми шейками. По отношению высоты шейки к ее диаметру (по венчику) среди ерзовских и курмантауских сосудов

абсолютно преобладают низкогорлые, среди маклашеевских – среднегорлые, среди быргындинских – среднегорлые и высокогорлые. По отношению диаметра шейки к диаметру тулова во всех комплексах преобладают широкогорлые сосуды, а по степени профилировки шейки среди ерзовских сосудов абсолютно преобладают горшки с отогнутыми наружу шейками, а среди остальных комплексов – с отогнутыми или вертикальными шейками. По степени профилировки плечиков среди маклашеевских (пос.Какры-Куль) сосудов преобладают слабопрофилированные, тогда как среди остальных – среднепрофилированные.

Зоны орнаментации рассматриваемых керамических комплексов распределяются следующим образом: маклашеевские сосуды пос.Какры-Куль орнаментированы исключительно по шейке; на бирских, курмантауских (Касьяновская стоянка) и быргындинских сосудах орнамент на шейке преобладает, тогда как на сосудах ерзовской культуры сосуды, орнаментированные от венчика до плечиков включительно представлены примерно поровну.

Из элементов орнамента на маклашеевских сосудах пос.Какры-Куль абсолютно доминирует многорядовый резной горизонтальный зигзаг, на Бирском поселении – горизонтальная «елочка» из каплевидных или клиновидных насечек и короткие ряды насечек, расположенные в шахматном порядке, на ерзовских – горизонтальные ряды насечек, на курмантауских – резные «флажки». Морфологические признаки керамики периода финальной бронзы Прикамья и Приуралья в их количественных показателях представлены в таблице 3.

Таблица 3.

**Морфологические признаки керамики эпохи финальной бронзы
(в %%)**

Признак	Керамические комплексы				
	Ерзовк а	Быргынд а	Какры -Куль	Бирско е	Касьяновска я
Низкогорлые	61,8	-	-	-	83
Среднегорлые	39	38,4	100	100	17
Высокогорлые	-	27,2	-	-	-
Узкогорлые	4,1	-	-	-	-
Широкогорлые	95,9	95	100	100	100
Шейка закрытая	4,1	6,6	-	10	12,5
Вертикальная	14,4	38,4	50	60	51
Отогнутая	81,5	27,2	50	30	36,5
Чаша	8,2	-	-	-	9
Плечики слабовыпуклые	36	50	74	30	27
Средневыпуклые	50,5	50	26	50	53
Сильновыпуклые	4,1	-	-	20	11
Орнаментированы венчик+шейка	33	28,8	-	12,5	15
Шейка	28,7	57,7	100	75	76
Шейка + плечики	14,9	4,4	-	12,5	8,5
Венчик + шейка +плечики	23,4	-	-	-	-

	17,5	15	64,4	15,1	21
	4,1	5	12,7	9,6	-
		20	10,2	30	-
	-	-	8,1	12,3	28
	4,6	7	4,6	-	18,6
	11,1	-	-	3,3	17
	6,5	-	-	-	9,5
		3	-	-	1,8

Построенная на основании приведенных выше данных таблица парных коэффициентов типологического сходства керамики финальной бронзы Прикамья и Приуралья показывает, что наибольшую типологическую близость обнаруживают между собой керамика ерзовских и курмантауских комплексов (0,73), Бирского и Быргындинского поселений (0,70), Бирского поселения и Касьяновской стоянки (0,68) и Бирского поселения и поселения Какры-Куль (0,63) (табл.4).

Таблица 4.

Таблица парных коэффициентов типологического сходства керамики финальной бронзы Прикамья и Приуралья

	Ерзовка	Быргында	Какры-Куль	Бирское	Касьяновская
Ерзовка	-	0,51	0,46	0,55	0,73
Быргында		-	0,48	0,70	0,57
Какры-Куль			-	0,63	0,46
Бирское				-	0,68
Касьяновская					-

Приведенные данные позволяют сделать ряд существенных выводов:

- Существование в Прикамье единой предананьинской общности ставится под большое сомнение. Во всяком случае, ерзовская культура не может быть объединена в одну общность ни с быргындинскими, ни с маклашеевскими (Какры-Куль, Бирское) памятниками.
- Высокую степень типологического сходства обнаруживает между собой керамика Быргындинского, Бирского и Какры-Куль поселений, что вполне естественно, учитывая их территориальную близость. Причем, бирская керамика выступает в качестве своеобразного связующего звена между быргындинской и маклашеевской (пос.Какры-Куль). Последние же между собой оказываются не столь близки, что, впрочем, уже было установлено Л.И.Ашихминой и В.Ф.Генингом (Ашихмина, Генинг, 1977. С.120).
- Особое место в этой схеме занимает керамика культуры курмантау (Касьяновская стоянка), обнаруживающая высокое типологическое сходство с ерзовской и маклашеевско-быргындинской (Бирское поселение). Но она ни по своей хронологии, ни по морфологическим признакам никак не может быть отнесена к кругу предананьинских культур Прикамья и Приуралья, о чем автору этих строк уже приходилось писать (Иванов, 1982).

Но самое, пожалуй, в данном случае важное, это то, что современные исследователи курмантауской культуры на основании совершенно новых материалов (поселения Акаваз, Азануй, Максютово) также приходят к выводу о том, что хронологически данная культура относится не к позднебронзовому, а к раннежелезному веку. То есть является синхронной раннему ананьину (Гарустович, Савельев, 2004; Морозов, 2004). Этого уже вполне достаточно для того, чтобы раз и навсегда «поставить крест» на проблеме этногенетической связи «курмантаусцев» с ранними «ананьинцами»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акбулатов И.М. Керамика Таптыковского городища эпохи раннего средневековья // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988.

Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985.

Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф. 1977. Стоянки эпохи поздней бронзы в Удмуртском Прикамье // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск.

Гарустович Г.Н., Савельев Н.С. Исследования памятников эпохи бронзы-раннего железного века в горном течении р.Белой (к вопросу об этнокультурных реликтах на Южном Урале) // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. Уфа, 2004.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА, 1973, №1.

Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализованно-статистические методы в археологии. Киев, 1990.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999 – с.463.

Иванов В.А. Проблемы культуры курмантау // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа, 1982.

Иванов В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа, 1999.

Морозов Ю.А. Новые памятники курмантауской культуры в горной зоне верхнего течения р.Белой // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. Уфа, 2004.

Сальников К.В. К вопросу о происхождении ананьинской культуры // СЭ, 1954, №4.

Сальников К.В. Итоги и задачи изучения археологии Башкирии // Археология и этнография Башкирии. Т.2. Уфа, 1964.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., «Наука», 1967 – с.406.

Халиков А.Х. Приказанская культура и ее роль в формировании ананьинской культуры // Уч. зап. ПГУ, №148. Пермь, 1967.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.

И.Ю.Ключник

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа

ТРАДИЦИОННЫЙ КОСТЮМ ВОСТОЧНЫХ МАРИЙЦЕВ БАШКОРТОСТАНА (НА ПРИМЕРЕ ЖЕНСКОГО КОСТЮМА)

Анализ народного костюма восточных мариюцев в сопоставлении с одеждой, характерной для народов Урало-Поволжской этнографической области, - мордвы, удмуртов, чувашей, татар, башкир – позволяет говорить о наличии значительного количества общих черт. Сходство элементов костюмных комплексов народов этого региона неоднократно отмечалось в этнографической литературе (Кузеев, 1990. С. 128).

К числу общих типичных признаков относятся материалы, используемые для одежды, общность покроя, характер орнамента и расположение вышивки. Белая туникообразная рубаха с богатой ориентацией бытовала не только у мариюцев, но и у удмуртов, мордвов, чувашек.

Необходимо выделить высокие каркасные головные уборы, налобную повязку – венец, связанную с накосником, мужскую шляпу с невысокой тульей и неширокими загнутыми вверх полями. «Такья» - шапочка, обшитая бисером и монетами, была известна почти всем народам региона.

О происхождении нагрудников Волго-Уральских народов высказывались разные гипотезы. Возводили истоки этих украшений к скифо-сарматскому миру, древнетюркским племенам Средней Азии и Казахстана, к Волжской Булгарии. В то же время специфическая для региона выразительность Волго-Уральских нагрудных украшений, отмеченная общность в признаках, большая роль монет в их украшении дают основание заключить, что полное развитие и расцвет эти виды украшений могли получить в условиях подъема торговли и обмена на восток, откуда поступали на рынок раковины-каури, монеты (Народы Поволжья и Приуралья, 1985. С. 208).

Традиционный костюм является комплексным историческим источником для изучения материальной и духовной культуры различных этнических групп (Головнев, 1995. С.6.), во-вторых, одним из определяющих источников для исследования этнической истории также является традиционный костюм, наряду с погребальным обрядом. Костюмный комплекс восточных марийцев, учитывая особенности языческого погребального обряда (захоронение умерших в костюме со значительным сохранением традиций, учет времени года, погодных условий), является самым консервативным среди современных народов Урало-Поволжья (Сепеев, 1975. С.163). Все это делает данную исследовательскую тему особенно своевременной и актуальной.

В изучении традиционного костюма марийцев Поволжья и Приуралья выделяются два направления: археологическое – исследование генезиса и развития марийского костюма в свете формирования восточнофинской археологической общности; этнографическое – анализ поздних костюмных комплексов.

Первая попытка реконструировать облик одежды населения ананьинской культуры была сделана еще в самом начале XX века. М.Г.Худяков (1923).

Отдельные вопросы, связанные с хронологией и типологией украшений и элементов костюма поднимали в своих работах М.Г.Худяков, А.В.Збруева, А.Х.Халиков, Е.А.Халикова, В.Ф.Генинг, В.С.Патрушев, Е.П.Казаков, М.Ф.Обыденнов, К.И.Корепанов, В.Н.Марков, В.А.Иванов, С.В.Кузьминых, С.Н.Коренюк, А.А.Чижевский и др.

Интерес к ананьинскому костюму в археологических исследованиях чаще всего ограничивался анализом отдельных украшений, их типологией и хронологией. Реконструкции выполнялись с использованием наиболее ярких комплексов, по отдельным могильникам. Причем реконструировался набор украшений, а не собственно элементы костюма.

Второе направление в исследовании истории костюма Урало-Поволжья представлено трудами этнографов. Изучая костюм финно-угорских народов, они пытались выявить древние пласты в костюмных комплексах и истоки некоторых наиболее архаичных элементов костюма (В.Н.Белицер, Н.И.Гаген-Торн, Т.А.Крюкова, К.И.Козлова, Р.Г.Кузеев, Т.Л.Молотова, Л.А.Молчанова и др.).

Современный этап изучения традиционного костюма можно назвать культурологическим. Традиционный костюм рассматривается как сложный культурный феномен, тесно связанный с человеком и его мировоззрением. Появились работы этнологов и культурологов, рассматривающих костюм как семиотическую систему.

Такой подход к традиционной культуре оказал влияние на археологов. Формируется целое направление в археологии, названное «семиотической археологией». Такой комплексный культурологический подход к изучению археологического костюма отличает работы З.В.Доде, Н.Б.Крыласовой, А.Н.Павловой, Э.Р.Усмановой и др.

Целью исследования является изучение элементов современного традиционного костюма, а также прослеживание путей развития костюма под влиянием социально-экономических, этнокультурных, этнических и др. факторов, а также сходство элементов костюмного комплекса восточных марийцев, башкир, татар и чувашей.

Задачами исследования являются: во-первых, аналитический обзор теоретических, методологических и методических подходов к изучению костюма восточных марийцев; во-вторых, исследование марийского костюма северо-востока республики в историческом развитии.

Методология исследования основана на взаимосвязанных общенаучных принципах исторического познания таких как: принцип историзма, целостности и объективности. Особую роль в реализации научно-исследовательской программы, наряду со сравнительно-историческим синхронным и хронологическим методами. Методическую часть исследования составили методы сбора и описания одежды восточных марийцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кузеев Р.Г. Народы Поволжья и Приуралья. – М., 1985. С. 208.
Сепеев Г.А. Восточные марийцы. – Йошкар-Ола, 1975. С.163

Л.А.Краева

*Оренбургский государственный педагогический
университет, Оренбург*

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ САРМАТСКОЙ КЕРАМИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫС. ДО Н.Э.

В настоящее время погребальная керамика является единственным источником информации о гончарном производстве сарматских племен. До сих пор на территории, занимаемой сарматской культурой, не известно ни одного поселения, где могло бы происходить изготовление керамики, нет данных по техническим приспособлениям, связанным с ее изготовлением (инструменты гончаров, обжиговые устройства, формы-модели и так далее).

Однако в захоронениях лепная керамическая посуда встречается в значительном количестве и является самым массовым материалом.

Общая периодизация истории изучения савромато-сарматских племен была рассмотрена М.Г.Мошковой (Мошкова, 1989. С. 158-164). В связи с тем, что интенсивность изучения керамики на каждом этапе была непостоянной и различной, нами были выделены периоды, согласно росту внимания к сарматской керамике как к историческому источнику в разные годы.

В истории изучения сарматской керамики можно условно выделить четыре таких хронологических периода: I – начало XX века – 1918 г.; II – 1919 – конец 40-х гг.; III – 50-80-е гг.; IV – 90-е – начало XXI века.

I период: начало XX века – 1918 г.

Для этого периода характерно накопление археологических материалов. Исследователи не только не уделяли особого внимания керамике как ценному историческому источнику и не ставили вопросы изучения гончарства как такового, но и не использовали достижения русской археологии в этом направлении, в частности программу изучения керамики, предложенную в 1901 году В.А. Городцовым на XI Археологическом съезде в Киеве (Городцов, 1901. С. 577-672).

Это было обусловлено тем, что в дореволюционный период исследования сарматской культуры было накоплено еще незначительное количество материала, для того чтобы делать какие-либо обобщения по вопросу изучения керамики. М.И.Ростовцев (1918. С. 75) писал: «К сожалению, данные о керамике наиболее скудны и неопределенны. В данный момент мы имеем ясное представление только об одном типе горшков, экземпляры которых дали покровские и красногорские курганы». В то же время М.И.Ростовцев указывал на важность изучения этой категории погребального инвентаря и призывал исследователей уделять керамике больше внимания при публикации материалов.

II период: 1919 – конец 40-х гг.

В это время продолжается накопление археологических источников. Появляются работы по публикации сарматских материалов Южного Приуралья, в которых описание керамики становится более детальным, предпринимаются первые попытки типологизации сарматской керамики в рамках отдельных памятников (Граков, 1928; 1947. С. 104-105)

III период: 1950-80-е гг.

С расширением проведения археологических исследований в эти годы, производится и увеличение темпов накопления керамического материала, которому в описании отводится особая роль. Предпринимаются попытки визуального определения технологии изготовления керамики (Шилов, 1960. С. 444, 448-452).

В целом для третьего, самого большого, периода в истории изучения сарматской керамики характерно окончательное признание за ней особой роли, как при рассмотрении вопросов хронологии, так и происхождения культур (Мошкова, 1974; Шилов, 1975, с. 132-134). В этот период наряду с

классификациями всех категорий погребального инвентаря, впервые были разработаны и обобщающие классификации керамики (Смирнов, 1964 а. С. 108-127; 1964 б С. 59; 1973. С. 166-179; Мошкова, 1963. С. 24-30).

IV период: 1990-е – начало XXI века.

В этот период происходит переход от изучения керамики классическими археологическими методами (Очир-Горяева, 1990. С. 81-92; Клепиков, 2000; Гуцалов, 2004. С. 33-37) к изучению керамики математическими (Скрипкин, 1990; Круглова, 1999. С. 32-35) и естественно-научными (Демкин, Рысков, 1994. С. 78-80) методами. Появляется ряд публикаций (Борисова, 1999. С. 161-163; Краева, 1999. С. 123-124; Иванова, 2000. С. 135-154; Краева, 2000. С. 114-134; 2002. С. 32-34; 2003 а. С. 11-13; 2003 б. С. 332-358; Краева, Богданов, 2000. С. 168-179; Краева, Мещеряков, Моргунова, 2000. С. 186-194; Иванова, 2006. С. 379-390; Краева, 2006 а. С. 197-201; 2006 б. С. 98-102), посвященных специально изучению технологии изготовления сарматской керамики по методике А.А.Бобринского (1978; 1999. С. 5-105).

Керамика, как и в предыдущий период, продолжает оставаться одним из самых важных археологических источников. Но создание обобщающих типологических классификаций приобретает локальный характер (Пшеничнюк, 1983. С. 100-101, 115-117), а при описании керамики из разных могильников продолжается терминологическая путаница.

Таким образом, к изучению сарматской керамики в разные годы обращались неоднократно многие исследователи, но посуда рассматривалась в общем контексте, наряду с погребальным обрядом и другими категориями вещевого инвентаря.

Анализ истории исследования сарматской керамической посуды и ее изучение позволили выделить ряд проблем.

Одной из которых, является трудность в разработке общей типологии керамики.

На сегодняшний день не разработано общепризнанной классификации сарматской керамики. При характеристике сосудов исследователи прибегают к самостоятельному интуитивно-визуальному описанию. Так, большинство разработанных до сегодняшнего дня типологий носят частный характер, выделение типов производится применительно к керамическому материалу конкретного памятника.

Одними из первых классификаций керамического материала ранних кочевников Южного Приуралья и Поволжья стали классификации К.Ф.Смирнова (1964 а. С. 108-127) – по савроматской керамике и М.Г.Мошковой (1963. С. 24-30) – по раннесарматской керамике, которые были основаны на массовом материале. Эти построения выявили ряд проблем, которые до настоящего времени не позволяют создать общую, универсальную и логичную типологическую схему: во-первых, отсутствие единого терминологического аппарата; во-вторых, наличие большого разнообразия форм сарматских сосудов и присутствие массы сосудов переходных типов, выделить критерии разделения которых очень сложно.

Например, даже разделение сарматской посуды на группы по форме днища всегда достаточно условно, т.к. наблюдается масса переходных форм между плоскодонными и круглодонными (Краева, 2003 б. С. 333), критерий же выделения степени уплощенности весьма размыт, и на рисунках обычно его очень сложно показать.

Выделенные проблемы в морфологии сарматской керамики не разрешены и в более поздней классификации С.А.Скрипкина (1990), которая была направлена на решение вопросов хронологии сарматской культуры.

Использование С.А.Скрипкиным методов статистического анализа взамен интуитивно-визуальному описанию, применяемому исследователями ранее, привело к дроблению керамики на множество типов (113 – плоскодонных и 69 – круглодонных), которые часто визуальны неотличимы друг от друга. Все это показало сложность привлечения подобных методов к изучению лепной сарматской керамической посуды.

При рассмотрении орнамента исследователи ограничивались лишь общей характеристикой орнаментов. (Смирнов, 1964. С. 120-127; Мошкова, 1974. С. 30-37, рис. 10; Скрипкин, 1990. С.162-163, рис.18).

Одними из первых, кто обратил внимание на савроматские сосуды с нестандартной системой орнамента, были К.В.Сальников и Н.П.Кипарисова (1958. С. 250). Анализируя сосуд со знаками из курганного могильника у с. Клястицкое, они интерпретировали завитки на сосуде как сами изображения баранов. В дальнейшем К.Ф.Смирнов (1964. С. 124 - 125) связал происхождение знаков на савроматской посуде с «письменными» знаками и асимметричной орнаментацией срубной культуры, а также с влиянием протохорезмийской письменности. Но значительный временной промежуток, разделяющий культуры позднего бронзового века и РЖВ, отсутствие подобных орнаментов на сосудах из погребений «переходного» типа не дают основания сегодня говорить о такой генетической преемственности.

По-видимому, традиция нанесения таких рисунков на сосуды связана с развитием искусства ранних кочевников, для которого характерны изображения различного рода значков, завитков, спиралей на изделиях из металла, кости и камня. Неслучайно, большинство сосудов с пиктограммами приходится на время расцвета звериного стиля, а «исчезновение» – на период схематизации в сарматском искусстве (Краева, Богданов, 2000. С. 171).

Керамика часто привлекалась как источник для реконструкций историко-культурного характера и в качестве хронологического индикатора. При этом исследователи нередко обращались к определениям примесей в глине, которые производились лишь визуальны, без использования специальных технических средств. Особенно острой и дискуссионной в науке стала проблема появления и исчезновения, так называемой, «тальковой керамики».

Под термином «тальковая керамика» в литературе подразумевается керамика с искусственной примесью талька в тесте, которая поддается визуальному определению. Таковую керамику часто привлекали в качестве

хронологического репера. На сегодняшний день в сарматской археологии господствует точка зрения, что традиция добавления талька практически исчезает в III-II вв. до н.э. (Мошкова, 1974. С. 22; Зуев, 1999. С. 28; Клепиков, 2000. С. 100; Клепиков, 2002. С. 58; Гуцалов, 2004. С. 36). Причем такие выводы делаются только на основе визуальных наблюдений, что, как показывает опыт, часто оказывается ошибочным. Чтобы делать заключения такого характера, безусловно, нужно специальное исследование в области технологии изготовления керамики.

Причины появления и исчезновения «тальковой» керамики в Южном Приуралье неоднократно излагались исследователями. По разнице взглядов можно выделить две точки зрения на эту проблему.

1) *Миграционная*. Появление «тальковой» керамики у сармат с IV в. до н.э. связано с полуоседлыми и оседлыми племенами зауральской лесостепи (Мошкова, 1974. С. 22). В частности с миграцией племен гороховской культуры, которые принесли свои традиции и навыки в технологию гончарного производства и повлияли на окончательное оформление керамического комплекса прохоровской культуры. А исчезновение «тальковой» керамики связано с возобладанием традиций более многочисленной местной группы населения (Таиров, 1998. С. 93).

2) *Контактная*. Появление «тальковой» керамики связывается не с миграцией лесостепного населения, а с ростом контактов сарматов с этим населением в IV в. до н.э. По мнению Б.Ф.Железчикова и А.Х.Пшеничнюка (1994, с. 8) появление круглодонной тальковой керамики объясняется сезонностью контактов кочевников с населением лесостепи, а исчезновение такой керамики в III в. до н.э. с прекращением прежних контактов и переориентацией интересов номадов на запад и юг. Н.С.Савельев (1999. С. 139-140) связывает нарастание количества «тальковой» керамики с юга на север, быстрое изменение, переосмысление орнаментов и «исчезновение» с брачной формой контактов.

Отрицая массовую миграцию к югу племен гороховской культуры в V-IV вв. до н.э., В.А.Могильников (1999. С. 133-134) считал, что «оформление своеобразия керамики прохоровской культуры происходило опосредовано, через контактирующую с «гороховцами» северо-восточную группу кочевников Южного Зауралья, которая стала звеном восприятия и передачи далее на юг и юго-запад культурных инноваций». Именно поэтому, по его мнению, круглодонная «тальковая» посуда прохоровской культуры близка гороховской, но не полностью идентична ей.

Исследование керамики с помощью микроскопа марки МБС-10 по методике А.А.Бобринского (Бобринский, 1978; 1999) показало, что тальк продолжает использоваться как примесь в III-I вв. до н.э. (Краева, 2002. С. 33-34; 2003 а. С. 13).

По ходу изучения состава формовочных масс был выявлен ряд трудностей при определении характера примеси талька в образцах с небольшой его концентрацией. Стал актуальным вопрос: целенаправленно ли вводился тальк как примесь гончарами в глину или попадал туда случайно из

шамота, на который шли сосуды, изготовленные из формовочной массы с добавлением талька?

Как уже отмечалось, к рассмотрению проблем происхождения раннесарматской керамики неоднократно обращались многие исследователи, а вот происхождению керамики савроматского периода до сих пор уделялось мало внимания. Если раньше К.Ф.Смирнов (1964. С. 126-127) связывал ее появление с развитием керамического комплекса «позднесрубной и позднеандроновской культур», то сегодня в связи с отрицанием прямой преемственности между этими культурами и существованием большого хронологического разрыва между ними, вопрос остается открытым.

Отсутствие технологического исследования керамики, а также этнографические параллели с кочевыми обществами у которых никогда не было керамики (Акбулатов, 1999. С. 57), ставят под сомнение сам факт существования гончарства в среде сарматских племен.

В действительности же мы имеем дело с массовым наличием лепных керамических сосудов в погребениях, но без специального комплексного изучения морфологии и технологии отделить посуду местного производства от привозной практически невозможно из-за внешней схожести форм и орнаментов.

Таким образом, несмотря на то, что керамика является самым распространенным погребальным инвентарем и встречается практически в каждом захоронении сарматской культуры, она пока не стала объектом специального исследования и существует множество проблем при ее изучении, которые ждут своего решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акбулатов И.М. Экономика ранних кочевников Южного Урала. – Уфа, 1999.
- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. – М., 1978.
- Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара, 1999
- Борисова Е.В. Техничко-технологический анализ керамики из курганов № 25, 26, 27, 31 и 32 Гвардейского курганного могильника // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург, 1999. – Вып. III.
- Городцов В.А. Русская доисторическая керамика // Труды XI Археологического съезда в Киеве в 1899 г. – М., 1901. – Т. 1.
- Граков Б.Н. Курганы в окрестностях пос. Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 г. // Труды секции археологии РАНИОН. – М., 1928. – Вып. IV.
- Граков Б.Н. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. – №3. М., 1947.
- Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII-I вв. до н.э. – Уральск, 2004.

Демкин В.А., Рысков Я.Г. Реконструкция погребальной пищи в курганных захоронениях бронзового и раннежелезного веков // Курганы левобережного Илека. – М., 1994.

Железчиков Б.Ф., Пшеничнюк А.Х. Племена Южного Приуралья в VI–III вв. до н.э. // Проблемы истории и культуры сарматов: Тез. докл. – Волгоград, 1994.

Зуев С.Ю. Проблема III вв. до н.э. в периодизации памятников сарматской эпохи (по материалам Поволжья и Приуралья) // Эрмитажные чтения памяти Б.Б.Пиотровского. Тезисы докладов. – С-Пб., 1999.

Иванова Н.В. Некоторые аспекты технологического изучения керамики из савроматских и раннесарматских памятников Самарского Заволжья // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. – Самара, 2000. – Вып. 2.

Иванова Н.В., Мышкин В.Н. К вопросу о гончарной технологии кочевников Самарского Заволжья в V–I вв. до н.э. // Вопросы археологии Поволжья – Самара, 2006. – Вып. 4.

Кипарисова Н.П., Сальников К.В. Савроматское погребение близ г. Троицка // СА. – 1958. - №2.

Клепиков В.М. К проблеме выделения сарматских памятников III в. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград, 2000. – Вып. 3.

Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. – Волгоград, 2002.

Краева Л.А. Технологический анализ керамики РЖВ из Западного Оренбуржья // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. – Челябинск, 1999.

Краева Л.А. Технология изготовления керамики из "прохоровских" погребений на р. Бердянка // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. – Самара, 2000. – Вып. 2.

Краева Л.А. Некоторые аспекты изучения технологии изготовления керамики из сарматских погребений III–I вв. до н.э. бассейна р. Илек // Диалог культур и цивилизаций. Тезисы IV научной конференции молодых историков Сибири Урала. – Тобольск, 2002.

Краева Л.А. Некоторые аспекты изучения технологии изготовления керамики из сарматских погребений III–I вв. до н.э. бассейна р. Илек // Чтения, посвящ. 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМе: Тез. конф. – М., 2003а. Ч. II.

Краева Л.А. Технично-технологическое исследование керамики из сарматских погребений Шумаевских курганов // Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. – Оренбург, 2003б.

Краева Л.А. Сарматский ритуальный сосуд из второго курганного могильника у с. Акоба // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Самара, 2006 а. – Спец. вып.: Актуальные проблемы истории и археологии.

Краева Л.А. Необычный сарматский сосуд из второго курганного могильника у с. Акоба // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск, 2006 б.

Краева Л.А., Богданов С.В. Сарматские погребения могильника у с. Пятилетка // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург, 2000. – Вып. IV. – С. 168-179.

Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Моргунова Н.Л. Одиночный курган у с. Благославенка // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург, 2000. – Вып. IV.

Круглова Н.П. Анализ количественных признаков для классификации раннесарматской керамики // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград, 1999. – Вып. 2.

Могильников В.А. К характеристике контактов кочевников Южного Зауралья с населением лесостепи // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. – Челябинск, 1999

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. – М., 1963.

Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. – М., 1974

Мошкова М.Г. История изучения савромато-сарматских племен // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1989.

Очир-Горяева М. А. Классификация керамики из погребений скифской эпохи Нижнего Поволжья // Вопросы археологии юга Восточной Европы. – Элиста, 1990.

Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. – М., 1983.

Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. – СПб., 1918.

Савельев Н.С. «Зауральские автохтоны»: идентификация, роль в формировании прохоровской культуры, дальнейшая судьба // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. – Челябинск, 1999.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Саратов, 1990.

Смирнов К.Ф. Савроматы. – М., 1964а

Смирнов К.Ф. Производство и характер хозяйства ранних сарматов // СА. – М., 1964 б. – №3.

Смирнов К.Ф. Сарматские погребения в бассейне р. Кинделя в Оренбургской области // КСИА. – М., 1966. – Вып. 107.

Смирнов К.Ф. Курильницы и туалетные сосудики Азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. – М., 1973.

Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. – М., 1975.

Таиров А.Д. Генезис раннесарматской культуры Южного Урала // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург, 1998. – Вып. 2.

Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // МИА. – М., 1960.

Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. – Л., 1975.

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ВЕРХНЕЙ ГРАНИЦЫ И ВНУТРЕННЕЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ МАЗУНИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Современная ситуация с изучением древней истории рубежа РЖВ – средневековья в Прикамье характеризуется определенным своеобразием. Казалось бы, основные дебаты идут вокруг хронологии, на самом же деле, спор касается лишь наименования отдельных стадий. Основными вехами развития местных культур признаны: III-II вв. до н.э. – конец ананьинской культуры, рубеж нашей эры – конец первой стадии пьяноборской культуры, II-III вв. н.э. – конец пьяноборской культуры, конец V – начало VI в. н.э. – начало средневековья.

Таблица 1.

Современное состояние разработки вопросов хронологии Прикамья конца раннего железного века – начала средневековья

	II	I		I	I	II	I	V	I	V	VI	VII
удяков			ранний	средний			поздний			Ломоватовская		
мирнов			ранний	средний			поздний			Ломоватовская		
алинин			ранний	средний			поздний			Ломоватовская		
мидт	фимская	Пьяноборская						Бахмут. 1		Бахмут. 2		
		Гляденовская						Харинская		Ломоватовская		
енинг	А			В	I	Азелинская						
						Мазунинская						
									Харинская			
ажитов				Бахмутино I			Бахмутино II					
геев			ранний	поздний			Мазунинская					
станина												
олдина	икский		афонинский			мазунинский			Верхнеутчанская			

Вторым важным вопросом является: – «Какие племена пришли в Приуралье в эпоху Великого переселения народов», и варианты ответов: саргатцы (Голдина, 1999. С. 276), гороховцы, угры (Зубов, 2004. С. 272; Бугров, 2006. С. 37, 55, 121-124, 126, 150, 153, 154, 187-189), славяне, именьковцы (Генинг, 1976. С. 108; Голдина, 1999. С. 266, 274; Матвеева, 2004), готы (Голдина, 1999. С. 274), тюрки (Халиков, 1971; Казаков, 1999), джетыясарцы (Сунгатов, 1998).

Мне бы хотелось коснуться вопроса самих датировок. А именно, отнесение последней «вехи» к рубежу V-VI вв. н.э. и соотношения «местной» и «общей» хронологии.

Материал мазунинской культуры (независимо от названия) делится по меньшей мере на две группы. Различия, в основном, прослеживаются в поясной гарнитуре и фибулах.

Накладки первой группы имеют разную форму и размеры, но практически все из них фасетированные (Останина, 1997. Рис. 11-14-27,34). Характерны: наконечники и пряжки из согнутой пополам пластины с вогнутыми длинными сторонами (Останина, 1997. Рис. 12-5,6, 13-20,21), «наборные» наконечники (Останина, 1997. Рис. 12-15,30), бляхи-раковины. Фибулы бронзовые – бабочковидные малых размеров (Останина, 1997, Рис. 6-1,4), ромбические с завитком Амброз 13, подвязные типа Скрипкин I-1-4. Оружие этого периода представлено длинными мечами без металлического перекрестья и навершия с навершиями из халцедоновых дисков.

Материал второй группы представлен овальнорамчатыми пряжками с полукруглой задней пластиной (Останина, 1997. Рис. 14-8,12,18,20-22), наконечниками из узкой длинной или широкой бронзовой пластины с цилиндрическим расширением (Останина, 1997. Рис. 12-11-14), накладками ромбической, круглой и др. форм (Останина, 1997. Рис. 28-33,35-37). Фибулы – воинские Амброз 17, асимметричные дуголенточные (Васюткин, Останина, 1986. Табл. 1-3, 2-36, 6-8, 9-1,14, 16-2, 19-2; Голдина, 2003. Табл. 174-5, 639-1-1, 664-6, 680-1-10, 692-2), «бантикообразные» (Васюткин, Останина, 1986. Табл. 3-15, 10-14, 12-5, 17-20, 19-12; Голдина, 2003. Табл. 579-1-4, 692-9), мазунинские бабочковидные на железной основе крупных размеров (Останина, 1997. Рис. 6-5-8), «сайгатского» типа (Останина, 1997. Рис. 32-8, 34-14). К этой группе относятся находки пронизок-медведей (Останина, 1997. Рис. 8-17-20), ножен «мазунинского» типа (Останина, 1997. Рис. 16-2). Оружие и орудия труда представлены новыми формами: «косы-горбуши» (Останина, 1997. Рис. 18-2), топоры (Останина, 1997. Рис. 17-1,2, 18-1), топоры-«франциски» (Останина, 1997. Рис. 17-3), тесла (Останина, 1997. Рис. 16-3, 20-4), серпы (Останина, 1997. Рис. 17-4).

Отличия обеих групп проявляются и в бусинном материале.

Первая группа датируется по отсутствию материала пьяноборского времени и наличию фибул (Скрипкин: I-1-4, III-1, III-2) (Скрипкин, 1977), многочисленными параллелями в декоре поясной гарнитуры (Малашев, 2000; Васильев, 2005) и оружия (Безуглов, 2000) в сарматском мире, в меньшей степени бусами: Алексеева 132 (Алексеева, 1978. С. 70). Бабочковидная фибула найдена в Темясово (или Лебедевке) (Мошкова, 2000. С. 191, рис. 4-12), ромбическая фибула из Томпакаса (Левина, 1996. Рис. 139-3), близка Тарасовской из погр. 101 (Голдина, 2003. Табл. 34-1-19).

Вторая группа датируется по привозным фибулам и подражаниям им (Амброз 17 и асимметричным дуголенточным) (Амброз, 1966), бусам из пасты печеночного цвета, эмалевыми подвесками западного происхождения (Бугров, 1994), отчасти поясной гарнитурой и исчезновением форм предыдущего периода.

Совершенно самостоятельную группу представляют древности эпохи средневековья. Инвентарь Петропавловского могильника – поясная

гарнитура (Семенов, 1976. Табл. I-22,25, II-1-9,13-17, III-1-20), подвески (Семенов, 1976. Табл. I-15, IV-2-5), «монетовидные» (Семенов, 1976. Табл. I-18,19), «очковидные» (Семенов, 1976. Табл. IV-9) и др. подвески (Семенов, 1976. Табл. V-8,13, IV-12), подвески и сюльгамы со вздутиями (Семенов, 1976. Табл. II-11), височные подвески с гроздьё (Семенов, 1976. Табл. V-7), бусы из орнаментированного сердолика (Семенов, 1976. Табл. I-1-5, IX-1-3,23-26,39-41,45-49) – совершенно оправданно датированы не ранее середины VI в. н.э. (ср.: Семенов, 1981) и демонстрируют изменения динамики культурных связей: поступление бус с Кавказа (Голдина, Королева, 1983. С. 66,68), аналогии поясным наборам и височным подвескам, подвескам – в степи, Башкирии и на Верхней Каме (Мажитов, 1968; Голдина, Королева, Макаров, 1980; Сунгатов, 1998; Ковалевская, 2000).

Мазунинская культура по всеобщему мнению завершается в конце V в. н.э. (Останина. 1997. С. 103-115), не заходит в VI в., а начало следующего периода датируется не ранее середины VI в. (Семенов. 1978. С. 48). Получается ничем не заполненная хронологическая лакуна в 50 лет.

Основные моменты «общей» хронологии.

Связь происхождения и развития культур Прикамья с общеевропейскими процессами до сих пор практически не обращала на себя достаточного внимания и не служила темой специального исследования.

Обратимся к существующим хронологическим схемам соседних территорий.

К 80-90-х гг. XX в. в результате хронологических разработок Б.А. Раева, А.С. Скрипкина, А.В. Симоненко, И.В. Сергацкова и других исследователей начальная дата среднесарматской культуры была отнесена к рубежу эр. В основу разработок легли хронологические позиции античной керамики, фибул, бус и металлической посуды (Сергацков, 2006)

Письменные источники говорят о дестабилизации всего сарматского мира в первой пол. I в. н.э. – Южное Приуралье, Поволжье, Нижний Дон и большую часть Северного Причерноморья занимает среднесарматская этнокультурная общность, сопоставимая с аланами. По сравнению с картиной расселения сарматских племен по Страбону, наблюдается сдвиг всего массива раннесарматских племен на запад (Виноградов, 1994. С. 164-165). Хронологическая близость всех этих событий наводит на мысль об их взаимосвязи. Отток раннесарматского населения на запад был связан с приходом с востока новых масс кочевников, потеснивших раннесарматские племена (Глебов, Парусимов, 2000. С. 77-78)

Примерно в середине III в. н.э. в степях Восточной Европы и Северного Кавказа от Урала до Дуная разразилась настоящая катастрофа, приведшая к полной перекройке этнополитической карты огромного региона. Около 251/254 гг. был разрушен Танаис. Остатки прежних кочевников отчасти бегут на север - в Поволжскую Лесостепь, в Башкирию (Скрипкин, 1984. С. 106-107). В то же время на Нижнем Дону появляются кочевники юго-восточного происхождения, которые заняли здесь господствующие позиции. При них в

донских степях сразу меняется весь культурно-археологический комплекс (Яценко, 1992; 1997).

В результате многолетней дискуссии, периодизация сарматской культуры приняла следующий вид:

Раннесарматский период (III в. до н.э. – середина I в. н.э.) может быть разделен на ранний (III – середина II вв. до н.э.) и поздний (середина II в. до н.э. – середина I в. н.э.) этапы. (Симоненко, 1989. С. 119,120).

Позднесарматский (вторая половина I – IV вв. н.э.) – на первый (рубеж I-II вв. – третья четверть II в. н.э.), второй (третья четверть II – середина III в. н.э.) и третий (середина III – последняя четверть IV вв. н.э.) этапы (Скрипкин, 1984. С. 80-116). Нижняя дата первого из них (рубеж I – II вв. н.э.) может быть удревлена до второй половины I в. н.э. (Симоненко, 1989. С. 120). На те же даты указывает и Д.А. Мачинский: четвертый период (8 г. до н.э. – 250-е гг. н.э.), пятый период (250-е гг. – рубеж IV – V вв. н.э.) (Мачинский, 1986).

Нашествие гуннов с 370-378 гг. н.э. положило конец господству ираноязычного населения и открыло совершенно новый этап в истории Евразии (Засецкая, 1994. С. 5,156). Достаточно кратковременное их пребывание на этнополитической арене оказало существенное влияние в том числе и на народы Прикамья, что и отразилось в их материальной культуре (Васкул, 2005), социальной структуре.

Первый тюркский каганат (552-630 гг.) стал силой, которой впервые в истории Евразии удалось объединить все кочевнические группировки Степи единой наднациональной культурой. Последняя, ввиду ее престижности, стала предметом активного «импорта» населением лесной зоны.

Развитие материальной культуры от пьяноборского к мазунинскому времени, давшее Р.Д. Голдиной основания для объединения памятников в одну культуру, демонстрирует постепенную трансформацию культурных типов при сохранении основных тенденций эпохи. В начале первого мазунинского периода, отмеченного приходом новой волны кочевников в Сарматии, существенных изменений в динамике этнокультурных связей не фиксируется. Многочисленные заимствования сарматских украшений, творчески перерабатываемых прикамскими мастерами, налаженные торговые связи, как раз и демонстрируют это. Появление же в степях гуннских орд (второй мазунинский период) привело к нарушению устойчивых торговых путей и развитию многочисленных и разнообразных местных форм украшений. С другой стороны в материальной культуре можно отметить новые заимствования. Прежде всего, это касается новых форм вооружения, в том числе защитного (Голдина, Волков, 2000; Goldina, Chernych, 2005), деталей поясной гарнитуры, фибул и др. украшений. Эти элементы показывают изменение направления торговых путей – они переориентируются с юга на запад. В середине I тыс. н.э., в связи с очередной волной кочевников, пришедшей с востока, происходит коренная смена всей материальной культуры.

Датировка Петропавловского могильника с середины VI в., и отсутствие твердых реперов для выявления верхней границы мазунинской культуры не дают ни малейших оснований относить границу мазунинской и последующих культур к рубежу V-VI в. Мазунинский материал вполне может датироваться и первой половиной VI в., демонстрируя рефлексии и инерционность развития предыдущего периода. Идея, кстати, не нова. Не давая «культурных» определений, В.Б. Ковалевская датировала схожий материал до середины VI в. (Ковалевская, 1972).

На мой взгляд, хронология мазунинского времени может выглядеть следующим образом: 1) середина III в. н.э. – конец IV в. н.э. (объединяя этапы 1-3 по Т.И. Останиной) и 2) конец IV в. н.э. – середина VI в. н.э. (4-5 этапы по Т.И. Останиной и материалы первой половины VI в.).

Таблица 2

Соотношение «местной Прикамской» и «общей» хронологии

II	I	I	I	II	III	IV	V	VI	VII
	Пьяноборье I								
		Пьяноборье II							
					Мазун ино I				
						Мазунино II			
								Бахмутино ...	
Раннесарматский			Позднесарматский			Гу			Т
анний	поздний		первы	второй	в	третьи	нны	юрк I	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.
 Алексеева Е.М. Античные бусы северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1978. 120 с.
 Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР / САИ. Вып. Д1-30. М.: Наука, 1966. 111 с.
 Амброз А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV – VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М.: Наука, 1980. С.1-56.
 Арматынская О.В. Усть-Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века. Устинов: Удмуртский университет, 1986. С.26-46.
 Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону / МИА Дона. Вып. 1. Ростов н/Д: ООО «Терра»; НПК «Гефест», 2000. С.169-193.
 Бугров Д.Г. Предметы с выемчатой эмалью из Нижнего Прикамья // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола: б/и, 1994. С.33-38, рис. XIII.
 Бугров Д.Г. Поселения пьяноборской культуры в Иско-Бельском междуречье / Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Казань, 2006. 221 с.

Васильев А.А. Некоторые замечания к хронологии позднесарматских древностей // Археологические записки. Вып. 4. Ростов н/Д: б/и, 2005. С.52-64.

Васкул И.О. О происхождении харинской полихромной поясной ганитуры (к вопросу об истоках культуры харинского типа) // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья Европейского Северо-Востока / МАЕСВ. Вып. 17. Сыктывкар: б/и, 2005. С.47-61.

Васюткин С.М., Останина Т.И. Старо-Кабановский могильник // Вопросы истории и культуры Удмуртии. Ижевск: Удмуртия, 1986. С.95-126.

Винградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. 1994. №2.

Генинг В.Ф. Ижевский могильник // ВАУ. Вып. 7 / Памятники мазунинской культуры. Ижевск-Свердловск: б/и, 1967а. С.123-140.

Генинг В.Ф. Тураевский могильник (захоронение военачальников) // Из археологии Волго-Камья. Казань: б/и, 1976. С.55-108.

Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры: Пьяноборская эпоха III в. до н.э. – II в. н.э. М.: Наука, 1988. 240 с.

Глебов В.П., Парусимов И.Н. Новые сарматские погребения в бассейне р.Сал (о соотношении раннесарматской и среднесарматской культур) // Сарматы и их соседи на Дону / МИА Дона. Вып. 1. Ростов н/Д: ООО «Терра»; НПК «Гефест», 2000. С.61-89.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмуртский университет, 1999. 464 с.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме. Т.2, иллюстрации. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Предварительные итоги раскопок бескурганной части Тураевского I могильника // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С.140-162.

Голдина Р.Д., Волков С.Р. Шлемы Тарасовского могильника // УАВ. Вып. 2. Уфа: МНРБ, 2000. С.98-122.

Голдина Р.Д., Королева О.П. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск: УдГУ, 1983. С.40-71

Голдина Р.Д., Королева О.П., Макаров Л.Д. Агафоновский I могильник – памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск: УдГУ, 1980. С.3-66, 136-185.

Засецкая И.П. Культура кочевников Южнорусских степей в гуннскую эпоху (к. IV-V вв.). СПб: б/и, 1994. 224 с.

Зубов С.Э. Проблемы этнической дивергенции пьяноборского этноса // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара: СамГУ, 2004. Вып. 2. С.267-279.

Казаков Е.П. Новые археологические материалы к проблеме ранней тюркизации Урало-Поволжья // Татарская археология. 1999. С.23-38.

Калинин Н.Ф. Древнейшее население на территории Татарии // Материалы по истории Татарии. Казань: Татгосиздат, 1948. С.23-96.

Ковалевская В.Б. Башкирия и Евразийские степи IV-IX вв. (по материалам поясных наборов) // Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972. С.95-109.

Ковалевская В.Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М.: ОНТИ ПНЦ РАН, 2000. 364 с.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: Восточная литература, 1996. 396 с.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М.: Наука, 1968. 161 с.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитурпозднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / МИА Дона. Вып. 1. Ростов н/Д: ООО «Терра»; НПК «Гефест», 2000. С.194-232.

Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV-VII вв.: именковская культура. Самара: СамГУ, 2004. 168 с.

Мачинский Д.А. Скифия и Боспор // Скифия и Боспор: Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989.

Мошкова М.Г. Фибулы из позднесарматских погребений Южного Приуралья: вопросы хронологии и производства // НАВ. Вып. 3. Волгоград: ВолГУ, 2000. С.186-200.

Останина Т.И. Покровский могильник. Каталог археологической коллекции. Ижевск: б/и, 1992. 95 с.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.

Семенов В.А. Петропавловский могильник // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1976. С.3-50.

Семенов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник полемской культуры. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1981. С.5-135.

Сергацков И.В. Проблема становления среднесарматской культуры // Раннесарматская и среднесарматская культуры. Проблемы соотношения. Вып. 1. Волгоград: Волгоградское книжн. изд-во, 2006. С.37-58.

Симоненко А.В. О периодизации сарматской культуры // Скифия и Боспор: Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989.

Скрипкин А.С. Фибулы нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. №2. С.100-120.

Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: Изд-во СГУ, 1984. 150 с.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья и Урала // МИА. №28. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 274 с.

Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V-VIII вв.). Уфа: Гилем, 1998. 169 с.

Халиков А.Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов. Казань, 1971.

Худяков М.Г. «Эполетообразные» застежки Прикамья // Сборник («аспирантов») ГАИМК. Вып. 1. Л., 1929. С.41-50.

Шмидт А.В. Жертвенные места Камско-Уральского края // Известия ГАИМК. Т.13. Вып. 1-2. Л., 1932.

Яценко С.А. Алания в Центральном Предкавказье (середина III – Середина IV вв. н.э.) // XVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Майкоп, 1992. С.65-67.

Яценко С.А. Германцы и аланы: о разрушениях в Приазовье в 236-276 гг. н.э. // STRATUM + ПАВ. 1997. С.154-163.

Gening V.F. Völkerwanderungszeitliche Kriegergräber aus Turaevo im Uralvorland // Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. Band 1. (Sonderdruck). B.: Schriftleitung Berlin – Mainz/Rhein: Philipp von Zabern, 1995. S.265-327.

Goldina R.D., Chernych E.M. Forrest and steppe: A dialogue of cultures (On archeological materials from the Kama region) // Acta Orientalica Academiae Scientiarum Hungaricae. 2005. Vol.58. №1. P.41-58.

ЖЕНСКИЙ КОСТЮМ ПО МАТЕРИАЛАМ БОЛЬШЕТАРХАНСКОГО МОГИЛЬНИКА КОНЦА VIII-IX вв.

Большетарханский могильник расположен на окраине с. Большие Тарханы Тетюшского района Республики Татарстан. Памятник открыт в 1949г. татарским отрядом Куйбышевской археологической экспедиции (руководитель – Н.Ф.Калинин). В 1957, 1960гг. был подвергнут широким раскопкам (руководители – В.Ф.Генинг, А.Х.Халиков).

Вещевой, а также нумизматический материал определил время функционирования некрополя второй половиной VIII – первой половиной IXв. Позднее, Е.П.Казаковым, была предложена датировка могильника (на основе болгаро-аланских памятников Подонья) – концом VIII – IX в. (Казаков, 1992. С. 273)

В книге «Ранние болгары на Волге», вышедшей в 1964г., авторами (В.Ф.Генинг, А.Х.Халиков) был проанализирован вещевой материал могильника, дана хронологическая и культурная принадлежность памятника. Исследователи связывали полученный материал, с собственно болгарами, пришедшими в Среднее Поволжье из Подонья (Генинг, Халиков, 1964. С. 22).

Т.А.Хлебникова в своей монографии, посвященной анализу керамики Волжской Болгарии, выделила отдельные «этнокультурные группы» керамики (группы 1 - 3), связанные, непосредственно, с болгаро-салтовским кругом памятников (Хлебникова, 1984. С. 43).

Е.П.Казаков, в работе «Культура ранней Волжской Булгарии (этапы этнокультурной истории)», изданной в начале 90-х гг. XX в., относил данный памятник к одной из собственно болгарских этнических групп, «находящихся, видимо, до переселения в Среднее Поволжье, в контактах с аланским населением» (Казаков, 1992. С. 53). Однако, данный памятник отличается от общего круга памятников салтовской культуры: небогатые наборы бус, отсутствие ряда специфических, для салтовских памятников, предметов (некоторые типы зеркал, колесовидные подвески и т.д.) (Казаков, 1992. С. 54)

В данной работе использованы отчеты по раскопкам Больше-Тарханского могильника (1957, 1960г.). Из общего количества захоронений (365) для реконструкции было отобрано 13 погребений (погр.№№7, 35, 40, 62, 66, 69, 76, 121, 125, 187, 196, 273, 291) с наиболее выразительным вещевым материалом, расположенным *in situ*.

Для решения обозначенной проблемы был использован комплексный подход (по С.А.Яценко), подразумевающий под собой использование массовых находок, систематизацию данных; и привлечение комплексов других наук – истории, этнографии, антропологии (Яценко, 2002).

Также в работе при выделении основных типов костюмного комплекса была использована методика Н.Б.Крыласовой: по принципу сочетания основных категорий украшений (височные подвески, нагрудные украшения, поясные наборы, наконники) (Крыласова, 2001. С. 105). Данная методика активно используется многими учеными.

Учитывая культурную и хронологическую близость могильника (вещевой инвентарь, хронология) к кругу салтово-маяцких памятников Подонья и Поволжья, включающих болгарские, аланские, хазарские компоненты, реконструкция костюма проводилась с использованием их данных. Однако, погребальный инвентарь Большетарханского могильника представлена очень бедно, чего нельзя говорить об аланских и салтово-маяцких комплексах памятников.

Женский костюмный комплекс (А.А.Иерусалимская, О.В.Орфинская, С.А.Плетнева) представляет собой совокупность верхней и нижней одежды (куртка/кафтан, нижнее платье, штаны, чулки), головного убора (шапочка с наконником, головной платок), пояса, обуви и комплекса украшений (Орфинская, 2000. С. 108; Иерусалимская, 2000. С. 60; Плетнева, 2000. С. 167). Е.П. Казаков относит одежду Большетарханского могильника к более простой (Казаков, 2000. С. 67).

Исследователи отмечают единообразие мужской и женской одежды в эпоху средневековья (т.е. единство или сходство покроев одежды разных полов и возрастов) (Орфинская, 2000. С.106; Завьялова, 1996. С. 20; Мухамедова, 1997. С. 6; Сулова, Мухамедова, 2000. С. 30).

В погребениях Большетарханского могильника, к сожалению, не сохранились фрагменты органических материалов (ткань, кожа, мех), из которых шилась одежда. Наиболее полную информацию по текстилю и материалу одежды несут в себе могильники Северного Кавказа (Мощева Балка, Хасаут, Нижний Ахрыз) и Подонья (Салтовский, Дмитриевский, Маяцкий) VIII–XI вв. (Иерусалимская, 2000. С. 59; Винников, Синюк, 2003. С. 214)

Основу костюма составляла туникообразная рубаха и штаны с широким шагом, выполненная из ткани (Завьялова, 1996. С. 20). Шейный разрыв на нательной одежде был овальный, и обшивался на манер небольшого воротника-стойки полоской ткани. Грудной подрез располагался посередине (Завьялова, 1996. С.20). Поверх рубахи надевали «куртку» («кафтан») такого же покроя, до колен с коротким/длинным рукавами, в легком (кожа?) или утепленном (подбитый мехом), вариантах (Хвольсон, 1869. С. 100, 169, 170, 172). По своему покрою, «куртка» («кафтан») была достаточно свободным в плечевой части (что связано с кочевой жизнью), имела однотипный срединный запах пол, застежки в нагрудной и поясной частях (Завьялова, 1996. С.25).

Фрагменты обуви так же не были зафиксированы в выбранных погребениях. Однако по материалам других погребений могильников Кавказа и можно предположить, что население носило мягкую обувь высотой до колен, сшитую из кожи (Орфинская, 2000. С. 108; Колода, 2000. С. 69).

Из женских головных уборов следует отметить шапку (из кожи) на меховой подкладке (зимний вариант) и головной платок, который мог носиться женщиной, как зимой, так и летом (Орфинская, 2000. С. 108). Этнографические материалы показывают, что такой способ ношения (платок с сочетанием с головным убором) сохранялся у казанских татарок до конца XVIII в. (Воробьев, 1953. С. 100)

Комплекс женских украшений состоял из украшений головы, деталей пояса, шейно-нагрудных, набедренных и наручных украшений.

Головные украшения. Практически во всех выбранных погребения в области головы зафиксированы височные подвески, в основном, т.н. салтовского типа. Располагались подвески у височных костей попарно (погр.№№35, 40, 62), или с одной стороны (преимущественно, правой) (погр.№№66, 69, 76, 121, 291). Крепились на головную ленту по одной, с правой и левой стороны, у висков.

Накосное украшение было отмечено один раз – в погр.№7 (детское) (рис.6; 3). Шумящая подвеска арочной формы с каплевидными завершениями, которая, возможно, вплеталась в конец косы (прическа в «одну косу») и не пряталась под головным убором (Иерусалимская, 2001. С.88).

Шейно-нагрудные. К комплексу шейно-нагрудных украшений следует относить ожерелья, всякого рода подвески и предмет одежды – нагрудник. Так как нагрудник, являясь одним из видов костюмного комплекса, формально прикрепляясь на шею, мы посчитали возможным отнести его к категории шейно-нагрудных украшений и предметов одежды.

Шейные украшения представлены относительно небогатыми ожерельями, в основном, из стеклянных бус, в одну – две нитки (погр.№№196, 291), и, зафиксированными под нижней челюстью погребенных, различными подвесками: лунница (погр.№№7, 69), монетовидная подвеска (погр.№ 35), т.н. «бубенчик» (погр.№125). Лишь, в одном случае (погр.№291), ожерелье (в две нити) было составлено из позолоченных и посеребренных бусин в сочетании с бисером различного цвета (синий, желтый, зеленый, черный). В погребении № 196 в состав ожерелья входили 2 медные подвески (шаровидной и каплевидной форм).

Зафиксированный в области шеи (погр.№187), бисер (синего, зеленого, желтого, черного цвета), возможно, являлся остатками расшитого нагрудника(?).

Серия нагрудных украшений (в основном, украшения одежды) представлена различными подвесками (бутыльчатые, пирамидальные), зафиксированные, в основном, в детских погребениях (погр.№№7, 62, 76). Такого рода подвески, возможно, нашивались, или подвешивались на кожаных шнурках на одежду в районе груди.

Костылек-подвеска, располагавшаяся на правом плече погребенной, скорее всего, могла служить в качестве застежки (скрепления) верхней одежды.

Элементы пояса. К сожалению, в выбранных погребениях, не представлены элементы сложного пояса. Хотя наличие накладок на ремень

позволяют предполагать его существование. Видимо, в большинстве предполагается подпоясывание верхней одежды обычным поясом («на узелок»).

Наручные украшения. Элементы украшений этой категории зафиксированы в трех погребениях: погр.№40 –серебряный браслет, свернутый из височного кольца мерянско-муромского типа; погр.№69, 76 – серебряный перстень («лапчатый»).

Типы костюмных комплексов выделены по сочетаниям основных категорий украшений (височные подвески, нагрудные украшения, поясные наборы, наконники). Такого рода украшения, как детали костюма, перстни, браслеты, застежки, элементы украшений головных уборов, имеют второстепенное значение и могут использоваться лишь для дополнительной характеристики типов (Крыласова, 2001. С. 105).

Тип 1 – сочетание височных подвесок и шейно-нагрудных украшений. (№№35, 69, 291). Височные подвески представлены двух типов: 1) незамкнутое, круглое в сечении височное кольцо (погр.№35, 69); 2) круглое в сечении, незамкнутое кольцо с утолщением в верхней части и напускными бусами на неподвижном диске (погр.№35, 291). В состав нагрудных украшения входили как ожерелье (в две нитки), состоящее из стеклянных бус (погр.№ 291), так и, одинарных подвесок (лунница (погр.№69), монетовидная подвеска (погр. № 35)). В одном случае (погр.№69) встречен серебряный перстень.

Тип 2 – височные подвески. Присутствуют дополнительные характеристики (детали костюма, браслеты, застежки. (№№40, 62, 66, 76, 121). Характерно присутствие только одной категории украшения (височные подвески) – крепились с одной или с двух сторон. Представлены височные подвески (салтовского типа) двух типов – в виде простого незамкнутого кольца (погр.№ 40) и незамкнутого кольца с утолщением в верхней части и напускными бусами (от 2 до 4) на вращающемся/неподвижном диске (погр.№№40, 62, 66, 76, 121). По одной категории были встречены наручные украшения – браслет (погр.№40), перстень (погр.№76). В остальных случаях – детали костюма (бутыльчатые, пирамидальные подвески), встреченные, преимущественно, в детских захоронениях (погр.№№62, 76).

В двух погребениях находились пряслица (погр.№№66, 121), в одном – кувшин и фрагмент ножа (погр.№121).

Тип 3 – сочетание шейно-нагрудных и наконных украшений. (1 погр.: погр.№7). В качестве шейно-нагрудного украшения выступает одинарная подвеска (лунница). В качестве наконного украшения выступает – шумящая подвеска (арочной формы). Среди дополнительной характеристики костюма следует выделить такие детали костюма, как пирамидальные привески, нашиваемые на одежду.

Тип 4 – шейно-нагрудные украшения. Присутствуют дополнительные характеристики (детали костюма) (3 погр.: №№ 125, 187, 196). В состав нагрудных украшения входит как ожерелье из стеклянных бус в одну нитку (погр.№196), так и одинарная подвеска (бубенчик (погр.№125)). В погребении

№196 ожерелье дополняется двумя подвесками (каплевидной и шаровидной формы). В одном случае зафиксированы остатки расшитого нагрудника (погр.№187). В погребении №125 найдена застежка верхней одежды (костылек-подвеска). Во всех погребениях встречены пряслица, в двух погребениях - сосуды (погр.№№ 125 (кувшин гончарный), 196 (лепной горшок)), по одному – фрагменты ножа (погр.№125), железная игла (погр.№196).

Таким образом, детали женского костюмного комплекса, реконструируемого по материалам Большеатарханского могильника, находят аналогии в памятниках Подонья, Поволжья, Кавказа, Прикамья VIII – XI вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Винников А.З., Синюк А.Т. Дорогами тысячелетий. Воронеж, 2003
- Воробьев Н.И. Казанские татары. Казань, 1953.
- Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. Казань, 1964.
- Завьялова М.К. Татарский костюм из собрания Государственного Музея РТ. Казань, 1996.
- Иерусалимская А.А. Алано-адыгский костюм VIII – XI в. на фоне общих проблем изучения средневекового костюма Запада и Востока. // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Самара. 2000.
- Иерусалимская А.А. Некоторые вопросы изучения раннесредневекового костюма (по материалам анализа одежды адыго-аланских племен VIII – IX вв.) // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Т.1. Самара, 2001.
- Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. М., 1992.
- Казаков Е.П. Об этнокультурной специфике костюма народов Урала-Поволжья в VIII–X вв. // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Самара, 2000.
- Колода В.В. О находке остатков обуви в Верхнем Салтове // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Самара, 2000.
- Крыласова Н.Б. История прикамского костюма. Пермь, 2001.
- Мухамедова Р.Г. Татарская народная одежда. Казань, 1997.
- Орфинская О.В. Аланский костюм VIII – IX (по материалам скальных могильников Карачаево-Черкессии) // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Самара, 2000.
- Плетнева С.А. Половцы у себя дома // Татарская археология, Казань, 2000. №1-2 (6-7).
- Суслова С.В., Мухамедова Р.Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – нач.XX вв.). Казань, 2000.
- Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омара Ибн-Даства. СПб., 1869.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Булгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М., 1984.

Яценко С.А. Костюм ираноязычных народов древности и методы его историко-культурной реконструкции: автореф. дис. д-ра ист. наук. М., 2002.

Т.А. Леонова

*Башкирский государственный педагогический университет им.
М.Акмиллы, Уфа*

О ПЛОДОТВОРНОСТИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ СВЯЗЕЙ: СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ И КЛИМАТОЛОГИЯ

К концу XX века историческая наука стала полидисциплинарным знанием. Это утверждение – аксиома, признанная в сообществе гуманитарных ученых. Исследовательское поле истории расширилось и продолжает расширяться, осваивая и привлекая материалы и методы как смежных гуманитарных, так и естественнонаучных дисциплин. Не только прикладная, но и фундаментальная историческая наука с ее традиционными темами политической, социальной или экономической истории давно вышла за рамки классических добротных исследований эпохи позитивизма. Используемая современной историей, например, теория бифуркаций – самое очевидное свидетельство сближения гуманитарных и точных наук. Но если этот пример из области пока еще экзотики, то содружество истории и географии – одна из давних традиций в мировой историографии.

Еще на заре отечественной исторической науки в конце XVIII в. Иваном Болтиным были записаны знаменательные слова: «У историка, не имеющего в руках географии, встречается претыкание» (Гумилев, 2001. С.20). На рубеже XIX – XX веков в отечественной историографии принятой нормой был учет географического фактора в истории. И не просто учет, а именно на основе природного компонента выстраивались концепции фундаментальных основ, например Российской цивилизации. Образцовой работой в этом плане является знаменитый труд П.Н.Милюкова «Очерки по истории русской культуры» (1896-1903). Климат и ландшафтные характеристики, не говоря уже об ископаемых ресурсах – это данный свыше – Природой, Богом шанс реализовать свой потенциал тому или другому народу.

Тесная взаимосвязь истории и географии является не только русской традицией. В исследовательской практике западноевропейских стран, например Франции, что находит отражение во многих трудах историков, в том числе и мэтров знаменитой исторической школы Анналов. Так, учившегося в 20-е гг. прошлого века в Сорбонне Ф.Броделя привлек жанр региональной географии, образцы которой в разное время продемонстрировали Л.Февр и М.Блок. В Германии также сложилось

направление, соединяющее историю и географию. Оно получило название «человеческой географии» (Юсим., 2005. С. 36).

Природа или географическая среда у Ф.Броделя не только часть истории, но нередко и противник человека, в борьбе с которым проходит его историческое существование. Наиболее ярко этот историко-географический подход Ф.Броделя выражен в его последней работе «Что такое Франция?» (1985) (Бродель, 1994-1995).

Таким образом, можно констатировать, что историки давно уже готовы к диалогу со специалистами – географами, в том числе и в конкретной области – климатологии. Поставленная проблема о плодотворности сотрудничества географии и истории в наши дни возникла, как реакция концепцию причинно-следственных связей в мировой истории, предлагаемую В.В.Клименко, известного автора многих публикаций по истории климата Земли в различные эпохи. Наше внимание особенно привлекла последняя публикация, представляющая очерк воздействия климатических перепадов на Средневековую историю в самом широком смысле этого понятия: политическую, культурную, этническую (Клименко, 2003). Наиболее привлекательным в этом построении является то, что предлагаемая модель новой интерпретации истории выстраивается автором на сопоставлении климатических изменений и исторических событий. Основание концепции совершенно очевидно и достаточно категорично сформулировано автором. Вызывает только сожаление, что хорошая идея в очередной раз возвращает нас к поискам единственного фактора, управляющего человеческой историей.

Сразу оговоримся, что вопреки утверждению В.В.Клименко, никто из историков в настоящее время не игнорирует воздействие географической среды на исторические процессы. К тому же предлагаемая им гипотеза о связи климатических изменений с глобальными историческими процессами не только не нова, но уже достаточно ангажирована европейской философией истории (работы А.Тойнби и О.Шпенглера) и работами зарубежных и русских историков, в том числе и Л.Н.Гумилева. Кроме того, автор доводит свою концепцию прямого воздействия климатических изменений на исторические процессы до гротескности, опираясь в исторической части статьи на примеры из известных ему учебных и справочных изданий (Клименко, 2003. С.36).

В критической части статьи В.В.Клименко особенно досталось французскому медиевисту, автору знаменитого на весь мир исследования пиренейской деревни Монтаю и ее жителей. Э.Ле Руа Ладюри в книге по истории европейского климата, кстати говоря, «блистал» не собственными изысканиями в области климатологии, а современных ему географов (Ле Руа Ладюри, 1971). Тем не менее, по В.В.Клименко, книга эта к несчастью была переведена на английский и русский языки. Упрек в адрес Л.Р.Ладюри, что он «добру и злу внимая равнодушно», попросту представил обширное и пестрое собрание разнообразных фактов» (Клименко, 2003. С.6), можно в

равной степени отнести и к самому В.В.Клименко. Он расправляется со всеми потоками человеческой жизни, поставив во главу угла природные инстинкты муравья – когда строить дом, а когда закрыть доступ в него в зависимости от состояния погоды.

Историки достаточно долгое время воспринимали человечество как некую массу, движимую социальными, экономическими, природными, Божественными законами. Но этот путь изучения истории уже пройден. К началу XXI в. историки не сомневаются, давно доказав, что так называемая масса состоит из индивидуумов, которые действуют чаще не по зову природы, а как минимум в соответствии с ментальными, социальными установками, а также в силу своего индивидуального характера.

В чем можно согласиться с В.В.Клименко с точки зрения историка, так это с тем, что наконец-то географы, как специалисты, обратили внимание на неправильную, устаревшую информацию об истории климата. Безусловно, для развития исторических исследований будет очень полезно и плодотворно осознание и воссоздание более глубоких связей человеческого общества и природы. Оговоримся при этом, что все или почти все, выводы о климате находятся на совести самих же географов, трудами которых и пользуются порицаемые В.В.Клименко историки, археологи. Гневно обличаемая В.В.Клименко работа Л.Р.Ладюри, конечно, сырая – это знают все историки, поэтому она не востребована, что не удивительно, не только географами, но историками. Но внесем некоторую ясность в это положение. Сам автор пишет, что это уровень палеоклиматологии середины XX века, уточним, как и критикуемая им книга. Однако, гораздо более «древняя» мысль Боголепова (столетней давности) вполне устраивает автора, возможно по причине привлекательной христологичности в виде природного цикла - 33,3 года, что ровно составляет возраст распятого Христа. Что удивительно – до сих пор никому в голову не пришло эмпирически проверить это число на конкретном регионе.

Попытки В.В.Клименко глобально описать волны климатических изменений в Западной Европе, благо она небольшая по площади, также не удаются (Клименко, 2003. С.12). С точки зрения автора, странно, что в одно и то же время (конец XIII в.) в Италии холодно, а в более северной Германии на Рождество цвели фиалки. Вместе с тем историки, опираясь на материалы хроник, давно указывали на то, что климатические условия Европы очень разнообразны. Об этом говорят и конкретные цифры по урожайности культур по столетиям и годам. Они показывают, что вселенский голод в Европе правил бал в Средние века редко, скорее ее поражали локальные голодовки, связанные с ухудшением климатических условий по регионам. Как известно, низкая урожайность зерновых сохранялась в Европе на всем протяжении Средневековья и не давала возможности создать значительные запасы продовольствия. Двуполье, практиковавшееся европейскими крестьянами, с его посевами яровых имело все шансы пострадать в любых мало-мальски неблагоприятных весенних погодных условиях. Поэтому в Средние века и даже в Новое время Европу постигал недород довольно

часто. Его результат – это голод, охватывающий большие или меньшие регионы. Так, в довольно благоприятных природных условиях для земледелия во Франции голодовки в масштабе всей страны выглядят следующим образом: 10 голодных лет в X в.; 26- в XI в.; 2 – в XII в.; 4 – в XIV в.; 7 – в XV в.; 13 – в XVI в.; 11 – в XVII в.; 16 – в XVIII в.. При этом они сопровождались локальными голодовками. Например, в XI в. в разных областях Германии 62 года были голодными.

Косвенно о периодах похолоданий, причем существенных, свидетельствует предметная сфера человеческого бытия: костюм, отопительные приспособления, способы строительства и утепления помещений, остекление домов. Любопытно, что печи, дающие хорошее и долго сохраняющееся тепло, появились в Германии, Скандинавии к XII в. В других же странах значительно позднее – в XVI в.. Изобретенное в раннее Средневековье стекло стали использовать для остекления окон только с XVI в. Утепленная одежда также появилась ко времени «малого ледникового периода», когда мехом стали подбивать одежду, которую носили в течение всего дня.

Парадоксально выглядит XV в., когда по В.В.Клименко начинается безусловное ухудшение климата (Клименко, 2003. С.16). В течение этого века происходило запустение деревень, с его точки зрения по причине ухудшения климатических условий. С точки зрения медиэвистов - это хорошо известный демографический процесс, обусловленный пандемиями чумы (через каждые 10-20 лет), продолжавшимися до 1450 г. Забрасывались земли не только в упомянутой Германии, но и в других странах, прежде всего в тех регионах, где были менее плодородные земли, освоенные некогда в процессе внутренней колонизации. Однако остается вопрос, который можно было бы задать В.В.Клименко: почему именно в XV в. благосостояние крестьянства было наиболее высоким в сравнении с предшествующим периодом Средневековья и последующей эпохи? Изученная структура питания об этом говорит достаточно красноречиво. Об этом свидетельствуют и современники, практически во всех странах Европы (Бродель, 1986).

Сравнительная хронология климатических и исторических событий сведена автором в таблицу и прокомментирована применительно к VII-XV вв. фактически по двум разделам: история культуры и политическая история. Главная задача автора, как следует из всего текста – любыми путями сопоставить победы и поражения в войнах всех регионов мира с климатическими колебаниями потеплений и похолоданий. При этом удивляет, что в одном и том же регионе, например Палестине, похолодание приносит европейцам победу, а потепление – поражение. В то же время их противникам – мусульманам – все наоборот. То ли принцип не у всех народов одинаково действует, то ли Господь определил европейцам быть успешными в периоды климатических катаклизмов. Впрочем, рассуждения о норманнах в Британии дает надежду, что кто-то из европейцев тоже побеждает в периоды потепления, ведь от кого-то в Англии X в. века они терпят поражение (Клименко, 2003. С.29). В действительности же – королю Альфреду с трудом

удается остановить натиск датчан на юг острова, заключить с ними мир, отдав Нортумбрию и Восточную Англию, где и возникает именно в X в. первое обширное поселение норманнов в Британии, которое вошло в историю под именем Денло или области датского права.

Еще одна любопытная деталь: будучи в Палестине, европейцами управлял климат Европы? Впрочем, вопросы глупо задавать, ибо автор трактует историю, ее персонажей, как это ему удобно для подтверждения гипотезы. Например, арабское слово джебель, как известно, означает «гора», которую в честь своего военачальника называли Тарик, превратилась у В.В.Клименко в имя (Джебель аль Тарик). Подбные «мелочи жизни» вызывают можно объяснить авторским примечанием (77): «События культурной и социальной жизни в эпоху средневековья даются в соответствии с литературой, представленной в примечаниях 4,5 и сложившимися авторскими представлениями». По всей видимости, радикальное воздействие на эти авторские представления оказали романы С.Цвейга, на которого, как на истину в последней инстанции, при характеристике так называемой «темной эпохи» Европы в Средние века ссылается автор (прим. 76). Впрочем, похоже, что и роман пересказан по единому авторитетному источнику В.П.Максаковский Историческая география мира (Максаковский, 1999. С.111).

Автор во введении и в заключении с великим пиететом почтил Л.Н.Гумилева, как географа и историка. Однако, как историк Л.Н.Гумилев задал тот вопрос, которым озадачен только в первой его части В.В.Клименко: «На какие именно закономерности жизни человечества влияет географическая среда и на какие не влияет?». И главное – Л.Н.Гумилев дал на него ответ: общественная форма движения истории есть «движение спонтанное и уже по одному этому не может быть функцией каких бы то ни было внешних причин. На эту сторону истории ни географические, ни биологические воздействия влиять не могут» (Гумилев, 2001. С.33).

Кстати, Л.Р.Ладюри, книга которого вызвала гнев В.В.Клименко, предпринял, правда, не очень удачную попытку, показать безуспешность в установлении прямых связей между историческими событиями и колебаниями климата. Но ведь и В.В.Клименко не удалось убедительно сопрячь глобальные колебания климата и конкретные культурно-политические процессы, которые происходили по своим законам в любых погодных условиях. Однако есть отрадное в методах автора. Географ, не подозревая, предложил тот подход к пониманию истории Средневекового климата, который предлагают современные медиевисты, настаивая, что общество нужно изучать через категории, которыми оно оперировало в прошлом. Так вот, в заключение статьи ее автор предложил путь веры, сакрализации природы «в полном соответствии с философским пониманием климатических явлений, господствовавших вплоть до XIII в.».³

³ Клименко В.В. Климат и история, с. 36.

Конечно, опровержение опровержения не лучший путь к диалогу и сотрудничеству. Как мы уже отмечали, поправки в истории европейского климата – очень важная и необходимая информация для историка. История миграций этносов, изменения в образе хозяйствования традиционных обществ, условия военных компаний (вообще возможностей их вести) сильно зависели от погодных условий. Но современные историки в настоящее время считают, что достаточно громоздить глобальные, вселенские схемы развития общества. Настало время конкретного, многоаспектного анализа, в том числе и климатических условий, для создания глубинной истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв.- Т.1. Структуры повседневности – М.,1986.
- Бродель Ф. Что такое Франция? – В 2-х кн. – М., 1994-1995.
- Гумилев Л. Н.Этногенез и биосфера Земли.- М.,2001.
- Клименко В.В. Климат и история в Средние века//Восток (Oriens) – 2003, № 1.
- Ле Руа Ладюри Э. История климата с 1000 г. – Л., 1971.
- Максаковский В.П. Историческая география мира. – М.1999.
- Юсим М.А. «Средиземноморье» Ф.Броделя: человек в ландшафте большой истории.// Новая и новейшая история – 2005, №6.

Д.Н.Маслюженко

Курганский государственный университет, Курган

СИБИРСКИЕ ШИБАНИДЫ В КОНЦЕ XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВВ.

В 1495 году основатель Тюменского ханства Ибак-хан Шибанид в ходе заговора был убит Маметом (Мухаммад-беком), князем из династии Тайбугидов (Сибирские летописи, 1987. С.47). С этого времени отсчитывается истории Сибирского княжества с центром в г. Искер, которое просуществовало вплоть до конца 1550 – начала 1560-х гг. Считается, что новая княжеская династия правила большей частью бывшего ханства, хотя и была неполноправной на политической арене. В тоже время возникает вопрос: куда исчезли родственники Ибрахим-хана Шибанида, представлявшие легитимную сибирскую правящую семью? Данная, небольшая по объему работа, посвящена именно этому вопросу.

Известно, что незадолго до переворота в Сибирском юрте началась подготовка сибирско-ногайских войск во главе с Мамук-ханом, братом Ибака, для похода на Казань, в результате которого город был взят весной 1495 года (Патриаршья летопись, 1965. С.242-243). Однако выбор претендента был весьма неудачен, Мамук не справился с проблемами внутреннего управления и бежал в Сибирь с частью оппозиционеров во главе

с князем Ураком (Худяков, 1991. С.53-54), причем по возвращению оказался главой Сибирских Шибанидов (Бояршинова, Степанов, 1968. С.364). Титул хана он получил за несколько лет до этого, по крайней мере, таковым он упоминается уже с 1493 года, возможно в качестве соправителя своего старшего брата Ибака (Сборник РИО, 1884. С.168). Как показали дальнейшие события, в территориальном плане после переворота Шибаниды потеряли лишь северную часть своего юрта. Гораздо более ощутимой стала потеря авторитета и окончательный переход на положение “марионеточных” ногайских ханов, что определяло и новые тенденции их политики. Изменение положения Сибирских Шибанидов привело и к исчезновению их упоминаний в среднеазиатских источниках. Хотя дальнейшая судьба Мамук-хана неизвестна, но предполагают, что при нем Шибаниды потеряли значительную часть территории и пытались захватить новый юрт в степях Казахстана (Бояршинова, Степанов, 1968. С.364).

В прочем положение Тайбугидов также было не менее шатким, а по своему статусу, зависевшего от титула владетеля, новое политическое объединение был всего лишь княжеством, что уравнивало его с Ногайской Ордой, но ставило во внешней политике ниже объединений Чингизидов. В целом для конца XV-начала XVI вв. можно говорить о существовании в Сибири одновременно двух политий: Тюменского ханства Шибанидов и Сибирского (Искерского) княжества Тайбугидов. Однако это не позволяет делать вывод о том, что первые являлись сюзеренами вторым (Исхаков, 2004. С.20).

Летописи сообщают, что «...Мамет... град свой Чингиден (т.е. Чимги-Тура, - ДМ) разруши» (Сибирские летописи, 1987. С.47), хотя здесь, скорее, следовало бы говорить не столько о разрушении, сколько о забвении старого центра со стороны Тайбугидов. Кроме того, в его правление пресекаются и владения на Ишиме с центром в Кызыл-Туре (Сибирские летописи, 1987. С.108). Первое было сделано для того, чтобы дистанцироваться от ханских владений и союзных им ногайских земель, а второе могло быть вызвано расширением казахской территории. Мамет уходит вглубь сибирской земли, где поставил град Сибирь (Сибирские летописи, 1987. С.47). Нельзя не отметить в связи с этой миграцией сообщение о деятельности в Сибири около 1523-1524 гг. двух бухарских мусульманских миссий, в результате которых местное население подняло восстание и ушло в верховья Иртыша (Дмитриев, Муратов, 1975. С.40-41).

Необходимо обратить внимание на положение ногаев, поскольку, с одной стороны, именно с ними связана как судьба последних Сибирских Шибанидов, так и остатков их ханства. Несмотря на то, что под руководством ногайских биев находились крупные военные силы, они не пытались подчинить себе Сибирское княжество. Возможно, это было связано с активной политикой противодействия Москве, которая закончилась крахом. Например, в 1499 был совершен еще один поход из Сибирского ханства на Казань во главе с младшим братом Ибак-хана и Мамук-хана, Агалаком-царевичем. Испугавшись русской армии, ногаи и шибанцы

отступила (Патриаршья летопись, 1965. С.249-250). По мнению А.Г. Нестерова, в ответ на это нападение был организован русский поход в Югру, после которого угорские княжества разрывают вассальные отношения с Шибанидами (Нестеров, 1988. С.15).

Одновременно с этим в 1499-1500 гг. потомки основателя государства кочевых узбеков Абу-л-Хайр-хана Шейбани-хан и его брат, бывшие в 1460-х гг. врагами Ибак-хана, начинают восстанавливать государство своего деда в Средней Азии (Материалы, 1969. С.49). К началу XVI века сами ногаи находились в состоянии кризиса, немаловажной причиной которого было непомерное разрастание правящей фамилии, совпавшее с неудачами во внешней политике и неустойчивым климатом, чреватым опустыниванием степей (Клиге, Данилов, Конищев, 1998. С.318). Уже в 1503-1504 гг. Ямгурчи-бий вместе с другими представителями ногайской знати обращались к русскому царю с просьбами о дружбе и союзе, называя при этом Ивана «дядей», что подчеркивало приниженный статус ногаев по отношению к Москве (См. например Сборник РИО, 1884. С.503, 536-538).

Несмотря на это, в 1500 году на престол Сибирского ханства в Чимги-Туре взошел Кутлук-хан, старший сын Ибак-хана (Валиханов, 1984. С.231; Бояршинова, Степанов, 1968. С.364). Организованный им поход в Приуралье в 1505-6 гг. к значительным результатам не привел (Оборин, 1990. С.82; Нестеров, 1999. С.57). В результате провала похода сибирские Шибаниды и поддерживающие их племена начинают уходить к родственникам в среде среднеазиатских узбеков и в ногайские земли в Казахстане (Нестеров, 2002. С.206). Исследователи предполагают, что Шибаниды в это время утратили все сибирские владения (Файзрахманов, 2002. С.140), хотя другие пишут о правлении Кутлук-хана в Сибири вплоть до 1530 г. (Похлебкин, 2000. С.152). Уже в 1508 году один из потомков Ваккас-бия Хасан в попытке улучшить свое положение посадил на ханский трон неудачливого Агалака, однако этот выбор не получил поддержки ногаев, о чем в Москву сообщил Аккурт б. Сайидак-хан из Сибирских Шибанидов (Трепавлов, 2002. С. 143). Причем и к этой дате также возводят время полной утери Шибанидами сибирских владений (Бояршинова, 1960. С.110), что не означало их перехода под власть Тайбугидов. Скорее всего, с учетом южного расположения этих земель и упоминаний в источниках, следует говорить о сохранении власти над ними именно ногайской знати. Хотя, окончательно избавившись от соседства с ханами – Шибанидами, сибирские князья должны были чувствовать себя более стабильно.

В 1510 г. был разбит Шейбани-хан, а спустя год новая волна кочевников Дешта, сплоченных Шибанидами из числа детей Буреке-султана б. Едигер-хана Ильбарс-султаном и Бильбарс-султаном, численностью более 360 тысяч захлестывает Среднюю Азию. В их число входит значительная часть шибанских татар Сибири (Кляшторный, Султанов, 2000. С. 210-211). Уход этой кочевой массы привел к нескольким последствиям для истории северной периферии Великой степи. В 1510-х гг. ногаи, разбитые казахами, теряют свои восточные кочевья и ослабляют давление на север (Исин, 1985.

С.42). Однако уже в начале 1520-х гг. предводители Ногайской Орды возвращают себе положение хаканов Дешт-и кыпчака. По всей видимости, их владения в этот период охватывают и бывший домен Сибирских Шибанидов. Однако в полной мере никто из европейских или русских авторов не владел информацией настолько, чтобы четко определить, кто же правит в Сибири.

Так, одним из первых подобная информация стала доступна Альберту Кампензе, который в письме к папе Клименту VII указывает: «За Печоранами и Вогуличами, по берегу Северного Океана, живут другие Скифские племена, как то: Югры, Карелы, Башкиры и Черемисы. Все они находятся под властью Московитян...». Можно предположить, что на самом деле автор описывает ситуацию, сложившуюся после похода 1499 г., и которая была передана автору с учетом требований русской дипломатии. Практически в то же время (около 1525 г.) Москву посетил еще один папский посол – Павел Иовий, который пишет: «Далее на Север от Казани живут Шибанские Татары (Sciabani), сильные по своему многолюдству и обширным стадам», но среди русских данников указывают только югру и вогулов (Библиотека, 1836).

Наиболее полная информация на этот счет содержится у Сигизмунда Герберштейна, посетившего Россию в 1517 и 1526 гг. При этом, как и для некоторых иных авторов, для Герберштейна характерно отделение Тюмени от Сибири. Относительно первой он пишет: «... Тюмень, которой владеют князья угорские, платящие, как говорят, дань великому князю». Однако в то же время он делает замечание, что государь царства Тюмень татарин и «...он не так давно причинил большой ущерб Московиту, то весьма вероятно, что эти племена, будучи ему соседями, скорее ему и подчиняются» (Герберштейн, 1998. С. 157, 161). Возможно, под последней информацией следует понимать отголоски казанской политики сибирских ханов. Однако далее он уточняет: «Область Сибирь ... не знаю достоверно, есть ли там какие-либо крепости и города. В ней начинается река Яик... Говорят, что эта страна пустынна вследствие близости татар, а если где и обитаема, то там правит татарин Ших-Мамай». Далее говорится о том, что Ших-Мамай, один из ногайских беков, правит частью Сибирской области и всей окрест лежащей землей. При этом Сибирь была населена тюменскими, шейбанскими и кайсацкими татарами, первые жили в лесах и не составляли более десяти тысяч (Герберштейн, 1998. С. 164, 179 и далее). В этническом плане значительную часть населения Южного Зауралья до Тобола также составляли различные группы башкир, также подчиненные ногаям. На основании этой информации можно высказать предположение о власти Ногайской Орды над Сибирью и возможно Тюменью, причем на этой территории обитают бывшие подданные Сибирских Шибанидов, что отразилось в самом этнониме этой группы татар. Но при этом власть над Тюменью была видимо непрочной, иначе сложно объяснить сообщение о том, что Ших-Мамай «детей отпускает к Асай-мырзе, да Кан-мурзу Туру воевать» (Посольские, 1995. С.155).

Таким образом, большая часть исследуемой территории, несмотря на поражения наследников Ибак-хана, оказалась не в руках Тайбугидов, а

перешло к бывшим вассалам из числа ногаев. Лишь на самом севере было Сибирское княжество Тайбугидов, в этой связи сомнительно, чтобы в его состав включались полностью территории Тюмени, Барабы, Зауралья и Северного Казахстана (Демин, 1995. С.48), которые были разделены между ногаями и казахами. Несомненно, что Тайбугиды могли бороться за это, особенно при Едигере и Бекбулате, но не обладали реальными силами для удержания столь многочисленных земель. В этой связи тем более следует учитывать информацию из письма Сеид-Ахмата: «княжое слово неправому верою Ивану ... Слава Богу, Темир Кутлуевы цареви дети нам повинилися, Иваков царев сын (кто здесь имеется в виду не ясно, возможно – Муртаза б. Ибак, - ДМ) и тот нам повинился со всеми своими товарищами и слугами. Казатцкий царь Хозя Махмет царь с пятьюнацатью сыньми у нас живет» (Посольские, 1995. С.130-131). При этом В.В. Трепавлов абсолютно справедливо отмечает, что «повсеместное признание силы и влияния Ногайской Орды никак не означало дружелюбия к ней» (Трепавлов, 2002. С.190). В целом период был благоприятен ногайской политике, а их противники казахов находились в состоянии междоусобной войны (Кляшторный, Султанов, 1992. С.280).

Если верно предположение о том, что в упомянутом источнике под фразой «Иваков царев сын» действительно следует видеть Муртазу, то возникает вопрос о его месте в истории собственно Тюменского ханства. Проблема эта тем более сложна, что в большинстве источников он упоминается лишь в качестве отца последнего сибирского хана Кучума. В тоже время Ч.Ч.Валиханов со ссылкой на «Джами ат-таварих» указывает, что Муртаза действительно был независимым ханом (Валиханов, 1984. С.231). У исследователей относительно правления Муртазы также не сложилось однозначной точки зрения. Так, например, М.Абдиров считает, что Муртаза правил в Сибири, в частности в Чимги-Туре, до Кучума, откуда ушел в хадж в Мекку, по возвращению из которого остался в Бухаре (Абдиров, 1996. С.40). Г. Файзрахманов вообще указывает, что Муртаза, признанный в Бухаре, стал ханом в Кызыл-Туре (Файзрахманов, 2002. С.142). Можно предположить, что некоторое основание это находит в одном из документов русско-ногайской переписки, который имеет неоднозначную трактовку в связи с нечеткой дифференциацией Тюмени в Сибири и на Тереке. В упомянутом письме, датированном еще 1515 г., говорится: «... и в Тюмени Муртоза царь да и тюменские салтаны Хозяка посадили на царство... А говорил им Муртоза то, что он стар, держати ему царство не мочно, а за них хочет бога молить» (Сборник РИО, 1895. С.145). Однако, исходя из контекста письма, в частности упоминания Тюмени вместе с Крымским ханством, можно предположить, что речь идет о Тюмени на Тереке и правлении там потомков Ахмад-хана, одного из которых звали Муртаза. В прочем, в преданиях сибирских татар также говорится о том, что Муртаза владел уделом на территории Бухарского ханства (Миллер, 1937. С. 196), но мы не знаем времени его получения.

Очевидно, что Тюмень, несмотря на все централизаторские устремления Тайбугидов, так и оставалась независимой, даже после ухода сибирских ханов. Так, в середине XV века к власти в Казани приходят Гирейи, пользовавшиеся поддержкой турецкого султана. В результате они начинают угрожать Москве и в этом их поддерживают тюменские князья (Патриаршья, 1965. С.202). В 1547 году казанский хан Сафа-Гирей склонил некоего «сибирского салтана» к союзу и тот совершил набег на Пермь Великую (Миненко, 2000). В силу дальнейших событий, а также чувствительности источников того времени к титулатуре, невозможно говорить об участии в этой политике сибирских князей. Напротив можно предположить, что под «сибирским салтаном» упоминается кто-то из Шибанидов. Причем, исходя из дальнейших событий, можно предположить, что это был либо сам Муртаза, либо его старший сын Ахмед-Гирей.

Известно, что в конце 1540-х гг. последний вместе с братом Кучумом находился при дворе могущественного ногайского бека Ших-Мамаю, причем они по очереди были наместниками Башкирии, что подразумевало и власть над частью зауральских территорий (Трепавлов, 2002. С.210). Автор считает, что подобное назначение было связано с сохранением традиционных владений Шибанидов в бывшем Тюменском ханстве Ибак-хана. В связи с этим, с одной стороны, нет резона говорить о полном прерывании ханской власти на территории Сибири в период существования княжества Тайбугидов. С другой стороны, отсутствие упоминаний о сохранении ханского домена следует связывать с тем, что Шибаниды в этот момент полностью зависели от своих бывших вассалов в лице ногаев и их владения располагались на территории Ногайской Орды, в частности земель Ших-Мамаю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдиров М. Хан Кучум: известный и неизвестный. Алматы, 1996.
- Библиотека иностранных писателей о России. Т 1. СПб. 1836 // www.vostlit.info
- Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960.
- Бояршинова З.Я., Степанов Н.Н. Западная Сибирь в XIII-XVI вв. // История Сибири. Т.1. Л.: Наука, 1968.
- Валиханов Ч.Ч. Извлечений из Джамии ат-таварих. Сборник летописей // Собрание сочинений. Т.1. Алма-Ата, 1984.
- Герберштейн С. Записки о Московии. – М.: Изд-во МГУ, 1998.
- Демин М.А. Коренные народы Сибири в ранней русской историографии. СПб.-Барнаул, 1995.
- Дмитриев Л.В., Муратов С.Н. Описание тюркских рукописей Института востоковедения. Вып.2. М., 1975.
- Исин А.И. Казахско-ногайское соперничество в первой половине XVI в. // Вопросы истории Казахстана в русской дворянско-буржуазной и современной историографии советологов. Алма-Ата, 1985.

- Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV-XVI вв. Казань, 2004.
- Клиге Р.К., Данилов И.Д., Конищев В.Н. История гидросферы. М., 1998.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000.
- Материалы по истории Казахских ханств XV-XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С.К. Ибрагимов и др. Алма-Ата, 1969.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. – М.-Л., 1937.
- Миненко Н. Хождение за «Камень» // Родина, 2000. № 5. // www.istrodina.com
- Нестеров А.Г. Государства Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XIV-XVII вв.: археология и история. Автореферат диссертации. – М., 1988.
- Нестеров А.Г. Формирование государственности у народов Урала и Западной Сибири: Искерское княжество Тайбугидов (XV-XVI вв.) // Этнокультурная история Урала XVI-XX вв. Материалы конференции. Екатеринбург, 1999.
- Нестеров А.Г. Династия сибирских Шейбанидов // Тюркские народы. Материалы V Сибирского симпозиума. Тобольск-Омск, 2002.
- Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI-начале XVII века. Иркутск, 1990.
- Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. Т.12, 13. – М.: Наука, 1965.
- Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489-1549 гг. Махачкала, 1995.
- Похлебкин В.В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами. Справочник. М., 2000.
- Сборник РИО. Т.41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою Ордами и с Турцией. Т.1. СПб., 1884
- Сборник РИО. Т.95. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, ногаями и Турцией. Т.2. 1508-1521. СПб., 1895.
- Сибирские летописи// Полное собрание русских летописей. Т.36. М., 1987.
- Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2002.
- Файзрахманов Г. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). Казань, 2002.
- Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991.

ХРОНОЛОГИЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПАРНЫХ АРОЧНЫХ ПОДВЕСОК

Парная арочная подвеска - женское украшение, состоящее из двух бронзовых пластин соединенных друг с другом 5-6 цепочками. Толщина пластин - 0,2-0,3 см., по форме встречаются треугольные, трапециевидные и арочные пластины, при этом они явно образуют один топологический ряд без разрывов, основой ряда является равнобедренная трапеция. Основание пластины - 1,8-3,0 см., высота - 2,0-3,0 см. Звенья цепочки - овальные сделаны из медной проволоки. В основании пластины сделаны отверстия для соединения с цепочками. В верхней части пластины сделано отверстие.

Парные арочные подвески на территории Приуралья встречены на четырех памятниках раннего средневековья (Веслянский I, Бродовский, Бурковский и Боргангельский могильники) (Ашихмина, 1987. С.4-6; Генинг, Голдина, 1973. С.97; Голдина, Водолаго, 1990. С.10; Савельева, 1979. С.93). Памятники расположены относительно друг друга на большом расстоянии (*рис.1*), при этом само украшение и характер вещевого погребального комплекса весьма схож (*Табл.№1*).

Таблица 1.

Сравнительная таблица погребальных вещевых комплексов

	Веслянский I могильник (погр.16)	Бродовский могильник (кург.7/1)	Бурковский могильник (погр.54)	Могильник Боргангель (кург.14/2)
1	2 конька-пронизки	3 конька-пронизки	конек-пронизка	2 куницы-пронизки
2	2 медведя-пронизки	-	2 медведя-пронизки	-
3	-	-	уточка-пронизка	-
4	спиральновитые пронизки	спиральновитые пронизки	спиральновитые пронизки	спиральновитые пронизки
5	стеклянные бусы*	стеклянные бусы	стеклянные бусы	-
6	2 височных кольца	-	височные кольца	височное кольцо
7	-	-	сердоликовый бусы привески	сердоликовая бусина привеска
8	браслет	-	браслет	браслет
9	поясная гарнитура	поясная гарнитура	поясная гарнитура	поясная гарнитура
10	шумящие подвески	-	-	-
11	-	перстень	-	-
12	монеты	-	-	-
13	бубенчик	-	-	-
14	железный нож	железный нож	2 железных ножа	2 железных ножа (?)

* - отдельно от парных арочных подвесок

Для объективизации выводов мы применили два статистических анализа для матрицы данных по 637 погребениям раннего средневековья Приуралья: корреляцию Пирсона и кластерный иерархический анализ. В рамках кластерного анализа метрика для переменных определялась по формулам Кульчинский 2 $(K2 = \frac{a/(a+b) + a/(a+c)}{2})$ и Оча

$(OSHA) = \sqrt{\left(\frac{a}{a+b}\right)\left(\frac{a}{a+c}\right)}$, где а – условие сбылось для двух переменных, b –

условие сбылось для первой, но не сбылось для второй переменной, с – условие не сбылось для первой переменной, но сбылось для второй, d – условие не сбылось для обеих переменных. В связи с тем, что погребения с парными арочными подвесками не являются доминирующими в анализируемой базе данных то, все метрики с участием частоты «d» были исключены, так же нами были исключены все метрики, имеющие прямую зависимость друг от друга, так как в количественном выражении переменные сильно различны.

По корреляции Пирсона наибольшую корреляционную связь (выше 0,2) с парными арочными подвесками имеют: игла (0,35), сердоликовая привеска-бусина (0,496), височное кольцо (0,27), браслет (0,319), шумящая подвеска (0,496), бубенчик (0,35), зооморфные пронизки (0,327), цепочки (0,40) и перстень (0,35).

При анализе двух древовидных диаграмм можно выявить (рис.2), артефакты, имеющие устойчивую связь с парной арочной подвеской: зооморфные пронизки, височные кольца с подвеской из сердоликовой бусины и стеклянные бусы.

Согласуя данные двух статистических анализов можно заметить, что браслет, шумящая подвеска и бубенчик, в иерархическом кластерном анализе имеют менее выраженную связь с подвеской. Это не соответствие связано с тем, что выбранные метрики усредняют степень близости для каждой из переменных анализа.

1. Хронология парной арочной подвески

Используем полученные статистические результаты для датировки данного типа украшения. Для этого мы продатируем вещи составляющие основу КСП, в которое входит парная арочная подвеска (зооморфные пронизки, височные кольца с привесками сердоликовыми бусинами).

Зооморфные пронизки (идуший медведь и плывущая уточка) тяготеют к позднихаринским могильным комплексам – Верхсаинскому, Харинскому, Митинскому и Пыштайинскому I могильникам (Голдина, 1985. Табл. XXIII, С.48-49; Голдина, Водолаго, 1990. С.36). Они часты на памятниках агафоновского круга (Агафоновский I, Пыштайинский II и Аверинский могильники) (Голдина, Кананин, 1989. С.84, рис.55, 68; Оборин, 1965. Рис.15; Голдина, Королева, Макаров, 1980. Табл.VIII, XVI). На привычегодских памятниках раннего средневековья их так же много (Археология ..., 1997. С.449). На раннихаринских памятниках (Мокинский, Качкинский,

Бродовский и Калашниковский могильники) зооморфных пронизок в виде идущего медведя и плывущей утки не встречено. Исключением является Бурковский могильник вещевой инвентарь, которого имеет раннехаринский облик, но из 139 известных погребений с данного могильника пронизки в виде идущего медведя и плывущей утки встречены лишь в одном - погр.54, которое, вероятнее всего, является самым поздним на данном памятнике. В связи с выше сказанным, мы склоны датировать данные пронизки кон.VI-VII вв., при этом основная масса зооморфных пронизок в виде идущего медведя и плывущей утки датируется - VII в. В VIII в. пронизки в виде плывущей утки развиваются в шумящие подвески утки, а идущий медведь заменяется пронизками в виде идущей куницы и семаргла.

Более сложная хронология у коньковых пронизок: они встречаются на многих памятниках харинского круга. Р.Д.Голдина. относит их появление в Прикамье к кон.IV-VI (без последней четверти) вв. (Голдина, 1985. Рис.16; Голдина, Водолаго, 1990. Табл.LXV, LXVI).

При этом находки коньковых пронизок в Верхнем Прикамье распределяются по таким памятникам, как Аверинский, Митинский, Бурковский (погр.54!), Пыштаинский II, Агафоновский I и Плесинский могильники (Голдина, 1985. Табл. XXIII, с.271), судя по списку памятников и сочетанию погребальных материалов с коньковыми подвесками, последние для Верх.Прикамья должны быть датированы кон.VI-VII вв. В Сылвинском поречье находки равномерно разделены между Бродовским и Верх.Саинским могильниками (Голдина, Водолаго, 1990. Табл.XLII, с.171), что в целом подтверждает хронологию Р.Д.Голдиной. На соседних территориях коньковые пронизки представлены на памятниках: бахмутинской, ванвиздинской и полемской культур.

На Веслянском могильнике (ванвиздинская культура) коньковые пронизки датируются – VI-VII вв. (Савельева., 1979. С.93). На Борганьельском могильнике (ванвиздинская культура) погребение с коньковыми пронизками соседствует с погребением, в котором найден железный клепаный котел и погребением, в котором найдены серебряные наглазники (Ашихмина, 1988. С.6-11), что в целом указывает на дату не ранее VII в. На Бирском могильнике погребения с коньковыми пронизками датируются VI-VII вв. (Мажитов, 1968. Табл.1). В полемской культуре коньковые пронизки датируются кон.V-VI вв. (Иванов, 1997. Рис.4-5).

Все вышеприведенные факты и конфигуративное сходство с другими зооморфными пронизками, дает основания говорить о датировке коньковых пронизок - VI-VII вв.

Следующим предметом КСП является височное кольцо с привеской - инкрустированной сердоликовой красно-коричневой бусиной. Инкрустация бусин на Бурковском и Борганьельском могильниках одинакова – волнистые линии с 6-конечными «звездочками» белого цвета. На памятниках Предкавказья и Причерноморья инкрустированные сердоликовые бусины датируются VII-VIII вв., при этом по характеру узора они имеют

внутреннюю хронологию, узор бурковских и бограньельских бусин является ранним и может быть датирован – VII в. (Ковалевская, 1998. С.23-24).

Использование стеклянных бусин, как хронологического маркера КСП, невозможно в связи с отсутствием у нас информации о цветовой и технологической характеристике бус из погребений Бродовского, Борганьельского и Веслянского могильников.

На основании датировки отдельных элементов выделенного КСП, время бытования парной арочной подвески - кон.VI-нач.VII вв.

Для уточнения даты воспользуемся хронологией предметов не попавшими в КСП, из-за не встречаемости данных предметов на памятниках харинского круга.

На Веслянском могильнике в погр.16 найдено бронзовое навершие ножа (Савельева, 1979. Рис.1, 25), которое находит аналогии на Плесинском могильнике, что позволяет нам датировать данное погребение VII в. На эту же дату указывают монеты Пероза I, найденные в погребении, находки которых многочисленны на памятниках VII в.

На Борганьельском могильнике в погр.2 кургана 14 найдена пронизка в виде идущей куницы, пронизка является стилистическим симбиозом пронизок коньков и медведей. Датировается не ранее VII в.

На Бродовском могильнике в погр.1 кургана 7 найден перстень, который имеет сходство с другими перстнями неволинской культуры (Голдина, Водолаго, 1990. Табл.ХХIII), но имеет более простую форму, что дает нам право датировать погребение - вт.пол.VI-нач.VII вв.

На основании хронологии КСП и хронологии отдельных погребений, можно сделать вывод, что для Верхнего Прикамья и Сылвинского поречья парная арочная подвеска датировается – втор. пол.VI-VII вв., а для Вычегодского поречья – VII в.

Несмотря на полученные результаты, автор склонен датировать распространение парных арочных подвесок - перв. пол.VII в.

2. Функциональная интерпретация парной арочной подвески

Внешний вид бронзовых пластин указывает, что начальной точкой генезиса украшения являются треугольные и трапециевидные нагрудные украшения пьяноборского и мазунинского времени, которые вырезались из бронзовых нагрудных блях (Останина, 1997. С.51). В харинскую эпоху в нижней части пластин делаются отверстия и привешиваются цепочки - получают шумящие арочные подвески (Голдина, Водолаго, 1990. Табл.ХХХVI, 13,15; Голдина, 1985. Табл.XV, 7). В конце VII-VIII вв. на пластине подвески появляется сканевый декор края и каменные вставки, на цепочках привешиваются кулончики и колокольчики (Голдина, Водолаго 1990. Табл. ХХХVI, 12, 13), вероятнее всего, в это же время существуют и более дешевые варианты - с псевдосканью или насечкой и имитацией вставок. В VIII-IX вв. в верхней части арочной подвески формируется ушко для подвешивания, на аверсе пластины плетением и зернью имитируются каменные вставки, на цепочках в качестве привесок появляются утиные

лапки и бубенчики (Голдина, 1985. Табл. XV, 20, 21; Голдина, Кананин, 1989. Рис. 51, 17-19). В IX-XII вв. появляются совсем простые арочные подвески с литым спиралевидным узором (Голдина, 1985. Табл. XV, 8, 9; Голдина, Кананин, 1989. Рис. 51, 16).

На памятниках VIII-XII вв. арочные подвески фиксируются уже не как нагрудные украшения, а как накосные (Иванов, Крыласова, 2006. С. 61-63). Обычно они идут парно и в погребениях связаны цепочками между собой или стянуты кожаным ремешком. В целом данный обряд не выглядит как изначальный, скорее наоборот изменившуюся форму украшения пытаются приурочить к старой традиции. В свою очередь для парной арочной подвески данная традиция выглядит вполне логично. На накосный характер подвесок указывают пронизи состоящие из бусин идущие к каждой пластине (бурковская подвеска) или пронизи состоящие из двух парных бусин, зооморфных и спиральновитых пронизок симметрично идущие к каждой пластине (борганьельская подвеска). В кург. 7 погр. 1 Бродовского могильника в грабительском вкопе найдены вероятные составные части накосного украшения (зооморфные и спиральновитые пронизки, парные бусины), но были они в составе подвески или были самостоятельными украшениями неизвестно. Веслянская же подвеска выглядит как имитация, у нее отсутствует способ крепления (в верхней части пластин нет отверстий).

Подводя итог исследованию можно говорить о выявлении генетической схемы трансформации внешней формы арочных подвесок в Приуралье и о появлении традиции арочных накосных украшений (рис. 3).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археология республики Коми. М., 1997. 758 м.
- Ашихмина Л.И. Отчет об исследовании Вычегодско-Вятского отряда в 1986 году. Сыктывкар, 1987. //ИА РАН Р-1 д.11550 и д.11550^а.
- Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье //ВАУ. Вып.12. Свердловск, 1973. С.58-123.
- Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск., 1985. 280 с.
- Голдина Р.Д., Водолаго Н.В.. Могильники Неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990. 176 с
- Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск., 1989. 216 с.
- Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р.Чепцы в эпоху средневековья: конец V – первая половина XIII вв. Ижевск, 1997. 309 с.
- Ковалевская В.Б.. Хронология Восточно-Европейских древностей V-IX веков. Вып.1. Каменные бусы Кавказа и Крыма. М., 1998. 86 с.
- Мажитов Н.А.. Бахмутинская культура М., 1968. 164 с.
- Оборин В.А. 1965. Отчет о раскопках Пыштайнского могильника в 1964 г. //Архив КА ПГУ.

МУНИЦИПАЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Функции археологии не сводятся только к научным археологическим «полевым» и интерпретационным исследованиям.

Сохранение историко-культурного наследия и использование его в решении современных задач образования, воспитания и культуры является не менее важной социальной функцией, чем чисто научные исследования. Характерно, что без основательного решения научных задач невозможно решать и прочие социальные функции.

Археологию разделяют на мировую, континентальную, страноведческую и региональную (например, уральскую). К этому делению следовало бы добавить муниципальную археологию со своими задачами микроисторического исследования. Муниципальная археология не сводится к археологическому краеведению, задачи которого были сформулированы в ряде краеведческих изысканий.

Муниципальная археология, на наш взгляд, должна включать задачи охраны объектов (в том числе и музейного фонда), микроархеологических исследований (как теоретических, так и полевых), а также использование памятников (туризм и др.), которые должны решаться как на бюджетной, так и на внебюджетной основе.

Муниципальная археология должна быть такой же составной частью деятельности муниципалитетов, как муниципальная экономика, муниципальные финансы и др.

Традиционно считалось, что лучший способ сохранения археологических памятников - это раскопки путем разрушения и уничтожения. Где-то в 70-ые годы начинают оформляться представления, что охрана - это сохранение объектов археологии, а не их раскопки. Возникла необходимость изменить не только общественное мнение, но представления научного сообщества по проблеме сохранения объектов археологии. Например, диссертаций, посвященных реальному сохранению объектов археологии, написано единицы.

В соответствии с Законом РФ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» 2002 г. государственная охрана объектов культурного наследия является предметом совместного ведения РФ и субъектов РФ. Хотя в субъектах РФ (республиканских, областях и др.) имеются уполномоченные органы в области государственной охраны культурного наследия, которые должны осуществлять государственный контроль в области сохранения и использования объектов, на практике они маломощны и не могут выполнить поставленной задачи. При сложившейся «охране» объектов археологии страна через несколько десятков лет полностью лишится объектов

культурного наследия, а на некоторых территориях это уже произошло (например, зоны новостроек).

Рассчитывать на значительное увеличение ассигнований на охрану объектов археологии вряд ли придется. Если финансирование в рамках Российской Федерации и будет осуществляться в ближайшее десятилетие, то только на организацию учета (составление кадастра и др.) и охранные раскопки. Соответственно, нужно искать другие пути сохранения объектов археологии.

Ведущей формой сохранения объектов археологии (и не только их) может стать широкая организация муниципальной охранной археологии. Для чего необходимо существенно пополнить законодательную и нормативную базу и организовать широкий гласный общественный контроль за работой в муниципалитетах в этой области.

Необходимо создать такие общественные и полугосударственные структуры, которые могли бы объединять заинтересованные слои общественности и выступать в роли контролирующих органов. Иначе говоря, речь идет об общественном контроле на уровне муниципалитетов и субъектов РФ. Общий дух Закона 2002 г. позволяет это сделать. Региональные и муниципальные бюджеты обязательно должны содержать статьи расходов по финансированию сохранения объектов археологии, а не только в размытой формулировке «культура».

Для муниципального уровня должны быть созданы образцовые планы и программы работ, утвержденные Росохранкультурой, и по итогам года руководители муниципальных и федеральных образований должны представлять публичный подробный отчет по каждому муниципальному образованию по выполнению Закона «Об объектах культурного наследия...» 2002 года.

Вследствие отсутствия подготовленных специалистов в области археологии потребуется привлечение к работе в каждом муниципальном образовании археологов из вузов, музеев, НИИ и закрепление таких кадров на постоянной основе, как консультантов. Потребуется организационная работа по обучению местных муниципальных работников и привлечению к работе в муниципальных органах местных краеведов из числа учителей, музейных работников и др. Иначе говоря, муниципальной администрацией в соответствии со своими должностными обязанностями необходимо заниматься охраной объектов археологии при систематическом и действенном общественном и государственном контроле.

Г.Т.Обыденнова, В.А.Иванов, И.А.Шутелева, Н.Б.Щербаков
*Башкирский государственный педагогический университет
им. М.Акмиллы, Уфа*

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНЧЕСКОГО
ПАМЯТНИКА ЭПОХИ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В
ЧИШМИНСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН В
РАМКАХ ПРОГРАММЫ «БАШКИРСКИЙ АУЛ XVI – XIX ВЕКОВ:
ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ»***

В августе 2005 г. экспедицией Башкирского государственного педагогического университета проводились археологические раскопки в Чишминском районе Республики Башкортостан. Объектом исследования стало Горновское селище (эпоха позднего средневековья, чияликская культура), входящее в круг средневековых памятников Демско-Уршакского междуречья.

Проводимые работы носили характер комплексного исследования с использованием методов естественных наук (палеопочвоведения), с последовавшей обязательной обработкой археологической и остеологической коллекций

Горновское селище впервые было открыто Г.И.Матвеевой (1962). Горновское селище (позднее средневековье, чияликская культура), Горновская стоянка (бронзовый век, срубная культура), Горновский могильник (бронзовый век, срубная культура, средневековье) фигурируют в Археологической карте Башкирии (1976) под № 742 под названием Горновская стоянка.

Горновский могильник был известен в 1930-е гг. краеведу М.И.Касьянову, включен в картотеку памятников археологии Южного Урала и Прикамья Б.А.Коишевким (1945). Затем эти сведения, как часть картотеки, опубликовала И.А.Талицкая (1952), здесь памятник фигурирует под № 412, как Чишминский могильник X-XII вв.

Исследования, проведенные в 1994 г. Г.Н.Гарустовичем (1994), позволили разделить «Горновскую стоянку» на несколько разных памятников: Горновское селище, Горновскую стоянку и могильник. Г.Н.Гарустович в ходе исследований уточнил локализацию Горновского селища и могильника, которые разделяет расстояние 450-500 м, на протяжении которого в обнажениях берега находки не встречаются. Горновская стоянка, возникшая в эпоху бронзы, стала использоваться как могильник в эпоху средневековья.

Горновское селище расположено в 0,5 км к северо-северо-западу поселка Горново (старое название Кумыспром) Чишминского района РБ, на

* Работа выполнена при поддержке ГНТП «Приоритеты духовного и социально-экономического развития Республики Башкортостан»

террасе левого берега р.Дема. Высота террасы от уровня реки 4,5-4,2 м. Южная часть памятника разрушается разливами р.Демы, частично раскопана Г.Н.Гарустовичем (1994), самая значительная часть сохранившейся площадки памятника хорошо задернована и используется как сенокосные угодья.

Археологическое исследование Горновского селища было начато Г.Н.Гарустовичем в 1994 г. Им был заложен раскоп по краю обрыва берега р.Демы, общая площадь составила 369 м², максимальная длина раскопа вдоль берега – 57 м. Находки представлены железным, керамическим инвентарем, остеологическим материалом, на Горновском селище был выделен ряд объектов (очаги, хозяйственные ямы) (рис.1).

В 2005 г. с целью дальнейшего изучения разрушающегося памятника, к раскопу 1994 г. на расстоянии 0,40 м. к северу был прирезан раскоп, состоящий из двух линий по 16 квадратов. Раскоп 2005 г. был прирезан к квадратам 32-40 раскопа 1994 г., его конфигурация определяется линией берега р.Демы, продолжение нового раскопа вдоль всей линии раскопа 1994 г. было невозможно вследствие разрушения берега разливами реки. Поэтому, новый раскоп был сориентирован по линии северо-запад – юго-восток.

Таким образом, вскрытая раскопом 2005 г. площадь составила 128 м², общая вскрытая площадь Горновского селища - 497 м². Исследованными объектами селища стали линзы золы и угля, скопления камней, одиночные камни, которые расположены по линии северо-запад – юго-восток, скопление камней, костей, хозяйственная яма с гумусированным заполнением, в котором встречались обожженные кости, углистые включения, фрагмент железного ножа (рис.1; рис.2).

Фиксация находок по штыкам дает возможность сделать количественную и качественную характеристику находок построек. Самым массовым материалом явились кости животных – 874 ед. и керамика – 83 ед.

При проведении археологических исследований был выявлен небольшой бронзовый инвентарь: бронзовая пряжка, два фрагмента бронзовых изделий (свернутая в несколько раз бронзовая пластина, внутри которой сохранились остатки кожи и фрагмент бронзовой пластины) (рис.5).

Также был встречен железный инвентарь: железный крючок, фрагмент железного кольца, фрагмент железного черешкового наконечника стрелы, 3 фрагмента железных ножей, фрагмент железного изделия и развал чугунного (?) котла. Также к железному инвентарю можно отнести 11 фрагментов металлического шлака (рис.3; рис.4).

Среди железных ножей выделяется нож достаточно плохой сохранности, однако можно описать лезвие, как лезвие ножа с горбатой спинкой (серповидный), в сечении клинообразный. Два других ножа являются однолезвийными в сечении клинообразными.

Развал чугунного (?) котла состоял из двух не стыкующихся фрагментов. Так как верхняя часть сосуда отсутствует, то достаточно точно диаметр котла установить не удалось, но можно предположить, что примерно он составлял 41- 44 см, толщина стенок 1,3 – 1,5 см. Котел находился в

плохой сохранности, оба фрагмента были частично расколоты и имели значительные трещины. Фрагмент сходного чугунного котла был найден Г.Н.Гарустовичем, при раскопках 1994 г., при сравнении размеры фрагментов практически совпали по диаметрам, однако, состыковать их не удалось. Этот котел, по мнению Г.Н.Гарустовича (1994) является датирующим для памятника – он определяет его XIII-XIV вв., т.е. золотоордынским временем.

Глиняный инвентарь представлен тремя изделиями: венчик поливной керамики из красноглиняного теста украшенного бирюзовой поливой – глазурью, также пряслицем и глиняной бусиной биконической формы (рис.6).

Керамический комплекс Горновского селища представлен двумя типами керамики – лепной и гончарной, также встречен 1 фрагмент поливной керамики. Отдельно следует выделить ручки гончарной керамики

Лепная керамика представлена фрагментами чияликской культуры (Гарустович, 1994). Цвет керамики черный, большая часть фрагментов имела в тесте значительную примесь мелкого песка, шамота и толченой раковины. Исходя из найденных фрагментов, орнаментом покрывалась лишь верхняя часть тулова и горловина, основным типом орнамента явился шнуровой. Орнамент представлен оттисками шнура, образующих пояски, однорядные или многорядовые, а также елочку или зигзаг. Один из фрагментов венчика на границе перехода горла в тулово имеет орнамент из ряда круглых вдавлений – жемчужин. Среди фрагментов чияликской керамики встречены фрагменты неорнаментированных стенок, что может быть объяснено зональностью расположения орнамента на чияликской посуде. Сходные фрагменты были встречены при раскопках Горновского селища 1994 г. Г.Н.Гарустовичем.

Гончарная керамика значительно превосходит в объеме лепную, подавляющее количество фрагментов и имеет красно-коричневый цвет, ровный печной обжиг, в глиняном тесте отмечается примесь песка. Вероятнее всего керамика не местного происхождения, она изготовлена гончарами Волжской Булгарии. Фрагменты гончарной керамики имеют различную толщину и, вероятно, принадлежат двум основным типам болгарской посуды – сосудам и кувшинчикам. На поверхности большинства фрагментов заметны полосы от заглаживания на станке, также следы заглаживания отмечаются и на внутренних стенках, что характерно для средневековой гончарной керамики. Большинство фрагментов украшены резными поясками, образующими либо параллельные ряды, либо – волну, реже встречаются резанные полосы.

Таким образом, охранными раскопками Горновского селища в 2005 г. было исследовано 128 м² площади поселения. Датирующими вещами выступили болгарский керамический комплекс, лепная чияликская посуда, фрагмент поливной керамики, которые позволяют датировать памятник временем XIII-XIV вв. Данный вывод подтверждается и нахождением на

памятнике фрагментов чугунного (?) котла, так как чугун в Европе появляется не ранее XIV в.

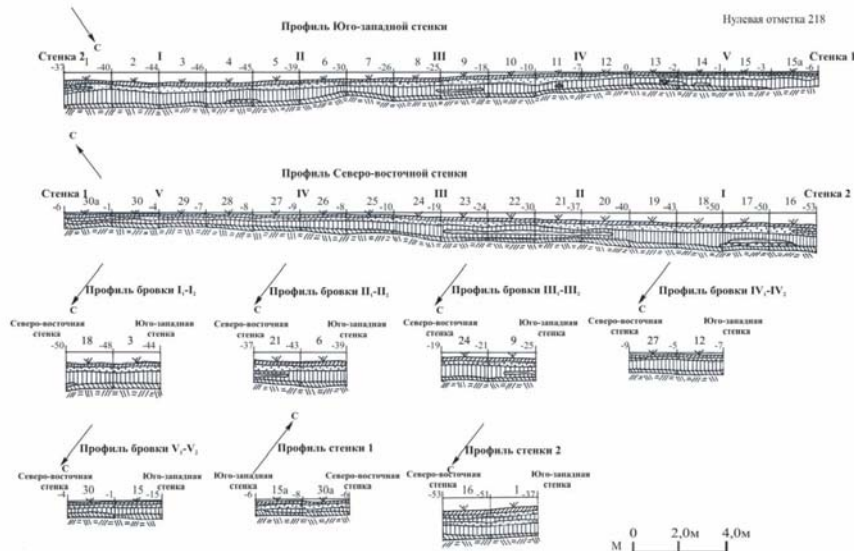
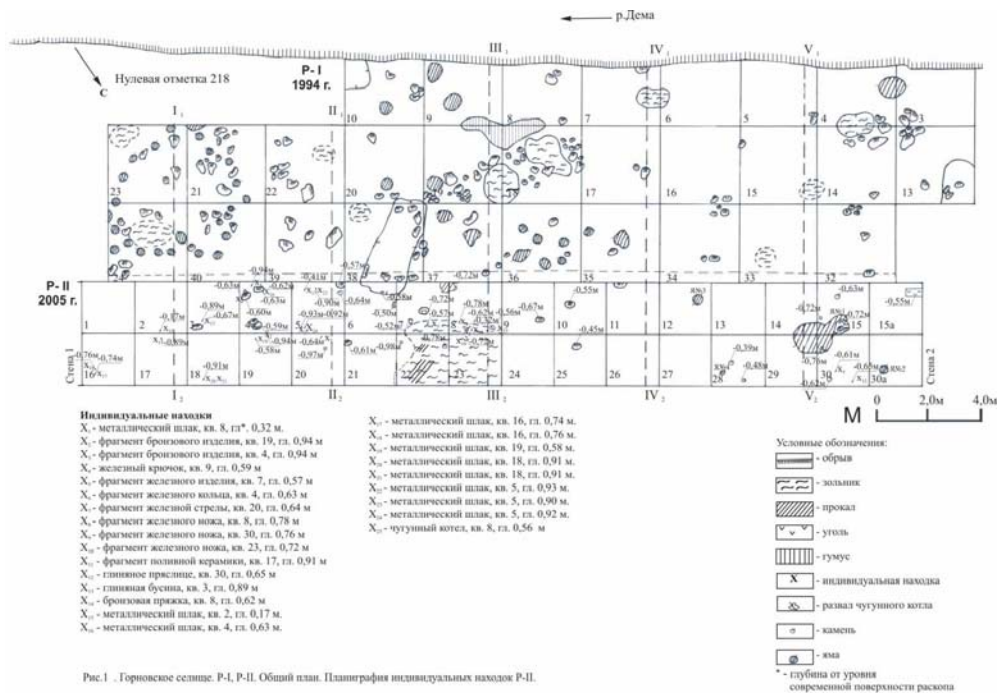
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археологическая карта Башкирии. – М., 1976.

Коишевский Б.А. Картотека сведений об археологических памятниках Башкирии. – Архив ИИЯЛ УНЦ РАН. – 1945.

Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р.Камы // МИА. - № 27. – 1952.

Гарустович Г.Н. Научный отчет об археологических работах 1994 г. на территории Чишминского района Республики Башкортостан. – Архив ИИЯЛ УНЦ РАН. – Уфа, 1995.

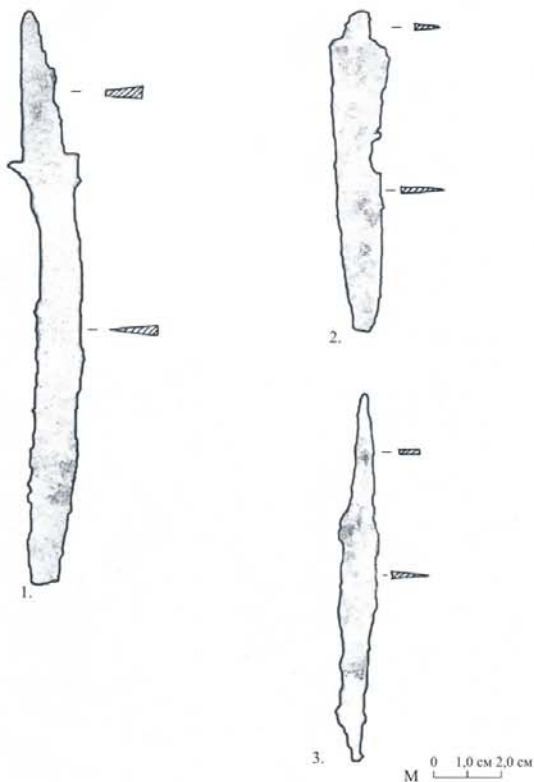

Рис. 3. Горновское селище. Р-II. Железный инвентарь.
1 - фрагмент железного ножа, кв. 8, шт. 4;
2 - фрагмент железного ножа, кв. 30, шт. 4;
3 - фрагмент железного ножа, кв. 23, шт. 4.

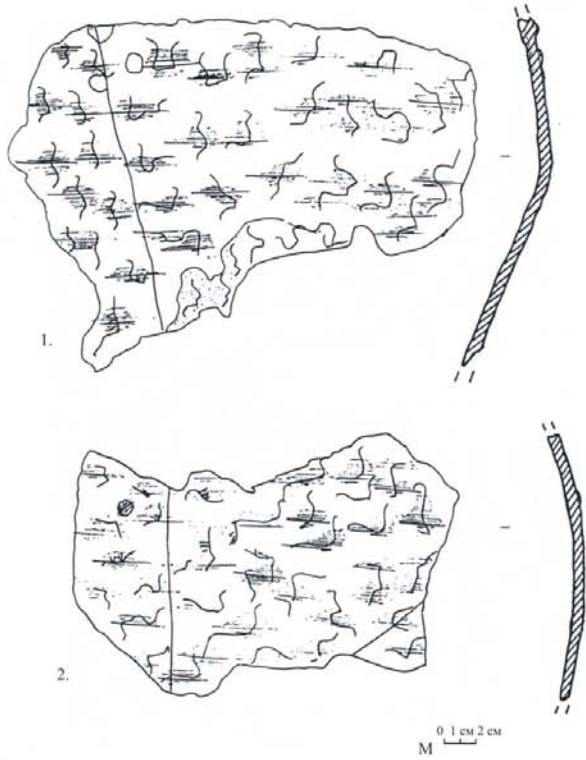

Рис. 4. Горновское селище. Р-II. Железный инвентарь. Фрагменты
чугунного (?) котла.
1 - кв. 8, шт. 3
2 - кв. 8, шт. 3

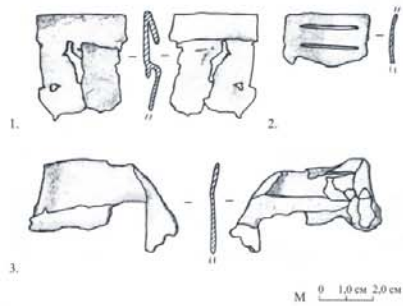

Рис. 5. Горновское селище. Р-II. Бронзовый инвентарь.
1 - бронзовая пряжка, кв. 8, шт. 3;
2 - фрагмент бронзового подделья, кв. 19, шт. 5;
3 - фрагмент бронзового подделья, кв. 4, шт. 5.

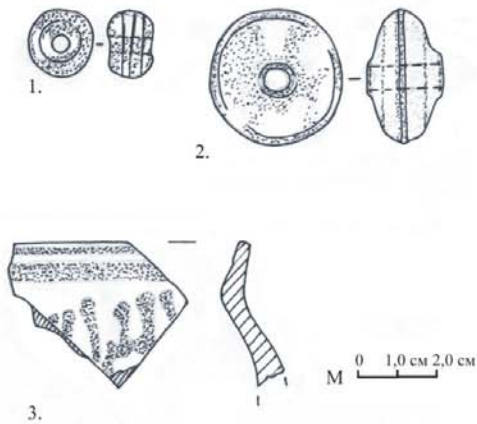

Рис. 6. Горновское селище. Р-II. Глиняный инвентарь.
1 - глиняная бусина, кв. 3, шт. 5;
2 - глиняное пряжище, кв. 30, шт. 4;
3 - фрагмент поливной керамики, кв. 17, шт. 5.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД КАРА-АБЫЗСКИХ МОГИЛЬНИКОВ КАК ИНДИКАТОР СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Эпоха Великого переселения народов известна своими потрясениями и катаклизмами, распространившимися на обширные территории. Не миновала эта участь регионы Прикамья и Приуралья. В первую очередь в глаза бросаются изменения в этно-культурной карте регионов на рубеже II-III вв. н.э. Запустение обширных лесостепных территорий в междуречье Белой и Ика, прекращение функционирования кара-абызских могильников и смена населения в правобережной Бельской лесостепи. Следов каких-либо массовых вторжений иноэтничного населения в это время в регионе не прослеживается. К тому же население видимо покидало регион постепенно. Большинство пьяноборских могильников Прибелья были заброшены во II в. н.э. Наиболее поздний из них – Ново-Сасыкульский могильник использовался еще в первой половине III в. н.э. Шиповский и Охлебининский могильники кара-абызской культуры прекращают функционировать на рубеже III-IV вв. Подобная ситуация скорее похожа на изменения в климате. Нарастание неблагоприятных природных условий вынуждало население покидать регион.

С другой стороны степное население также вынуждено было искать новые ландшафтные ниши. Именно в III в. долина правого притока Белой – р. Селеук заселяется номадами. Здесь сосредоточены все позднесарматские могильники III-IV вв., расположенные в Приуралье (Ахмеровские II, Салиховские, Нижнее-Арметовские, Дербеневские и Камбулатовские курганы).

Менее заметными и труднее фиксируемыми являются процессы, происходившие внутри древних обществ. Своеобразным индикатором этих изменений являются могильники, вернее изучение их планиграфии.

Обширные грунтовые некрополи Прикамья и Приуралья, содержащие десятки и сотни погребений эпохи раннего железного века хорошо известны в литературе. К настоящему времени накоплен немалый материал, дающий возможность анализировать структуру и процесс формирования этих памятников. Интересные выводы по хронологии и структуре пьяноборских и мазунинских могильников сделаны на основе анализа их планиграфии (Агеев, 1992. С. 82-101, Останина, 1997. С.117-142). Указанными авторами были выделены территориально-хронологические группы погребений на пьяноборских и мазунинских могильниках. По мнению Б.Б.Агеева и Т.И.Останиной деление могильников на участки отражает родовую структуру древних обществ.

При сравнении расположения могил внутри этих участков, хорошо видно, что для пьяноборских некрополей характерно хаотичное

расположение погребений, тогда как на участках мазунинских могильников прослеживаются четкие ряды. Т.И. Останина интерпретирует последние как участки малых или больших семей. Изменение в расположении могил она связывает с новыми явлениями социального характера в жизни древнего населения Прикамья. Наиболее четко эти изменения прослеживаются на материалах Чепанихинского могильника, ранняя часть которого сформирована по пьяноборскому образцу (т.е. хаотично), а в поздней прослеживаются ряды в расположении погребений. Судя по датировке могильника, эти изменения происходят в III в. н.э., то есть в начале эпохи Великого переселения народов.

Анализ планиграфии кара-абызских могильников подтверждает наблюдение, сделанное Т.И.Останиной. Ранние погребения кара-абызской культуры расположены хаотично внутри территориально-хронологических групп. Это хорошо прослеживается на Уфимском могильнике (рис.1,2), захоронения на котором совершались в пределах IV в. до н.э. (Овсянников, Яминов, 2003). Эта традиция характерна еще для могильников ананьинской культуры (рис.1,1). Эта же тенденция прослежена на участках Охлебининского и Шиповского могильников, где расположены погребения, совершенные до нашей эры или на рубеже эр (рис.1, 3,5). Тогда как в размещении погребений III в. прослеживаются более или менее четкие ряды (рис.1,4). Наиболее выпукло переход от хаотичной системы расположения погребений к рядной прослеживается в раскопе XIII Шиповского могильника (рис.1,6). Здесь на участке А, датированном II в. н.э. [Овсянников, 2006] расположение могильных ям смешанное, вместе с разрозненными погребениями, начинают оформляться ряды и группы погребений внутри территориально-хронологического участка, еще встречается разнорядность в ориентировке. На участках, расположенных к северу от участка А захоронения совершались на протяжении всего III в. и в начале IV в. Здесь ряды могил имеют более четкие очертания. Таким образом, изменения в структуре родовых кладбищ населения кара-абызской культуры можно отнести к рубежу II-III вв. н.э.

Содержание процесса, отраженного в этих изменениях, Т.И. Останиной интерпретируется как оформление малой семьи и обособление ее в рамках родовой организации. Аналогичный процесс зафиксирован Е.М. Черных на материалах жилищ Прикамья. К середине I тыс. н.э. площадь жилых построек уменьшается, преобладающими становятся дома с одним центральным очагом и отдельной хозяйственной ямой. По мнению Е.М.Черных это свидетельствует об экономическом укреплении позиций малой семьи (Черных, 2007). Таким образом, погребальный обряд, который принято считать одним из наиболее консервативных элементов первобытной культуры, более оперативно отреагировал на социальные подвижки в среде оседлого населения Приуралья и Прикамья.

Другим явлением, распространенным в эпоху великого переселения, было намеренное разрушение могил, получившее в литературе название «обряд обезвреживания». На раскопе XIII Шиповского могильника,

благодаря хорошей сохранности антропологического материала «обряд обезвреживания» прослеживается достаточно четко. Показательным является то, что погребения разрушены в разной степени. От повреждения области груди, до полного разрушения захоронения вместе со стенками могилы. При этом около 30% погребений позднего этапа (втор.пол. III – нач. IV вв.) не потревожены. Создается впечатление, что разграбление могил производилось не в индивидуальном порядке, а одновременно разрушалось несколько погребений. На это указывают некоторые факты. Наиболее яркий из них – нахождение второго черепа в грабительской яме погребения 185/XIII. Если принять за гипотезу, что большинство погребений разрушено одновременно, то можно объяснить разную степень нарушенности захоронений. Несомненно, что могилы имели какие-то внешние признаки: могильный холмик, впадину, какие-либо деревянные сооружения и т.п. Чем древнее погребение, тем менее заметными должны быть эти признаки на поверхности. Исходя из этого, можно заключить, что хорошо фиксируемые на поверхности могилы разрушены незначительно – только в области груди. Слабо заметные разрушены больше, так как грабители не знали точного расположения погребенного. Для того чтобы добраться до верхней части скелета, они вынуждены были разрушать все захоронение. К наименее заметным к моменту разрушения погребениям можно отнести те, у которых повреждены стенки могильной ямы.

Подобная ситуация известна на Бирском могильнике. А.К.Амброз, анализируя планиграфическую ситуацию на памятнике, пришел к выводу, что часть поздних погребений разрушена пришлым населением. Это было связано со стремлением пришельцев, обезопасить себя от духов предков иноплеменников (Амброз, 1980. С. 5-6).

Массовое обезвреживание погребенных прослеживается на могильниках Среднего и Верхнего Прикамья (Мингалев, 2006). Автор публикации считает некрофобию реакцией древнего населения на быстрые изменения, происходившие в обществе, как страх перед гневом предков за отказ от древних традиций. Кроме непосредственного разрушения погребений к «обряду обезвреживания» автор причисляет и обычай «пеленания» и частичной кремации покойников.

Применение огня и признаки связывания или пеленания фиксируются и в более ранний период. В частности на могильниках пьяноборской культуры (Агеев, 1992. С. 18). Так же эпизодически встречается и намеренное разрушение могил (Агеев, 1992. С. 19). Для могильников III-IV вв. это явление становится более распространенным. Причем памятники со следами массового «обезвреживания» расположены, как правило, в контактных зонах: Бельской и Кунгурской лесостепи. Возможно, всплеск некрофобии у приуральского населения в эпоху великого переселения был вызван не только боязнью собственных предков, но и этнической пестротой населения в контактных зонах.

Таким образом, начало эпохи великого переселения народов (II-III вв. н.э.) для оседлого населения Приуралья связано скорее, с изменениями в

климате, повлекшими за собой и внутреннюю перестройку древних обществ, чем с иноземными вторжениями. Например, наиболее поздние погребения Охлебининского и Шиповского могильников (III – нач. IV вв.) отражают мирные контакты с южным населением. В пользу этого говорит так же почти полное отсутствие боевого оружия как в погребениях оседлого, так и кочевого населения. Появление иноэтничных групп в регионе датируется более поздним временем. Тураевский и харинские типы памятников фиксируются в Приуралье с IV в., а турбаслинские – с конца V в. н.э. (Сунгатов, 1989).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа, 1992.

Амброз А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV-VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980.

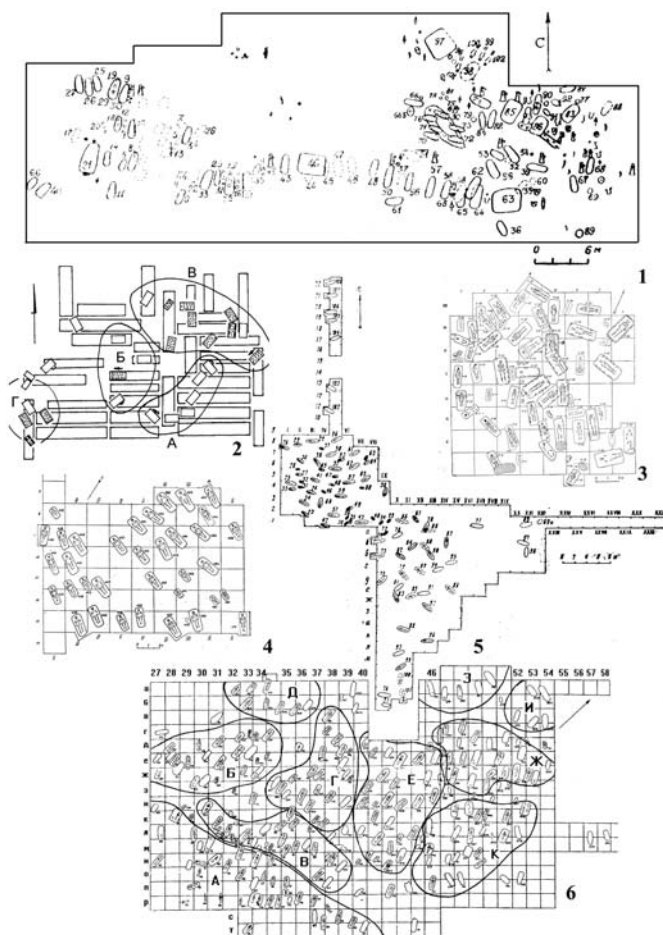
Овсянников В.В. Характер взаимодействия носителей кара-абызской культуры с соседним населением во II-IV вв. н.э. // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов. Ижевск. 2006.

Овсянников В.В., Яминов А.Ф. Исследование могильника у Чертова городища в Уфе (1911-1912 годы) // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2003. Вып. 4.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск, 1997.

Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура. Уфа, 1989.

Черных Е.М. Жилище населения Прикамья в I тыс. до н.э. – первой половине II тыс. н.э. // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2007. № 6-7 [в печати].

ВИСОЧНЫЕ УКРАШЕНИЯ С ГРУШЕВИДНОЙ ПРИВЕСКОЙ И ЗЕРНО-СКАНЫМ ДЕКОРОМ С ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ (территория распространения)

В конце I - начале II тысячелетий н.э. на территории Прикамья и Зауралья распространяются ювелирные изделия из серебра и золота, выполненные в зерно - сканой технике.

Данные изделия еще с начала XX века начинают приковывать к себе внимание многих исследователей. В это же время их впервые определяют как изделия импортного - болгарского происхождения, на основании того, что в их изготовлении применялась техника зерни, скани, золочения фона, тиснения и т.д. Данное определение практически на целый век закрепилось за этими изделиями и, как отмечает К.А. Руденко, прочно вошло в литературу к началу XXI века.(Руденко, 2006. С. 155 - 156). Однако, сравнение изделий, выполненных в данной технике собственно болгарских и, распространенных на территориях Прикамья и Зауралья показало их сходство только в технологических приемах и формах их декорации и существенное расхождение в самих формах изделий. В результате чего, вопрос о происхождении зерно - сканых изделий на территориях Прикамья и Зауралья был поднят снова (Руденко, 2004. С. 157).

Ответ на данный вопрос возможен только при комплексном исследовании и сравнении всех категорий зерно - сканых изделий, где одной из важных составляющих является анализ их распространения. Данное исследование - это анализ распространения височных украшений с грушевидной привеской и зерно - сканым декором.

Первоначально необходимо остановиться на технологических особенностях данных украшений:

Материал изготовления данных изделий - серебро (определение металла проведено без специального анализа).

Кольцо - дужка данных изделий имело в основном овально - подтреугольную форму. Оно декорировалось несколькими способами: полыми двусоставными тиснеными шариками с боковых сторон дужки. Шарик могли быть гладкими или украшены ромбиками, выложенными из зерни. Места припая их к дужке прикрывались сканой провололочкой в один ряд. Нижнюю половину дужки могла оплетать в три ряда сканая провололочка, либо проволока с косыми насечками, имитирующими скань.

пирамидкой зерни в верхней части в одной из боковых сторон.

кручением

Однако необходимо отметить, что в одном изделии мог использоваться как один из этих способов декора, так и некоторые из них вместе (боковые шарики - оплетенная нижняя часть, пирамидка зерни - оплетенная нижняя часть или пирамидка зерни - оплетенная нижняя часть - боковые шарики).

В основании кольца-дужки располагался нанизанный двусоставной полый тисненый шарик (швом вертикально по отношению к кольцу) или шарообразное утолщение, прикрытое в верхней части половинкой полого тисненого шарика.

К шарiku или утолщению, припаивалась привеска, состоящая из двух основных частей - усеченного конуса и полого шарика.

Конус был сложен из тонкого тисненого серебряного листа. К нему припаивалась следующая часть привески - полый двусоставной тисненый шарик.

В качестве основного декора привески совместно выступали:

- скань. Она была расположена двумя или тремя нитками на местах припая.

- зернь. Она укладывалась равнобедренными треугольниками на гладких частях привески.

- позолота. Была нанесена в основном на привеску и боковые шарики.

Некоторые экземпляры дополнительно украшались пирамидками или еще одним (меньшим по диаметру) полым двусоставным шариком с фоновой зернью в нижней части привески, или таким же шариком на месте перехода кольца-дужки в привеску.

Разбирая технологические особенности данных украшений, необходимо отметить факт того, что многие исследователи (в том числе и автор данной статьи в ранних своих работах) не заостряют внимание именно на декоре и технологических особенностях данных украшений. В результате чего получается следующая картина.

На сегодняшний день из памятников Пермского Предуралья, датированных VIII - XI вв. происходит более 80 экземпляров украшений с грушевидной привеской (это такие памятники как Редикарский, Бояновский, Плесинский, Важгортский, Городищенский, Запосельский и др. могильники). Однако, во - первых, в 68 экземплярах из 80 выполнены по совсем другим (не таким трудоемким) технологическим схемам, во вторых - эти 68 украшений по материалу в основном являются комбинированными (бронза - серебро или бронза - серебро - железо) и, в третьих, лишь только в 12 украшениях из 80 в качестве декора выступает настоящая скань и позолота. Путая зачастую рубчатую проволоку со сканью и не разбирая технологию изготовления украшений, авторы невольно преумножают количество именно зерно - сканых грушевидных височных украшений, встреченных на территории Пермского Предуралья. В итоге появляется обманчивое мнение о том, что данная территория - кладезь украшений с грушевидной привеской и зерно - сканым декором.

Итак, на территории Пермского Предуралья таких украшений насчитывается всего 12 экземпляров:

- 4 экземпляра происходят из случайных сборов (из села Редикар, Рождественское и из имения Абамелик - Лазаревых)

- 7 экземпляров происходят из кладов (Редикарский, Пермский, Верхне - Кондасский, Лекмартовский)

- 1 экземпляр из Вашкурского погребения, которое многие исследователи считают не погребением, а кладом или святилищем с человеческим жертвоприношением.

Для территории Пермского Предуралья исследователи датируют данные украшения по - разному. Одни исследователи считают, что данные украшения бытовали здесь в IX - XI вв. (Рябцева, 1999. С. 347 - 349), другие ставят широкую дату бытования IX - XIII вв. (Белавин, 2000. С. 75), а третьи вообще сужают ее только до - X века (Мельничук, 2005. С. 182). Широкая датировка таких изделий вполне оправдана, так из случайных сборов (а это в основном территория памятников с широкой датировкой) мы не можем восстановить контекст находки, клады также имеют разную датировку, начиная от VIII - X вв. (Редикарский клад) и заканчивая XVII веком (Лекмартовский клад, имеющий как средневековые вещи, так и вещи (серьги, крестики) XVII века. И лишь для Вашкурской находки мы имеем более менее точную дату - начало XI века (Прокошев, 1937. Т. 3).

Более близкие аналоги данных украшений обнаружены на территории Удмуртского Предуралья, Зауралья и Беломорья.

Для Удмуртского Предуралья (по имеющимся публикациям) данные украшения датируются X - XII вв. Происходят они из Маловенижского (1 экз.) могильника и из коллекции Первухина (1 экз.). (Иванов, 1997. С. 131, рис. 47 - 19, 21).

В Зауралье данных украшений обнаружено 6 экземпляров. Три из них встречены в комплексах XI - XII вв. на Сайгатинском святилище (Федорова, 1990. С. 134). Еще 1 экземпляр в амбарчике на современном святилище пос. Хорьер и 2 привески от грушевидных серег в пос. Оволингорт в составе подвесок современного тутчана. (Буало, 2004, С. 49, фото 23, 24.).

С территории Беломорья имеется одна находка в составе Архангельского клада датируемого XII веком (Nosov, Ovsjannikov, Potin, 1992. С. 32).

Таким образом, на сегодняшний день насчитывается 21 экземпляр височных украшений с грушевидной привеской и зерно - сканым декором. Большинство из них происходят с территории Прикамья и, скорее всего, именно отсюда они попадают в другие территории.

Многие исследователи считают (о чем уже говорилось выше), что данные изделия - это изделия болгарских ювелиров, однако на территории самой Волжской Болгарии таких изделий не встречено, что оставляет этот вопрос открытым. Здесь можно сделать некоторые предположения, которые уже в принципе, появлялись в научной литературе и которые мы не можем ни опровергнуть, ни доказать: данные изделия могли быть выполнены на заказ на территории Волжской Болгарии (Федорова Н.В., Белавин А.М.); в то же время нельзя отрицать и то, что данные изделия могли изготавливаться в ремесленных центрах Прикамья (Иднакар, Рождественское (Афкул), Анюшкар), может быть болгарскими ювелирами или местными ювелирами, заимствовавшими технологические приемы у соседей (Руденко К.А.).

Судя по тому, что большинство таких украшений находится в составе кладов или жертвенных комплексов святилищ, это были вещи особо значимые для населения, когда их либо оставляли на черный день и берегли, либо отдавали самое дорогое божествам, пытаясь задобрить их.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь. 2000.

Буало А.В. Атрибутика и миф: металл в обрядах обских угров. Новосибирск, 2004.

Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. Ижевск. 1997.

Мельничук А.Ф. Среднее Предуралье - перепутье средневековых торговых дорог // Вестник пермского государственного университета. Том: история. Выпуск №5, 2005.

Прокошев Н.А. Погребение на р. Чусовой // Советская археология. М. 1937. Т. 3.

Руденко К.А. Булгарские ювелирные изделия. // II Северный археологический конгресс. Ханты - Мансийск – Екатеринбург. 2006.

Руденко К.А. О роли финно - угров в сложении культуры Волжских Болгар XI - XIV вв (по данным археологии) // Формирование и историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов. Йошкар - Ола. 2004.

Рябцева С.С. «Близнецы» или «двойники»? О сходстве и отличии «волынских» и «прикамских серег»// STRATUM plus: неславянское в славянском мире. Санкт - Петербург - Кишинев - Одесса, 1999, №5.

Федорова Н.В. Булгарские сканые украшения Зауралья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань 1990.

Nosov E.N., Ovsjannikov O. V., Potin V. M. The Archangelsk Hoard // Fennoskandia archaeologica. IX. Helsinki. 1992.

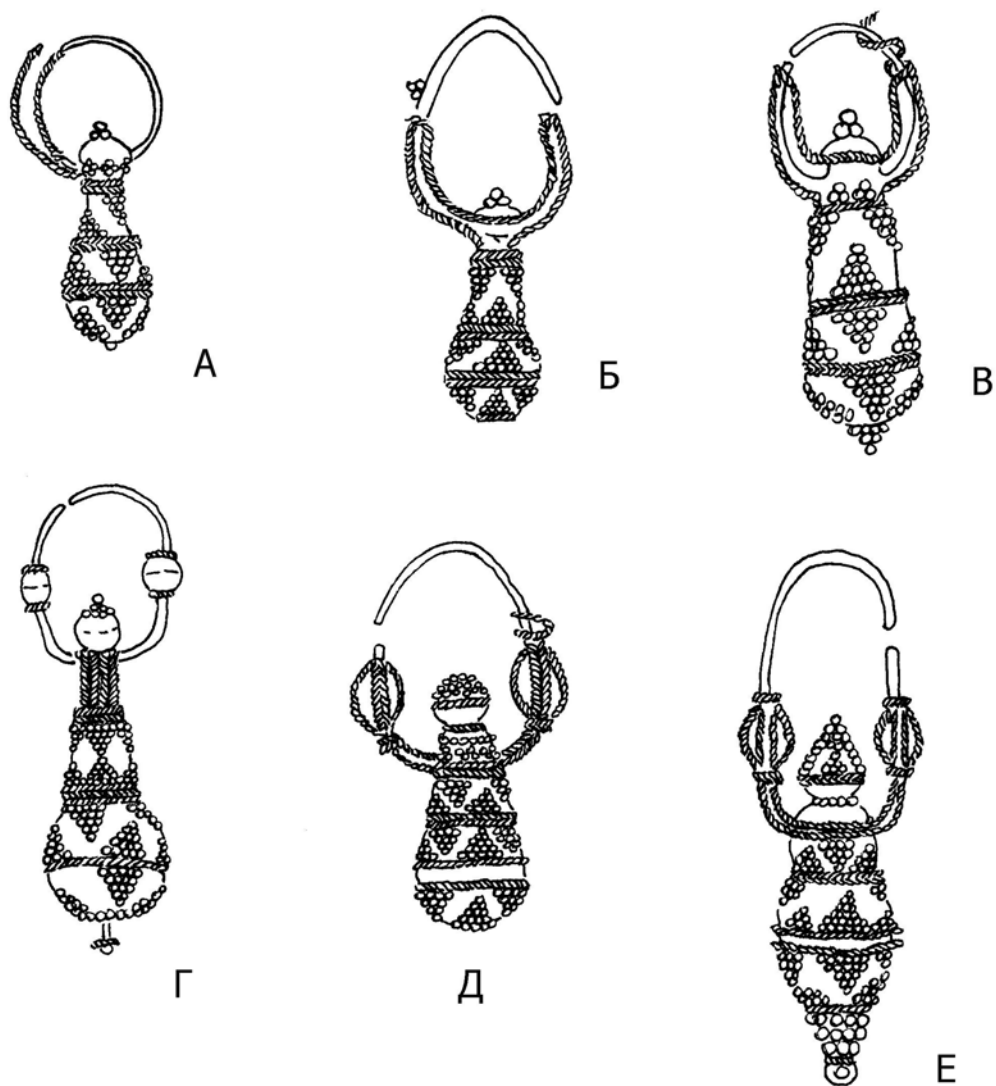

Рис. 1. Височные украшения с грушевидной привеской и зерно-сканым декором с территории Пермского Предуралья.

а - Рождественское городище, б - Лекмартово, в - Редикар,
 г - из имения Абамелек - Лазаревых, д - Прикамье,
 е - Пермский клад,

**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЯХ В
РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ ПО ДАННЫМ СКИФСКОГО
«ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ»**

Конец II – начало I тыс. до н.э. были переломными в истории Евразийских степей. Становление и стремительное развитие кочевого скотоводства способствовало увеличению мобильности степного населения. Это, в свою очередь, обусловило, с одной стороны, достаточно быстрое распространение многих общих технических и культурно-художественных идей на огромных степных пространствах от Ордоса до Карпато-Дунайского региона, что стало основой становления некоторых общих черт кочевой культуры (например, компонентов “скифской триады”), ставших характерным надэтническим явлением не только для народов степи, но и их оседлых соседей, жителей лесостепных и, частично, лесных регионов. С другой стороны, мобильность населения стала причиной значительных миграционных движений разных по численности групп населения, ставших нормой степной жизни вплоть до XVII-XVIII вв.

В этой ситуации проблема этнической идентификации носителей археологических культур является одной из самых сложных среди проблем, связанных с историческими реконструкциями. Обусловлено это, прежде всего, сложностью соотнесения критериев, которые определяют выделение того или иного этноса, с материальными остатками древних культур, которые изучает археология.

Все исследователи однозначно определяют этнос как сложный общественный организм. Среди критериев его выделения называют общность территории, материальной культуры и образа жизни, верований и ритуалов (духовной культуры), языка, психологии, а также самоидентификацию и т.д. Археология имеет дело, как правило, с первыми двумя – территорией и материальной культурой. Немалое внимание уделяется также изучению ритуалов и определяющих их верований. Первостепенное значение здесь отдается погребальному ритуалу, точнее остаткам его материализованного результата – погребениям. Остальные определяющие этнос критерии не имеют однозначного материального воплощения, а потому, казалось бы, бесследно исчезают вместе с его носителями. Однако, это не совсем так, поскольку весьма значительный потенциал таят в себе предметы искусства, оставленные тем или иным народом.

В частности, в семиотике (науке о знаках и знаковых системах, к которым относится и искусство) уже давно утвердился взгляд на искусство, как вторичную моделирующую систему. Ее вторичность, в данном случае, определяется отношением к живому разговорному языку. Многими исследователями было отмечено и изучено сходство в функционировании этих двух сфер культуры, их соподчиненность и прямая зависимость от

человеческого сознания. Естественно, что между искусством и языком нет прямой зависимости и взаимосвязи. Однако искусство в древних обществах, с которыми и имеет дело археология, было полностью связано с мифом и ритуалом и не могло функционировать вне конкретного заданного контекста. Отсюда возникает взаимосвязь и взаимозависимость между вербальными текстами (т.е. языком) и изобразительными (т.е. искусством). Следовательно, вполне допустимо, на наш взгляд, связывать распространение определенных форм искусства с распространением наречий и диалектов определенного языка. С другой стороны, прямое заимствование искусства одного народа другим в такой ситуации было невозможным.

Это не означает, что в древности был исключен какой-либо межэтнический контакт в сфере искусства. Напротив, известны многочисленные примеры заимствования и копирования. Однако этот культурный обмен происходил по своим законам. В различных культурологических дисциплинах уже давно было обращено внимание «на изменение функции текстов в процессе усвоения их чужеродной культурой и в связи с этим на то, что процесс воздействия текста связан с его трансформацией» (Лотман, 1993. С.111). В частности, это явление было детально прослежено К.Леви-Стросом на примере предметов ритуального искусства народов Северной Америки (Levi-Strauss, 1975; Леви-Строс, 1994; см. также: Островский, 1990). Следовательно, даже при заимствовании определенных форм искусства одного народа другим, в процессе «перевода» их в новый культурный контекст они приобретают неповторимое этнокультурное звучание.

Таким образом, можно утверждать, что искусство (равно как и язык) в древности имело четкую этническую направленность, и у нас есть все основания для привлечения предметов искусства к этнокультурным реконструкциям. Для скифской эпохи таковыми, прежде всего, являются предметы, выполненные в «зверином стиле».

Стилистический анализ изображений животных, бытовавших в скифское время, дает невероятно пеструю картину бытования разнообразных элементов и приемов изображения. В разных регионах скифского мира отмечается наличие своих особенностей воспроизведения, которые, тем не менее, не выходили за пределы общепринятых традиций. К таковым относятся композиционные принципы построения изображений, в частности постоянные позы, в которых изображались звери (они определяются исходя из общего расположения тела, расположения лап и головы), а также целый набор стилистических приемов, которые были распространены по всему скифскому миру. Среди них – изображение разных частей тела в виде колец; изображение носа, глаза и уха в виде трех соединенных колец; зооморфные превращения; отдельные приемы изображения разных частей тела и т.д. Нехарактерным для скифского искусства было изображение признаков пола.

Главным же общим правилом изображения животных в скифском «зверином стиле» было изображение их *четко в профиль*: воспроизводилось

только одно ухо и по одной передней и задней ноге/лапе (хотя бытовали и немногочисленные скульптурные изображения животных, особенно их голов, изображения морды хищника анфас и т.д.). В большинстве других случаев воспроизведение у животных четырех ног/лап свидетельствует о том, что их изображение выполнено по правилам уже другой традиции, нескифской в своих истоках. Такие изображения можно считать либо импортными, либо возникшими под влиянием искусства соседних цивилизаций Передней Азии, античной Греции или Ахеменидского Ирана. Примером могут служить причерноморские, прикубанские и алтайские изображения V-IV вв. до н.э.

Еще одной выразительной чертой скифской иконографической традиции, является значительная степень условности изображений животных. Это проявляется в нарушении природных пропорций тела хищника, в широком использовании символов и дополнительных зооморфных изображений для обозначения различных частей тела. Изображение, выполненное в традициях «звериного стиля», не только не является реалистическим или схематическим изображением какого-то определенного зверя, но фактически представляет собой «знак» этого зверя. Особенно это характерно для раннескифских изображений, состоящих из набора отдельных элементов-знаков, большинство из которых могло существовать и как самостоятельные изображения (например, копытообразный знак: Членова, 1999; 2000). По всей видимости, подобный способ изображения был обусловлен тем, что изображался не реальный зверь, а некий мифологический образ, воплощенный в образе зверя.

Однако, с другой стороны, скифское искусство можно считать «открытым», поскольку еще на начальном этапе существования «звериного стиля» в скифской среде появились изображения, выполненные в традициях ближневосточного и античного искусства, и в дальнейшем их доля среди бытующих изображений становилась все весомее. Так, в V-IV вв. до н.э. ощутимым стало влияние ахеменидского искусства (Переводчикова, 1992). Безусловно, воспринималось далеко не все из того, что могли предложить соседние народы; существовал определенный отбор, который основывался на соответствии заимствованных образов и мотивов скифской мифологии (Бессонова, 1975; Раевский, 1985).

Скифский «звериный стиль» был распространен на довольно значительной территории Евразийских степей и связан со многими археологическими культурами. При этом при наличии общих композиционных и стилистических приемов это искусство было далеко не едино на огромной территории. На сегодняшний день выделен целый ряд локальных вариантов скифского «звериного стиля», отличающихся по набору задействованных и предпочитаемых образов животных, комплексу иконографических элементов построению композиции и набору стилистических приемов.

Так, в Северном Причерноморье выделяется собственно скифский вариант «звериного стиля» (Граков, 1971. С.80-88), который в свою очередь делится на *степной* (Кантарович, 1994) и *лесостепной* (Петренко, 1967. С.57; Шрамко, 1971; Шкурко, 1975; 1976; 1982). В.А.Ильинская (1971. С.18-19) выступила против такого деления, а А.И.Шкурко (1975. С.10-12; 1976. С.94-99), напротив, совершенно справедливо предложил выделить два художественных центра в Днепровской Лесостепи – правобережный и левобережный.

На Среднем Дону выделяется *среднедонской* вариант (Либеров, 1971; Шкурко, 1971. С.99; Гончарова, 2000), характерный для памятников скифского облика, существовавших здесь в конце V – IV вв. до н.э. На Северном Кавказе выделяется *прикубанский* вариант, прошедший ряд значительных трансформаций в разные периоды скифской эпохи (Коровина, 1957. С.183; Переводчикова, 1980а; 1984; 1987; 1994). В волго-уральском регионе бытовал *савроматский* вариант, который подразделяется ныне на *поволжский* и *южноприуральский* (Смирнов, 1964. С.242-243; 1976; Чежина, 1983; 1984; Королькова, 2006), а для народов, проживавших в степях Центрального и Западного Казахстана, был характерен *сакский* вариант (Акишев, 1978. С.71-73).

Результатом заимствования кавказцами традиций скифского искусства стало появление *предкавказского* или *кобанского* варианта (Виноградов, 1972. С.141-180; 1976; Вольная, 1997; 2002). Аналогичное явление произошло и в Среднем Поволжье и Прикамье, где распространился *ананьинский* вариант «звериного стиля» (Збруева, 1952. С.141-146; Корепанов, 1980; 1981; 1987; 1990).

В бассейне Енисея выделяется *тагарский* или «Минусинский» вариант (Киселев, 1951. С.134-146; Членова, 1967. С.110-145; Бобров, 1973. С.3-5; 1975; Завитухина, 1973; 1983. С.21-25). А.И.Мартынов (1979. С.21-25) выделяет также *лесостепной тагарский* вариант. Для Горного Алтая характерен *алтайский* вариант (Руденко, 1953. С.138-188; 1960. С.245-313; 1961. С.31-38), хотя М.П.Грязнов (1978. С.222-223) расширяет его, говоря о саяно-алтайском варианте. А.Д.Грач (1980. С.77-83) склоняется к выделению отдельного *центральноазиатского* варианта, включающего в себя и Туву, М.Е.Килуновская (1994; 1994а) рассматривает памятники Тувы как отдельный вариант, а Я.А.Шер (1980. С.240) разделяет алтайско-тарбагатайский и центральноазиатский варианты.

Среди перечисленных регионов следует в первую очередь отметить Северное Причерноморье, где предметы, выполненные в «зверином стиле», являются органичной составляющей частью культуры VII-IV вв. до н.э., соотносимой с историческими скифами (обзор мнений по этому поводу см.: Мелюкова, 1989). Сами же скифы в этническом плане на сегодняшний день по совокупности данных достаточно четко идентифицируются как один из иранских народов. Подобное же можно сказать и о народах-носителях волго-донской и южноуральской культур (исторические савромато-сарматские народы), и о народах, проживавших в казахстанских степях (исторические

саки). Бытование предметов «звериного стиля» в степной зоне Северного Кавказа и Прикубанья также связывают с присутствием там скифов. Таким образом, можно с достаточно полным основанием считать «звериный стиль» одним из признаков именно ираноязычных этносов.

Хотя этот признак ни в коем случае нельзя абсолютизировать. Например, на территории Юго-Западного Казахстана и Туркменистана, населенной, как считается, массагетами (также иранским народом) находок «звериного стиля» не известно. Напротив, подобные находки в большом количестве известны в Волго-Камском регионе, на Кавказе, в Монголии и Северном Китае, т.е. на территориях, на которых, согласно совокупности данных, проживали совершенно иные в этнокультурном отношении народы. Однако, стилистические особенности изображений, происходящих с этих территорий, в значительной степени отличаются от «скифо-савромато-сакских», что, по всей видимости, свидетельствует об определенном этапе распространения «звериного стиля» на иноэтничные территории.

Определяющим здесь является комплексный подход к оценке изображений: с одной стороны, учет набора образов и мотивов и их соотношение, композиционного построения изображений и набора стилистических приемов (т.е. определение особенностей «языка» звериных образов), с другой – учет контекстов функционирования изображений относительно друг друга и относительно различных предметов (т.е. анализ «текстов», составленных при помощи этого «языка»). Важным также является фактор распространения изображений «звериного стиля», присутствия его на всей территории распространения той или иной культуры и на значительной части памятников.

Показательным в этом отношении является Волго-Камский регион, территория распространения ананьинской КИО. Изображения, выполненные в традициях «звериного стиля», появляются здесь достаточно рано, еще в VII-VI вв. до н.э., однако, характерны они только для памятников Среднего Поволжья и приустьевых районов Нижней Камы (Корепанов, 1980. С.64-68), находившихся в тесном контакте со степью. Существует даже мнение о том, что данные памятники связаны с присутствием здесь какого-то скифского этноса, в частности «отложившихся скифов» Геродота (Раевский, Погребова, 1992). Однако с таким утверждением вряд ли можно согласиться, учитывая своеобразный облик раннеананьинских изображений и своеобразие контекста бытования изображений животных (в том числе и на импортных кавказских предметах). На рубеже VI-V вв. до н.э. «звериный стиль» исчезает из искусства населения Среднего Поволжья, а в то же время распространяется в Нижнем и Среднем Прикамья и бассейне Вятки, где затем существует до III в. до н.э., но так и не «доходит» до районов Верхнего Прикамья и Ветлуги (Корепанов, 1980). Изображения, бытовавшие в обозначенном регионе, одновременно сохраняли основные черты скифского «звериного стиля» (мотивы стоящего и свернувшегося хищника, профильность изображения, приемы зооморфного перевоплощения и др.) и являлись оригинальными местными произведениями; своеобразным являлся и контекст их

употребления (разнообразные рукояти, поясные крючки, пряслица и т.д.). Все это свидетельствует о становлении собственной этнической традиции, связанной с мощным южным иранским влиянием. Подобные процессы характерны и для бассейна р.Белой (Корепанов, 1980), где первые зооморфные изображения появились лишь в V в. до н.э., а в IV-III вв. до н.э. распространились оригинальные изображения хищников и копытных, составленных из S-видных знаков, композиции с птицами и т.д.

Н.С.Савельев

*Центр этнологических исследований УНЦ РАН,
Научно-исследовательский центр «Наследие», Уфа*

КОНСКАЯ УЗДА IV-III ВЕКОВ ДО Н.Э. ИЗ ШИПОВСКИХ КУРГАНОВ В ЛЕСОСТЕПИ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

Благодаря исследованиям в 1950-60-х гг. группы городищ и поселений в предгорьях Южного Приуралья (совр. Гафурийский район Башкортостана), наряду с местной, кара-абызской, был получен многочисленный, очень яркий и своеобразный комплекс керамики середины – второй половины I тыс. до н.э., имеющий близкие параллели среди «талькового» керамического комплекса кочевников южно-уральских степей. Это, а также находки мечей переходного типа, бронзовых наконечников стрел, в т.ч. и литейного брака, бляшки с изображением головы льва, послужило основанием для вывода о частичном оседании на правобережье р.Белая кочевников прохоровской культуры (Сальников, 1964. С.10; Смирнов, 1964. С.272; Мошкова, 1963. С.17. Рис.1). Это же мнение первоначально было поддержано и А.Х.Пшеничнюком – основным исследователем кара-абызских древностей (Пшеничнюк, 1964. С.97-99), однако несколько позже он приходит к выводу, что появление этой керамики связано не с «кочевниками-сарматами», а с продвижением в лесостепь Средней Белой зауральского, вероятно – угорского, населения; сама же керамика получила наименование «гафурийской». Так же были названы и все те памятники, в материальной культуре которых отчетливо прослеживаются южно-уральские кочевнические и зауральские лесостепные черты (Он же, 1973).

Наиболее ярким подтверждением данного тезиса для А.Х.Пшеничнюка явились материалы исследовавшейся им в 1965-1972 гг. курганной части Шиповского могильника, расположенного в 25 км к юго-востоку от Уфы на правом берегу р.Белая. Всего им было исследовано 14 курганов, в целом они датированы началом IV-I вв. до н.э. По мнению автора раскопок, Шиповские курганы оставлены смешанным кара-абызско-гафурийским населением, при этом и инвентарь, и погребальный обряд резко отличается от сарматских памятников и, исключая собственно курганные насыпи и вещи

кочевнического происхождения, очень близки к синхронным кара-абызским грунтовыми могильникам – Охлебининскому, Биктимировскому и т.д. (Пшеничнюк, 1976. С. 119-122). Более того, в связи с тем, что ближайшие собственно сарматские памятники (Старо-Кишиштинские и Бишунгаровские курганы) появились несколько позже, очевидная близость материальной культуры кочевников-прохоровцев и «гафурийцев» объяснялась А.Х.Пшеничнюком культурными и этническими контактами этих групп населения (Там же. С.129).

Это мнение в целом было принято специалистами и до сих пор оно остается неизменным. Появившийся за последние 30-40 лет корпус источников по эпохе раннего железа Евразийской степи и лесостепи позволяет со значительно большей точностью определить культурную принадлежность населения, оставившего наиболее раннюю часть (т.н. группа I) Шиповских курганов. Вероятно, ключевое значение здесь имеют предметы конской узды, являющиеся, пожалуй, наиболее ярким элементом материальной культуры в первой группе курганов около д.Шипово.

Всего из этих курганов происходит 7 комплектов железных удил с псалями, 3 железных наносника, подпружная пряжка и различные бляшки. Вероятно, непосредственно с погребением связаны удила с одним псалием (рис. 1, 7) из кургана 2, все остальные найдены исключительно в полах курганов около края насыпи. Так, из юго-восточной полы кургана 4 с единственным женским погребением происходит комплект с короткими прямыми псалями, окончания их гофрированные (рис. 1, 3). В юго-восточной поле кургана 7 находилось 3 уздечных комплекта. В первом скоплении – 2 комплекта, псалии С-видные, различаются размерами и оформлением окончаний, на одни из удил дополнительно одет крестовидный псалий (рис. 1, 4-5). Здесь же найдена бронзовая бляшка с сильно стилизованным изображением головы льва (рис. 1, 12). Во втором скоплении лежали удила с псалями (рис. 1, 6), железный налобник (рис. 1, 8) и бронзовая подпружная пряжка (рис. 1, 11). Псалии этого комплекта С-видные, с разнотипными зооморфно оформленными окончаниями. В юго-западной поле кургана 9 находились 2 уздечных комплекта, псалии их стержневидные прямые и Г-образные (рис. 1, 1-2), здесь же находились мелкие бронзовые пронизки и 2 крупные полушарные подвески (Пшеничнюк, 1976. Рис. 9, 3-5). В юго-восточной поле этого кургана найдены 2 железных налобника (рис. 1, 9-10).

Все удила из группы 1 Шипово железные двусоставные, сделаны из округлых или подквадратных в сечении стержней, концы оформлены в виде петель. Примечательной особенностью двух удил является наличие дополнительного кольца в петле (рис. 1, 3, 5), что практически не встречается в кочевнических памятниках Южного Урала, но было широко распространено на Среднем Дону (Пузикова, 2001. Рис. 42, 8; Савченко, 2001. Рис. 25, 20; 39, 11; Гуляев, Савченко, 2004. Рис. 5, 19). Также на южно-уральских удилах неизвестно и выделение на стержне специального стопорного утолщения (рис. 1, 4), что, вероятно, может быть связано с

отсутствием традиции использования крестовидных псалиев (ср.: Раев, Беспалый, 2006).

Достаточно редкой, но характерной деталью двух удил из Шиповских курганов является укороченность одного из звеньев (рис. 1, 1, 5). Подобная асимметричность зафиксирована на удилах из обоих жертвенных комплексов кургана у с.Варна (Таиров, Боталов, 1988. С. 102-106. Рис. 4, 1; 5, 7), в жертвенном комплексе к. 10 могильника Переволочан (Пшеничнюк, 1995. Рис. 11, 8; Oçir-Gorjaeva, 2005. Abb. 76, 2) и к. 1 могильника Акжар II (Гуцалов, 1998. С.138, 140; Рис. 4, 3), под насыпью Краснокутского кургана в Приднепровье (Мелюкова, 1981. С.54), а также в ряде среднедонских погребений середины – конца IV в. до н.э. (Пузикова, 2001. Рис. 3, 17; Савченко, 2001. Рис. 8, 13; 25, 18; 39, 12). Учитывая единичность находок асимметричных удил и их высокую связь с жертвенными комплексами (см. напр.: Там же. С. 122; Рис. 6, 4), вероятно, правы А.Д.Таиров и С.Ю.Гуцалов, считающие подобные удила вотивными.

Все псалии (14 экз.), за исключение крестовидного, двудырчатые, с восьмеркообразным утолщением в центре. В связи с тем, что их типология была разработана К.Ф.Смирновым еще в начале 1960-х гг. и в основном остается неизменной (Смирнов, 1961), основное внимание будет обращать только на индивидуальные черты анализируемых экземпляров.

Длинные стержневидные псалии из к.9 выделяются преднамеренным оформлением восьмеркообразных утолщений в виде больших ромбов (рис. 1, 1). Данная деталь не имеет аналогий в кочевнических древностях Южного Урала, но представлена в скифских комплексах Северного Причерноморья и Среднего Дона (Ильинская, 1973. Рис. 1, 2; Степи европейской части..., 1989. Табл. 36, 7-8, 10; Савченко, 2001. Рис. 8, 9; 25, 11, 18; 39, 9). Учитывая наличие на более ранних, бронзовых псалиях в Причерноморье, Нижнем Поволжье и на Нижнем Дону ромбовидных утолщений (Петренко, 1967. Табл. 26, 16; Максименко, Смирнов и др., 1984а. Рис. 58, 1; Степи европейской части..., 1989. Табл. 35, 10; Мелюкова, 1999. Рис. 15, 11; Oçir-Gorjaeva, 2005. Abb. 5), происхождение подобного элемента на конской узде V-III вв. до н.э. может быть связано с территориями к западу от Волги или даже Дона. Наглядным подтверждением этому является нахождение в Чертомлыке (330-300 гг. до н.э.) большого количества бронзовых стержневидных псалиев с ромбовидным оформлением утолщений (Алексеев и др., 1991. С. 83-84. Рис. 54, 1-5. Кат. 8) и 7 таких же, полностью аналогичных шиповским экземплярам, псалиев из железа (Там же. Кат. 9). Необходимо отметить, что общее «утрированное» оформление центральной части двух пар железных двудырчатых псалиев из Шипово (значительная уплощенность, близкое расположение отверстий, сильная зауженность перемычки), в целом характерно не для Южного Урала, а для значительно более западных территорий (см. напр.: Смирнов, 1984. Рис. 23; 36, 5-6; Савченко, 2001). Пожалуй, единственным южно-уральским могильником, в котором есть псалии с подобным оформлением, является Переволочан (Пшеничнюк, 1995. Рис. 11, 8; Васильев, 2004. Рис. 2, 5).

Из могильника Переволочан происходит и единственная в южно-уральском регионе аналогия коротким стержневидным псалям с гофрированными (имитация обмотки-?) окончаниями из полы к.4 группы 1 Шиповских курганов (рис. 1, 3). Отличие переволочанского экземпляра – в материале исполнения (бронза) и оформлении окончаний в виде больших круглых шляпок (Пшеничнюк, 1995. Рис. 14, 16). Железные псалии подобного же типа найдены в среднедонских могильниках, напр., в к. 13 Русской Тростянки и к. 9 Дуровки (Пузикова, 2001. Рис. 18, 12; 29, 6) и в Среднем Приднепровье (Петренко, 1967. Табл. 26, 1; Ильинская, 1973. Рис. 1, 2). Особенно близки шиповским псалям из к. 17 Русской Тростянки (Пузикова, 2001. Рис. 27, 4) – стержни их заканчиваются небольшими коническими шишечками, а также экземпляр из склепа IV-III вв. до н.э. на Татарском городище в Ставрополе, но его стержни не имеют рифления (Кудрявцев и др., 2000. С. 41. Рис. 1, 1).

Очень показателен уздечный набор с разными псалями из кургана 7 (рис. 1, 6). Оба псаля С-видные, восьмеркообразные утолщения гипертрофированно выделены, концы оформлены в виде стилизованной головы животного (лошади-?). И если первый вариант имеет аналогии в кочевнических памятниках Южного Урала: Варна (Таиров, Боталов, 1988. Рис. 5, 8-9), Мечет-Сай к.2 п.2 (Смирнов, 1964. С. 314. Рис. 21, 1-2), к.8 Бис-Обы (Он же, 1961. Рис. 48, 2), то второй вариант – с сильно раскованными окончаниями – встречен впервые. По размеру и форме окончаний, вероятно, к нему близок имеющий очень плохую сохранность псалий из к. 8 Сибая I (Васильев, 2004. С. 155). Общие геометрзм и грубость исполнения окончаний шиповского экземпляра позволяют допускать возможность переработки традиционного степного канона уже в приуральской лесостепной среде. Вероятно, подтверждением последнему может рассматриваться псалий из уздечного набора, найденного над разграбленным погребением 4 кургана 2 Шипово (рис. 1, 7). Форма его стержневидная, окончания немного изогнуты и раскованы в виде широких лопастей – таких же, как и на рассмотренном выше экземпляре из к. 7. Наиболее вероятным его прототипом являются стержневидные бронзовые псалии с окончаниями в виде расположенных перпендикулярно стержню головок животных (Там же. Рис. 2, 8; Očir-Gorjaeva, 2005. Abb. 4, 3-4). Приведенная аналогия из к. 3 Филипповки важна еще и тем, что разделение верхней части лопасти шиповского экземпляра на три выступающих сегмента полностью соответствует уху, глазу и ноздре филипповского хищника. Это полностью подтверждается находкой в к. 15 Филипповки (раскопки 2005 г.) железных стержневидных псалий с небольшими расположенными под углом к стержню уплощенными окончаниями (Балахванцев, Яблонский, 2007. Рис. 6, 6-7). Близкая шиповской схема и, самое главное, - широкие подпрямоугольные окончания-лопасти, расположенные под небольшим углом к стержню зафиксированы на железных псалях из центрального погребения к. 6 Переволочана (Пшеничнюк, 1995. Рис. 5, 4).

Центром производства и распространения крестовидных псалиев являлась Кубань (ср.: Раев, Беспалый, 2006). Псалий из полы к. 7 Шипово датируется в пределах второй половины IV в. до н.э. (Марченко, 1996. С. 72. Рис. 20а. Тип I). Его отличие от большинства прикубанских образцов – в отсутствии шипов на раскованных лопастях (ср.: Там же. Рис. 72, 9), в некоторых случаях сплошные лопасти встречаются и на Кубани (Раев, Беспалый, 2006. Табл. 18, 4; 23, 2-3; 38, 2-3; и т.д.). Для Южного Урала, за исключением крестовидных псалиев из к. 13 могильника Старые Киишки (Садыкова, 1962. С. 99. Табл. VI, 1), которые датируются несколько более поздним временем, пока это единственная находка. Единично они также известны и в скифских памятниках Среднего Дона. Все они относятся к более простому варианту типа I, однако во всех трех случаях, как и в к. 7 Шипово, на удила одето только по одному псалию (Пузикова, 2001. Рис. 29, 1; 18, 1; 8, 1), что вряд ли может объясняться простой случайностью.

Характерно, что расположение принадлежностей конской узды около южного края насыпи является особенностью погребального обряда именно южно-уральских кочевников. Такие «жертвенные комплексы» найдены в Большом Филипповском кургане, к. 10 Переволочана, к. 1 Загребаловских курганов, Варне и т.д. (Мажитов, Пшеничнюк, 1977. С. 60; Пшеничнюк, 1989; Он же, 1995. С. 78-81; Таиров, Боталов, 1988. С. 104-105). Как определенная закономерность отмечается расположение больших скоплений предметов конской узды и под насыпями «царских» курганов Скифии, однако какой-либо четкой их пространственной приуроченности не прослеживается (Мелюкова, 1981. С. 10-11). Обращение к средне- и нижнедонским материалам, дающим много параллелей рассматриваемым категориям инвентаря Шиповских курганов, показывает совершенно иную традицию размещения уздечных наборов – как правило, несколько комплектов удил с псалиями подвешивались на опорные столбы внутри могильных ям (см. напр.: Савченко, 2001. Рис. 6, 4; Гуляев, Савченко, 2004. Рис. 4, 1). Также в нескольких случаях на Среднем Дону зафиксированы следы тризн (скопления костей лошади) под южными полами курганов.

Наносники (3 экз.) происходят из насыпей к. 7 и к. 9 гр. I Шиповских курганов (рис. 1, 8-10). Все они простые железные, с лопастью и загнутым в петлю навершием, различия касаются только частных особенностей – формы лопасти, наличия шишечек на окончании, размера и т.д. На одном из наносников с обеих сторон от центрального отверстия выделены рифленые пояски (рис. 1, 9). На Южном Урале находки их немногочисленны, ближайшие аналогии – в к. 10 Переволочана (Пшеничнюк, 1995. Рис. 11, 11-12; 14, 20), значительно больше их на территориях к западу от Волги, причем на Среднем Дону известны и типологически близкие бронзовые зооморфные экземпляры (Пузикова, 2001. Рис. 11, 6).

Проведенный выше анализ конского снаряжения ранней группы Шиповских курганов позволяет сделать заключение о полной инородности их для лесостепи среднего течения р. Белая. Появление их в кара-абызском ареале не связано ни с предшествующими ананьинскими древностями, ни,

учитывая мнение о зауральском происхождении «гафурийского типа», с территорией Зауральской или Западносибирской лесостепи, т.к. там какие-либо возможные прототипы отсутствуют. Не связано появление этого специфического набора и с позднепрохоровским населением, оставившим в непосредственной близости от кара-абызской территории такие крупные могильники как Старые Киишки и Бишунгарово – эта группа кочевников появилась на противоположном берегу Белой уже после того, как возникла первая группа Шиповских курганов. Приуральские раннесарматские памятники (южная Башкирия) как по материальной культуре, так и по элементам погребального обряда дают только разрозненные единичные аналогии шиповскому набору и поэтому, вероятно, не имеют непосредственного отношения к его формированию.

Важно отметить, что все предметы конского снаряжения ранней группы Шиповских курганов входят в раннепрохоровский комплекс инвентаря второй половины IV – рубежа IV-III вв. до н.э. (Васильев, 2004. Рис. 2) и в степях Южного Урала наиболее ярко, целыми наборами, представлены только в материалах Переволочана, Сибая I и Филипповки (т.е. бассейн Илека и степи и предгорья Южного Зауралья). Однако абсолютное большинство аналогий происходит из памятников скифского времени значительно более западных территорий – Предкавказья, Северного Причерноморья, Среднего и Нижнего Дона, причем именно здесь присутствуют и прототипы предшествующего времени. Для Южного же Урала эта узда полностью инородна. Все это с достаточной степенью уверенности позволяет говорить о ее привнесении в регион с запада, в более общем плане – о миграционном характере появления всего раннепрохоровского комплекса инвентаря. Предварительно исходная территория этой миграции может быть локализована где-то между Кубанью, Днепром и Средним Доном, в Приазовье.

Это свидетельствует о значительном (доминирующем-?) именно раннепрохоровском компоненте среди населения, оставившего в лесостепи Южного Приуралья Шиповские курганы (группа I). Проникновение на правобережье Средней Белой этой группы кочевников, вероятно, произошло по т.н. «трансуральскому пути» напрямую из Зауралья, через горные долины, соединяющие в единую территориальную систему верховья Миасса, островную Месягутовскую лесостепь и районы около устья р. Сим (Савельев, 1998, 2001, 2006). Остальные элементы материальной культуры (звериный стиль, оружие, керамика) и особенности погребального обряда также подтверждают это заключение, свидетельствуя, в то же время, как о наличии в неисследованной части Шиповского могильника еще более ранних курганов, так и о присутствии в «гафурийской» среде и иных (южно-, западносибирских и др.) этнокультурных компонентов (ср.: Овсянников, 2006), накопление которых в районе устья Сима, этом ключевом микрорайоне Южного Приуралья, происходило волнообразно и по тому же традиционному маршруту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV века до н.э. Киев, 1991.

Балахванцев А.С., Яблонский Л.Т. Ахеменидская эмаль из Филипповки (проблема хронологии памятника) // СА. 2007. № 1.

Васильев В.Н. К хронологии раннепрохоровского комплекса // УАВ. Вып. 5. Уфа, 2004.

Гуляев В.И., Савченко Е.И. Новый памятник скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Донской (б. Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН. М., 2004.

Гуцалов С.Ю. Культовый комплекс на горе Жилантау // УАВ. Вып. 1. Уфа, 1998.

Ильинская В.А. Скифская узда IV в. до н.э. // Скифские древности. Киев, 1973.

Кудрявцев А.А., Кудрявцев Е.А., Прокопенко Ю.А. Комплекс предметов конского убора позднескифского времени из могильника № 2 Татарского городища города Ставрополя // Донская археология. 2000. № 2 (7).

Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х. Курганы раннесарматской культуры в южной и юго-восточной Башкирии // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977.

Максименко В.Е., Смирнов К.Ф., Горбенко А.А., Лукьяшко С.И. Курган у пос. Шолоховский / Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984а.

Максименко В.Е., Смирнов К.Ф., Косяненко В.М. Курган у хут. Кашеевка / Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984б.

Марченко И.И. Сираки Кубани. Краснодар, 1996.

Мелюкова А.И. Краснокутский курган. М., 1981.

Мелюкова А.И. Скифские курганы возле Солохи (раскопки 1961-1962 гг.) // Евразийские древности. 100 лет Б.Н.Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры / САИ. Вып. Д 1-9. М., 1963.

Овсянников В.В. Зооморфная металлопластика кара-абызской культуры // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сб. ст. к 70-летию А.Х.Пшеничнюка. Уфа, 2006.

Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V-III вв. до н.э. / САИ. Вып. Д 1-4. М., 1967.

Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (Публикация комплексов). М., 2001.

Пшеничнюк А.Х. Биктимировский могильник // АЭБ. Т. 2. Уфа, 1964.

Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т. 5. Уфа, 1973.

Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Южного Урала. Уфа, 1976.

Пшеничнюк А.Х. Раскопки «Царского» кургана на Южном Урале. Препринт. Уфа, 1989.

Пшеничнюк А.Х. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа, 1995.

Раев Б.А., Беспалый Г.Е. Курган скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища. Ростов-на-Дону, 2006.

Савельев Н.С. Население Месягутовской лесостепи в V-III вв. до н.э.: Культурно-хронологическая принадлежность памятников айского типа. Уфа, 1998.

Савельев Н.С. «Трансуральский путь» и формирование этнокультурной карты лесостепи Южного Урала в эпоху раннего железа // XV УАС. ТД. Оренбург, 2001.

Савельев Н.С. Особенности культурогенеза айского населения Месягутовской лесостепи (IV-III вв. до н.э.) и его этнографические параллели // Этнос. Общество. Цивилизация: Кузеевские чтения. М-лы междунар. научно-практ. конф. Уфа, 2006.

Савченко Е.И. Могильник скифского времени «Терновое I – Колбино I» на Среднем Дону (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН. М., 2001.

Садыкова М.Х. Сарматский курганный могильник у дер.Старые Киишки // АЭБ. Т.1. Уфа, 1962.

Сальников К.В. Итоги и задачи изучения археологии Башкирии. АЭБ. Т.2. Уфа, 1964.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М., 1961.

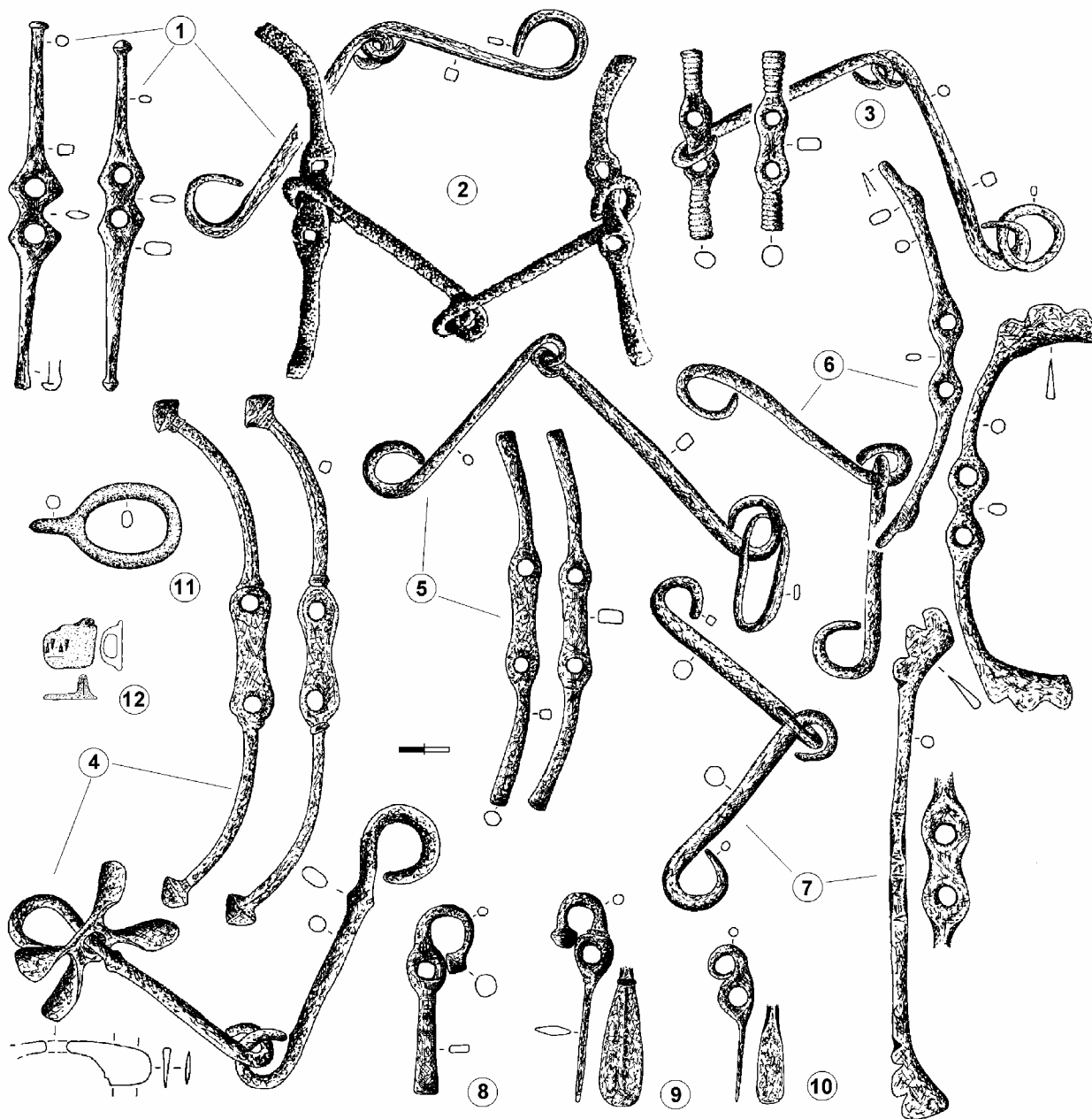
Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964.

Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.

Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989.

Таиров А.Д., Боталов С.Г. Курган у села Варна // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1988.

Očir-Gorjaeva M.A. Pferdegeschirr aus Chošeutovo. Skythischer Tierstil an der Unteren Wolga / Archäologie in Eurasien. Band 19. Mainz, 2005.

А.Н.Сарапулов, А.А.Архипов
Пермский государственный педагогический университет, Пермь

ПРОБЛЕМЫ И ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ В АРХЕОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ НАКОНЕЧНИКОВ ПАХОТНЫХ ОРУДИЙ)

Классификация является одним из важнейших инструментов познания. В каждой научной отрасли классификация имеет свои особенности. Нам представляется необходимым рассмотреть некоторые теоретико-методологические аспекты классификации, ее цели и задачи в исторической науке в целом, в археологии в частности. В этой связи также нужно

разграничить понятия классификации и типологии (типологизации, типизации) и дать наше понимание этих терминов.

В естественном языке классификацию и типологию определяют как, с одной стороны, *процесс* распределения по группам, классам, типам и как, с другой стороны, *результат* такого распределения (Ожегов, Шведова, 2001. С. 276, 798). Нам кажется, что уместно употреблять эти слова в обоих смыслах, который будет ясен из контекста, но считаем необходимым ввести их научные определения.

В исторической науке классификация понимается как группировка объектов и явлений по тем или иным (т.е. *любым*) признакам. Ее цель – это лишь упорядочение и систематизация конкретных данных об исторических объектах, явлениях и процессах. Типологизация является разновидностью классификации и отличается от нее только тем, что разбиение объектов на классы производится на основе *существенных* признаков. Поэтому цель типологизации – это выявление сущностно-однородных совокупностей объектов и явлений. Такая однородность может проявляться в пространственном или временном аспектах. Таким образом, классификация и типологизация признаются исторической наукой как познавательные средства, направленные на отделение общего от единичного, особенного, случайного (Ковальченко, 1987. С. 176-177).

В археологии имеется несколько иное представление о классификации и типологии. Такое особое понимание связано, на наш взгляд, с тем, что археология изучает прошлое человечества главным образом на основе массовых вещественных источников. Различаются искусственные и естественные классификации. Искусственная классификация – это группировка предметов и их комплексов, а также археологических памятников на основе *каких бы то ни было* признаков, ее цель – первичная грубая сортировка, упорядочение материала для удобства его дальнейшего исследования. Естественная классификация – это группировка по наиболее *существенным* признакам, т.е. она преследует более глубокую цель: обнаружить в добытом материале такие группы (типы) вещей или объектов, которые были исторически обусловлены и осознавались их создателями (Мартынов, Шер, 2002. С. 120-122). Типология же является одним из самых спорных понятий. С одной стороны, типология рассматривается как синоним термина «типологический метод Монтелиуса», направленный на выделение групп объектов, связанных с определенными хронологическими периодами (Мартынов, Шер, 2002. С. 139). С другой стороны, типология – это система, ориентированная на отображение реальной сложности связей, текучести явлений, на возможность выявлять глубинные структуры материала, место объектов в системе, их значимость, соотношение типов с культурой (Клейн, 1991. С. 366).

Типологическая классификация наконечников пахотных орудий из археологических материалов Восточной Европы разрабатывались В.И. Довженком (Довженок), В.П. Левашовой (Левашова, 1956), А.В. Чернецовым (Чернецов, 1972, 1976). Для выделения признаков, учитывавшихся в этих

классификациях, большую роль сыграли работы А.В. Кирьянова (Кирьянов, 1959). Предложенные классификации отличаются лишь некоторыми деталями. Все древние средневековые наконечники по принадлежности к тем или иным пахотным орудиям разделяют на ральники (рабочие наконечники рал), сошники (наконечники сох) и лемехи (наконечники плугов). По признаку относительной ширины лопасти и трубицы среди ральников выделяются узколопастные и широколопастные (А.В. Чернецов называет первые «ральники без плечиков», вторые – «ральники с плечиками»). Сошники разделяются на симметричные и асимметричные. Среди симметричных сошников иногда выделяют группы по их размерам. Лемехи обычно разделяются на симметричные и асимметричные.

Наиболее любопытной, на наш взгляд, является классификация наконечников, разработанная Ю.А.Красновым. Автор впервые стал учитывать как качественные, так и количественные характеристики наконечников. По его классификации, все наконечники делятся на группы (по отношению $L/d_1 - d_1$), на подгруппы (по d_2) и на типы (корреляция качественных и количественных характеристик) (Краснов, 1978). По сути, автор использует тот же подход, что и в кластерном анализе.

Впервые классификацию наконечников пахотных орудий Прикамья осуществил Ф.А. Теплоухов. Он выделил 10 групп наконечников, за основу взяв такие особенности, как форма лопасти и ее углов, соотношение лопасти и трубицы и др. Следует отметить, что, скорее всего, не все типы наконечников, выделенных автором, существовали одновременно. По существу же, группы, выделенные Теплоуховым, не имеют принципиальных отличий и могут быть отнесены к одному или нескольким типам (Теплоухов, 1892).

Нами было исследовано более 120 наконечников пахотных орудий из материалов КАЭ, КАЭЭ, фондов Чердынского, Ильинского, Коми-Пермяцкого краеведческих музеев и подавляющее большинство из коллекции Ф.А. Теплоухова (отдел археологии ПОКМ). Большинство наконечников представляют собой ральники. Однако в коллекции Теплоухова имеются несколько сошников, относящихся, скорее всего, к этнографическому времени. К сожалению, теплоуховские наконечники сложно ввести в научный оборот, т.к. не известны ни места находок, ни датировка этих наконечников.

Мы предприняли попытку классификации наконечников с территории Пермского Предуралья по методу Краснова. Однако на графике четких скоплений наконечников выявлено не было. На наш взгляд, одним из минусов метода Краснова является использование отношений, а не абсолютных размеров, что приводит к стиранию различий в размерах между наконечниками. В результате наконечники разного внешнего вида попадают в одну группу. Ранжирование признаков по степени важности также представляется необоснованным. Непонятно, почему качественные характеристики лежат в основе деления на типы, а не на группы.

Вообще основной проблемой любой классификации является проблема определения цели. От цели классификации зависит набор критериев, используемых при группировке материала. В нашем случае целью классификации является выявление групп наконечников, связанных с функциональными особенностями самих пахотных орудий, локализованных на разных территориях и относящихся к различным хронологическим периодам.

Другой важной проблемой является определение критериев классификации. Критерии должны отражать наиболее существенные для выбранной цели особенности объектов классификации. Вслед за Ю.А. Красновым мы выбрали следующие критерии классификации наконечников пахотных орудий Пермского Предуралья:

- длина наконечника (L);
- длина трубицы (l);
- ширина трубицы (d_1);
- ширина лопасти (d_2);
- форма заострения лопасти;
- наличие или отсутствие наварки.

Однако данные критерии не позволяют четко отличить друг от друга ральники с разной посадкой «плечиков». Именно поэтому нами предложен еще один критерий – длина лопасти от рабочего конца до плечиков в их наиболее широкой части (D). Таким образом, $D \neq L - l$.

Выделенные нами критерии в дальнейшем необходимо ранжировать по важности, чтобы наиболее важные критерии легли в основу деления на наиболее крупные группы. Эту проблему можно решить с помощью определения коэффициентов информативности признаков (Федоров-Давыдов, 1987. С. 117-124) либо с помощью дискриминантного анализа.

Еще одной не менее острой и важной проблемой классификации является проблема репрезентативности естественной выборки. Дело в том, что при создании классификаций археологи, как правило, имеют дело с частичными данными, так называемыми естественными выборками, представляющими собой сохранившийся и/или найденный остаток некогда существовавшей более или менее полной совокупности данных. Чтобы экстраполяция показателей выборки на всю изучаемую совокупность была обоснованной, необходимо выполнить как минимум два условия: 1) доказать репрезентативность естественной выборки и 2) использовать выборку такого объема, что ее ошибками можно пренебречь. Поскольку пока еще нет достаточно надежных методов математической проверки репрезентативности естественных выборок, то решающую роль здесь играет выяснение истории их возникновения и содержательный анализ имеющихся данных (Количественные методы в исторических исследованиях, 1984. С. 103, 104), т.е. необходим глубокий источниковедческий анализ. Разумеется, репрезентативность напрямую связана с целью исследования. Для одной цели источники могут быть репрезентативны, а для другой – нет. Что касается необходимого объема выборки, то опыт археологии показывает, что

на сериях из 80 – 100 более или менее однородных предметов, особенно если таких серий несколько, можно уверенно строить классификации, способные отражать реальные культурно-исторические процессы (Мартынов, Шер, 2002. С. 122-123).

Незаменимым помощником современному исследователю является компьютер. Любое компьютеризированное историческое исследование начинается, как правило, с создания базы данных. База данных предоставляет исследователю широкие возможности: это и сортировка данных, и поиск, и составление запросов с разными условиями. Кроме того, реляционная база данных решает задачу упорядочения объектов.

В исторической информатике сложилось два методологических подхода к использованию компьютерных технологий в исторических исследованиях: проблемно- или методо-ориентированный и источник-ориентированный (Историческая информатика, 1996. С. 268-270). Первый подход предполагает создание узкоспециальных информационных баз данных, позволяющих исследовать определенную проблему. Второй подход предполагает создание электронных копий исторических источников, сконцентрированных по электронным банкам данных (Грехов, 2004. С. 43). Предоставляя исследователю возможности для различных типов анализа, источник-ориентированный подход не требует еще во время создания базы данных принимать решение о том, какие методы будут использованы позднее (Историческая информатика, 1996. С. 269). Оба подхода имеют как сторонников, так и противников. По мнению Ю.А.Лихтера, источник-ориентированный подход в археологии неприемлем. Логика его рассуждений такова: чтобы получить возможность изучать вещи, информацию нужно перекодировать дважды: перевести с языка вещей на естественный язык и с него – в машиночитаемую форму. Перевод с языка вещей на словесный язык – это уже создание модели, поэтому при проектировании баз данных археолог имеет дело с моделью модели. Это значит, что «буквальное», непосредственное воспроизведение археологического источника в памяти компьютера неосуществимо. Таким образом, при выборе модели БД сама специфика источника вынуждает применять подход, ориентированный на метод, а не на источник (Лихтер).

Результат классификации в значительной степени зависит от метода. Вообще выделяют интуитивные и формализованные классификации. Наиболее предпочтительной является формализованная классификация, так как она осуществляется посредством стандартизированных процедур и сводит к минимуму субъективный фактор, а значит может быть воспроизведена другими исследователями. Формализованных методов, которые могут быть использованы для классификации, существует великое множество (кластерный анализ, факторный анализ, методы нечеткой классификации, метод нейронных сетей, метод многомерного шкалирования, дискриминантный анализ и др.). Г.А.Федоров-Давыдов предлагает методику классификации, сочетающую в себе некоторые элементы кластерного и факторного анализов. Данный подход кажется нам вполне обоснованным.

Для своей классификации мы используем несколько методик в комплексе. Это предпринимается для того, чтобы, с одной стороны, методики дополняли друг друга, а с другой стороны, чтобы проверить их валидность.

Таким образом, в данной статье нами были обозначены основные проблемы (*выбор цели классификации, определение критериев и их ранжирование по информативности, доказательство репрезентативности выборки, создание БД, выбор метода*), решение которых позволит создать обоснованную и адекватную классификацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Грехов А.В.. Опыт количественного анализа массовых информационных источников: Монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2004. -192 с.

Довженок В.И. К истории земледелия у восточных славян // МИЗ № 1.

Историческая информатика: учеб. пособие., /Под ред. Л.И. Бородкина, И.М. Гарсковой. – М.: МОСГОРАРХИВ, 1996 - 402 с.

Кириянов А.В.. История земледелия Новгородской земли X-XV вв. / МИА, № 65. 1959.

Клейн Л.С. Археологическая типология. Л., 1991 - 448 с.

Ковальченко И.Д., Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. - 440 с.

Количественные методы в исторических исследованиях: учеб. пособие, /Под ред. И.Д. Ковальченко. – М.: Высш. шк., 1984. - 384 с.

Краснов Ю.А., Опыт построения классификации наконечников пахотных орудий (по археологическим материалам Восточной Европы) // СА, 1978, № 4.

Левашова В.. Сельское хозяйство. Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. // Труды ГИМ, вып. 32. 1956.

Лихтер Ю.А. Археологический источник и база данных. Выбор модели. // <http://bestreferat.ru/referat-3050.html>

Мартынов А.И., Шер Я.А.. Методы археологического исследования: учеб. пособие, 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2002 - 240 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений, 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 2001 - 944 с.

Теплоухов Ф.А. Земледельческие орудия Пермской Чуди: Типограф. Н-ков Каменского. Пермь, 1892.

Федоров-Давыдов Г.А., Статистические методы в археологии: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1987 - 216 с.

Чернецов А.В. О периодизации ранней истории восточнославянских пахотных орудий// СА, 1972, № 3.

Чернецов А.В. Классификация и хронология наконечников древнерусских пахотных орудий // КСИА АН СССР, № 146. 1976.

О ВОПРОСЕ БАШКИРСКО-ВЕНГЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ПРОБЛЕМЕ «ВЕЛИКОЙ ВЕНГРИИ» (MAGNA HUNGARIA)

Изучение и научное исследование исторических отношений между башкирами и венграми началось почти сто лет назад (Pauler 1900; Mészáros 1910; Гарипов – Кузеев 1962; Vásáry 1985; Иванов 1999; Мажитов 2006). За это время накопилось большое количество литературы. В своей работе я презентую самые последние результаты исследования данной темы.

Основой проблематики башкирско-венгерских отношений являются источники, в которых башкирские и венгерские этнонимы, на удивление, проявляются совместно. Венгров, несколько средневековых исторических источников, называют башкирами. Самые ранние источники этнонима «башкир»⁴ датируются IX в. - Гардизи в легенде, где описывает происхождение киргизов, использует слово *bašgirt*⁵ для название народа, его местонахождения он определяет между хазарами и кимаками. (Zimonyi 1994, 84). Самые ранние источники, которые идентифицируют башкир и венгров относятся к X. в. Их можно разделить на три группы (Róna-Tas 1996, 223; BERTA 2001, 38–39).

В первую входят труды аль-Балхи, умершего в 934-м году, и пользовавших его источник в своих работах - аль-Истахри и Ибн-Хаукал. В этой группе этноним проявляется в форме *bašgirt*. В группе источников аль-Балхи пишется о двух разновидностей башкир — одна из них живет на краю территории гузов (торков), позади болгар, их численность, говорят, человек две тысячи. Они являются подданными болгар. Другие башкиры, живут более обширной группой в соседстве печенегов. Как они, так и печенеги являются тюрками, и находятся в соседстве византийцев.

Вторую группу составляет труд Ибн-Фадлана, в его хождении 921-го и 922-го годов этноним проявляется в форме *bāšgird*, которая присутствует позже и в труде аль-Гарнати умершего в 1170-м году. Ибн-Фадлан, описывая свое путешествие, точно фиксирует, где они пересекли страну башкир. Автор называет реки, через которые его караван перебрался по пути в столицу волжских болгар. Наряду с рекой Урал он записал названия еще шести рек. Таким образом, бесспорным является определение территории народа *bāšgird* в 922-м году.⁶

Третья форма, *bašgird* стоит в труде аль-Масуди, умершего около 956-го года, в котором он описывает поход венгров 934 г., когда они вместе с

⁴ Русские заимствовали форму *baškirt*, -t в конце слова исчезло в русском языке. От них ее заимствовали потом европейские языки. Башкиры в настоящее время называют самих себя *bašqört* (Róna-Tas 1996, 223). Арпад Берта изменение звука оспаривал на таких примерах, где это изменение не произошло. (BERTA 2001, 37).

⁵ Название народов из письменных источников я цитирую по переписанию английского варианта.

⁶ Араб автор не отмечает, чтобы башкиры говорили на странном, отличающемся от других тюркских, языке.

болгарами наступают на Византию. Верным кажется предположение, что здесь слово *baġġird* проявляется как одно из названий венгров.

После рассматривания трех форм X в., Андраш Рона-Таш пришел к выводу, что самая ранняя реконструируемая форма этнонима «башкир» — **baġġird*.⁷ Она является исходной формой, от которой производятся все остальные (Róna-Tas 1996, 223).⁸

По данным Аль-Масуди и позже аль-Гарнати, относящийся к XII в. можно предположить, что тех венгров которые жили в Карпатском бассейне действительно называли башкирами. Но определение языка тех башкир, которые по источникам IX - X вв. жили на востоке от Волги, очень сложно. Позже в XI в. Кашгари, работавший около 1074-го года, уже однозначно определяет их, как тюркоязычный народ и записал этноним в форме *baġġirt* (Zimonyi 1994, 85).⁹

Основным вопросом остается определение происхождения всего этого, то есть кто и почему назвал венгров башкирами? По мнению Рона-Таш Андраша ключ решения у аль-Гарнати можно найти. В 1150-м году он покинул столицу волжских болгар и через русскую землю, с заездом в Киев, приехал к печенегам. Оттуда он поехал в Венгрию, где прожил три года и оставил интересное описание о тогдашних отношениях. Аль-Гарнати называет страну «Башгирдом» и «Унгурией» вперемешку, но приезд в Венгрию описывает так: «Затем я приехал в Унгурию, где живет народ *bāšġird*». Венгерского короля он называет башгирдским королем, которого зовут «кralи». Единственной причиной называть в XII веке венгров в Карпатском бассейне башкирами является то, что автор, называвший их таким этнонимом, приехал из края, где венгров называли башкирами. Аль-Гарнати приехал от волжских болгар, он употреблял их название венгров. (Róna-Tas 1996, 224–226).¹⁰

Вопрос в том, имели ли представление волжские болгары в 1150-м году о венграх, живших вдали? Это отношение действительно существовало. Автор, известный под именем «Венгерский Аноним», в последней главе своего произведения, написанного в начале XIII в., упоминает «Биллу, пришедшего из страны Булар».¹¹ Также этноним «Булар» прячется за именем «Белар», проявляющемся в средневековых венгерских летописях (Ligetġ 1986, 31–32).

Решающим вопросом является однако, почему волжские болгары называли венгров башкирами? На этот вопрос только один логический ответ

⁷ Звук ġ в формах *bašġird* на месте тюркского *g* — арабское развитие, а изменение в этнониме *ġ > š* является тюркским. Стоял ли в конце слова звук *-d* или *-t*, невыяснимо (Róna-Tas 1996, 223).

⁸ По мнению Арпада Берта форму **baġġird* надо осторожно изучать, так как по лингвистическим правилам не получается из нее современное самоназвание башкиров — *bašqört* (BERTA 2001, 38–39).

⁹ Форму *bāšġird* находим и в большом географическом словаре Якут (1179–1229).

¹⁰ Подобно тому, что Киев он называл *Mon Kermen* — в значении «Большой Город». Значит, аль-Гарнати называл Киев волжско-болгарским названием, наверное, так он поступил и в случае венгров.

¹¹ Форма Булар является закономерным вариантом формы Булгар (ZIMONYI 1994a). Известно немало таких монет, выпущенных владыками волжских болгар в центре Булгари, на которых стоит надпись Булар (Róna-Tas 1996, 226).

— восточных венгров в Приволжье тоже так называли и знали, что два народа тождественны. Из этого следует, что замечание, цитированное выше из аль-Балхи, о двух разновидностях башкир, подданных болгар и живших в соседстве византийцев и печенегов, в обоих случаях касается венгров, а именно волжских и дунайских. Волжские болгары пользовались этим этнонимом насчет венгров начиная с VIII века, когда еще имели связи и с другой группой венгров, переселившихся позже на запад, в Паннонию (Róna-Tas 1996, 224–226).

Идея отождествлять башкиров с венграми позже снова появляется в письменных источниках монгольского времени. Так, в «Тайной истории монголов», написанной в середине 13-го века на монгольском языке, проявляется в форме *bajigit*. Персидские историки монгольской эпохи (например Рашид ад-Дин) и шедшие за ними тюркские авторы (например Абул Гази) пользуются формой *bašgird* (Zimonyi 1994, 85). У европейских путешественников монгольской эпохи Плана Карпини, Рубрука и Бенедикта Полонуса проявляются формы *bašcart*, *bascart*, *bascatur* (Róna-Tas 1996, 223, 330). Путешественник монгольской эпохи Платон Карпини извещал о тождестве волжских венгров и башкир. В своем произведении он пишет о том, что татары, после разгрома Волжско-Болгарской Империи, пошли на север, против Башкирии, то есть «Великой Венгрии» (*Magna Hungaria*) и разгромили ее.

Подводя итоги, надо сказать, что уже многие из исследователей обратили внимание на трудность языкового и исторического связывания источников IX - X и XII - XIII вв. Последним Арпад Берта пришел к выводу, что необходимо искать этимологическую связь, в особенности надо рассматривать форму *bašgirt* в мусульманских источниках X в. и более позднюю у Кашгари (*bašgirt*), так как мы знаем, что это этноним обозначает два разных народа, первая относится к венграм Карпатского бассейна, а вторая относится к тюркоязычным башкирам, которые на востоке от Волги (Berta 2001, 40).

Важно еще упоминать интересное новое представление Н.А.Мажитова. По его мнению, в XI - XIII вв. в Карпатском бассейне жил обломок башкирского народа — дунайские башкиры. По этому поводу арабские авторы пишут о двух разновидностях башкир. Сверх того, сам Юлиан от них получил информацию о том, в каком направлении отправиться.¹² По его мнению, (прото)венгры на территории Башкирии раньше не жили (Мажитов, 2006).

Другое отношение башкирско-венгерской связи — вопрос так называемой «венгерской прародины в Башкирии» (Зимони, 2000). В первом путешествии, зимой 1235-1236-го годов в столице волжских болгар венгерский монах Юлиан встретился с венгеркой, от которой он узнал, что венгры, которых он искал, находятся в двух днях пути оттуда. Как пишет Рихард в описании о его путешествии: «А нашел их у большой реки

¹² В этом случае сложно объяснить, почему венгерские монахи пошли в Константинополь на юг.

Итиль».¹³ Также замечателен материал могильника у поселения Большие Тиганы, на котором были обнаружены предметы и погребальные обряды, подобные венгерским в эпоху Обретения Родины (X в.). Данные мусульманских авторов и путешественников монгольского времени, этноним «башкир» ранних венгров, название башкирских и венгерских племен, сходство в географических названиях, на слух похожие венгерские слова в башкирском языке, и аналогии в археологическом материале приводят к такому понятно, что на основе стольких данных вновь и вновь объявляется взгляд, согласно которому факт присутствия венгров при реках Волга, Кама и Урал с 10-го до 13-го века позволяет предполагать, что прародина находилась здесь и венгры отсюда отправились на завоевание родины (Эрдели, 1961).

Подробное рассмотрение данных начнем с путешествия Юлиана. Текст описания путешествия Юлиана, отправившегося на поиски восточных венгров, написан монахом Рихардом (Julianus... 1986, 61–82).¹⁴ Текст уже давно возбудил интерес исторического исследования к Татарской Республике и соседней Башкирии (Fodor 1996). Средневековые путешественники, приехавшие туда чуть после Юлиана, отождествляли последнюю Великой Венгрией. О путешествии Юлиана и трех спутников-монахов известно, что они до отправления встретились с монахом Оттоном, который немного раньше сделал попытку найти потомков венгров, оставшихся вдали.¹⁵ Венгерские монахи сначала отправились на юг в Константинополь, потом на кораблях хотели попасть в северное Предкавказье, вероятно по данным Отто. После этого только Юлиан и Гернад продолжали их путешествие на север по Волге. Наиболее трудна объясняемая часть описания: в каком большом болгарском городе встретился Юлиан с венгеркой, по наставлениям которой он нашел венгров в двух днях пути? Может быть, в городе Болгари, или — по утверждению А.Х.Халикова — в Биляре, который считается современной столицей волжских болгар. Вторая проблема, что существует противоречие в вопросе локализации между данным Юлиана и западноевропейских путешественников монгольского времени, особенно Рубруком, но несмотря на это, они оправдывают путешествия Юлиана. По запискам Юлиана, более вероятно, что он венгров нашел непосредственно где-то рядом с Волгой, а Рубрук — ссылаясь на венгерского монаха — венгерскую прародину переносит в Башкирию, то есть на восток от Волги. Это проблематично, даже если мы знаем, что территория исторической Башкирии находилась западнее сегодняшней (Fodor, 1977).

В исторической литературе Западной Европы в средневековье установилась традиция пытаться определить место возникновения и начало странствования каждого народа. В случае венгров это традиция «Великой

¹³ В 1237-м году, когда монголы разгромили волжскую Болгарию, венгры, жившие у Камы, рассеялись и перешли на западный берег Волги. В Чистополе у Камы была обнаружена надгробная надпись, на которой отличительным именем отца покойника стоит этноним «венгр» (RÓNA-TAS 1986).

¹⁴ Это описание было обнаружено в 1699-м году.

¹⁵ Из четырех монахов, отправившихся в 1232-м году, вернулся один Оттон, а через несколько дней после возвращения и он умер. Самым важным результатом его путешествия считается предположительная карта, на которой он заметил поселение венгерских племен, найденных им в районе реки Кура.

Венгрии». Она до Юлиана считался прародиной на краю Меотиса, предположительно на основе западных летописей, отождествляющих гунов с венграми. На основе данных путешественников XIII века и положение «Великой Венгрии» изменилось в европейских летописях. В XII веке Готтфрид Витербский локализовал «Великую Венгрию» на краю Меотиса, а после первой трети XIII века летописцы обозначают «Великой Венгрией» уже Башкирию (Gombocz, 1923-27). В венгерских летописях появляется Башкирия в качестве прародины венгров не ранее второй половины XIII века. Это приводит к выводу, что традиция употребления термина «Великая Венгрия» вошла в венгерский быт после и на основе путешествий Плана Карпини и Рубрука. Значит, тезис о венгерской прародины в Башкирии происходит с средневекового запада, в этом соглашается большинство венгерских исследователей.¹⁶

Среди аргументов в пользу отождествления башкирского и венгерского народов появилось уже в прошлом веке мнение, согласно которому в башкирском языке проявляются названия венгерских племен. Самыми ранними отождествлениями башкирских и венгерских названий племен являются сопоставления башкирского *Yurmati* с венгерским *Gyarmat* (Róna-Tas, 1982) и башкирского *Yeneu* с венгерским *Jenő*. По мнению лингвистов, эти отождествления наталкиваются на фонетические препятствия.

В случае названия племени *Gyarmat*, исходя из ранних венгерских данных надо предполагать форму **Džarmat*, что подтверждает и греческий источник (*Jermat*). Согласно фонетическим законам, венгерская форма **Džarmat* в случае раннего заимствования было бы в современном башкирском языке **Sarmat*. А в связи с подобно звучащим башкирским названием племени *Yurmati* проблема в том, что современный звук *u* возводится к прежнему *o*, значит, название племени *Yurmati* звучало раньше **Yormati* (Róna-Tas, 1996. P. 331).

В случае названия племени *Jenő*, Андраш Рона-Таш указывает на тюркскую форму *ültever* почести в языке волжских болгар *ilteber*. Итак, в X в. это слово проявляется с огласовкой «у»- в начале, может быть, тюркское слово **ineg* перешло в волжско-болгарский язык в форме **yeneg*, а потом из названия почести оно превратилось в название племени (Róna-Tas, 1996, P.332). Однако автор подчеркивает, что в принципе, отношение башкирской и венгерской форм не наталкиваются на фонетические препятствия. Башкирское название племени «*Yeneu*» происходит либо из венгерского либо из волжско-болгарского языка. Башкирское слово *Yurmati* может быть связано с венгерским названием племени *Gyarmat* только в случае волжско-болгарского заимствования, предположение прямого заимствования наталкивается на большие трудности (Róna-Tas 1996, 332–333).

¹⁶ Зато надо заметить, что сам Рубрук пишет: традицию Башкирии он слышал у венгерских доминиканцев. Кажется, отождествление венгерской прародины в Башкирии и «Великой Венгрии» все-таки происходит от венгров, даже в современной Западной Европе.

Наряду с башкирско-венгерским отождествлением и теорией прародины венгров в Башкирии перечисляется и несколько топонимов (Rásonyi, 1970; Németh 1971).

Magas - этот топоним был отождествлен с венгерским словом magas (высокий), но на самом деле оно по происхождению иранское и означает «комар». Поскольку это слово проявляется и как название реки, значение «высокий» можно исключить.¹⁷ Башкирское слово Магаš входит в группу топонимов сегодняшней Башкирии, оставшихся от иранских племен, живших когда-то на данной территории — подобие с венгерским словом является простой случайностью. Во вторую группу башкирских топонимов входит тип Kondoros. Основное башкирское слово Qondoroš является топонимом волжско-болгарского происхождения, оно связано с подобными венгерскими топонимами только косвенно. Основное слово является как в башкирском, так и в венгерском языке заимствованием. Тип Vikes, который в русской транскрипции проявляется и в форме Векаš. Сходность башкирской формы Vikes и венгерской Vékás является однако видимой, топоним входит в новейшую группу башкирских топонимов башкирского происхождения. Итак, согласно мнению Андраша Рона-Таш, достоверных венгерских топонимов в Башкирии не существует (Róna-Tas, 1996. P. 333).

По исследованиям Габора Дьени, рассматривавшего эту тему последним, все-таки существуют топонимы, связываемые с венграми — они концентрируются на северной части республики. Эти топонимы находятся в плотном блоке в Северной Башкирии, на лесных горных краях Башкирии, в долине реки Белая, на юге территорию отграничивает озеро Кандрыкуль, на севере — река Буй (Gyóni 2006).¹⁸ С точки зрения венгерской праистории имело бы ключевое значение присутствие венгерских топонимов по той причине, что они подтверждают теорию о появлении венгров на восточно-европейской степи только в начале 9-го века. В это время происходит распад венгров на две группы. А до 9-го века венгерской прародиной являлся именно волжско-уральский район, охватывающий историческую и современную Башкирию.

Многие изучали возможность присутствия в башкирском языке слоя венгерских заимствований или следов венгерского влияния (Миржанова 1981). Исследования до сих пор не приносили бесспорных результатов (Vásáry 1985). В одном единственном случае нельзя это отвергнуть, в случае слова «darázs» (шершень). По этимологии Арпада Берта башкирское слово t̄raž не исконно башкирское, звук ž в конце слова характерен для заимствований. Фонетические изменения гласных, по мнению исследователя, допускают предположить посредническую роль волжско-болгарского диалекта. На этой же основе исключено, что в венгерском языке слово является башкирским

¹⁷ Имеется в виду такое название, как и в случае венгерского поселения Комаром, название которого происходит от славянского слова «комар».

¹⁸ Gyóni Gábor: *Magyar vonatkozások Baskíria toponímiájában*. Приношу благодарность за представленную возможность ознакомиться с работой.

заимствованием. Оно, наверное, наследие восточных венгров в башкирском языке (Berta, 2001. P.42–43).

В конечном итоге можно сказать, что на основе сегодняшних данных является весьма вероятным присутствие предков венгров на территории исторической и современной Башкирии. Но дата их появления и ухода пока не определена. Опираясь на российские, главным образом археологические публикации, в настоящее время доминирует мнение о появлении (прото)венгров в Башкирии около V – VI веков. Их приход объясняется обычно внешним давлением гуннов или тюрков (Фодор, 1992. С. 92 - 94). К этим венграм привязываются кушнаренская и караякуповская культуры. Эту тему обобщил в последний раз В.А.Иванов с большой базой данных (Иванов 1999. С. 39 - 84; Иванов, 2004). Вышеупомянутые культуры распространились на большей части волжско-уральского района в начале 9-го века, потом исчезли. Во время появления башкиров массы венгров уже покинули территорию Башкирии, остались только разбросанные маленькие группы, которые, может быть, сохранили и передали топонимы и другие слова. В конце концов они влились почти бесследно.

Если бы масса венгров жила на территории Башкирии во время прихода башкир, и они бы приняли участие в башкирском этногенезе, то остались бы убедительные языковые следы (Серебренников, 1963. С. 22-23). Таким образом, массовое участие венгров в башкирском этногенезе не является вероятным. Итак, башкирско-венгерское родство не научный факт, а отношения представляют собой наследие венгров, оставшихся на востоке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гарипов Т.М., Кузеев Р.Г. Башкиро-мадьярская проблема // Археология и этнография Башкирии. Т.1. Уфа, 1962.

Зимони И.: Венгры в Волжско–Камском бассейне? // Finno-Ugrica 2000, № 1. 5-41.

Иванов В. А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа, 1999.

Иванов В. А. Угорские племена в Восточном Закамье и Приуралье // История Татар 2. Казань 2004. 408-417.

Мажитов Н. А. К проблеме башкиро-мадьярских связей. – Annotation on the article "On the Relationship Between the Bashkirs and the Magyars" by N. Mazhitov // Вестник Академии Наук Республики Башкортостан. 2006. Том. 11, № 2. 5–12.

Миржанова С. Ф. О древних этно-языковых связях башкир и венгров. // Советская Тюркология 1981:1. 37–48.

Немет Д.: Венгерские племенные названия у башкир. // Археология и этнография Башкирии Уфа IV. (1971) 249–262.

Серебренников Б. А.: К вопросу о связи башкирского языка с венгерским. Уфа, 1963.

Эрдели И.: «Болбшая Венгрия». — «Magna Hungaria» Zur Frage der Aufenthaltes der Ungarn in Bashkirien. // Acta ArchHung. № 13. (1961) 307–320.

Berta, Á.: Bashkir and Hungarian — and the darázs ‘wasp’. In: Néptörténet — Nyelvtörténet. A 70 éves Róna-Tas András köszöntése. Szeged (2001) 35–44.

Fodor I.: Où le dominican Julien de Hongrie retrouva-t-il les Hongrois de l’Est? In: Les anciens Hongrois et les ethnies voisines à l’Est. Éd.: Erdélyi, I. Budapest (1977) 9–20.

Fodor I.: A magyarság születése. Budapest, 1992

Fodor I.: Magna Hungaria. In: Diószegi Gy. – Fodor I – Legeza L.: Őseink nyomában. Budapest (1996) 35-52.

Gombocz Z.: A magyar őshaza és a nemzeti hagyomány. Nyelvtudományi Közlemények 46. (1923-27) 1-33.

Julianus barát és Napkelet felfedezése. Szerk.: Györffy Gy. Budapest, 1986.

Ligeti L.: A magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban. Budapest, 1986.

Mészáros Gy.: Magna Ungaria (A baskír-magyar kérdés). Budapest, 1910.

Pauler Gy.: A baskír-magyar rokonságról. Budapesti Szemle 238 (1900) 337–356.

Rásonyi L.: Azonos földrajzi nevek a baskír és magyar földön. Magyar Nyelv 72 (1970:1) 48–53.

Róna-Tas A.: Őstörténetünk és a baskír kérdés. A Jurmatiak története. Tiszatáj 1982:8 52–61.

Róna-Tas A.: A magyar népnév egy 1311-es volgai bolgár sírfeliraton. Magyar Nyelv 1986:1 78–81.

Róna-Tas A.: A honfoglaló magyar nép. Budapest, 1996.

Vásáry I.: The linguistic aspects of the „Bashkiro-Hungarian complex”. Archivum Eurasiae Medii Aevii 5 (1987) 205–232.

Nyelvtudományi Közlemények 87 (1985) 369–368.

Zimonyi I.: Baskír-magyar kapcsolatok. In: Korai Magyar Történeti Lexikon (9–14. század). Szerk.: Kristó Gy. Szeged (1996) 84–85.

Zimonyi I.: Bular. In: Korai Magyar Történeti Lexikon (9–14. század). Szerk.: Kristó Gy. Szeged (1996) 84–85.

О.С.Хохлова, А.А.Хохлов, А.А.Юстус, А.А.Гольева

*Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН;
г.Москва, Институт географии РАН, Пушкино*

ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНОВ МОГИЛЬНИКА ФИЛИППОВКА I*

Комплексные естественно-научные исследования курганов могильника Филипповка I в Илекском районе Оренбургской области проведены нами в

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №06-06-80175

составе Приуральской экспедиции Института археологии РАН (рук. д.и.н. Яблонский Л.Т.) в 2004-2006 гг. По данным археологов время функционирования изучаемого могильника составляло 150-200 лет с примерной середины V до середины или конца IV вв. до н.э. Изучены палеопочвы, погребенные под всеми раскопанными экспедицией курганами (8 курганов), а также палеопочвы под бровками курганов (2 кургана), оставшихся от раскопок экспедиции А.Х. Пшеничнюка в конце 80-х годов прошлого века. Номера курганов и разрезов палеопочв идентичны. Возле каждого кургана заложен разрез(ы) на современных фоновых почвах (14 разрезов). Использованы методы полевого морфологического анализа профилей почв, отобраны образцы на различные виды лабораторного изучения, а также в поле проведено изучение структуры почвенного покрова. В образцах почв определен набор физико-химических свойств (рН, содержание гумуса, карбонатов и гипса, состав обменных оснований, гранулометрический состав), проделан микробиоморный анализ. Основной задачей работы было изучение изменчивости свойств палеопочв, погребенных под курганами, с целью установления относительного хронологического порядка сооружения курганов в могильнике и погребения под ними почв, а также проведения палеоклиматических реконструкций.

Могильник Филипповка I разбросан на территории площадью около 20 км², приурочен к идеальной равнине Урало-Илекского междуречья. В геолого-геоморфологическом отношении это аккумулятивная озерно-аллювиальная равнина неоген-четвертичного возраста, почвообразующие породы слоисты, в прошлом были засолены в разной степени, гранулометрический состав легко- и среднесуглинистый. Современный почвенный покров представлен черноземами южными пахотными. В современных почвах в составе обменных оснований Na составляет не более 0,2%, можно заметить некоторые остаточные морфологические признаки солонцеватости в виде призматической структуры подгумусового горизонта и уплотненности (вплоть до слитости) средней части профиля, но проведенные исследования позволяют сказать, что солонцов в структуре почвенного покрова изучаемой площади в настоящее время нет.

В результате палеопочвенного анализа обнаружен погребенный под курганом 4 почвенный комплекс, состоящий из чернозема южного и солонца. Указанные почвы разных типов были погребены одновременно под разными частями протяженной бровки кургана 4 (диаметр кургана составил более 100 м). Подобный почвенный комплекс был обнаружен и под разными курганами: курган 15 – чернозем южный и 16 – солонец, имевших меньший диаметр (30-50 м) и находившихся на расстоянии 250-300 м друг от друга. Под остальными курганами палеосолонцов обнаружено не было.

При сравнении содержания по профилям фракции <0,01мм, которая не может быть связана с изменениями почв во времени, получено, что до глубины 60 см изученные почвы имеют существенно различный гранулометрический состав. Ниже по профилям гранулометрический состав остается изменчивым, но закономерности слоистости почвообразующего

субстрата для всех изученных почв более-менее одинаковы. Вместе с тем, полностью полагаться на распределение гранулометрических, в особенности, илистой фракций по профилям мы не могли, поскольку после изучения структуры почвенного покрова участка могильника стало понятно, что какие-то из изученных почв могли пройти солонцовую стадию в своем развитии, следовательно, тонкодисперсная фракция могла перераспределиться по профилю в результате воздействия солонцового почвообразовательного процесса. Поэтому палеопочвы, в которых были обнаружены солонцовые свойства и обменный натрий в значительном количестве в почвенном поглощающем комплексе, были исключены из выборки при анализе распределения фракции $<0,01$ мм по профилям.

При анализе содержания органического углерода и его запасов в верхней метровой толще изученных профилей почв хроноряда установлена прямая пропорциональная зависимость этих величин с фракцией физической глины. Можно было сравнивать почвы лишь по группам с более-менее близким гранулометрическим составом. Так, в рр. 1 и 4 у черноземов южных сравниваемые показатели были меньше, чем в р. 28. В рр. 11, 13 и 27 при очень близких величинах рассматриваемых показателей между собой, они были меньше, чем в рр. 15, 16 и 23. По данным содержания и запасов карбонатов в слое 60-180 см, где гранулометрический состав во всех почвах хроноряда был более-менее одинаковым, наметились 3 группы: рр. 11, 13, 23 и 28, где были наименьшие содержание и запасы карбонатов, р. 27 занимал промежуточное положение, а в рр. 1, 4, 15 и 16 рассматриваемые величины были наибольшими. По данным содержания и запасов карбонатов рассматриваемые почвы «разбились» на группы, очень близкие к группам, выделенным по морфологическим свойствам. По такому же принципу группы почв были выделены после анализа содержания в их профилях обменного Na и гипса. Необходимо отметить, что ни по одному из рассмотренных свойств палеопочвы не «ложились» в абсолютно одинаковые группы. Наиболее часто в одни и те же группы попадали почвы под курганами 1, 15 и 16 (одна группа), и 11 и 13 (другая группа). Остальные палеопочвы попадали в разные группы при анализе разных свойств.

По морфологическим и физико-химическим свойствам палеопочв, погребенных под 10-ю курганами, намечены последовательные хронологические группы курганов по относительному порядку их сооружения в могильнике Филипповка 1. Курганы, в которых обнаруживаются солонцы, относятся к первой, наиболее ранней по времени сооружения в могильнике, группе. Это курганы 4 и 16. Палеопочвы, находящиеся в комплексе с солонцами, демонстрируют наиболее аридные морфологические признаки и наибольшие запасы карбонатов – это палеопочвы курганов 1 и 15. Следовательно, определенно наметилась первая группа, сооруженных, как мы полагаем, в наиболее ранний период функционирования могильника курганов: №№1, 4, 15 и 16. Остальные рассмотренные курганы (№№11, 13, 23, 26, 27 и 28) предварительно отнесены нами во вторую группу, сооруженную позднее первой. Возможно,

когда будут проанализированы все полученные в могильнике данные, курганы удастся разнести по группам более дробно.

Палеоклиматические реконструкции для времени функционирования могильника, проведенные как по данным, полученным для палеопочв у с. Филипповка, так и других изученных нами ранее в регионе объектов, позволили заключить, что во второй половине V в. до н.э. климат степной полосы Южного Приуралья отличался нестабильностью, контрастностью, но по условиям увлажнения был вполне пригоден и благоприятен для жизни, различия по увлажненности с современным временем можно признать незначительными. Изучение палеопочв у с. Филипповка помогло внести некоторые дополнительные штрихи к этой картине. В самом общем виде можно сказать, что степень контрастности комплексного почвенного покрова на этом могильнике для времени начала строительства курганов была выше, чем в современное, что также указывает на нестабильность климатических условий времени перехода от V к IV вв. до н.э.

Вместе с тем, по данным микробиоморфного анализа растительный покров на поверхности погребенных почв Филипповского могильника не отличался ничем необычным для этого региона, господствовали степные травы, что свидетельствует о том, что осадков выпадало приблизительно столько же, сколько и в современное время. В этих условиях происходило рассолонцевание осолонцованных почв, а палеосолонцы, погребенные под курганами 4 и 16, сформированы в предшествующий времени строительства курганов в могильнике аридный период.

Л.Т.Яблонский

Институт археологии РАН, Москва

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАСКОПОК ОПОРНЫХ ПАМЯТНИКОВ РАНЕСАРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЮЖНОМ ПРИУРАЛЬЕ*

При всем разнообразии мнений относительно особенностей формирования и хронологии различных этапов сарматской культуры Евразийских степей мало кто сомневается в том, что древнейший этап развития этой культуры связан именно с южноуральским регионом.

Эта точка зрения, восходит к основополагающему труду М.И.Ростовцева (1918), который впервые связал исторический этноним «сарматы» с археологическими памятниками, расположенными на территории современной Оренбургской области РФ.

Блестящее предвидение Ростовцева состояла в том, что он, располагая лишь отрывочными и плохо документированными археологическими

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 05-01-01527 а и РФФИ, проект № 06-06-80175 а.

коллекциями, в целом, правильно угадал не только вероятную этническую принадлежность носителей прохоровской культуры, но и определил ее хронологические рамки в пределах III (возможно, IV) – II вв. до н.э. Так Прохоровский могильник навсегда стал эпонимным для отечественной археологии памятником.

Между тем, со времени полевых работ С.И.Руденко в Прохоровке (1916г.) научные раскопки курганов там больше не проводились. Именно это обстоятельство, очевидно, привело в последнее время к попыткам, как оказалось, совсем не оправданной, но решительной ревизии хронологической принадлежности отдельных курганов могильника и его типологического положения в ряду памятников Приуралья.

Особенно ярко эта тенденция проявилась в целом ряде работ В.Ю.Зуева (см., напр.: Зуев, 2000). Прохоровский могильник, который находился в центре этой дискуссии, оставался не исследованным, а любая комбинаторика вещами из старых коллекций уже не могла составить научно доказательную базу.

В 2003 году была организована Прохоровская археологическая экспедиция ИА РАН, которая приступила к планомерному археологическому исследованию памятника (Яблонский и др., 2004).

В ходе работ экспедиции выяснилось, что, на месте, так называемого, «городища» (по С.И.Руденко) располагались перепланированные в XIX в. насыпи, под которыми оказались женское и детское захоронения, сопровождавшиеся богатым инвентарем. В остальных курганах могильника оказались дополнительные (впускные) погребения (около 30), которые впервые были выявлены и исследованы Прохоровской экспедицией.

Среди находок имеются многочисленные предметы вооружения предметы труда и быта. Серебряная чаша из погребения 3 кургана Б имеет хорошие аналогии в средиземноморских памятниках и датируется второй половиной IV в. до н.э. (Балахванцев, Яблонский, 2006), но могла быть помещена в могилу и в несколько более позднее время.

Все захоронения, раскопанные в могильнике, могут быть уверенно датированы в пределах 2-ой пол. IV-II вв. до н.э. и относятся, следовательно, к раннему этапу развития сарматской культуры Южного Приуралья (Мещеряков и др., 2006).

Проблема «нижней» даты формирования прохоровской культуры связана, в том числе, с датировкой знаменитого Филипповского курганного могильника, расположенного на водоразделе рек Урал и Илек. Раскопки этого могильника, проводившиеся во 2-ой половине 80-х гг. XX столетия под руководством А.Х.Пшеничнюка, дали многочисленные и уникальные материалы.

Научные раскопки памятника удалось возобновить лишь в 2004 году. С тех пор на памятнике было исследовано еще семь курганов, которые дали новые материалы по погребальному обряду и уникальные находки. А.Х.Пшеничнюк датировал большинство находок IV в. до н.э., не исключая

для некоторых из них и V в. По его мнению, типологически курганы принадлежат к раннесарматской культуре (Pshenichnuk, 2001).

Недавние раскопки дают, на наш взгляд, возможность синхронизировать вновь исследованные филипповские курганы в пределах 2-ой пол. V – IV в. до н.э.

Инвентарь рядовых курганов Филипповского могильника по типологическому составу синкретичен. В едином курганном комплексе здесь, с одной стороны, встречаются предметы, уводящие нас в савроматскую эпоху – V вв. до н.э. (например, вещи, выполненные в традициях скифо-сибирского звериного стиля), - не позднее 2-ой пол. V в. до н.э, а с другой - предметы вооружения и детали конской упряжи, которые вполне характерны для захоронений раннесарматского (похоровского) типа и имеющие аналогии в памятниках Предкавказья IV в. до н.э.

В 2006 г. Приуральская экспедиция ИА РАН провела раскопки второго по счету «царского» кургана (№4) могильника Филипповка 1. Высота кургана превышала 7 м, а диаметр насыпи достигал 120 м. Под насыпью было исследовано мощное деревянное перекрытие погребальной камеры, обнаружен жертвенный комплекс раннесарматской эпохи (уздечки, помещенные в шкуру крупного хищника) и пять захоронений. Четыре из них датируются раннесарматским временем (вторая половина V – IV вв. до н.э.). Все три впускных захоронения не были потревожены грабителями. В двух из них были погребены воины. С ними были найдены железный доспех, щиты с золотыми деталями, железные мечи и наконечники копий, серебряные с золотом портупейные крюки и колчаны с бронзовыми наконечниками стрел, железный боевой топор. На груди находились золотые литые гривны, концы которых были украшены в зверином стиле. В третьем впускном, парном захоронении (молодые мужчина и женщина), помимо предметов вооружения, золотых гривен и браслетов был найден уникальный литой серебряный сосуд и золотые нашивки на плащи. В центральной могильной яме с дромосами захоронения производили в специальных деревянных гробовинах. Из находок в этом погребении особо отметим деревянный сосуд, обложенный серебряными и золотыми листами в виде орнаментированных сдвоенных чаш и с ручками в виде голов баранов.

Сегодня мы располагаем исключительно надежными данными об облике раннесарматского тяжеловооруженного воина: на голове кованный железный шлем с наносником и нащечниками, торс защищен чешуйчатым доспехом на кожаной основе, длинное копьё с массивным железным наконечником, короткий железный меч-акиинак на правом бедре, железный боевой топор, лук и колчан со стрелами (иногда более 200 штук) – на левом бедре, портупея, снабженная пряжкой для перекрестия ремней и колчаным крюком.

Вновь полученные данные, вкуче с результатами раскопок А.Х.Пшеничнюка, наверняка, сыграют большую роль в уточнении хронологии и периодизации самых ранних этапов формирования сарматской культуры степной Евразии.

Очень важно, что «рядовые» находки из «царского» кургана 4 (наконечники стрел и копий, мечи и кинжалы, бусы и серьги) находят прямые аналогии в других, менее богатых курганах могильника. Кроме того, планировка захоронений и подношений в кургане 4 вокруг очага-жертвенника точно соответствует картине, выявленной нами ранее в погребении на поверхности древнего горизонта кургана 15 того же могильника. Там было найдено, в частности, звено золотого украшения со сценой ахеменидского типа. По аналогии с изображениями на печатях из Персепольского дворца и другими находками с территории древней ахеменидской державы находка может быть датирована в пределах 2-ой пол. V в. до н.э. (Балахванцев, Яблонский, 2007).

Еще предстоит большая и кропотливая работа по научному осмыслению полученного при раскопках разнообразного и многочисленного материала, но уже сегодня можно сказать с уверенностью, что в отечественной археологии сделаны открытия, которые еще долгое время будет приковывать внимание как специалистов-археологов, так и представителей самой широкой общественности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балахванцев А.С., Яблонский Л.Т. Серебряная чаша из Прохоровки // Российская археология. 2006. №1.

Балахванцев А.С., Яблонский Л.Т. Ахеменидская эмаль из Филипповки и проблема хронологии памятника // Российская археология. 2007. №1.

Зуев В.Ю., Проблемы хронологии прохоровской культуры и курганы у деревни Прохоровка. - Спб. 2000.

Мещеряков Д.В., Федоров В.К., Яблонский Л.Т. Старая коллекция находок из Прохоровки в свете новейших археологических исследований // Российская археология. 2006. №1.

Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. С приложениями академика П.К. Коковцова и С.И. Руденки // Материалы по археологии России, издаваемые Государственной археологической комиссией. №37. Пгр. 1918.

Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В., Вальчак С.Б., Тришина И.В., Могильник Прохоровка 1 - эпонимный памятник сарматской археологии (по результатам археологических раскопок) // Вестник РГНФ. №4 (37). М., 2004.

Pshenichnuk A. 2001. The Filippovka Kurgans at the Heart of Russian Steppe // The Golden Deer of Eurasia. - New York. 2001.

Р.Р.Ямилова

*Бакирский государственный педагогический
университет им. М.Акумлы, Уфа*

УБРАНСТВО ЖЕНСКОГО КОСТЮМА КОЧЕВНИКОВ УРАЛО- ПОВОЛЖЬЯ В КОНТЕКСТЕ «ИМПЕРСКОЙ КУЛЬТУРЫ» ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Костюм, как категория материальной культуры является одним из важнейших этнографических признаков, позволяющих уловить различные этнокультурные нюансы даже внутри одного этноса. Объектом данного исследования является убранство женского костюма евразийских кочевников эпохи Золотой Орды Урало-Поволжского региона, этнический состав которых не был однородным, а предметом – археологически фиксируемые артефакты. Проблематика средневекового костюма еще не получила должного отражения в научной литературе. Можно назвать две причины этого: с одной стороны, - неудовлетворительная сохранность материалов собственно костюма – они фрагментарны и трудно интерпретируемы; с другой - отсутствует единая методика изучения костюма, и не всегда имеются необходимые детальные описания источников.

На основе разнообразных источников, главным образом археологических, попытаемся проанализировать месторасположение элементов убранства в костюмном комплексе, и рассмотрим вопрос о правомочности использования термина «имперская культура» (мода) для характеристики женского костюма кочевников Золотой Орды.

В современной научной терминологии появилось понятие «имперская культура» (мода), которая была распространена на территории Золотой Орды в XIII-XIV вв. Оно подразумевает наличие единого стиля в costume, характерного для всей монгольской империи. Д.М.Исхаков и И.Л.Измайлов характеризую культуру Золотой Орды как «имперскую», считают, что наиболее ярко чингизидские традиции проявлялись в социально престижных изделиях, являвшихся отличительной чертой военно-служилой знати (Исхаков, Измайлов, 2000. С.74-75). Д.Д.Васильев, М.В.Горелик, С.Г.Кляшторный на основании анализа элементов культур Ахеменидской империи и империи Чингизидов определяют ряд признаков надэтнической «имперской» культуры в варианте взаимодействия кочевых и оседлых коллективов в условиях политического преобладания первых. К таким элементам они относят костюм, прическу, личное оружие (Васильев, Горелик, Кляшторный, 1993. С.40). З.В.Доде и В.А.Иванов исследуя костюм кочевников Золотой Орды также поддерживают этот тезис (Доде, 2001а. С.117; Иванов, 2001. С.207).

В настоящее время мы располагаем данными по 186 кочевническим женским погребениям XIII-XIV вв. Урало-Поволжского региона, исследованным и опубликованным в разные годы.

На территории Поволжья нами были проанализированы 89 погребений содержащие предметы убранства женского костюма, с территории Южного Урала – 97 погребений.

В погребениях лучше всего сохраняются украшения и металлические детали костюма. Именно комплекс украшений наилучшим образом отражает особенности костюма кочевников Золотой Орды. Золотоордынский исторический период характеризуется активными этническими процессами, которые проходили в контексте культурного синтеза, включавшего как кочевую культуру, так и культуру города, однако ключевым в этом взаимодействии оставался кочевой этнос, который диктовал моду. Монголы в ходе своих завоеваний принесли с собой в Восточную Европу центрально-азиатский культурный элемент. Они активно распространяли систему поясного набора, вооружение, прическу, головные уборы, а также китайские ткани. Различные народы Золотой Орды восприняли костюм и вооружение кочевников независимо от своей этнической принадлежности. Они стали носить то, что было прилично и престижно носить в Золотой Орде. Костюм, таким образом, развивался в период господства монголо-татар не в рамках народа, а в рамках империи (Доде, 2001а. С.117).

Украшения, встреченные в погребениях имели не только эстетическое значение, но и выступали в качестве знаков, определяющих этническую, половозрастную и социальную принадлежность. К элементам убранства женского золотоордынского костюма, которые выступали в качестве таких знаков, можно отнести: застежки-сюльгамы, характерные для финно-угорского населения; серьги в виде знака вопроса, - в большинстве случаев встречены в женских погребениях, реже в мужских; цилиндрические украшения, пластинки с арабскими надписями – предметы мусульманского культа; идолы-онгоны – предметы языческого культа (Полякова, 1996. С.239,241).

Было замечено, что украшения в женских погребениях концентрируются в области головы, шеи и груди, на поясе и на руках.

Практически весь полученный материал женских кочевнических погребений XIII-XIV вв. Урало-Поволжского региона укладывается в уже разработанную Г.А.Федоровым-Давыдовым и дополненную В.А.Ивановым и В.А.Кригером типологию средневековых древностей. Только для характеристики шейно-нагрудных украшений мы выделяем свою типологию ожерелий, в зависимости от элементов, составляющих данную категорию убранства женского костюма.

К головным украшениям относились серьги различных типов. Они изготавливались из меди, бронзы, серебра и золота. Процентное соотношение встречаемости отдельных типов серег (по типологии разработанной Г.А.Федоровым-Давыдовым) в рассматриваемых погребениях следующее: на Южном Урале – серьги типа I были обнаружены в 13% погребений, тип III – 1%; тип VI – 31%; в Поволжье - тип I – 4%, тип II – 1%, тип VI – 28%, тип VII – 4%, тип X – 1%. В погребениях Южного Урала серьги были встречены в 47% исследуемых памятников, в Поволжье - в 45%. Наиболее часто встречались

серьги в виде знака вопроса: они являлись «визитной карточкой» убранства кочевников улуса Джучи. Также в области головы были найдены нашивные серебряные, бронзовые бляхи и бусины, которые украшали головные уборы «бокка».

Шейно-нагрудные украшения представлены ожерельями или низками из стеклянных бус, раковин каури, подвесками-медальонами, круглыми цилиндрическими подвесками-коранницами. Фрагменты ожерелий нечасто встречаются в погребениях. Они различны по своему составу и по количеству составляющих их элементов. Большинство ожерелий собрано из стеклянных, реже каменных бус. Иногда ожерелья дополнялись золотыми, бронзовыми, серебряными бусами, раковинами «каури», коралловыми веточками, металлическими бляшками и медальонами.

Бусы отличаются большим многообразием. Как правило, исследователями рассматривается типология бус, состав же ожерелий не рассматривается. Нами были выделены основные наиболее распространенные типы ожерелий.

Тип I (3 экз.). Ожерелья, в составе которых имеются металлические детали – медальоны, бляшки, бусы.

Тип II (13 экз.). Ожерелья из стеклянных, каменных бус.

Тип III (2 экз.). Ожерелья, в состав которых входят раковины каури и стеклянные бусы.

К категории шейно-нагрудных украшений также можно отнести металлические бляшки и привески, имеющие отверстия для пришивания или петельки для подвешивания.

В женских погребениях детали поясного набора встречаются реже, чем в мужских. Поясные принадлежности были обнаружены в 4% рассмотренных погребений Поволжья и в 6% - Южного Урала. В других курганах на поясах были найдены зеркала, гребни, сумочки и ножи в ножнах. Для удобства предметы женского туалета подвешивались к поясу.

Украшения рук для рассматриваемого периода не характерны. Они представлены браслетами и перстнями. Перстни были обнаружены в 7% погребений Южного Урала, и в 6% - Поволжья. В основном, это перстни III и V типа (по типологии Г.А. Федорова-Давыдова). Только в одном погребении перстни были найдены в двух экземплярах (Ишкулово II, кург.4), во всех остальных – по одному. Браслеты были встречены в трех кочевнических женских погребениях Поволжья: (Визенмиллер гр.III кург.5; Аткарск кург.23; Маляевка VI соор.4 погр.1) в виде узкой пластины с несомкнутыми концами (тип IV) и простой проволочный, круглый в сечении (тип I). Браслеты и перстни были обнаружены в погребениях женщин различных возрастов, поэтому можно предположить, что эти украшения могли носить представительницы прекрасного пола любого возраста, причем, чаще - в одном экземпляре.

В рассматриваемый период дополнительными атрибутами женского костюма были амулеты, кожаные сумки, чехлы и зеркала.

Зеркала – характерный элемент женского туалета евразийских кочевников, начиная с эпохи раннего железного века. В этом качестве они проходят и через всю эпоху средневековья. Именно в эту эпоху бронзовое зеркало становится

неотъемлемым элементом женского убранства. Как показывают результаты статистического анализа проведенного В.А.Ивановым по предметам убранства кочевников Золотой Орды, в золотоордынских комплексах «бокка» обнаруживает устойчивую взаимовстречаемость с зеркалами (Иванов В.А., 2001. С.203). В Поволжье 53% погребений имели в составе инвентаря зеркала, на Южном Урале – 50%. Орнамент на зеркалах имеет различное происхождение, в их числе аланское, китайское, ирано-месопотамское, и среднеазиатское.

В женских погребениях золотоордынского времени встречаются остатки кожаных или шелковых чехлов. Они были обнаружены в 11% рассматриваемых погребений на территории Южного Урала, в 14% в Поволжье. В большинстве случаев чехлы предназначались для зеркал. При отсутствии ручек, зеркала носились в кожаных или шелковых чехлах, подвешенных к поясу. Иногда в них клали белила (Аткарск, кург.29; Свинуха, кург.17), гребни (Лысые горы, кург.1). Сумки в женских погребениях золотоордынского времени встречаются гораздо реже, чем чехлы.

Головные уборы были двух видов – кожаные (Усть-Курдюм гр.1 кург.2), шерстяные, вязаные шапочки-колпаки (Аккулаевский курган, Линеvский II одиночный, Яшкуль кург.1) и «бокки». Остатки головного убора «бокка» были обнаружены как в Поволжье (31%), так и на Урале (34%).

В массовом сознании рисуется образ ордынцев в сапогах. Действительно, детали кожаных сапог часто встречаются в женских и мужских погребениях. Мы можем сделать следующий вывод: наличие большого количества находок деталей сапог, говорит о том, что кожа была самым распространенным видом материала для изготовления обуви, хотя и не единственным. При описании костюмов из мавзолея Увека А.Кротков упоминает женские сапожки «... шелковой материи особого тканья ...». В кургане 1 могильника у с.Давыдовка А.И.Тереножкиным в 1928г. был обнаружен фрагмент парчового ичига обшитого по краям узкими полосками кожи, которые были плотно обмотаны красными нитками.

Главная составляющая костюма – это халат, о его покрое, ткани, можно судить по находкам из средневековых памятников Поволжья (Могильник «Маячный бугор», мавзолей Увека). В золотоордынский период среди населения прослеживается тенденция подражания в одежде завоевателям монголам (Васильев, 1998. С.101-113; Доде, 2001б. С.62-63).

На основе анализа женского костюма эпохи Золотой Орды можно сделать вывод о том, что жизнь, условия и ареал обитания всех народов, проживавших на территории Золотой Орды серьезно, влияли и на формирование костюма. Типичный женский костюм золотоордынского периода отличался простотой, удобством, аскетизмом. Женщины Золотой Орды прекрасно владели приемами верховой езды, поэтому женская одежда мало, чем отличалась от мужской. Украшения, обувь, одежда – все было подчинено одному, - рациональности и удобству в условиях кочевой жизни.

В XIII-XIV вв. основную роль в женском костюме играют изделия массового ремесленного производства, такие как, - серьги в виде знака

вопроса и зеркала. Доказательством и подтверждением этого служат находки этих изделий при раскопках в 2004г. средневекового временного пункта обмена товаров у кочевников близ д. Брик-Алга в Белебеевском районе Башкирии, в кочевнических погребениях XIII-XIV вв., золотоордынских городах и кладках. Таким образом, археологически зафиксированные элементы убранства женского костюма периода Золотой Орды обнаруживают единство ассортимента изделий, стиля их оформления и функционального назначения. Народы Золотой Орды восприняли костюм кочевников независимо от своей этнической принадлежности. Они стали носить то, что было прилично и престижно носить в Золотой Орде.

Подытожив концепцию современных исследователей о наличии «имперской культуры», хотелось бы выразить свою точку зрения по этому вопросу. Золотая Орда объединила различные народы с уже сложившимися традициями в культуре, быте, одежде. Насильственные переселения больших народных масс, расселение их во вновь строящихся городах Поволжья - привели к сложению симбиоза культурных ценностей, обычаев и, безусловно, элементов одежды, что вскоре и привело к появлению общего стиля. С этой концепцией можно согласиться, т.к. проанализировав элементы убранства женского костюма в кочевнических погребениях Урало-Поволжья эпохи Золотой Орды, можно выделить элементы, которые были распространены как в степи, так и в городах Золотой Орды, причем, их изображения встречаются на персидских и китайских миниатюрах. Из этого следует, что эти элементы носили надэтнический «имперский» характер. В.А. Иванов выделяет две причины этого явления: 1-кочевое население Золотой Орды обслуживалось городскими ремесленниками и использовало изделия, создаваемые в городе; 2-золотоордынский город, космополитичный по своей сути, не просто тиражировал, но и навязывал степи свои эстетические вкусы (Иванов, 2001. С.207). К этим причинам можно добавить еще одну: спрос на изделия, соответствующие условиям кочевой жизни, породил производство городскими ремесленниками именно таких, затребованных «кочевническим рынком», изделий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев Д.В. Женское захоронение в сырцовом мавзолее золотоордынского времени // Древности Волго-Донских степей. Вып.6. Волгоград, 1998.

Васильев Д.Д., Горелик М.В., Кляшторный С.Г. Формирование имперских культур в государствах, созданных кочевниками Евразии.//Из истории Золотой Орды. Казань, 1993.

Доде З.В. Костюмы кочевников Золотой Орды из могильника Дхухта-2// Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып II. М., 2001а.

Доде З.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. М., 2001б.

Иванов В.А. Убранство костюма кочевников Золотой Оды // Самарский край в истории России. Самара, 2001.

Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар. Казань, 2000.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.